Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 2(54)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2021

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, зампредседателя*), М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Б.В. Носов (*Москва*), А. Тишер (*Вюрцбург, Германия*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), М. Хикки (*Блумсберг, США*), С. Майер-Фиракер (*Германия*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, Ю.А. Грибер, А.Г. Егоров, Ю.Е. Ивонин, Д.Е. Комаров, О.В. Козлов, Е.А. Кучинская, Л.В. Павлова, Л.В. Рацибурская, А.М. Ранчин, В.В. Сергеев, А.Г. Сильницкий, Н.А. Фатеева

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Синицына М.В. Журнал «Приятное и полезное препровождение времени»: формирование литературного канона 5
Балашова Е.А. Поэзия А. Тинякова: от «идиллического» до «противного» 21
Чевтаев А.А. Символика души в книге стихов А. Ладинского «Черное и голубое» (к вопросу о специфике художественного мира) 31
Кротова Д.В. Поэтика телесности в лирике В. Шаламова.....52
Павлова Л.В., Романова И.В. Устойчивые лексические комбинации в книжной поэтической «Персональной серии» в свете компьютерного исследования и авторской рефлексии 64

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лунькова Е.С. Взаимодействие смоленских говоров и белорусского языка: полные лексические соответствия 80
Журова А.В. Зоны коммуникативного риска в современном русском языке (на основе анализа эвфемизмов).....99
Рогалева О.С. Специализированное новостное телевидение: структурно-содержательные и стилистические особенности (на примере новостей культуры) 111

ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Андреев С.Н. Частеречные характеристики лирики Б. Пастернака.....124
Сафина М.Р. Роль многофазовой структуры действия в классификации ситуаций по степени контролируемости (на материале английского языка) 136
Нюбина Л.М. Особенности идиостиля В. Мерса в произведении «Der Schrecksenmeister» 149
Поведская О.А. Концепт «Спортивный врач» в автобиографическом дискурсе 163

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Борисов В.И. Товарообмен в первые месяцы советской власти и участие в нем потребительской кооперации (январь – апрель 1918 года) 173
Кодин Е.В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию 187
Рощупкин А.Ю. «Царь, государь, смилуйся, пожалуй». Проблемы набора в елецкую крепость служилых людей «по прибору» в конце XVI века 205
Кочетов Д.В. Колониальное прошлое в отношениях Италии с бывшими африканскими колониями 214
Денисов С.А. Помезанские ленники в государстве Тевтонского ордена в 1260–1370 годах 225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IN MEMORIA

Итунина Н.Б. MEMORIA. Памяти Александра Васильевича Славина (27.11.1924–25.03.2021) 244

Сведения об авторах 247

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.В. Синицына
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 82.09+821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-5-21

ЖУРНАЛ «ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

Ключевые слова: *журнал «Приятное и полезное препровождение времени»; литературный канон; образцовые авторы; В.С. Подшивалов; П.А. Сохацкий; сентиментализм; Г.Р. Державин; Н.М. Карамзин.*

Статья посвящена роли журнала «Приятное и полезное препровождение времени» в становлении канона русской литературы. Этот журнал выходит на протяжении пяти лет; в 1790-е годы он широко известен. Будучи учебным изданием, адресованным студентам Московского университета и воспитанникам Благородного пансиона, он стремится служить литературным ориентиром и воспитывать эстетические вкусы читателей. В статье рассматривается состав канона, в который входят авторы недавнего прошлого, уже получившие признание к концу XVIII столетия (М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков), и писатели-современники (Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин). Канон определяется путем подбора текстов образцовых авторов, а также с помощью оценок творчества писателей, которые даются в литературных произведениях, критических статьях и редакторских примечаниях. Журнал в целом проводит актуальное в то время сентиментальное направление (несмотря на разные эстетические позиции редакторов – В.С. Подшивалова и П.А. Сохацкого), что отражается на представленном в нем варианте литературного канона. В издании прослеживается ориентация на новые образцы. Творчество классиков и признанного современника – Державина реинтерпретируется в рамках сентиментальной парадигмы.

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» выпускается Московским университетом с 1794 по 1798 год в качестве приложения к «Московским ведомостям». В 1794–1795 годах журнал редактирует

В.С. Подшивалов, а в 1796–1798 – П.А. Сохацкий. Оба они не только редакторы, но и педагоги: Подшивалов преподает в Благородном пансионе, Сохацкий – профессор Московского университета.

Издающийся при университете журнал адресован широкой аудитории, но в первую очередь студентам и воспитанникам пансиона. В конце XVIII столетия чтение – важная часть жизни образованного человека [Кочеткова, 1983, *121–122*], и поэтому оно рассматривается как один из основных элементов педагогического процесса. Журнал призван воспитывать в учащихся художественный вкус, выступая для них литературным ориентиром. Поэтому, во-первых, редакторы отбирают и размещают в журнале сочинения образцовых авторов. Во-вторых, в воспитательных целях ученикам даются образцы нравоучительной прозы. В-третьих, журнал знакомит читателей с актуальным в это время литературным направлением – сентиментализмом.

В литературе середины 1790-х годов журнал «Приятное и полезное препровождение времени» занимает немаловажное место. Среди немногочисленных и в основном недолговечных собственно литературных изданий того времени он выделяется продолжительностью выхода – на протяжении пяти лет. Его читают не только в Москве и Петербурге, но и в других городах, о чем свидетельствуют редакторские примечания с указанием, откуда прислано то или иное сочинение[1]. Современники ценят журнал: например, А.Т. Болотов отмечает его «доброту и совершенство» [Губерти, 1887, *26*] и записывает в дневнике, что это издание в период редакторства Подшивалова «преисполнено прекрасными местами в стихах и прозе» [Болотов, 1875, *9*]. О мере его известности свидетельствует и упоминание в современной литературе: так, этот журнал читает героиня «Часов задумчивости» Я. Галинковского (1799) [Кочеткова, 1983, *140*].

Будучи учебным изданием, а значит, ставя перед собою цель формировать эстетические интересы читателей, «Приятное и полезное препровождение времени» предлагает им свою версию литературного канона. Благодаря известности, которой пользуется журнал, он имеет возможность распространять свое влияние и за пределы юношеской аудитории. Поэтому его роль в становлении канона, несомненно, заслуживает внимания.

Задача работы – реконструировать выработанный в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» вариант литературного канона. В канон входят как уже получившие признание авторы недавнего прошлого, так и современники. Журнал определяет канон как путем подбора текстов для публикации, так и с помощью оценок творчества писателей, ко-

[1] Например, ода И.А. Кованько «Тленность» прислана из Тамбова, где в тот момент он служит, а Н.С. Смирнов посылает свои сочинения из Усть-Каменогорской крепости. Есть многочисленные подписи с указанием села или деревни, а также небольших городов (например, Углича).

торые даются в литературных произведениях, критических статьях и редакторских примечаниях. Эстетическая позиция журнала со временем меняется в зависимости от литературных предпочтений редакторов: Подшивалова больше интересует современная сентиментальная литература, Сохацкого же – древняя словесность.

К концу XVIII века уже сложились литературные репутации Ломоносова и Сумарокова. Обычно их противопоставляют: «громкий» Ломоносов и «нежный» Сумароков; так было еще при жизни поэтов [Алексеева, 2005, *231–232*]. В «Приятном и полезном препровождении времени» подобные характеристики воспроизводятся с небольшими дополнениями. В трактате о стихотворстве «Письмо к девице Ф** о российском стопосложении» Подшивалова (1794), напечатанном в первой части журнала, цитируются строки из «Вечернего размышления о Божием Величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова как пример мужских рифм [Приятное и полезное препровождение времени, 1794, ч. 1, *106*][2] и из идиллии «Пойте, птички, вы свободу…» Сумарокова – как иллюстрация женских (или «дамских», как их называет Подшивалов) рифм [1794, ч. 1, *102*]. Упоминание двух поэтов в одном контексте, вероятно, не случайно: Ломоносов устойчиво ассоциируется с жанром оды, Сумароков же – с песнями, элегиями, идиллиями и проч., апеллирующими к чувствам читателей. В «Сокращенном курсе российского слога», являющемся переработкой «Письма» о стихосложении, Подшивалов несколько расширяет круг репрезентативных произведений, добавляя два стиха из поэмы «Петр Великий» Ломоносова и перечисляя характерные для поэзии Сумарокова жанры («идиллии, или пастушеские стихотворения, анакреонтические оды и другие приятные пиитические мелочи, а особливо песни» [Подшивалов, 1796, *135*]). В стихотворении Е.П. Люценко «Сон» [1795, ч. 7, *184–189*] представлены традиционные рифмы-мифологемы [Илюшин, 1982, *232*]: *Ломоносов – россов* («Се славный, громкий Ломоносов <…> / Что подвиги всемощных Россов / На звучной лире воспевал; / Дела Петра, Елизаветы» [1795, ч. 7, *187*]); *Сумароков – пороков* («Там наш печальный Сумароков, / Творец чувствительных сердец, / Друг истины и враг пороков, / Поэтов нежных образец» [1795, ч. 7, *186*]).

В журнале помещена статья М.Н. Баккаревича «Нечто о Ломоносове» [1794, ч. 3, *319–329*]. Она вызывает полемику: в следующей части издания появляется анонимная «Рецензия» на нее [1794, ч. 4, *338–356*], автор статьи, в свою очередь, отвечает рецензенту [1795, ч. 5, *147–178*]. Баккаревич, сторонник Карамзина и Подшивалова, описывает творчество Ломоносова с субъективной точки зрения. В этом отношении характерно его признание: «Я хвалил Ломоносова не по профессии; хвалил его больше сердцем, нежели умом; показал некоторые только его оттенки, некоторые

[2] Далее ссылки на этот журнал даются в тексте с указанием года, части и страниц.

отличительные черты, словом: я написал только *нечто о Ломоносове*» [1795, ч. 5, *151*].

Баккаревич говорит о гении Ломоносова. Это слово он в соответствии с французским произношением пишет «жени»[3] и понимает в значении «высшей творческой способности» – такое словоупотребление обычно в XVIII веке [Рейтблат, 2001, *54*] (см. также: [Лотман, 2002, *583*]). Впервые в русской критике Баккаревич развивает концепцию «чувствительного Гения» [Пашкуров, 2007, *139*]: *«Жени* есть некая зиждущая сила души, некий животворный огонь, которым движимый человек выходит из крута обыкновенных смертных и, подобно парящему орлу, устремляется к лучезарному храму бессмертия. Такой муж не может заниматься ничем, кроме важного и величественного. Все дела его знаменуются некоею печатью отличительности: во всех поступках его виден некий особливый дух ревности, дух пламенного стремления ко всему изящному, ко всему высокому. Он на все смотрит *другими* глазами; имеет *особливую* способность находить сокровенные сходства, аналогию, тайные согласия в вещах; и потому часто видит связь там, где обыкновенный человек никакой не видит; и потому часто находит важным то, что обыкновенному человеку, которого взор простирается недалеко, кажется безделкою» [1795, ч. 5, *167–168*]. Подобное описание гения полностью подходит к образу Ломоносова, в котором подчеркивается иррациональное, стихийное начало. Становится понятным, почему комментарии Баккаревича к семи строкам («Нам в оном ужасе казалось…») из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийския 1746 года»: «Какой огонь! Какая живость! Какая сила!» [1794, ч. 3, *324*] – вызывают несогласие со стороны рецензента. Они по-разному смотрят на искусство: там, где Баккаревич видит «живописную и разительную лирическую картину», освященную творческим духом поэта, рецензент усматривает только изображение ужаса, отказывая этому отрывку в *огне* и *живости*. Очевидно, что Подшивалов неслучайно печатает эту полемику: он проясняет свою позицию по отношению к новым эстетическим проблемам, занимая сторону Баккаревича.

Баккаревич, преподающий, как и Подшивалов, в Благородном пансионе, перечисляет лучшие произведения Ломоносова: «Читайте утреннее и вечернее его размышление о делах Божьих, читайте священную его песнь,

[3] «Жени» в значении «гений» также встречается и в других сентиментальных сочинениях. Например, Я.А. Галинковский в примечании к переведенной им книге «Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец» пишет о Стерне: «Он стоит наряду с *Попем, Свифтом, Юмом, Томсоном,* и другими – как *жени,* как превосходный писатель; но как сантименталист, как *филантроп* (человеколюбивый) – он первый, или лучше начальник своей секты» [Галинковский, 1801, *II*].

выбранную из Иова, читайте торжественные его оды» [1794, ч. 3, *324*]. Этот список соответствует предпочтениям Подшивалова, который выражает согласие с мнением автора [1794, ч. 4, *338*]. Примечательно, что творчество Ломоносова в учебниках и хрестоматиях XIX века представлено именно таким набором текстов [Хрестоматийные тексты, 2013, *314*].

Таким образом, в свете нового направления творчество Ломоносова и Сумарокова воспринимается в соответствии со взглядами сентименталистов. Сумароков предстает перед читателями как «чувствительный» автор, а Ломоносов – как гений. Н.Д. Кочеткова отмечает, что интерпретация творчества Ломоносова с сентименталистских позиций расширяет представления о поэте, выходя за рамки уже оформившейся концепции – «Ломоносов – певец Елисаветы» [Кочеткова, 1994, *118*].

Если Ломоносов и Сумароков в 1790-е годы – уже классики, то Державин, Дмитриев и Карамзин – современники. На момент издания журнала «Приятное и полезное препровождение времени» Державин уже признанный поэт, однако в 1790-е годы он продолжает писать важнейшие произведения. Дмитриев и Карамзин именно в эти годы приобретают известность. Публикация их сочинений на страницах университетского издания становится одним из способов распространения и популяризации этих текстов, а также хорошей рекомендацией к чтению не только ученикам, но и широкой аудитории.

После публикации оды «Фелица» за Державиным надолго закрепляется репутация «певца Екатерины». А после выхода «Памятника» под первоначальным названием «К Музе. Подражание Горацию» в седьмой части «Приятного и полезного препровождения времени» (1795) это восприятие выражается словами самого поэта, чья поэтическая миссия не мыслится вне придворного контекста [Клейн, 2005, *519*]. Интересно посмотреть на тексты, которые окружают державинское произведение. В 64-м номере напечатан сам «Памятник», затем в 64–66-м номерах – переводная статья о Пиндаре (вероятно, перевод принадлежит Подшивалову), а в 66-м номере – панегирическое стихотворение «Сон» Люценко, поклонника поэзии Державина, и «Стихи на день рождения Д.И.Х.» Е.И. Кострова, посвященные Д.И. Хвостову. Последние могут по имени автора (стихи были подписаны «Ермил Костров») напомнить читателю известное похвальное послание Кострова «К творцу «Фелицы», к которому, по предположению Н.Ю. Алексеевой, восходит автохарактеристика стиля «Фелицы» – «забавный слог» [Алексеева, 2005, *331*]. 70-й номер открывается стихотворением Н.С. Смирнова «К Мурзе», посвященным Державину. Отталкиваясь от образа Мурзы, воссозданного по узнаваемым цитатам из од Державина, Смирнов создает собственный образ поэта, напоминающий сентиментального героя.

Кроме «Памятника», в журнале есть и другие тексты Державина: «На кончину великой княжны Ольги Павловны» [1795, ч. 5, *198–203*], «Соловей»

[1795, ч. 6, *380–383*], «Флот» [1795, ч. 7, *7*], «Павлин» [1795, ч. 8, *6–7*]. Интересно, что ко всем произведениям[4] Подшивалов делает подпись: «Получены из Петербурга от неизвестной особы», что должно привлечь внимание читателей. Во-первых, внимательный читатель может догадаться, что все оды принадлежат одному человеку. Во-вторых, подчеркивание неизвестности сочинителя не один, а несколько раз в одной и той же форме должно навести читателя на противоположную мысль: автор известен. Ода «На кончину великой княжны Ольги Павловны» не ограничивается «общими местами» придворной поэзии: это смешанная ода, анакреонтическая по форме, а примечание Подшивалова: «…с чувствительной благодарностью сообщается» [1795, ч. 5, *198*] – придает ей дополнительный сентиментальный оттенок. Примечательно, что после этой оды Державина следует ода «Тленность» И.А. Кованько, который использует основные идеи и мотивы державинских произведений, развивая тип смешанной оды, созданной Державиным.

В «Письме о к девице Ф** о российском стопосложении» Подшивалов перечисляет известные оды Державина: «Фелица», «К соседу моему Г.», «На смерть князя Мещерского», «Бог» – как яркие иллюстрации четырехстопного ямба наравне с одами Ломоносова [1794, ч. 1, *108–109*]. Имя поэта не указывается, поскольку, по мысли автора, это избыточно: произведения хорошо знакомы читателю. Оды «Ключ» и «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока (в подшиваловском сочинении – «На рождение великого князя Александра Павловича») процитированы в трактате. Из первой оды приводятся пять строк («Когда в дуги твои сребристы…»), в каждой из которых имеются характерные для Державина зрительные красочные эпитеты, ода служит показательным примером четырехстопного ямба. Из второй оды взяты двенадцать начальных строк («С белыми Борей власами…»), к этому произведению Подшивалов особенно внимателен: это пример четырехстопного хорея, устойчиво ассоциирующегося с анакреонтикой и песнями, с чередованием мужских и женских рифм («Шестистопные и 5 стопные хореические стихи остались в сатирах князя Кантемира, в Тредиаковском и других оных подражателях. Имеющие меньше четырех стоп редко, очень редко употребляются; по чему четверостопные особливое заслуживают внимание. Дамский четверостопный имеет ровно 4 стопы, а мужской без полустопы четыре» [1794, ч. 1, *113*]). Примечательно, что обе оды подписаны. Возможно, Подшивалов намеренно подчеркивает принадлежность этих од Державину, чтобы, с одной стороны, напомнить читателю о характерной черте его поэтики – колоризмах, с другой стороны, показать,

[4] Кроме стихотворения «Павлин». Однако и к этому произведению Подшивалов пишет характерное примечание: «Это вторая уже птица из прекрасного Петропольского птичника, и чаятельно не менее первой усладить слух наших читателей» [1795, ч. 8, *6*], что связывает «Павлина» с предыдущей одой – с «Соловьем». Поэтому все державинские произведения находятся в метатекстовом единстве.

что державинская ода 1779 года созвучна поэзии конца XVIII века и поэтическому разделу журнала с многочисленными анакреонтическими стихотворениями и песнями.

Таким образом, Подшивалов в учебном издании показывает поэзию Державина с разных сторон: это уже ставшие классическими четырехстопные горацианские оды и духовная ода «Бог» (влияние которой можно обнаружить, например, и в «Гимне Богу» Дмитриева, напечатанном в четвертой части), а также эксперименты в области метрики и строфики в рамках анакреонтической поэзии. Расположение державинских текстов отражает редакторскую политику Подшивалова, который выстраивает линию их восприятия: они попадают в окружение близких по стилистике произведений, являющихся откликами на творчество признанного поэта. Державинские произведения органично входят в поэтический раздел журнала, согласуясь с ним по тематике и стилистике, что соответствует и творческим задачам самого Державина, который примыкает к сентименталистам «хотя бы потому, что они пытались установить принципы нового искусства» [Ратникова, 2019, *66*].

С Карамзиным и Дмитриевым Подшивалов лично знаком благодаря московскому кружку Н.И. Новикова [Беспалова, 2010]. Их объединяют дружеские и творческие связи. Вместе с Карамзиным он сотрудничает в «Детском чтении для сердца и разума» (1785–1789), позже помещает свои произведения в «Московском журнале» Карамзина (1791–1792) и принимает участие в издании сборника Дмитриева «И мои безделки» (1795), взяв на себя корректуру [Карамзин, 1866, *54*]. Подшивалов в своих литературных установках следует за Карамзиным и при издании собственного журнала опирается на его опыт.

Первая книга альманаха Карамзина «Аглая» выходит практически одновременно с первой частью журнала и сразу становится событием в русской культуре. Так, автор «Письма к издателям» [1794, ч. 2, *229–233*] с нетерпением ждет выхода второй книги альманаха: «Весьма прискорбно нежной душе взирать на благодетельную Натуру, начинающую раздавать нам дары свои, и не иметь второй книжки *Аглаи*, которая чувствительным слогом поблагодарила бы ее за оные» [1794, ч. 2, *230*]. В этом письме Карамзин перифрастически назван издателем «Московского журнала» и сочинителем «Аглаи»[5], а также вписан в привычную картину ориентации на западноевропейских образцовых авторов: «наш Стерн». К письму автор прилагает стихи своего друга и выражает надежду на благосклонность со

[5] Ту же самую характеристику через перифрастические обороты («сочинитель или автор того-то») воспроизводит М.Н. Баккаревич в статье «Нечто о Ломоносове», когда ссылается на Карамзина, объясняя выражение «святилище наук»: «Почтенный и любезный для моего сердца издатель *Московского журнала* и сочинитель *Аглаи* написал в одном месте: *Шекспир похитил тайну трагедии в святилище человеческого сердца*» [1795, ч. 5, *173*].

стороны издателей журнала и Карамзина: «Если они [стихи] вам понравятся, если угодно вам будет оные напечатать в вашем “Приятном и полезном препровождении времени”, и если чувствительный, нежный, любезный и привлекательный наш Стерн <…> читая их, произнесет*: изрядные*; то я постараюсь и впредь доставлять мелкие пьесы в прозе и стихах, которые могли бы занимать публику» [1794, ч. 2, *229–230*]. Сравнение со Стерном устанавливает высокое положение Карамзина в русской культуре: он выступает как признанный поэт, на которого следует ориентироваться, и как учитель, что полностью соответствует позиции самого Подшивалова.

Также на страницах «Приятного и полезного препровождения времени» появляется заметка, в которой исправлена ошибка, допущенная в объявлении «Санкт-Петербургских ведомостей» о поступлении в продажу альманаха «Аглая»: там Карамзин назван сочинителем не только «Московского журнала», но и «Сатирического вестника», журнала Н.И. Страхова, чуждого сентиментальному направлению [1794, ч. 3, *144*]. Заметка напечатана вслед за двумя стихотворениями П.Г. Гагарина, тематически соотнесенными с повестью «Бедная Лиза». По предположению Д.П. Ивинского, она опубликована по просьбе самого Карамзина, а контекст, в который помещает ее Подшивалов, «напоминает Карамзину и его поклонникам об успехе “Бедной Лизы”» [Ивинский, 2017, *85*].

С приходом Сохацкого отношение к Карамзину меняется. Сохацкий хорошо знает творчество Карамзина (и, вероятно, лично знаком с ним благодаря новиковскому кружку [Николаев, Фомичев, 2010, *159–161*]), однако не разделяет его литературных убеждений [Сиповский, 1909, *172–173*; Беспрозванный, 1994]. Поэтому вполне объяснимо, что в редакторских примечаниях Сохацкого, в отличие от примечаний Подшивалова, нет информации о Карамзине. Однако его имя полностью из журнала не исчезает. Карамзина продолжают упоминать его последователи, такие как П.И. Шаликов, Ф.В. Сибирский и др. Например, Шаликов пишет лирическое эссе «К праху бедной Лизы» [1797, ч. 15, *233–237*] с примечанием: «Кому – имеющему чувствительное сердце – неизвестна *бедная Лиза*?» – и эпиграммой к Карамзину: «Се нежный К***н, чувствительный, любезный, / О участи твоей [Лизы] нам возвестил плачевной!..» [1797, ч. 15, *237*]. Возможно, то, что о Карамзине говорят его ревностные последователи (которых определяют как эпигонов), свидетельствует о замысле Сохацкого: обратить внимание читателя на недостатки сентиментального направления при его некритическом усвоении. Примечательно, что именно при Сохацком появляется статья об истинной и ложной чувствительности «Чувствительность и причудливость» [1796, ч. 11, *241–254*]. При этом Сохацкий продолжает общее сентиментальное направление журнала, при нем печатается не меньшее количество «чувствительных» текстов, чем при Подшивалове. Некоторые из них редактор

снабжает примечаниями, например: «Как трогательна нежность беспритворная, сердечная» [1796, ч. 9, *145*] – к «Посланию к юному другу сердца моего» или «Нам доставлены подлинные от самого того, к кому они писаны. Как в них заключаются истинные изображения чувств душевных, многие хорошие картины и размышления, то считаем, что приятны будут они нашим читателям» [1796, ч. 9, *129*] – к «Дружеским письмам», где видна очевидная ориентация на карамзинские «Письма русского путешественника». Сохацкому интересен философский аспект этих текстов – размышления о жизни в широком смысле и о нравственности. Эта сторона их содержания находит соответствие в произведениях Карамзина, вышедших в альманахе «Аглая» (статьи «Что нужно автору?» и «Нечто о науках, искусствах и просвещении», переписка Мелодора и Филалета), и в текстах самого Сохацкого, например, в статье «Прошедший год», где автор рассуждает о вопросах, волновавших Карамзина в то время: о кризисе Просвещения, о прогрессе, об истории, о нравственности. Рассуждая о прошедшем 1795 годе, Сохацкий высказывает те же мысли: «Что ж мы скажем о нововыходящих листках и журналах? Они предлагают нам изобретения, правила, историю, нравоучения. Тщетный труд! Люди всегда те же! Богатый притесняет бедного. Коварство и обман господствуют над простодушием. Все, все живет для роскоши. Добродетель есть прекрасная теория; но самолюбие остается всегдашнею практикою. Деньги играют главную роль. За золото продаются большею частью и добродетели и пороки. Превосходные деяния не редко перемешаны с преступлениями. Просвещение идет равным шагом с предрассудками» [1796, ч. 9, *12*]. Если здесь нет непосредственного влияния философского сочинения Карамзина (надо отметить, что и Карамзин выражает общие настроения людей того времени), то мысли во многом сходны. Статья может напомнить читателям о письме Мелодора. Таким образом, Сохацкий (сознательно или нет) расширяет представление о карамзинском творчестве, не замыкая его только на «Бедной Лизе», как это часто делают его восторженные почитатели. И в этом отношении также показательны напечатанные в 17 и 18 частях «Вояж моего друга» и «Письмо к Б. и к его семейству» – пародии на «Письма русского путешественника» Карамзина. Они также способствуют выдвижению Карамзина в ряд классических авторов, поскольку пародировать имеет смысл только те произведения, которые уже вошли в культурное сознание.

Произведений Дмитриева в журнале много, и они разнообразны по тематике и жанрам: классические торжественные оды – «Глас патриота на взятие Варшавы», «Стихи на присоединение польских провинций и Курляндского герцогства к Российской империи»; духовные оды – «Гимн Богу», «Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма» («Внуши, земля! владыки мира…»); притчи «Обезьяны» («Во всяком роде есть безумцы и буяны…») и «Орел, Кит, Уж и

Устрица»; «На случай грома (подражание германскому поэту г. Гете)»; «Подражание Первой Тибулловой элегии». Наиболее многочисленны сентиментальные стихотворения: «Ручеек», «Песня» («Видел славный я дворец…»), «Песня» («Бывало я с прекрасной…»), «Две песни» («Птичка вырвавшись из клетки…», «Коль надежду истребила…»), «К одной госпоже на вызов написать ей стихи», «Песня» («О любезный! О мой милый!»), «Сила любви», «К голубку», «Песня» («Настроив томну лиру…»). Практически каждое произведение Дмитриева дополняют редакторские примечания Подшивалова. Например, «Стихи на присоединение…» сопровождает сноска, указывающая на широкую известность автора: «Многие под всякою безделкою ставят свое имя. Здесь нет его; но редкость подобных Поэтов без труда откроет почтенного Сочинителя» [1795, ч. 6, *146*]. Или другая заметка к песне «Видел славный я дворец…»: «…Любезный сочинитель хочет остаться неизвестным; но его знают!» [1794, ч. 1, *299*]. Подшивалов, знакомя читателя с актуальной литературой, также сообщает о скором выходе сборника «И мои безделки» Дмитриева: «Мы не почитаем за нужное объявлять, кто писал сию песню («О любезный! О мой милый!» – *М. С.*). Читатели и без нас это отгадают. Скажем только, что скоро сочинения его выйдут вместе, под названием: *И мои безделки*» [1795, ч. 6, *9*]. Вероятно, многократное подчеркивание известности автора должно привлечь внимание читателя к поэзии Дмитриева, особенно в свете скорой публикации его сборника. Журнал дает читателям возможность познакомиться с некоторыми произведениями, впоследствии перепечатанными в сборнике поэта, что значительно повышает интерес к его творчеству.

Подшивалов считает Дмитриева, как и Карамзина, образцовым автором. Поэтому неудивительно, что его произведения попадают на страницы учебного пособия о стихосложении. В «Письме…» Подшивалова стихи Дмитриева появляются в двух контекстах. Первый связан с хореическими песнями «нежного» Дмитриева, например, «Стонет сизый голубочек» или «Бабушкина песня» («Ах! когда б я прежде знала…»), напечатанными в «Московском журнале» (как отмечает Подшивалов, «хореи гораздо нежнее, и идут как бы с горы припрыгивая» [1794, ч. 1, *109*]). Другой относится к демонстрации широко употребительного размера – четырехстопного ямба. В качестве иллюстраций к нему процитировано три произведения: ода М.Н. Муравьева «Как яры волны в море плещут…», ода Державина «Ключ», посвященная Хераскову, и стихотворение Дмитриева «Весна» («Под розово-сребристым небом...»). Подобный подбор цитат весьма показателен. Читатель может видеть сдвиги, происходящие в литературе: как четырехстопный ямб, привычный размер торжественных од, постепенно к концу столетия распространяется в других стихотворных жанрах. (Разумеется, это один из ведущих размеров, которым и до того писались не только оды, но к концу века трансформационные процессы стали особенно заметны.)

Сентиментальная поэзия Дмитриева служит образцом для начинающих поэтов и вызывает многочисленные подражания в журнале. Чаще всего подражают самому известному стихотворению Дмитриева – «Стонет сизый голубочек». Но появляются и вариации на темы других текстов. Например, к песне Дмитриева «Видел славный я дворец…» Подшивалов пишет примечание: «Вот и оригинал той песни, которой многие подражали!» [1794, ч. 1, *299*]. Вероятно, это непосредственно относится к стихотворению «Воспоминание» («Петров я видел славный град…»), напечатанному несколькими номерами ранее. «Воспоминание» по композиции напоминает песню Дмитриева: одическому образу имперской власти противопоставляется идиллический образ домашнего уюта, и это противопоставление приобретает пространственный характер. При очевидной схожести двух произведений между ними есть существенные различия. У Дмитриева Петербургу противопоставляется деревня (привычная в сентиментализме оппозиция город – деревня), а в стихотворении Петербургу противопоставлена Москва. Если стиль песни Дмитриева подчеркнуто прост, то в «Воспоминании» соединены традиции старого высокого стиля с чертами нового – сентиментального. Происходит переосмысление прежних стилистических клише в новом контексте. Например, слово «впечатленье» – примета нового видения эмоций. А вот словосочетание «дух поколебался» звучит скорее архаично. Оно встречается уже в «Венецианской монахине» Хераскова (1758): «Каким смущением твой дух поколебался?» [Херасков, 1798, *30*] – и в «Семире» Сумарокова (1768): «Не поколеблется ничем мой дух вовеки» [Сумароков, 1781, *281*]. Таким образом, в прежнюю поэтическую фразеологию вкладывается новое эмоциональное содержание. Меняется и размер: у Дмитриева – хорей, в стихотворении «Воспоминание» – четырехстопный ямб. Такое, условно говоря, «поэтическое состязание» во многом показательно: с одной стороны, поэты черпают идеи и мотивы из поэзии Дмитриева, усваивая ее основные черты, с другой – они вступают с ним в спор, достигая эстетического эффекта за счет использования иной стилистики.

В контексте журнала имена Державина и Карамзина не раз оказываются рядом, как, например, в сентиментальном послании В.В. Измайлова «К моему семейству», где автор описывает препровождение времени «чувствительного» человека за чтением: «Сидите вы за туалетом / С Руссо, с Державиным, с Грессетом, / С *Аглаею* Карамзина» [1795, ч. 6, *79*]. И западные, и русские авторы равно значимы для нравственного воспитания и образования чувств человека. Но это может быть и противопоставление двух художественных систем. На примере поэзии Державина и Карамзина читателям предлагается усвоить основные черты высокого стиля и нового сентиментального направления. В этом отношении весьма показательно стихотворение Д.И. Вельяшева-Волынцева «Лира, отрывок», в начальной части

которого есть и приметы сентиментального стиля, как у Карамзина и Дмитриева («на листочках роз», «утеху бедных... слезы лить», «струнки» и даже «струночки», «вздохи»), и в то же время державинская колористика и композиты-неологизмы («сребристоалыми волнами», «из-за багряносизых туч, рассыпал яхонты, сапфиры», «по златозеркальным водам»). В заключительной же части стихотворения упоминаются и Державин, и Карамзин. Достоинство поэзии Державина Вельяшев-Волынцев видит в избрании высоких тем и величественных образов: «Пусть тот Державину во след / К Парнасской шествуя вершине, / Поет хвалы Екатерине / Что весь Ее трепещет свет; / Что равен Ей лишь Петр один; / Что Росску Мать она народу!» [1795, ч. 5, *14*]. Карамзина же автор хвалит за воспитание чувств: «Или как милый Карамзин, / Живописуя нам природу, / Чувствительности учит нас; / В сердечны згибы проникает, / *Безделками* умы пленяет, / И нудит слезы течь из глаз!» [1795, ч. 5, *14–15*].

Творчество Державина и Карамзина, вероятно, также проецируется на уже привычное противопоставление «громкого» и «нежного» поэтов. Люценко в стихотворении «Сон», имеющем форму жанра «разговора в царстве мертвых», создает панегирик классическим авторам – Сумарокову, Ломоносову, Державину. Для Люценко Державин – не только придворный поэт, но и автор философских од: «А в *Водопаде* и *Коварстве* / Покажет вам мечту сует» [1795, ч. 7, *188*]. Здесь же переосмыслен и недавно опубликованный «Памятник» с перефразированными цитатами из него: «Державин бесподобный, дивный, / Равно потоку быстрых вод, / Прольет ручьи вам думы сильной / От рода и в грядущий род; / Уже венцы ему сплетают, / И в храме славы ожидают / Гораций, Пиндар, Гесиод» [Там же]. Эти слова произносит Ломоносов (точнее, его тень), который сам называет Державина своим преемником: «Что есть кому начато мною / Докончить с славою такою; / О сколько тем доволен я!» [Там же]. Стихотворение обрамляется сюжетом, заимствованным из лирического очерка Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона», с некоторой модификацией: герой засыпает и видит в раю своего умершего друга Агатона, они вместе путешествуют по «подлунному миру» и видят тени Гомера, Вергилия, Сумарокова и Ломоносова.

На примере журнала «Приятное и полезное препровождение времени» можно увидеть, как меняется отношение к Карамзину, что отражается на его литературной репутации. В первых частях журнала (1794–1795) творчество Карамзина популяризируется: Подшивалов, очевидно, выдвигает его на первое место в русской литературе. В трактате о стихотворстве он цитирует стихотворения Карамзина наравне с одами Ломоносова и Державина, «Россиядой» М.М. Хераскова. Интересно отметить, что стихотворение Карамзина «Осень» («Веют осенние ветры…»), впервые появившееся в «Московском журнале» в 1791 году, в учебном пособии Подшивалова слу-

жит примером нарушения правил в сочинении дактилических стихов (чередование двухстопного и трехстопного размеров без соблюдения рифм): «…он (поэт. – *М. С.*) может писать и одними дамскими стихами, не наблюдая в них одинакой меры, но и не гоняясь за рифмами, которых вдохновенный дактиль почти не терпит» [1794, ч. 1, *116–117*]. Впоследствии это стихотворение перепечатано в первой части «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» [Собрание образцовых русских сочинений, 1821, *154–155*]. Приводя такой пример, Подшивалов, вероятно, расширяет представление о Карамзине как о поэте, способном на литературные эксперименты, и ненавязчиво убеждает читателя в возможности пренебречь правилами, которые соблюдали поэты старшего поколения [1794, ч. 1, *115–116*]. Подшивалов, сопоставляя неэкспериментальные дактилические стихи Хераскова и стихотворение Карамзина, сочувственно оценивает новаторство последнего. Таким образом, Подшивалов подчеркивает одну из характерных черт художественной системы Карамзина: сознательный отказ от рифм на фоне классицистической поэзии, в частности од Петрова и Державина [Лотман, 2005, *384*]. С 1796 года заметно критическое отношение к карамзинскому направлению, но это не значит, что интерес к нему слабеет. Оценки противоположного «лагеря» также влияют на репутацию автора: негативные отзывы о сентиментализме могут не только не отталкивать читателей от нового направления, но и, наоборот, заставлять более внимательно изучать актуальную литературу.

Итак, журнал «Приятное и полезное препровождение времени» вырабатывает модернизированную версию литературного канона. Сохраняя его основу – творчество Ломоносова и Сумарокова, он укрепляет уже сложившийся авторитет Державина и формирует литературные репутации Дмитриева и Карамзина, вводя их в ряд образцовых авторов. В журнале складывается сентиментальная литературная парадигма: она ориентируется на новые образцы, но в то же время в ее рамках реинтерпретируется творчество классиков и признанного современника – Державина. Такую тенденцию определяет первый редактор журнала – Подшивалов, сторонник сентиментализма. Второй редактор – Сохацкий – не принадлежит к числу приверженцев нового направления; тем не менее он постоянно публикует произведения в духе сентиментализма, очевидно, считая его наиболее актуальным литературным явлением.

Вхождение текстов, появившихся на страницах журнала, в хрестоматии можно считать свидетельством успеха реализованного в нем эстетического проекта. Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» вносит свой вклад в формирование канона русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

Беспалова Е.К. К вопросу о связях Дмитриева с московскими масонами конца XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 6: Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб., 2010. С. 66–79.

Беспрозванный В.Г. Из истории восприятия Карамзина в литературной среде конца XVIII в. // Труды по русской и славянской филологии. Серия: Литературоведение. Тарту, 1994. С. 37–45.

Болотов А.Т. Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М.: Тип. В. Исленьева, 1875. 287 с.

[Галинковский Я.А., пер.] Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец. М.: Сенатская тип., у Селивановского, 1801. VIII, 190 с.

Губерти Н.В. А.Т. Болотов как критик и рецензент литературных произведений // Губерти Н.В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1887. С. 19–32.

Ивинский Д.П. «Сатирический вестник» и «Бедная Лиза»: Из первоначальной истории распространения альманаха Н.М. Карамзина «Аглая» // Stephanos. 2017. № 2. С. 81–86.

Илюшин А.А. Проблема барочной поэтической антропонимии. Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. С. 220–238.

Карамзин Н.М. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. 727 с.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.

Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма: (Чтение в жизни «чувствительного героя») // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 121–142.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. СПб.: Наука, 1994. 279 с.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.

Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы; Проза 1780 – начала 1790 годов; Ю. Лотман. Поэзия Карамзина / сост., подг. текста, примеч. А. Кузнецова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. С. 363–406.

Николаев С.И., Фомичев С.А. Сохацкий // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб.: Наука, 2010. С. 159–161.

Пашкуров А.Н. Архетип гения в русской поэзии XVIII – начала XIX веков (к постановке проблемы) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Вып. 2. С. 133–144.

Подшивалов В.С. Сокращенный курс российского слога, изданный Александром Скворцовым. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 140 с.

Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 1–20. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1794–1798.

Ратникова О.Е. Г.Р. Державин в периодических изданиях конца XVIII – начала XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 9. С. 64–69.

Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

Сиповский В.В. Сохацкий П.А. // Русский биографический словарь. Т. «Смеловский – Суворина». СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1909. С. 172–173.

Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей Отечественной словесности. Изд. 2. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1821. 330 с.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. В 10 ч. Ч. 3. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. 396 с.

Херасков М.М. Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. 4. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. 438 с.

Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. тома А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013. (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX). 345 с.

M.V. Sinitsyna
Postgraduate Student,
Department of History of Russian Literature,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Pleasant and Useful Pastime **Journal: The Formation of the Literary Canon**

The paper considers the role of Pleasant and Useful Pastime journal in the formation of the Russian literary canon. The journal had been published for five years; in the 1790s it was widely known. As an educational periodical addressed to students of Moscow University and pupils of Moscow University Pansion for Nobility, it aimed to serve as a literary reference point and educate the readers' aesthetic tastes.

The paper deals with the canon composition which includes authors of the recent past, who had already received recognition by the end of the 18th century (M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov) and contemporary writers (G.R. Derzhavin, I.I. Dmitriev, N.M. Karamzin). The canon is determined by selecting the texts of exemplary authors as well as through assessment of the writers' work given in literary texts, critical articles, and editorial notes. The journal is generally characterized by a sentimentalist tendency that was relevant at that time (despite the editors' different aesthetic positions, for example, V.S. Podshivalov and P.A. Sokhatsky), which was reflected in the version of the literary canon presented in it. The periodical focuses on new sentimental patterns. The work belonged to classics and Derzhavin, a recognized contemporary, is reinterpreted within a sentimental paradigm.

Key words: *the journal Pleasant and Useful Pastime; literary canon; exemplary authors; V.S. Podshivalov; P.A. Sokhatsky; sentimentalism; G.R. Derzhavin; N.M. Karamzin.*

REFERENCES

[Galinkovskii Ya.A., transl.] Beauties of Sterne, or a collection of his best pathetic tales and most distinguished observations on life for sentimental hearts [Krasoty Sterna, ili Sobranie luchshikh yego pateticheskikh povestei i otlichneishikh zamechany na zhizn' dlya chuvstvitel'nykh serdets]. Moscow, Senate Publishing House, at Selivanovsky's, 1801, VIII. 190 p. (in Russian).

Alekseyeva N.Yu. Russian ode: development of odic form in the 17th–18th centuries [Russkaya oda: razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 369 p. (in Russian).

Bespalova Ye.K. On the question of Dmitriev's connections with the Moscow freemasons of the end of the 18th century [K voprosu o svyazyakh Dmitrieva s moskovskimi masonami kontsa XVIII veka. *Chteniya otdela russkoi literatury XVIII veka. Vyp. 6: Ivan Ivanovich Dmitriev (1760–1837): Zhizn'. Tvorchestvo. Krug obshcheniya* [Readings of the department of 18th century russian literature. Iss. 6. Ivan Ivanovich Dmitriev (1760–1837): life, work, social circle]. St. Petersburg, 2010, pp. 66–79 (in Russian).

Besprozvanny V.G. From the history of perception of Karamzin in the literary environment of the late 18th century [Iz istorii vospriyatiya Karamzina v literaturnoi srede kontsa XVIII v.] *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Ser. Literaturovedenie*. Tartu, 1994, pp. 37–45. (in Russian).

Bolotov A.T. A Memorial to the Days gone by or short historical notes on past events and rumours of the people [Pamyatnik pretekshikh vremyon, ili Kratkie istoricheskie zapiski o byvshikh proisshestviyakh i o nosivshikhsya v narode slukhakh]. Moscow, V. Islenev's Publishing House, 1875. 287 p. (in Russian).

Collection of exemplary Russian works and translations in verse [Sobranie obraztsovykh russkikh sochineny i perevodov v stikhakh]. 2nd ed. Part 1. St. Petersburg, Glazunov's Publishing House, 1821. 330 p. (in Russian).

Guberti N.V. A.T. Bolotov as critic and reviewer of literary works [A.T. Bolotov kak kritik i retsenzent literaturnykh proizvedeny]. Guberti N.V. *Istoriko-literaturnye i bibliograficheskie materialy*. St. Petersburg, Yu.N. Erlikh's Publishing House, 1887, pp. 19–32 (in Russian).

Kheraskov M.M. Works, newly revised and enlarged [Tvoreniya, vnov' ispravlennye i dopolnennye]. Part 4. Moscow, University Publishing House, at Ridiger and Klaudiya's, 1798. 438 p. (in Russian).

Ilyushin A.A. The problem of Baroque poetic anthroponymy [Problema barochnoi poeticheskoi antroponimii. Imya poeta i yego literaturnaya reputatsiya]. *Barokko v slavyanskikh kul'turakh*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 220–238 (in Russian).

Ivinsky D.P. «The Satirical Herald» and «Poor Liza»: from the original history of distribution of N.M. Karamzin's almanac «Aglaya» [«Satirichesky vestnik» i «Bednaya Liza»: Iz pervonachal'noi istorii rasprostraneniya al'manakha N.M. Karamzina «Aglaya»]. *Stephanos,* 2017, no.2. pp. 81–86 (in Russian).

Karamzin N.M. N.M. Karamzin's letters to I.I. Dmitriev [Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1866. 727 p. (in Russian)

Klein I. Ways of cultural import: Works on Russian literature of the 18th century [Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2005. 576 p. (in Russian).

Kochetkova N.D. The hero of Russian sentimentalism: (Reading in the life of a «sensitive hero») [Geroi russkogo sentimentalizma: (Chtenie v zhizni «chuvstvitel'nogo geroya»)]. *XVIII vek,* Leningrad, Nauka, 1983, iss.14, pp. 121–142 (in Russian).

Kochetkova N.D. Literature of Russian sentimentalism [Literatura russkogo sentimentalizma]. St. Petersburg, Nauka, 1994. 279 p.

Lotman Yu.M. History and typology of Russian culture [Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2002. 768 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. Karamzin's poetry [Poeziya Karamzina]. Karamzin N.M. Compllected works in 18 vols. Vol. 14. [Polnoye sobranie sochineny v 18-ti t-kh. T. 14]. Moscow, TERRA – Knizhny klub Publ., 2005. pp. 363–406 (in Russian).

Nikolaev S.I., Fomichev S.A. Sokhatsky Dictionary of Russian writers of the 18th century [Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka]. Iss. 3. St. Petersburg, 2010, pp. 159–161 (in Russian).

Pashkurov A.N. The archetype of genius in Russian poetry of the 18th – early 19th centuries (to the problem statement) [Arkhetip geniya v russkoi poezii XVIII – nachala XIX vekov (k postanovke problemy)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2007, vol. 149, iss. 2, pp. 133–144 (in Russian).

Pleasant and useful pastime [Priyatnoye i poleznoye preprovozhdenie vremeni]. Parts 1–20. Moscow, University Publishing House, at Ridiger and Klaudiya's. 1794–1798 (in Russian).

Podshivalov V.S. Abridged course of Russian style, published by Aleksandr Skvortsov [Sokrashchenny kurs rossiyskogo sloga, izdanny Aleksandrom Skvortsovym]. Moscow, University Publishing House, at Ridiger and Klaudiya's, 1796. 140 p. (in Russian)

Ratnikova O. Ye. G. R. Derzhavin in periodicals of the late 18th – early 19th century [G.R. Derzhavin v periodicheskih izdaniyah kontsa XVIII – nachala XIX veka]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, no. 9, pp. 64–69 (in Russian).

Reading book texts: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon [Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poetichesky kanon]. Ed. by A. Vdovin, R. Leibov. *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie*, *IX*. Tartu, 2013. 345 p. (in Russian).

Reitblat A.I. How Pushkin became a genius: Historical and sociological essays on book culture of the Pushkin era [Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie, 2001. 336 p. (in Russian)

Sipovsky V.V. P.A. Sokhatsky [P.A. Sokhatsky]. Russian biographical dictionary, vol. «Smelovsky – Suvorina» [Russky biograficheskiy slovar'. T. «Smelovsky – Suvorina»]. St. Petersburg, I.N. Skorohodov's Publishing House, 1909, pp. 172–173 (in Russian).

Sumarokov A.P. Complete works, in verse and prose [Polnoye sobranie vsekh sochineny, v stikhakh i proze]: In 10 parts. Part 3. Moscow, University Publishing House, at N. Novikov's, 1781. 396 p. (in Russian).

Е.А. Балашова

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия

УДК 82

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-21-31

ПОЭЗИЯ А. ТИНЯКОВА: ОТ «ИДИЛЛИЧЕСКОГО» ДО «ПРОТИВНОГО»

Ключевые слова: *Тиняков; русская поэзия; идиллия; интертекстуальные связи; память жанра; антижанр.*

Цель данной статьи – определить, как меняется отношение автора к жанру идиллии, как постепенно в творчестве А. Тинякова возникает новый эстетический феномен «заманчиво-уродливого». В результате исследования была обоснована логика перехода наивных текстов к шокирующим антиэстетизмом действительности стихотворениям. В статье показано, что в стихотворениях содержатся ключевые мотивы отчуждения «я» от собственного прошлого и окружающего мира.

Сегодня стихи А. Тинякова считаются более правдивыми, чем циничными и клеветническими: так освобождаются от иллюзий. Однако

важно, что Тиняков не был чужд традиции, когда создавал тексты настоящих идиллий. В его текстах мы видим «амплитуду колебаний» от идиллии до ее пародии.

Несмотря на непохожесть А. Тинякова на других поэтов, в статье выявляются интертекстуальные связи с лирическими высказываниями Михаила Лермонтова, Федора Тютчева, Алесандра Блока и Николая Заболоцкого.

Проведенное на основе историко-генетического и сравнительно-исторического подхода исследование опирается на концепции, методики и результаты современного стиховедения, прежде всего М.Л. Гаспарова и его школы. Кроме того, учтены научные обоснования Н.А. Богомолова – автора в настоящий момент единственного монографического исследования о поэте.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением становления и развития поэзии XX века.

Ассоциации, возникающие с упоминанием имени поэта А. Тинякова, далеки от идиллических. Этот «персонаж» русской поэзии откровенно и грубо выступает против стереотипов, в том числе и против устоявшихся атрибутов «чистенькой» целомудренной идиллии. В конце 1910-х годов Тиняков пишет стихотворение «В чужом подъезде»:

Со старой нищенкой, осипшей, полупьяной,
Мы не нашли угла. Вошли в чужой подъезд.
Остались за дверьми вечерние туманы
Да слабые огни далеких, грустных звезд.
И вдруг почуял я, как зверь добычу в чаще,
Что тело женщины вот здесь, передо мной,
И показалась мне любовь старухи слаще,
Чем песня ангела, чем блеск луны святой.
И ноги пухлые покорно обнажая,
Мегера старая прижалася к стене,
И я ласкал ее, дрожа и замирая,
В тяжелой, как кошмар, полночной тишине.
Засасывал меня разврат больной и грязный,
Как брошенную кость засасывает ил, –
И отдавались мы безумному соблазну,
А на свирели нам играл пастух Сифил!

[Тиняков, 2002][1]

Появившийся в конце стихотворения образ пастуха, играющего на свирели, дает толчок к прочтению стихотворения заново. Перед нами массированная атака на классическую идиллию или, скорее, атака на «истлевшую» культуру. В «обратной проекции» здесь указаны все ее важнейшие атрибуты – как своего рода признаки антижанра. Вместо постоянной спутницы – случайная, вместо возвышенного образа возлюбленной – осипшая полупьяная нищенка,

[1] Все стихотворения А. Тинякова цитируются по этому изданию.

вместо юности – старость, вместо прекрасной природы, соответствующей душевным порывам идиллического героя, – темный угол чужого подъезда (обратим внимание: стихотворение напечатано в разделе «Глухие углы»). Вместо любви – похоть. И не случайно именно Сифил (он же Сифилус) поет в свой рожок о свершенной «любви», попадая в такт идиллии и невозмутимо опровергая ее. Напомним, что так звали главного героя поэмы врача и писателя Джироламо Фракасторо «Сифилис, или о галльской болезни» (1530). Поэма повествует о том, как пастух по имени Сифилус разгневал богов Олимпа и был наказан ими ужасной болезнью. Идиллический пастух с помощью свирели вел овец за собой, не давая им разбрестись, – здесь разврат, засасывающий в свою воронку, «цепляет» и пастуха.

У Тинякова возникает новый эстетический феномен «заманчиво-уродливого», при котором «ошеломление служит суррогатом наслаждения». О подобном явлении применительно к «Столбцам» Заболоцкого писала И. Роднянская [Роднянская, 1989, *347*]. И в одном, и в другом случае привлекательна изобретательность поэта, но не изображаемая им действительность. Отметим, кстати, что тематика блоковского «Город в красные пределы / Мертвый лик свой обратил» может стать «параллелью» к этим стихам Тинякова – оргия, описанная Блоком, отмечена той же голой констатацией грубой правды жизни и так же шокирует антиэстетизмом действительности.

Можно назвать несколько подобных тиняковских стихотворений, когда идиллические ценности утверждаются «от противного». Ряд этих ценностей выстраивается в стихотворении «В заброшенной усадьбе» (1906), где упоминается потеря теплицы, цветников, сада и, как следствие, потеря сказок и утрата надежды на возможность идиллической жизни. И уже не меланхолическое сожаление, а утробное чувство голода – главное в честном, хотя и ужасающем «Молении о пище» (1924). Еда с самого появления идиллических текстов мыслилась как особое, интимное отношение к природе. Еда – удовольствие, означающее спокойный устойчивый уют. В данном антиидиллическом тексте герой не просто не имеет лада, единения с природой. Отсутствие еды приближает смерть, приводит к разладу с нормой, к распаду личности.

Моление о пище

Ухо во всю жизнь может не слышать звуков тимпана, лютни
и флейты; зрение обойдется и без созерцания садов; обоняние
легко лишается запаха розы и базилика; а если нет мягкой, полной
подушки, все же хорошо можно заснуть, положивши в изголовье
камень; если не найдется для сна подруги, можешь обнять руками
себя самого – но вот бессовестное чрево, изогнутое кишками,
не выдерживает и не может ни с чем примириться.

Саади

Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя, –

И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.
Я свернусь бараньим рогом
И на брюхе поползу,
Насмеюсь, как хам, над Богом,
Оскверню свою слезу.
В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям остригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу.
За кусок конины с хлебом
Иль за фунт гнилой трески
Я, – порвав все связи с небом, –
В ад полезу, в батраки.
Дайте мне ярмо на шею,
Но дозвольте мне поесть.
Сладко сытому лакею
И горька без пищи честь.
Ноябрь 1921

Вся эта «патетика» характерна для тиняковского лирического героя, все это укладывается в те представления о поэте Тинякове, какие он сам провоцировал. Отсюда, кстати, и пародии, авторы которых «купились» на «безнравственность» поэта. См. пародию Инны Маричевой:

Жизнь былую подытожив,
Понимаю, что не мед...
Мне пожрать бы только, Боже,
Остальное – как пойдет!

За жратву предать – то ж благо!
С головой пойду под меч
И с врагом в постельку лягу –
Не один ли хрен, с кем лечь!

Мне б все время что-то лопать,
Я за это (Бог, прости...)
Щечки вылижу и попу,
Пятки тоже, по пути...

Дайте ж! Дайте мне покушать,
Мыслям срежу два крыла.
Вашу чудную макушку
Вмиг обрею догола!

Ну а пища – все желанней.
Мир изгажу за нее!
Замочу соседей в ванне...
Дайте жрачку! Е – мое!!!
[Маричева, 2015]

Любопытно, что жуткие стихи Тинякова в наше циничное время получат оценку скорее как правдивые, чем дискредитирующие и унижающие

автора: так избавляются от иллюзий, отрезвляются от гуманизма, которому больше нет веры.

Однако важнее другое. Тинякову не было чуждо и настоящее приобщение к традиции, когда он создавал тексты подлинных идиллий. Обратим внимание на заглавия таких произведений: «Вздох весны» (1906), «Идиллия» (1907), «Апрель» (1909), «Май. Пастораль» (1909) и даже цикл под названием «Идиллии» (1907–1908). Ср. с типичными «тиняковскими» заглавиями: «Алкоголик», «Утопленник», «Самоубийца», «Бульварная», «Молитва гада»!

В стихотворении «Идиллия» нет конкретики пейзажа. Она спрятана за неопределенностью красок, теней. В тексте прямо упоминается Тургенев, по аллюзии с сиреневой веткой угадывается Гончаров, а по абстрактности характеристик («кротость и прелесть» вечерних красок) и по начальному «о» слышится и Тютчев:

О, сколько кротости и прелести
В вечерних красках и тенях,
И в затаенном робком шелесте,
И в затуманенных очах.
Мы словно в повести Тургенева:
Стыдливо льнет плечо к плечу,
И свежей веточкой сиреневой
Твое лицо я щекочу…

При этом мы не говорим о качестве идиллий Тинякова. Важнее, что срабатывает авторская установка на создание конкретных жанрообразующих признаков. Очевидна здесь и общестилевая установка в русле той царящей гармонической мысли, которую ценили и Тургенев, и Гончаров.

Стихотворение «Апрель» создает ситуацию не менее страстную, чем в цитируемом выше, однако и герои (*Земля, Апрель*), и их действия (*вливает в жилы хмель*) здесь абстрактны. Пересказывается история мифологических героев, в которой все счастливы и влюблены: волны, деревья, лазурь, мотыльки, цветы и эльфы:

Лилейно-легкими перстами
Лелеет грудь Земли Апрель,
Любовно-лирными словами
Вливает в жилы сладкий хмель
И сладострастными руками
Влечет на брачную постель.

Свирель в полях запела нежно;
Любовью глубь сердец полна;
Одежда яблонь белоснежна;
Волна в реке бежит вольна,
И к травам льнет она мятежно,
В лазурь и в землю влюблена.

В тиши лесной и густосмольной,
Танцуя с легким мотыльком,
Царь эльфов – радостный и вольный, –
Коснулся ландыша крылом,
И – звон пролился колокольный
В веселом сумраке лесном!
1909

Обычных эпитетов («вольна», «сладкий», «сладострастными») автору недостаточно – и в духе Тютчева создаются сложные (двойные) авторские эпитеты-окказионализмы: «лилейно-легкими», «любовно-лирными», «густосмольной». Это – стилизация пантеистических идиллий, когда все в природе одушевлено (опять по-тютчевски: «Не то, что мните вы, природа...»). Подобное см. в стихотворении «Весна» (1914):

Исступленные быки
На дворе ревут о телках,
Облака светлы, легки,
Пух зеленый на ветелках.
Стали бабьи голоса
Переливней и страстнее,
Стали выше небеса
И темней в садах аллеи,
По полям шныряют псы,
Уязвленные любовью,
Наливаются овсы
Изумрудной, чистой кровью.
И на всю живую тварь
Льет свой свет благословенный
Златокудрый, мудрый царь,
Наш хранитель во Вселенной!

Тут уместно вспомнить лирический пейзаж Н. Помяловского из его неоконченного романа «Брат и сестра»: «Яркий и жаркий май гостит в роще. До десяти соловьев свили здесь свои гнезда; соловьи свищут, и много молодых девушек и юношей потрясают воздух хохотом. Иногда в кустах поцелуй звенит. Комары толпятся, муравьи выползают друг за другом, муха мухе жужжит про любовь и радость, лягушки сладострастно стонут… Цветет черемуха, цветет рябина, цветут яблоня и липа... Плодотворная цветочная пыль перелетает из одной кучи ветвей в другую. Рыба идет стадами в воде, трется о каменья и мечет икру… Всякая мышь счастлива, всякая галка блаженствует, у всякой твари бьется сердце радостно. Не только люди: вся сволочь влюблена».

Есть у Тинякова примеры и традиционных «трудовых» идиллий, которые создаются не «по книжкам» (см. ряд возникающих ассоциаций), а будто бы пропущены через руки. Таково стихотворение «Мой прадед» (приводим отрывок):

Мой род не знатен и не громок,
Ему безвестна глушь веков,
Но я моих отцов потомок
И я люблю моих отцов.

Б.В. Никольский

Он в будни мерно за сохою
Шагал в ликующих полях,
А в праздник – с песней удалою –
Гулял и гикал в кабаках.
В избе, пропахшей горьким дымом,
Под ледяной метельный смех,
Он, как медведь, дремал по зимам,
Закутавшись в овечий мех.
Но лишь весною начинала
Чернеть полей окрестных ширь,
Душа в нем дивно оживала,
В нем просыпался богатырь!..

Звенела летом легким звоном
Его блестящая коса –
И с быстрым падала поклоном
К его ногам лугов краса.
Во дни июльской грозной страды
С него стекал кровавый пот,
Но он не знал ценней награды,
Чем урожайный, хлебный год.
Когда ж кончался птичий гомон
И осень в мир несла тоску,
То – вечный труженик – цепом он
Стучал задорно на току.
Потом он сыпал емкой мерой
Зерно златистое в мешки
И ехал с мельницы весь серый
От пыли, пота и муки.
И за весной весна летела,
И за годами шли года,
Но в нем не никла, не хирела
Душа под бременем труда.
И встречен смертью роковою,
Он умер сразу, не болев,
В саду, под яблонью, весною,
Под птичий радостный напев…

Август 1912

Обратим внимание на эпиграф, который указывает на принципиальную для автора связь поколений. Все в роду жили сообразно круговому природному циклу, зная будни и праздники. Трудовой день был выстроен в зависимости от потребностей времени года: торжество земледелия весной и осенью, сенокос летом и отдых зимой. То есть жизнь человека представлена в его натурально-природном виде, как это было изображено в классической

идиллии. Человек оказывается не эксплуататором, а частью природы. Физическое совершенство прадеда-богатыря влечет за собой и нравственное совершенствование внука. Он тоже хочет быть и богатырем трудовой жизни, и человеком, ценящим изобилие бытия.

При этом идиллия осмысливается у Тинякова как реальная жизнь, она противопоставлена идеальному. Это прямо подчеркнуто в стихотворении «Слава будням» 1914 года (здесь приводится отрывок):

Чудесней сказок и баллад
Явленья жизни повседневной –
И пусть их за мечтой-царевной
Поэты-рыцари спешат!
А мне милей волшебных роз
Пыльца на придорожной травке,
Церквей сияющие главки
И вздохи буйные берез.
Пускай других к себе влекут
Недосягаемые башни, –
Люблю я быт простой, домашний
И серый будничный уют...

Дважды возникающий образ «жар-птицы» в этом стихотворении сменяется «галками» и «землей», противопоставляется им. Для автора реальность притягательна не меньше сказки!

Две точки обзора «идиллического» материала (идиллия и антиидиллия) наложились одна на другую в стихотворении со «скользящей» интонацией – «Прелести земли» (из одноименного цикла книги «Треугольник» 1912 года):

Прекрасен лес весною на рассвете,
Когда в росе зеленая трава,
Когда березы шепчутся, как дети,
И – зайца растерзав, летит в гнездо сова.
Прекрасно поле с золотистой рожью
Под огневым полуденным лучом
И миг, когда с девическою дрожью
Колосья падают под режущим серпом.
Прекрасен город вечером дождливым,
Когда слезятся стекла фонарей
И в темноте, в предместье молчаливом,
Бродяги пробуют клинки своих ножей.
Прекрасна степь, когда – вверху мерцая,
Льют звезды свет на тихие снега,
И обезумевшая волчья стая
Терзает с воем труп двуногого врага.

Каждые три строки идиллического текста опровергаются – «срезаются» деталью четвертой строки (*мы выделяем ее курсивом. – Е. Б.*), не просто уводящей от идиллического мироощущения, а перечеркивающей его.

Так «свергать в брызгах с высоты» станет тот, кто отказывается от традиционных радужных «красивостей». Тиняков в этих «четвертых» строках 16-строчного стихотворения дает подсказку относительно своей лирической миссии – честно «голыми» и отвратительными словами сказать об отношениях, царящих в мире. Если допустима мысль о влиянии Тинякова на Есенина [Краснова, 2005], то не менее очевидна его «власть» и над Заболоцким. У Тинякова:

И – зайца растерзав, летит в гнездо сова.

Или:

И обезумевшая волчья стая
Терзает с воем труп двуногого врага.

У Заболоцкого:

В камышах сидела птица,
Мышку пальцами рвала,
Изо рта ее водица
Струйкой на землю текла.
[Заболоцкий, 1965, *88*]

Оба вымарывают все «приличное», доказывая, что принцип существования на земле далек от радости и умиления.

Очень настойчиво в художественном мире Тинякова констатируются омерзительные черты действительности, причем констатируются трезвоцинично. 1, 5, 9, 13-я строки начинаются со слова «прекрасен (-на, -но)». Это не условный «красивый» пейзаж. Это обобщенная картина природы, данная через призму некоторых «допущений». Подобное «называние условий для возможного счастья» было в стихотворении М. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». Но если у Лермонтова в итоге гармонически разрешаются все мучительные противоречия бытия, то у Тинякова выпячиваются приметы, ведущие к дисгармонии. «Труп двуногого врага» в конце стихотворения делает несостоятельными все условия – здесь не будет «смиряющейся тревоги» и «постижения счастья».

Таким образом, в поэзии «чуткого перенимателя» [Богомолов, 2002, *3*] Тинякова можно найти образцы и идиллического, и антиидиллического жанра – с зафиксированными «переходами» от одного к другому. Художественная мысль поэта бьется между памятью жанра и грубо-материальным пониманием житейской действительности [Тиняков, 2002].

ЛИТЕРАТУРА

Роднянская И. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989.

Богомолов Н.А. Вступительная статья // Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. М.: Водолей, 2002. URL: http://az.lib.ru/t/tinjakow_a_i/text_1922_poe.shtml (дата обращения: 02.01.2020).

Заболоцкий Н. Птицы // Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1965. 367 с.

Краснова Н. Одинокий поэт Тиняков // Наша улица. 2005. № 1. URL: sites.google.com/site/poetessaninakrasnova/odinokij-poet-tinakov (дата обращения: 23.04.2020).

Маричева И. Жизнь былую подытожив… 2015. URL: https://stihi.ru/2015/01/22/6379 (дата обращения: 18.12.2019)

Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. М.: Водолей, 2002. URL: http://az.lib.ru/t/tinjakow_a_i/text_1922_poe.shtml (дата обращения: 17.12.2019).

Ye.A. Balashova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of Literature,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski
Kaluga, Russia

A. Tinyakov's Poetry: from «Idyllic» to «Contrary»

The purpose of the article is to find out how the author's attitude to such a genre as an idyll changes, how in A. Tinyakov's work appears a new aesthetic phenomenon which is attractive and ugly at the same time. As a result, the study has found that there is the logic of the transition of naive texts to shocking anti-aesthetic poems. It is shown that the poems contain the key motifs for the alienation of I from its own past and the surrounding world.

Nowadays A. Tinyakov's poems are considered to be more truthful than cynical and defamatory: that is the way we wake up from the illusions. However, it is important that Tinyakov was not alien to the tradition when he created texts of authentic idylls. In his lyrics we can see «the amplitude of oscillations» from idyll to its parody.

Despite A. Tinyakov's differences with other poets, the article reveals intertextual connections with the lyrical statements of Mikhail Lermontov, Fyodor Tyutchev, Alexander Blok and Nikolai Zabolotsky.

The research conducted on the basis of historical-genetic and comparative-historical approaches grounded in the concepts, methods, and results of modern poetry, primarily ones of M. Gasparov and his school. In addition, we consider the scientific basis belonging to N.A. Bogomolov, the author of the only modern monographic research about the poet.

The research results can be used in the research and teaching activities connected to the study devoted to the poetry formation and development in the 20th century.

Key words: *Tinyakov; Russian poetry; idyll; intertexual connections; genre memory; antigenre.*

REFERENCES

Bogomolov N.A. Introductory article [Vstupitel'naya stat'ya]. Tinyakov A. (Odinokiy). Poems [Stikhotvoreniya]. Moscow, Vodolei, 2002, pp. 3-27. *Available at*: http://az.lib.ru/t/tinjakow_a_i/text_1922_poe.shtml (accessed 02 January 2020).

Krasnova N. Tinyakov as a lonely poet [Odinoky poet Tinyakov]. *Nasha ulitsa*, 2005, no. 1. *Available at*: sites.google.com/site/poetessaninakrasnova/odinokij-poet-tinakov (accessed 23 April 2020).

Maricheva I. Summing up the past life… [Zhizn' byluyu podytozhiv…]. 2015. *Available at*: https://stihi.ru/2015/01/22/6379 (accessed 18 December 2019)

Rodnyanskaya I. An artist in search of truth [Khudozhnik v poiskakh istiny]. Moscow, Sovremennik, 1989. 311 p. (in Russian).

Tinyakov A. (Odinokiy). Poems [Stikhotvoreniya]. Moscow, Vodolei, 2002. 430 p. *Available at*: http://az.lib.ru/t/tinjakow_a_i/text_1922_poe.shtml (accessed 17 December 2019).

Zabolotskiy N. Birds [Ptitsy]. Zabolotskiy N. Stikhotvoreniya i poemy [Zabolotsky N. Stikhotvoreniya i poemy]. Moscow, Sovetsky pisatel, 1965. 367 p. (in Russian).

А.А. Чевтаев

Российский государственный гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-31-51

СИМВОЛИКА ДУШИ В КНИГЕ СТИХОВ А. ЛАДИНСКОГО «ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ» (к вопросу о специфике художественного мира)

Ключевые слова: *А. Ладинский; душа; лирический субъект; микрокосм и макрокосм; мифопоэтика; поэзия русского зарубежья; поэтическая антропология; художественная символика.*

В статье рассматривается репрезентация души и ее символики в первой книге стихов А. Ладинского «Черное и голубое» (1930) в аспекте поэтической антропологии. Являясь представителем парижской ветви поэзии первой волны эмиграции, А. Ладинский конструирует уникальный художественный универсум, в основе которого находится со-противопоставление земного и небесного аспектов существования человека. В творчестве поэта концептуальное осмысление дихотомии телесно-материального «низа» и божественно-духовного «верха» продуцирует актуализацию «душевного» микрокосма в качестве ценностно-смыслового центра изображаемого мира. Анализ стихотворений А. Ладинского, основанный на совмещении антропологического, семиотического и мифопоэтического подходов к художественному тексту, показывает, что в поэтике книги «Черное и голубое» представление

о душе раскрывается в системе взаимосвязанных, но не тождественных друг другу персонификаций и символических знаков. Выделяются четыре ключевых параметра репрезентации души: 1) ее объективация в мифологических образах Музы и Психеи; 2) актуализация мотивов «полета» и «плача», символизирующих и универсализирующих представления об изгнанническом уделе человека и об опыте смерти; 3) соприкосновение земного и небесного измерений бытия, реализуемое посредством таких символов души, как «бабочка», «дыхание», «дым», «сердце»; 4) наделение души статусом «вечной женственности», воплощающей идеальную и потому недосягаемую для мужского лирического «я» возлюбленную. Делается вывод, что в мифопоэтическом универсуме А. Ладинского душа воплощает собой неизбывность витального движения сопротивопоставленных микрокосма и макрокосма. Поэтому миф о бессмертной душе человека в концепции книги «Черное и голубое» становится магистральным способом постижения глубинных антиномий мироздания.

Творческий путь А. Ладинского как поэта первой волны эмиграции приходится на 1920–1950-е годы и связан с литературно-художественной жизнью Русского Парижа[1]. Будучи близок к «парижской ноте», он достаточно серьезно дистанцирует свою поэтику от мировоззренческих и стилистических решений этого условного литературного «объединения». Показательна оценка стихов А. Ладинского, данная в 1928 году идеологом и в известной степени создателем концепции «парижской ноты» Г.В. Адамовичем. Характеризуя творчество молодого поэта, критик отмечает: «Ему все дается как бы шутя, он всегда беспечен и весел. Несомненно, это прирожденный, очень талантливый стихотворец. Но его стихи небогаты внутренним содержанием, и на беду свою он родился в такое время, когда стихи, “пенящиеся, как шампанское”, редко кого удовлетворяют. В этом его беда, но не его вина. Любители поэзии и теперь должны были бы оценить органичность и благодатность происхождения его стихов» [Адамович, 2002а, *86*]. В целом высоко оценивая художественные искания А. Ладинского и считая его одним из наиболее значительных поэтов русской эмиграции, Г. Адамович, как видно, акцентирует внешнюю (образную и версификационную) сторону его лирики и принижает внутреннюю (ценностно-смысловую).

Думается, что такая оценка обусловлена отклонением поэтики А. Ладинского от базовых требований «парижской ноты», важнейшими из которых являются «непременная психологическая точность, невыдуманность чувств» и «выразительный аскетизм», предполагающий «отказ от метафор, ярких образов, изощренной инструментовки» [Коростелев, 2013б, *333*].

[1] В 1955 году поэт возвращается из эмиграции в СССР и в советском литературном процессе, отказываясь от стихотворчества, посвящает себя созданию самобытных исторических романов, в которых акцентируются точки пересечения русской и европейской истории.

С позиций Г. Адамовича и «парижской ноты», присущий эмигрантской поэзии «глубоко трагический взгляд на мир и человека» самоценен и должен воплощаться в виде «лирического дневника, свободного от “красивостей” и ухищрений формы» [Чагин, 2008, *35*]. Конечно, творчеству А. Ладинского свойственны и предельная психологическая сосредоточенность лирического «я» на репрезентируемом моменте бытия, и аскетический характер высказывания, однако эти параметры текстостроения в большей степени характеризуют не столько формальный, сколько семантический план его стихотворений. Избегая изысков, поэт при этом углубляет метафорические и символические аспекты образного ряда, что способствует совмещению в его стихах интимно-личностного («дневникового») и универсально-онтологического измерений универсума, глубинное родство которых и определяет специфику его антропологического космоса.

Нарочитое акцентирование рафинированной «театрализации» лирической рефлексии и население художественного мира различными персонажами мировой культуры, предстающими во всей хрупкости, «игрушечности» своего существования, закрепляют за поэтикой А. Ладинского статус своеобразного «лирического театра», в котором бытие не проживается, а разыгрывается. Так, в рецензии на первую книгу стихов поэта Г. Адамович определил своеобразие его лирики как «романтический балет», отметив, что в ней «все волшебно, наивно, нежно, размеренно, меланхолично» и что «это не совсем “жизнь”, это скорее “представление”» [Адамович, 2002б, *436*]. На первый взгляд, критик прав, считая, что, «как наступающие призраки, проносятся в поэзии А. Ладинского легчайшие образы: ломая в отчаянии руки, они еще кружатся на носке и не забывают улыбнуться умирая» [Там же, *437*]. Соприкосновение с данным поэтическим миром может вызвать впечатление некого «игрового», «театрального» отношения лирического субъекта к реальности. Однако «театрализация» и утонченный «маскарад» лирических персонажей в творчестве поэта отнюдь не свидетельствуют об упрощении его художественного мировидения. Во-первых, «легкость», нередко доходящая почти до эфемерности, и утонченность его образов и их сюжетных сцеплений утверждают «невыносимую легкость бытия», обратной стороной которой всегда является предельный трагизм взаимодействия микрокосма и макрокосма. Во-вторых, лирические маски, за которыми скрывается поэтическое «я» А. Ладинского, постулирование их эмоционально-психологического состояния и ситуативных проявлений оказываются укорененными в различные контексты мировой культуры, обладающие несомненной серьезностью.

Антропологический космос поэта базируется не на игре в умирание, а на переживании смерти как рубежа, который одновременно и вызывает отторжение, и требует преодоления, то есть мыслится проницаемым. В этом

отношении поэзия А. Ладинского наследует не только акмеизму Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама [Струве, 1996, *229*], но и символистскому миропониманию и романтическим представлениям русской словесности первой половины XIX века. Поэт далек от того, чтобы заглядывать в потусторонний мир и формулировать его действительность, но его существование представляется поэту несомненным фактом бытия. По мысли В. Хазана, лирика А. Ладинского сопряжена «с навязчивой ассоциацией “жизни в изгнании” с “театральными подмостками”, на которых разыгрывается представление, почти не зависящее от воли единичного и слабого “я”» [Хазан, 2002]. Соответственно, жизнь подчиняется действию неких высших сил и стихий, которые нельзя обуздать, но с которыми можно войти в определенный бытийный контакт. Поэтому человек (поэт), отлученный от земной родины, для А. Ладинского воплощает собой человека, отлученного от родины небесной. Этот конфликт между материальным и духовным началами и определяет динамику художественного универсума в стихотворениях поэта, вскрывая экзистенциальное измерение его мировидения.

Как показывает предложенный О.А. Коростелевым очерк жизни и творчества А. Ладинского, его «лирический театр» [Коростелев, 2013а] требует к себе повышенного исследовательского внимания и как эстетический феномен Русского Зарубежья, и как самобытный поэтический универсум. Однако в настоящее время, несмотря на смысловую многомерность и концептуальную оформленность лирики поэта, литературоведческое освоение его творчества все еще находится на исходных позициях и прежде всего нуждается в определении ключевых параметров художественной системы А. Ладинского.

Представляется, что систематическое осмысление творческого наследия поэта необходимо начинать с аналитического описания его первой книги стихов «Черное и голубое», изданной в Париже в 1930 году и генерирующей магистральные направления творческого самоопределения автора. В этой стихотворной книге разворачивается тот глубинный «сверхсюжет» отношений микрокосма и макрокосма, который задает базовые координаты репрезентируемого в поэзии А. Ладинского окказионально мифа о поиске мировой гармонии. «Черное и голубое» в метажанровом плане являет собой именно книгу стихотворений, то есть предстает «концептуальным и архитектоническим единством, которое создается <…> благодаря наличию сквозного метасюжета, развивающегося через взаимодействие тем, образов, лейтмотивов» [Барковская, Верина, Гутрина, 2014, *28*]. Концепция «Черного и голубого» связана, прежде всего, с обозначенным в заглавии книги соотношением земного («черного», материального, «посюстороннего», человеческого) и небесного («голубого», духовного, запредельного, божественного) начал в мироздании, которые, будучи разобщенными, в субъектном сознании мыслятся неразрывно связанными друг с другом. Для

А. Ладинского первостепенным оказывается вопрос не столько о конвергенции этих онтологических полюсов единой вселенной (хотя, он, безусловно, важен), сколько о земных путях к небесной гармонии. Его нарочито «хрупкое», слабое «я» осуществляет свой бытийный маршрут в «большом» мире, в котором нормой является изгнание из привычных областей реальности и первостепенное значение приобретает не возвышенный человеческий дух, а уязвимая душа, земные чаяния и стремления которой утверждаются в качестве возможности приобщения к высшим сферам миропорядка.

В предлагаемой статье мы сосредоточим внимание на поэтике книги стихов А. Ладинского «Черное и голубое» в аспекте художественной антропологии – репрезентации человеческого «я» как аксиологического центра моделируемого мира, из которого исходит и на который замыкается лирическая рефлексия поэта. Не пытаясь в локальном исследовании исчерпывающе представить весь спектр структурно-семантических воплощений микрокосма в «Черном и голубом», целью настоящей работы мы полагаем рассмотрение символики души в поэтическом универсуме А. Ладинского, а также – тех его смысловых решений, которые продуцирует «душевное» измерение «я» поэта. По мысли К.В. Мочульского, одной из центральных тем данной книги является тема «разлуки души с землей» [Мочульский, 1999, *304*]. Пытаясь осмыслить пути взаимодействия человека и вселенной и уподобляя конструируемый им антропологический космос своеобразному мировому «театру», поэт в качестве главного действующего лица представляет душу как средоточие эмоциональных и ментальных проявлений человеческого начала в бытии. Поэтому анализ символики, которая характеризует «душевный» план художественного универсума в книге «Черное и голубое», является необходимым условием постижения поэтической антропологии А. Ладинского.

Прежде всего, необходимо указать на различия «души» и «духа» как взаимосвязанных, но нетождественных измерений личности в ее бытийном самополагании. Несмотря на их глубинное родство, определяемое вне(сверх)материальным существованием человеческого «я», каждый из этих аспектов его бытия обладает своей онтологической спецификой. Согласно утверждению М.М. Бахтина, «душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя» [Бахтин, 2003, *184*]. Соответственно, душа принадлежит глубинным основаниям «здешнего» (земного) мира, тогда как дух предстает проекцией мира идеального (небесного), постижение которого предполагает окончательную оформленность и завершенность смыслов в «посюсторонней» области существования. Думается, что именно такое понимание диалектики «душевного» и «духовного» начал характеризует художественную онтологию А. Ладинского. Душа

как модус самоактуализации человека в миропорядке являет собой устремленность к иным бытийным сферам, а дух – осуществление тех ментальных потенций, которыми обладает душа. Поэтому между ними пролегает граница – рубеж становления и завершения. В поэтике «Черного и голубого» такой рубеж принципиально важен, и его осмысление / освоение идет именно по пути души, а не духа.

Итак, рассматриваемая поэтическая книга, включающая два раздела, состоит из 42 стихотворений (20 текстов в I разделе и 22 – во II). Лексема «душа» в них насчитывает 11 словоупотреблений, что можно считать достаточно низкой частотностью. Однако, во-первых, в тех случаях, когда данное слово эксплицировано в структуре текста, оно становится семантическим центром развертываемой лирической рефлексии и определяет вектор субъектного самоопределения в изображаемом мире; во-вторых, в большинстве стихотворений обнаруживаются метафорические и символические репрезентации души, свидетельствующие о первостепенности ее постулирования в антропологическом космосе А. Ладинского. При этом специфика эксплицитной или имплицитной актуализации души состоит в том, что она предстает и в качестве субъекта (как воплощение лирического «я» / «мы»), и в качестве объекта (как внеположный лирический персонаж).

Уже в открывающем «Черное и голубое» стихотворении, представляющем своеобразную увертюру ко всей книге, можно наблюдать именно «душевные» предикаты бытия лирического субъекта:

Нам скучно на земле, как в колыбели.
Мечтая о небесных поездах,
На полустанке этом мы сидели,
Как пассажиры на узлах.
[Ладинский, 2008, *25*]

«Скука» и «мечта» здесь оказываются теми модусами эмоционального «схватывания» миропорядка, через которые лирический субъект устанавливает связи с «большим» миром: «Все кружится, и мы не знаем сами – / Привыкнуть надо к высоте жилья – / Не черные ли небеса над нами, / Не голубая ли земля?» [Там же]. Сущность субъектного восприятия мироздания определяется онтологической инверсией «верха» и «низа» в их цвето-символическом проявлении: «черное» (земля) и «голубое» (небеса) одновременно и являют свою антиномичность, и раскрывают принципиальную взаимозаменяемость. В последующих стихотворениях книги этот пространственно-аксиологический каркас художественного мира постоянно актуализируется именно в такой его амбивалентности (Ср.: «Только земля, земное, / Черная, дорогая мать, / научила любить голубое / И за небесное умирать» («Крестоносцы» (1928)) [Там же, *35*]; «Земля, то черная, то голубая, / Скользит и уплывает из-под ног» («Нам некогда подумать о здоровье…» (1929)) [Там же, *39*]; «И прекрасен наш жребий печальный: / Как над розой совсем голубой / Биться в этой теплице

хрустальной / Черной бабочкой над тобой» («Мы в стеклянном и в призрачном мире…» (1928)) [Там же, *55*]). Соответственно, оппозиция «черного» и «голубого» как бытийных полюсов, между которыми «раскачивается» лирический субъект[2], определяет картину мира в книге А. Ладинского, и именно душа наделяется возможностью движения между этими полюсами и постижения их причастности друг другу.

Как указано выше, поэтика «Черного и голубого» отмечена усилением «театрализации» и раскрытием художественного мира посредством системы «масок» и рафинированных лирических персонажей. Этот принцип заселения поэтического универсума различными внеположными, но связанными с субъектным «я» героями в полной мере реализуется в процессе представления души как главного действующего лица изображаемой реальности. Душа предстает предельно объективированной ипостасью лирического субъекта, максимально оторванной от него по своим эмоционально-психологическим и ситуативно-эмпирическим реализациям. «Душевный» мир лирического «я» – это одновременно и суть его микрокосма, и соприкосновение с чем-то иным – возвышенным и более утонченным, чем его земной микрокосм. Такая объективация души в лирике А. Ладинского прежде всего связана мифологемами Музы и Психеи.

Персонификация Музы в одноименном (втором – в составе книги) стихотворении ориентирована на укорененный в поэтику XVIII–XIX веков принцип диалогизации отношений поэтического «я» и его вдохновения. Традиционно воплощая собой высший («лучший») аспект бытия поэтической личности, Муза мыслится «сверхъестественным» истоком творческих возможностей поэта. В стихотворении А. Ладинского она помещается в контекст земных переживаний лирического героя в качестве персонажа-спутника – одновременно близкого и далекого:

Обманщица, встречаемся мы редко –
Ты все витаешь где-то в облаках,
Поговорим же о земных делах:
Мне нужен глаз внимательный и меткий…
[Ладинский, 2008, 25]

При этом Муза определяет жизненный путь субъектного «я» и подчиняет своим желаниям его существование: «А ты шептала, разума не

[2] Укажем, что среди представителей поэзии «Русского Парижа» подобным акцентированием взаимопроникновения противоположностей отмечено творчество Б.Ю. Поплавского (Ср.: «И, на кладбищах двух погребен, / Ухожу я под землю и в небо, / И свершают две разные требы / Две богини, в кого я влюблен» [Поплавский, 2009, *62*]; «Как человек в объятиях судьбы, / Не могущий ни вырваться, ни сдаться, / Душа находит: комнаты грубы, / Гробы – великолепные палаццо» [Там же, *117*]). Конечно, творческие системы Б. Поплавского, тяготеющего к сюрреалистической «надрывности», и А. Ладинского, устремленного к акмеистической «прозрачности» высказывания, совершенно различны, однако они совпадают в попытках осмыслить бытийные антиномии как принципиальное единство мира.

слыша: / – Хочу зимы… Хочу, чтобы снежок…– / Любимице я отказать не мог – / Теперь ты зябнешь под мансардной крышей» [Там же, *26*]. Перипетии судьбы поэта-изгнанника здесь подаются в инверсивном виде: не «его» стезя, а «ее» желания меняют обстоятельства жизни. Муза предстает в предельно динамичном облике («А ты торопишь, тянешь за рукав / И отлетаешь незабвенным часом» [Там же]), оказываясь и знаком творческого порыва, и объективированной душой, стремления которой влекут за собой поэта.

Обращение к персонифицированному вдохновению здесь явно восходит к романтической поэтике А.С. Пушкина, в которой Муза мыслится неиссякаемым источником витального движения мира и являет собой внеположного лирическому «я» творческого поводыря. Однако в пушкинской лирике она принципиально многолика: «то веселая старушка, то дева-прелестница, то в античном одеянии, то в израильском платье, а то в шушуне с гремушкой в руках, может <…> принять вид чахнущей девы» [Касаткина, 2001, *29*]. Обладая своеволием и изменчивостью, пушкинская Муза вовлекается в динамику постоянных трансформаций, призванных охватить жизнь в различных ее проявлениях (Ср.: «Но тот ли был твой образ, твой убор? / Как мило ты, как быстро изменилась!» [Пушкин, 1977, *116*]). В то же время она репрезентирует прежде всего женское начало («Вся в локонах, обвитая венком, / Прелестницы глава благоухала; / Грудь белая под желтым жемчугом / Румянилась и тихо трепетала» [Там же]), с которым лирический герой устанавливает многомерные и разветвленные связи и отношения, и потому всегда находится за пределами личностного микрокосма, входя в него извне. У А. Ладинского же Муза, обладая женской природой, одновременно и внеположна лирическому субъекту как внешний источник вдохновения, и онтологически причастна внутреннему миру поэта. Она предстает и его неизбывным спутником, и идеальной ипостасью его «я», направляющей жизненный путь поэта и ценностно измеряющей его мировидение.

Поэтому в рассматриваемом стихотворении на первый план выдвигается стоическое принятие Музой тех обстоятельств, в которых оказывается лирический герой:

Но под дырявым голубым плащом
Не жалуется муза на невзгоды –
Так рядовым солдатом переходы
Ты с мушкетерским делала полком.
Да и теперь: ты бредишь о войне
И с третьими ложишься петухами,
А время бы заняться нам стихами
О розах, о любви и о луне.
[Ладинский, 2008, *26*]

Муза предстает «лучшей» стороной поэтического «я», его объективированной душой, возвышающейся над жизненным уделом. Ее уподобление солдату здесь, во-первых, маркирует соприкосновение субъекта со

своей «инаковостью», той стороной микрокосма, которая обращена к сложностям жизни в изгнании, а во-вторых, вскрывает амбивалентность творческих устремлений, направленных и к реальности («невзгодам»), и к идеалу. На это указывает пуантируемое в финале стихотворения отстранение Музы от традиционных для ее романтического воплощения творческих мотивов («стихов о розах, о любви и о луне»), которые сохраняются в памяти лирического героя как атрибуты возвышенного (идеального) мира и которые противоречат скорбной действительности эмигрантской стези.

Соответственно, Муза у А. Ладинского, являя собой женственное начало в творческом бытии поэта, осознается в качестве его объективированной души – высшим проявлением человеческого «я» в координатах земного миропорядка. При этом в поэтике «Черного и голубого» данный персонаж, символизируя душевное измерение микрокосма, обладает явной лиминальностью. Так, в стихотворении «К Музе» (1928) акцентируются границы между земным (профанным) и небесным (сакральным) измерениями мироздания, и именно героиня как персонифицированная душа наделяется способностью совершить переход в инобытие: «Умоляю тебя напоследок, / Бросим этот курятник земной / И кудахтанье тучных соседок / Над твоею прекрасной душой!» [Там же, *46*]. Однако для лирического героя оказывается ценностно значимым не только и не столько возможное освоение духовных сфер универсума, сколько опыт земной жизни, открывающий перспективу небес: «Муза, я не забуду до гроба: / И за подслеповатым окном / Мы вздыхали, нахохлясь в трущобах, / По небесным краям за плетнем» [Там же, *46*]. Именно с Музой как неизменным спутником лирического «я» и средоточием его стремлений к идеалу связывается накопление такого онтологического опыта, память о котором декларируется на границе между «этим» и «тем» мирами. В стихотворении «Охота» (1928), в сюжете которого гибельное столкновение поэзии («стиха») и реальности уподобляется преследованию зверя на охоте, Муза обозначает границу между жизнью и смертью, оплакивая затравленного погоней «звереныша» (поэзию): «А Муза в синеве дубов, / Ломает руки в исступленьи: / Все чудится ей медь рогов, / Пернатых стрел густое пенье» [Там же, *51*]). Здесь также происходит расщепление творческого микрокосма поэта: «женственная» душа-Муза принадлежит высшим сферам мироздания и потому обладает бессмертием и наблюдает охоту извне, тогда как «мужественный» стих-зверь, являясь материально-земной инкарнацией лирического субъекта, принципиально смертен. При этом на пороге между витальной и мортальной областями бытия акцентируется глубинное родство тела (стихов) и души (Музы), их «нераздельность и неслиянность»: «Шлют братский взор издалека / Ее глазам огромным синим / Два мутных маленьких глазка / В колючей яростной щетине» [Там же].

Другим знаком персонификации души в «Черном и голубом» предстает Психея, имя которой актуализирует мощный пласт мифопоэтических представлений о «душевном» измерении человеческого «я». Как известно, данный мифологический персонаж, являясь «олицетворением души, дыхания» и «отождествляясь с тем или иным живым существом, с отдельными функциями живого организма и его частями» [Мифы, 1992, *344*], в истории европейской культуры превращается в традиционный символ внетелесного существования человека и становится образной универсалией. Предлагая обзор интерпретации образа Психеи в культурном пространстве XV – первой трети XX веков, Р.С. Войтехович указывает, что русская поэзия 1920-х годов характеризуется повышенным вниманием к этому мифологическому персонажу, что в определенном смысле обусловлено «ностальгией по уходящей культуре» [Войтехович, 2008, *155*]. Так, «психейная» образность эксплицируется в поэтическом творчестве О.Э. Мандельшама, М.И. Цветаевой, М.А. Кузмина, В.Ф. Ходасевича, К.К. Вагинова, представая ценностно-смысловым мерилом разрывов между земным и небесным, телесным и духовным, реальным и идеальным планами бытия. А. Ладинский, встраиваясь в разветвленную и многоаспектную традицию осмысления Психеи как воплощения души, предлагает собственное видение «психейного» начала в человеке.

Психея оказывается центральным персонажем стихотворения «Любимица» (1927), заглавие которого эксплицирует связи между данным мифологическим образом и Музой: в рассмотренном выше тексте эмоциональное восприятие ее лирическим героем выражено этим же словом («Любимице я отказать не мог»), что подтверждает смысловое единство образного ряда «Муза – Психея – душа» в лирике поэта. В начальной точке сюжетного развертывания стихотворения Психея явлена в традиционном для нее ореоле «крылатого» существования [Мифы, 1992, *344*]:

Не оглядываясь на подруг,
Панику в рядах пернатых сея,
Ты взлетаешь, вырвавшись из рук.
Ты ли это, милая Психея?
[Ладинский, 2008, *33*]

Это обращение к душе («узнавание») подчеркивает возвышенность ее бытийных проявлений и маркирует момент восхождения к высшим пределам миропорядка. Объективируемая вовне, она предстает той ипостасью лирического субъекта, которая стремится превозмочь реальность и приобщиться к духовным сферам универсума. Однако далее репрезентируется расподобление телесно-эмпирического и душевно-идеального аспектов микрокосма: «Ты взлетаешь, горячо дыша. / Разве нам лугов зеленых мало? / Помнишь ли, как в полдень, не спеша, / Ты пшеничные поля пахала?» [Там же]. Диалог с Психеей

ведет не к конвергенции различных аспектов человеческого «я», что свойственно, например, «психейной» лирике В.Ф. Ходасевича[3], а к заострению противоречий между природным и духовным. Глубинная сущность Психеи оказывается обращенной к предельно материальным основаниям мира («ты <…> пахала»), что далее ведет к нивелированию ее «окрыленности» и представлению в облике «лошади». Высокий (вертикальный) «полет» превращается в цирковые скачки: «Но по берегу житейских вод, / На речной песок роняя пену, / Увеличивая мерный ход, / Вылетаешь на арену» [Там же, *34*]. Именно низведение Психеи до «лошадиного» бытия маркирует ценностную привязанность лирического субъекта к земной жизни в ее природно-эмпирических и телесно-материальных воплощениях. Душа, стремящаяся к инобытию, не в силах разорвать связи с «этим» миром, и потому ее движения преобразуются в «посюсторонние» бега, обозначающие жизненные стремления лирического «я»:

Закусив до боли удила,
На ветру огромных расстояний,
Разгораясь до бела
В грохоте рукоплесканий,

Первою приходишь ты к столбу,
Падаешь, храпишь, бока вздымая,
Загнанная лошадь молодая
С белою отметиной на лбу.
[Там же]

Как видно, с одной стороны, Психея, явленная в облике «лошади», имплицируя семантику Пегаса, утверждает первенство души лирического героя-поэта в освоениях бытийных рубежей, а с другой – акцентирует приближение к порогу смерти. «Лошадь», мифопоэтически «символизируя как жизнь, так и смерть» [Купер, 1995, *187*], в художественном универсуме А. Ладинского «заземляет» устремления «я» к иномирию. Душа-Психея в своей «лошадиной» ипостаси, овладевая высшими (небесно-духовными) ярусами мироздания, принадлежит земному миру во всех его эмпирических свершениях. Такая эмпирика «лошади», имплицитно обозначающей Психею, раскрывается в стихотворении «Эпилог» (1930), замыкающем 1-й раз-

[3] Представление Психеи в качестве alter ego лирического героя, свойственное ряду стихотворений В. Ходасевича 1920–1921 годов, сопряжено с идеологемой единства телесного и душевного измерений микрокосма. Так, в его стихотворении «К Психее» (1920) утверждается обретение онтологической целостности «я» посредством принятия бытия души как акта телесного самоопределения: «Душа! Любовь моя! Ты дышишь / Такою чистой высотой, / Ты крылья тонкие колышешь / В такой лазури, что порой, // Вдруг, не стерпя счастливой муки, / Лелея наш святой союз, / Я сам себе целую руки, / Сам на себя не нагляжусь» [Ходасевич, 1996, *198*].

дел «Черного и голубого». Внешне представая атрибутом походно-армейской жизни, «лошадь» помещается здесь в центр лирической рефлексии и демонстрирует свою предельную причастность гибельным перипетиям «посюстороннего» мира: «И вдруг летунья вороная / С размаху рухнула, томясь, / Колени хрупкие ломая / И розовою мордой в грязь» [Ладинский, 2008, *44*]. Смерть «лошади», напоминая о ее «психейной» «загнанности» в кругу земных свершений, выводит лирического субъекта к осознанию неизбежно гибельного финала собственной жизненной стези и провиденциально определяет посмертное единение «лошадиного» и человеческого начал в целостности универсума:

Нас рядышком палаш положит
У хладных пушек под горой –
Мы встретимся в раю, быть может,
С твоей лохматою душой.
[Там же, *45*]

Загробный мир («рай») для лирического «я» не является абсолютной данностью, а, скорее, мыслится желаемым продолжением-преображением мира телесно-земного, и потому его душа (Психея-лошадь) одновременно и стремится к посмертному инобытию, и причастна природному умиранию всего сущего[4]. При этом «лошадиная» ипостась «лохматой» души-Психеи маркирует конфликтную зону бытия: желание оставить эмпирически обжитый, «родной», «посюсторонний» мир ради высшего, гармоничного, небесного существования сталкивается с эмоциональной невозможностью отказаться от природной феноменальности миропорядка.

Представление Психеи в облике «лошади» в поэзии А. Ладинского не только не исключает, но, напротив, усиливает семантику «крылатости» души, традиционно закрепляемой за «психейной» образностью: «лошадиные» скачки уподобляются небесному полету. Именно мотив «полета» является основным предикатом в сюжетостроении «Черного и голубого»: в большинстве стихотворений книги акцентируется возможность или необходимость восходящего движения лирического субъекта или персонажей в небесные выси. Несмотря на «заземление» Музы и Психеи как идеальных проекций внутреннего мира поэта, душа обнаруживает предельное тяготение к «полету» и способность его осуществить. В традиционной мифопоэтике «“полет” и весь связанный с ним символизм как целое <…> выражают разрыв со вселенной повседневных переживаний, и в этом разрыве очевидна двойственная направленность – посредством “полета” в одно и то же

[4] Думается, что в этом отношении Психея А. Ладинского принципиально отличается от Психеи О. Мандельштама, нисходящей в Аид и ищущей там основание мироздания (Ср.: «Когда Психея-жизнь спускается к теням / В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной, / Слепая ласточка бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой» [Мандельштам, 1993, *147*].

время достигается как переход пределов, так и свобода» [Элиаде, 1996, *118*]. В лирике А. Ладинского такая основополагающая семантика «полета» сохраняется, но при этом он мыслится актом не только приобщения к небесному миру, но и отпадения от земного, что в творческой концепции поэта образует магистральный онтологический конфликт.

Душа как ценностно-смысловой центр художественного универсума раскрывается именно посредством воспарения над земной действительностью. Движение лирического субъекта, его лирических масок и ролевых героев от «черного» к «голубому» постоянно уподобляется «полету», и это уподобление определяет бытийный путь человека не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. В стихотворениях рассматриваемой книги часто акцентируются ситуации «полета» в его начальной точке, маркирующей расставание с привычным миром, тождественное смерти: «Мы порохом грузили сруб нелепый – / Мы *отлетали в вечность навсегда*» («Аргонавты» (1926)) [Ладинский, 2008, *39*]; «Когда на новую квартиру / *Перебираются* жильцы, / Им весело навстречу миру / *Лететь* в просторные дворцы» («Переселение» (1928)) [Там же, *42*]; «Мы собираемся в дорогу / С приготовленьями спеша, / Смотрите – *отлетает к Богу* / Нетерпеливая *душа*» («Отплытие» (1927)) [Там же, *46*]; «С печальной *легкостью беглянки* / *Взлетишь, душа*, – плавней стрелы, – / Оставив мусор на стоянке / И горсточку золы» («Караван» (1928)) [Там же, *48*]; «И только в шепоте стихов / *Душа* его на *Божий зов* / *Летит*, *витает* средь веков» («Поэту» (1930)) [Там же, *52*]; «Но потом *отлетаем*, как пчелы, / И за автомобильным стеклом / проплывает наш город веселый / Водянистым ночным цветником» («Мы в стеклянном и в призрачном мире…» (1928)) [Там же, *55*]; «Снова мы *отлетаем* / *К райским рощам*, *домой*, / Но руками хватаем / Черный воздух земной» («Ангелы» (1930)) [Там же, *62*] (курсив наш. – *А. Ч.*). Как видно, «полет» здесь символизирует умирание телесного начала в человеке и переход в небесное инобытие его души. Соответственно, в поэтическом мире А. Ладинского «душевная» сущность человеческого «я» мыслится принципиально бессмертной, актуализируя христианский аспект миропонимания[5]. Однако «полетная» динамика обретения бессмертия и освоения небес сопрягается с мотивом тоски о покидаемом земном мире.

[5] При этом религиозное измерение рецепции души как залога обретения подлинной гармонии мира и единения с Богом в «Черном и голубом» в целом редуцировано. Не акцентируя дихотомию «души» и «тела» в перспективе «духа», осмысление которой присуще, например, поздней лирике Н. Гумилева (Ср.: «Когда же слово Бога с высоты / Большой Медведицею заблестело, / С вопросом: “Кто же, вопрошатель, ты?” – / Душа предстала предо мной и тело» («Душа и тело» (1919)) [Гумилев, 2001, *65*]), А. Ладинский сосредоточен именно на диалоге телесного и душевного начал в координатах «посюсторонней» действительности, и поэтому в его стихотворениях откровение о духовном бытии лишь намечается, но не становится сущностью лирического мира.

«Плач» души предстает знаком ее причастности материальной эмпирике, эксплицируя изгнаннические аспекты репрезентации художественного универсума и подчеркивая трагический характер утраты телесности. Так, в стихотворении «В каких слезах ты землю покидала…» (1927), обращенном к ушедшей в иномирие человеческой душе, именно ее разрыв с земной реальностью помещается в центр лирической рефлексии:

В каких слезах ты землю покидала,
Когда навзрыд и с голосом грудным
Ты голосила, плакала, роптала,
Но таяла земля, как дым.
[Ладинский, 2008, *49*]

«Слезы» оказываются свидетельством утверждаемой в лирике поэта амбивалентности «душевных» порывов: с одной стороны, душа стремится к небесной перспективе бытия, а с другой – испытывает привязанность к природному «посюстороннему» миру, расставание с которым становится антропологической катастрофой. Поэтому в точке ухода души в потусторонние сферы обозримы и «райские» перспективы бессмертия, и оставляемая бренная земля: «Как было жаль менять на пальмы рая / Песчаные холмы, бесплодный сад, / Где вышивала ты, полуслепая, – / Деревья, розы, виноград» [Там же]. Очевидно, что «слепота» здесь обозначает разомкнутость «душевной» ипостаси человека в «черное и голубое», то есть свидетельствует об ограниченности знаний о сущностных основаниях мироздания. В свою очередь, «вышивание» символизирует перипетии самоосуществления души в ее плотском воплощении, память о котором предстает залогом конвергенции «этого» и «того» измерений мира:

И, может быть, ты вспомнишь эти слезы,
Моток непрочных ниток, вспомнишь там,
Как вышивальщицей, склонясь над розой,
Глаза слепила по ночам.
[Там же]

При этом душа в поэтике А. Ладинского принадлежит небесным сферам бытия, являющимся ее подлинной родиной, что эксплицируется в стихотворении «Тенета бросил я на счастье…» (1927): «И ты глядела с удивленьем / На смутный берег, на песок, / Слетевшая к земным лишеньям / И к рыбакам на огонек» [Там же, *60*]. Однако, обретая земное воплощение, она ценностно осваивает реалии телесной жизни, срастается с ними, и потому становится предельно надрывным ее уход: «И покидая воздух здешний, / За вздохом вздох, за пядью пядь, / Ты плакала все неутешней / И не хотела улетать» [Там же]. Соответственно, объективация «душевного» проявления человеческого микрокосма в лирике поэта совмещает мотивы «плача» и «полета», продуцирующих идеологему антиномичности существования.

В «Черном и голубом» обнаруживается и традиционное представление Психеи в облике «бабочки», однако оно определяет не персонификацию «душевного» измерения бытия, а самополагание лирического субъекта в изображаемой реальности. Традиционно символизируя «душу, бессмертие, возрождение и воскресение» [Купер, 1995, *18*], в мифопоэтическом универсуме А. Ладинского данный «энтомологический» знак одновременно индексирует и «хрупкость», «слабость» лирического «я» / «мы», и присутствие в бренной земной плоти бессмертного («душевного») начала: «Мы в стеклянном и в призрачном мире / И под куполом низким земным, / Мы, как бабочки, бьемся в эфире, / Застилает нам зрение дым» [Ладинский, 2008, *55*]; «Все ближе громыханье / Безжалостных шагов, / Как бабочек порханье / Наш бренный мир стихов» [Там же, *59*]. «Бабочка» воплощает здесь «психейную» сущность субъектного микрокосма.

Бытие души в стихотворениях поэта раскрывается и посредством актуализации телесно-физиологического аспекта человеческого существования – «дыхания». Традиционно символизируя «жизнь, душу», а также «нечто преходящее, несущественное и ускользающее» [Купер, 1995, 84], у А. Ладинского этот витальный акт становится маркером соединения природно-материальной и божественно-духовной сфер мироздания: «И воздухом голубоватым / Мы дышим тяжело, с трудом» [Ладинский, 2008, *48*]; «Когда кастальской стужей / Мы дышим в первый раз» [Там же, *54*]; «А я еще могу глубоко / Дышать сим воздухом земным» [Там же, *57*]; «Погибаем стальным ледоколом, / И дыханье клубится, как пар» [Там же, *58*]. «Дыхание» одновременно указывает и на полноту телесной жизни в координатах земного мира, и на «истекание» души в воздушное пространство небес. Имплицитно символика души проступает и в актуализации «дыма» как знака пейзажного параметра изображаемой действительности. Обозначая «связь между нижним и верхним мирами» [Кирло, 2010, *158*], «дым» оказывается зримым проявлением «дыхания», посредством которого душа устремляется к высшим пределам универсума. Это семантическое сближение «дыхательного» процесса и «дымового» восхождения земли к небу подчеркивается соединением данных знаков на синтагматической оси текста: «Зачем же тихим, тихим океаном / Душа разбойничья здесь назвалась, / Гостеприимным паром и туманом / С мороза в теплых горницах дымясь?» [Ладинский, 2008, *30–31*]; «И к небу отлетает / Дыханий наших дым» [Там же, *42*]; «Хватаем воздух мы руками, / Рвем тесный ворот, как силок, / Склоняются друзья над нами, / Тает меж дерев дымок…» [Там же, *50*]. Соответственно, в спектр значений «дыма» включаются ‘витальное движение души’ и ‘приобщение земной реальности духовным смыслам небесного существования’.

Отметим, что «душевное» измерение лирического субъекта в поэтике А. Ладинского в ряде случаев маркируется знаком «сердце». Являясь

универсальным обозначением «центра личности, характеризующим в человеке самое искреннее, задушевное, интимное» [Зырянов, 2018, *84*], в «Черном и голубом» он обнаруживает двойственную семантику. С одной стороны, «сердце» символизирует внутреннее зрение души, способной провиденциально схватить трагическую сущность бытия («Но сердце прозревало расставанье, / Как птица приближение весны» [Ладинский, 2008, *36*]), а с другой – предстает средоточием земных (эмоциональных) проявлений микрокосма в перспективе перехода в иной мир («Зачем ты сердце разрываешь / У бедных путников земных…» [Там же, *47*]). При этом именно сердце, причастное и телесному, и душевному существованию, раскрывает столкновение со смертью – точкой прерывания земной жизни и начала небесной («Над сердцем, как над черной розой, / Свинцовая пчела поет» [Там же, *50*]; «Судьба российской лиры зла: / Летит свинцовая пчела / Из пистолетного ствола. // Ей сердце обрекает рок, / Оборвано теченье строк, / И тает голубой дымок» [Там же, *51–52*].

Как видно, душа в художественном мире поэта предстает в различных ипостасях и характеризуется многомерностью постулирования ее бытия. То сближая ее проявления с собственной позицией в миропорядке, то максимально объективируя во внеположный «я» / «мы» внешний мир, лирический субъект мыслит ее онтологическим идеалом. Будучи причастна двум измерениям универсума – «черному» (земному) и «голубому» (небесному), душа мыслится ценностной вершиной в координатах «посюстороннего» пространства. При этом познать ее сущность до конца человек не в состоянии. Именно поэтому душа как идеал и как тайна мира в поэзии А. Ладинского прежде всего воплощает идеологему вечной женственности, к которой стремится лирический субъект и которая в силу своей возвышенности оказывается недосягаемой для его смертного «я». Так, в стихотворении «На полюс» (1929) эксплицирован пространственно-аксиологический разрыв между женской душой и влюбленным в нее героем:

Леденцом океан замерзает,
Раскаленною стужей дыша,
И под призрачным небом витает
Ваша – как ледяная – душа…

<…>

И в бревенчатой скуке зимовок,
Грея пальцы над жарким огнем,
В царстве ворвани, шкур и винтовок
Я вздыхаю о Вас перед сном.

[Там же, *58*]

Женское начало здесь предстает как парящая в небесах душа, созерцаемая лирическим «я», но предельно отдаленная от него в силу своей при-

частности высшим пределам мироздания[6]. Такое видение небесного величия души возлюбленной находится в основе сюжетного развертывания стихотворений «Щелкунчик», «Ангелы», «Возникла из тумана…», способствуя оформлению окказионального мифа о «вечной женственности» в творчестве поэта.

Итак, изложенное показывает, что в поэтике книги стихов А. Ладинского «Черное и голубое» репрезентация души и сопряженной с ней художественной символики является одним из центральных параметров смыслообразования, концептуализирующих авторское мировидение. Многомерное представление «душевного» начала как посредника между земным и небесным полюсами универсума связано в стихотворениях поэта с осмыслением широкого комплекса онтологических вопросов: о сущности изгнаннического удела человека и преодолении его катастрофичности, о разрыве связей между «близким» и «далеким», о стремлении к потусторонним небесам и привязанности к «посюсторонности» земли, о родстве и расподоблении телесного и духовного аспектов бытия.

В поэтической антропологии А. Ладинского душа раскрывается в системе взаимосвязанных, но не тождественных друг другу персонификаций и символических знаков. Во-первых, она объективируется в мифологических образах Музы и Психеи, которые актуализируют идеологему «душа поэта», маркируют приближение лирического «я» к мортальной области миропорядка и акцентируют действие творческих (витальных) сил в природно-эмпирическом мире. Это особенно подчеркнуто экспликацией Психеи в облике «лошади», соединяющей жизнь и смерть в их неразрывной связи. Во-вторых, «душевное» измерение лирического микрокосма утверждается посредством сюжетной реализации мотивов «полета» и «плача», усиливающих динамику развертывания поэтического мира и переводящих переживание жизни в изгнании в онтологический регистр. Биографическая утрата А. Ладинским России и эмигрантский жизненный удел продуцируют в его стихотворениях осмысление разрыва связей между земным и небесным мирами, при котором уход в небеса неизбежно связан с потерей земли. «Полет»-восхождение к духовной родине оборачивается оплакиванием родины природной, поэтому душа обнаруживает в себе черты и небесной странницы, и земной изгнанницы. В-третьих, «душевное» самополагание лирического субъекта, раскрываемое посредством таких знаков, как «бабочка»,

[6] Отметим, что постулирование души как ценностного идеала в поэтике «Черного и голубого» четко эксплицирует конститутивный параметр лирики: экспликацию «переживаний героя, который с точки зрения перспективы изображения находится в некоей фиксированной пространственно-временной точке, соответствующей в психологическом плане состоянию лирической концентрации» [Сильман, 1977, *9*]. Такой «точкой» самополагания лирического субъекта у А. Ладинского становится земной мир, открывающий видение динамического восхождения души к миру небесному во всей полноте их единения и разрывов.

«дыхание», «дым», «сердце», актуализирует момент соприкосновения «этого» и «того» аспектов бытия в их трагичном разъединении и провиденциально сознаваемом единстве. В-четвертых, в антропологическом космосе «Черного и голубого» душа обозначает проступание в земном бытии «вечной женственности» – идеальной возлюбленной лирического героя, небесное парение которой отдаляет ее от укоренного в природную эмпирику мужского «я».

Таким образом, в мифопоэтическом универсуме А. Ладинского душа воплощает собой неизбывность витального движения со-противопоставленных микрокосма и макрокосма. В стихотворениях поэта она предстает существующей одновременно и в земном, и в небесном пространствах, обживающей их и сознающей двойственность своей природы. Поэтому миф о бессмертной душе человека в концепции книги «Черное и голубое» становится магистральным способом постижения глубинных антиномий мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Г.В. «Современные записки», книга XXXVI. Часть литературная // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931). СПб.: Алетейя, 2002а. С. 79–88.

Адамович Г.В. <«Черное и голубое» А. Ладинского. – «Стихи и проза» В. Диксона> // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931). СПб.: Алетейя, 2002б. С. 433–440.

Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д. Книга стихов как теоретическая проблема // Филологический класс. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. № 1(35). С. 20–30.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.

Войтехович Р.С. Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета // Войтехович Р.С. Марина Цветаева и античность. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 9–172.

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. 394 с.

Зырянов О.В. Введение в этнопоэтику русской классической литературы. М.: Флинта; Екатеринбург: УрФУ, 2018. 216 с.

Касаткина В.Н. Романтическая муза Пушкина. М.: МГУ, 2001. 128 с.

Кирло Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.

Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Изд. дом «Галина скрипсит», 2013а. С. 221–242.

Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Изд. дом «Галина скрипсит», 2013б. С. 303–345.

Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. 402 с.

Ладинский А.П. Собрание стихотворений. М.: Викмо-М; Русский путь, 2008. 368 с.

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 367 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.

Мочульский К.В. Ант. Ладинский. «Черное и голубое» // Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. С. 303–305.

Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Книжница; Русский путь; Согласие, 2009. 560 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Стихотворения (1820–1826). Л.: Наука, 1977. 399 с.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.

Хазан В. Remarques // Toronto Slavic Quarterly. 2002. № 2. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/02/hazan.shtml (дата обращения: 14.08.2020).

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика. М.: Согласие, 1996. 592 с.

Чагин А.И. Расколотая лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–1930 годы) // Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 7–276.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: REFL-book, Киев: Ваклер, 1996. 288 с.

A.A. Chevtayev
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Russian Language and Literature,
Russian State Hydrometeorological University
St. Petersburg, Russia

Symbolics of the Soul in the «Black and Blue» Book of Poems by A. Ladinsky (On the Question of the Artistic World Specifics)

The article considers a representation of the soul and its symbolism in the «Black and Blue» (1930), the first book of poems by A. Ladinsky in the aspect of poetic anthropology. As a representative of the Parisian poetic branch of the first emigration wave, A. Ladinsky constructs a unique artistic universe based on the opposition of the earthly and heavenly aspects of human existence. The poet's work reflects the conceptual understanding of the dichotomy, expressed by the physical-material «bottom» and the divine-spiritual «top», produces the actualization of the «soul» microcosm as a value-semantic center of the depicted world.

The analysis of A. Ladinsky's poems, based on the combination of anthropological, semiotic, and mythopoetic approaches to the artistic text, shows that in the poetics of the «Black and Blue» the idea of the soul is revealed in a system of interrelated, but not identical to each other personifications and symbolic signs. The article indicates four key parameters of the soul representation: 1) its objectification in the mythological images of the Muse and Psyche; 2) actualization of «flight» and «lamentation» motifs symbolizing and universalizing the views of the exiled human fate and the experience of death; 3) the contact of the earthly and

heavenly existence dimensions realized through such symbols of the soul as a «butterfly», «breath», «smoke», a «heart»; 4) the endowment of the soul with the status of «eternal femininity» embodying the beloved who is ideal and therefore inaccessible to the male lyric «self».

It is concluded that in A. Ladinsky's mythopoetic universe the soul embodies the indelibility of the vital movement of the opposed microcosm and macrocosm. Therefore, in the conception of the «Black and Blue» the myth of the immortal human soul becomes the main line assisting to understand the deep antinomies of the universe.

Key words: *A. Ladinsky; soul; lyrical subject; microcosm and macrocosm; mythopoetics; poetry of Russians abroad; poetic anthropology; artistic symbolics.*

REFERENCES

Adamovich G.V. «Modern Notes», Book XXXVI. Part of the literature [«Sovremennye zapiski», kniga XXXVI. Chast' literaturnaya]. Collected works. Literary notes. Book 1. («Latest News», 1928–1931) [Sobranie sochineniy. Literaturnye zametki. Kn. 1. ("Poslednie novosti" 1928–1931)]. St. Petersburg, Aleteya, 2002a, pp. 79–88 (in Russian).

Adamovich G.V. «Black and Blue» by A. Ladinsky. – «Poems and Prose» by V. Dixon [«Chernoe i goluboye» A. Ladinskogo. – «Stikhi i proza» V. Diksona]. Collected works. Literary notes. Book 1. (Latest News, 1928–1931) [Sobranie sochineny. Literaturnye zametki. Kn. 1. («Poslednie novosti» 1928–1931)]. St. Petersburg, Aleteya, 2002b, pp. 433–440 (in Russian).

Bakhtin M.M. Author and hero in aesthetic activity [Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti]. Collected works in 7 vols. Vol. 1 [Sobranie sochineny: V 7-mi tomakh. T. 1]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2003, pp. 69–263 (in Russian).

Barkovskaya N.V., Verina U.Yu., Gutrina L.D. The book of poems as a theoretical problem [Kniga stikhov kak teoreticheskaya problema]. *Filologichesky klass*. Yekaterinburg, USPU Press, 2014, no. 1 (35), pp. 20–30 (in Russian).

Chagin A.I. Split lyre (Russia and abroad: the destiny of Russian poetry in the 1920–1930) [Raskolotaya lira (Rossiya i zarubezh'ye: sud'by russkoi poezii v 1920–1930 gody)]. Paths and faces. On Russian literature of the XX century [Puti i litsa. O russkoi literature XX veka]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 7–276 (in Russian).

Cooper J. Encyclopedia of symbols [Entsiklopediya simvolov]. Moscow, Zolotoi vek, 1995. 402 p. (in Russian).

Eliade M. Myths, dreams, mysteries [Mify, snovideniya, misterii]. Moscow, REFL-book; Kiev, Wakler, 1996. 288 p. (in Russian).

Gumilev N.S. Complete Works: In 10 vols. Vol. 4. Poems. (1914–1918) [Polnoye sobranie sochineny: V 10-ti tomakh. T. 4. Stihotvoreniya. Poemy (1918–1921)]. Moscow, Voskresenye, 2001. 394 p. (in Russian).

Kasatkina V.N. Pushkin's Romantic Muse [Romanticheskaya muza Pushkina]. Moscow: MSU Press, 2001. 128 p. (in Russian).

Khazan V. Remarques. In: Toronto Slavic Quarterly. 2002, no. 2. *Available at*: http://sites.utoronto.ca/tsq/02/hazan.shtml (accessed 14 August 2020).

Khodasevich V.F. Collected works: in 4 vols. Vol. 1. Poems. Literary criticism [Sobranie sochineny: V 4-kh tomakh. T. 1. Stikhotvoreniya]. Moscow, Soglasie, 1996. 592 p. (in Russian).

Kirlo Kh. Dictionary of symbols: 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history [Slovar' simvolov: 1000 statei o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2010. 525 p. (in Russian).

Korostelev O.A. «Parisian Note» and the opposition of youth poetic schools of Russian literary emigration [«Parizhskaya nota» i protivostoyanie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii]. From Adamovich to Tsvetaeva: literature, criticism, and the press of the Russian abroad [Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ya]. St. Petersburg, N.I. Novikov's Publishing House; «Galina scripsit» Publishing House, 2013b, pp. 303–345 (in Russian).

Korostelev O.A. Antonin Ladinsky's lyrical theater [Liricheskiy teatr Antonina Ladinskogo]. From Adamovich to Tsvetaeva: literature, criticism, and the press of the Russian Abrod [Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ya]. St. Petersburg, N.I. Novikov's Publishing House; «Galina scripsit» Publishing House, 2013a, pp. 221–242 (in Russian).

Ladinsky A.P. Collection of Poems [Sobranie stikhotvoreny]. Moscow, Vikmo–M; Russky put, 2008. 368 p. (in Russian).

Mandelshtam O.E. Collected works in 4 vols. Vol. 1 [Sobranie sochineny: V 4-kh tomakh. T. 1]. Moscow, Art-Business Center, 1993. 367 p. (in Russian).

Mochulsky K.V. Ant. Ladinsky. «Black and Blue» [Ant. Ladinskiy. «Chernoye i goluboye»]. A Crisis of imagination. Articles. Essay. Portraits [Krizis voobrazheniya. Stat'i. Esse. Portrety]. Tomsk, Vodolei, 1999, pp. 303–305 (in Russian).

Myths of world nations. Encyclopedia in 2 vols. Vol. 2 [Mify narodov mira. Entsiklopediya: V 2-kh tomakh. T. 2.]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1992. 719 p. (in Russian).

Poplavsky B.Yu. Collected works in 3 vols. Vol. 1. Poems [Sobranie sochineny: V 3-kh tomakh. T. 1. Stikhotvoreniya]. Moscow, Knizhnitsa; Russky put; Soglasie, 2009. 560 p. (in Russian).

Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes. Vol. 2. Poems (1820–1826) [Sobranie sochineniy: V 10-ti tomakh. T. 2. Stikhotvoreniya (1820–1826)]. Leningrad, Nauka, 1977. 399 p. (in Russian).

Silman T.I. Notes on lyrics [Zametki o lirike]. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1977. 223 p. (in Russian).

Struve G.P. Russian literature in exile [Russkaya literatura v izgnanii]. Paris: YMCA-Press; Moscow, Russky put, 1996. 448 p. (in Russian).

Voitekhovich R.S. Psyche in the works by M. Tsvetaeva: the evolution of the image and plot [Psikheya v tvorchestve M. Tsvetaevi: evolyutsiya obraza i syuzheta]. Marina Tsvetaeva and Antiquity [Marina Tsvetaeva i antichnost']. Moscow, Marina Tsvetaeva House-Museum, 2008, pp. 9–172 (in Russian).

Zyryanov O.V. Introduction to the ethnopoetics of Russian classical literature [Vvedenie v etnopoetiku russkoi klassicheskoi literatury]. Moscow, Flinta; Yekaterinburg, UFU, 2018. 216 p. (in Russian).

Д.В. Кротова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-52-64

ПОЭТИКА ТЕЛЕСНОСТИ В ЛИРИКЕ В. ШАЛАМОВА

Ключевые слова: *русская литература; поэзия XX века; Шаламов; телесность; традиции акмеизма; лейтмотив; образы природы в лирике; категория памяти*.

Статья посвящена характеристике категории телесности и форм ее реализации в лирике В. Шаламова: выявлению как уникальности художественного подхода поэта, так и связей с традицией, в частности акмеистической. Заявленная проблематика еще не становилась объектом детального литературоведческого анализа. В раскрытии темы использованы материалы архива В.Т. Шаламова (РГАЛИ).

В статье рассматриваются важнейшие ракурсы реализации категории телесности: принцип раскрытия душевных аспектов жизни личности сквозь призму образов тела, когда те или иные эмоционально-чувственные или идейные грани реализуются в поэтическом тексте при помощи соматологического кода; соотношение и взаимодействие духовного и физического в характеристике лирического «я»; смысловое наполнение ключевых лейтмотивов лирики Шаламова, связанных с телесной сферой и организмом человека. Выявлено и рассмотрено характерное свойство поэтического мышления Шаламова, заключающееся в экстраполяции телесности на явления природного мира, а также умопостигаемые феномены. Затрагивается вопрос об отношении Шаламова к религии и специфике преломления моральных размышлений в поэтическом дискурсе сквозь призму осязаемых образов. Раскрываются аспекты трактовки проблемы телесности в лирике Шаламова, коррелирующие с акмеистическими художественными установками.

В лирике Шаламова, недостаточно исследованной на сегодняшний день, раскрывается особое понимание категории телесности. Трактовка Шаламова уникальна, поскольку поэт не повторяет сложившихся до него подходов к осмыслению названной категории. В то же время шаламовская интерпретация, безусловно, связана с традицией – в частности, акмеистической.

В предлагаемой статье будут рассмотрены основные грани реализации заявленной проблематики: принцип раскрытия душевных аспектов жизни личности сквозь призму телесности; соотношение и взаимодействие

духовного и физического в характеристике лирического «я»; идейно-художественное наполнение важнейших лейтмотивов лирики Шаламова, связанных с телесной сферой и организмом человека. Характерно, что явления окружающего мира и мыслимые феномены (такие, как слово и поэтический текст) также зачастую осмысливаются в лирике Шаламова сквозь призму соматологических образов.

Все перечисленные аспекты пока еще не получили детального освещения в литературоведении. Проблема телесности в *прозе* Шаламова затрагивалась в некоторых трудах: так, в исследованиях Е.В. Волковой содержатся значимые суждения о символическом наполнении образов тела в художественном мире Шаламова [Волкова, 1997; 1998; 2005]; Ф. Апанович затрагивает вопрос о шаламовском осмыслении лагерного бытия в гендерном аспекте (психофизиологический мир женщины) [Апанович, 2007]; Л. Юргенсон предлагает своеобразный ракурс рассмотрения тела как «документа» в прозе Шаламова [Юргенсон, 2005]. При этом категория телесности в *лирике* Шаламова до сих пор не становилась объектом обстоятельного научного анализа.

Осмысление сферы телесности в поэтическом мире Шаламова в определенной степени связано с преломлением акмеистических художественных принципов, среди которых – особое внимание к физической грани бытия. С. Городецкий в своем известном манифесте заявлял о борьбе «за э т о т мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время» [Городецкий, 1988, *93*]. Закономерно, что в понимании современных исследователей «одной из базовых миромоделирующих категорий стала для акмеистов категория телесности» [Меркель, 2015], которая обретает значение «одной из семантических доминант и смысловых универсалий» [Полтаробатько, 2009, *5*].

В поэзии Шаламова названный аспект не менее существенен, чем у акмеистов, – что неслучайно, поскольку Шаламов с большим вниманием относился и к творческой практике представителей акмеизма, и к положениям их художественной программы (см., например, письмо Шаламова к Н.Я. Мандельштам от 29 июня 1965 года [Шаламов, 2013, 6, *408–410*]). Можно признать, что *телесность в лирике Шаламова столь же значима, как и духовно-душевные грани бытия личности*, одно неотделимо от другого. Духовное зачастую реализуется и раскрывается именно сквозь призму физического, как, например, в следующем стихотворении, посвященном образу поэта и поэтического произведения:

Хранитель языка –
Отнюдь не небожитель,
И каждая строка
Нуждается в защите.

Нуждается в тепле
И в меховой одежде,
В некрашеном столе
И пламенной надежде.

Притом добро тепла
Тепла добра важнее.
В борьбе добра и зла
Наш аргумент сильнее.

[Там же, 3, *429*]

Характерны слова: «…добро тепла / Тепла добра важнее». Эти строки не следует трактовать буквально, вырывая из контекста, как утверждение, что категории физического мира (тепло) более значимы, чем духовные (добро). Ведь идея стихотворения заключается именно в осмыслении благих начал духа – добра и творчества. Но абстрактные, онтологические категории, как почти всегда бывает у Шаламова, осмысливаются в неразрывной связи со сферой эмпирического бытия.

С точки зрения соотношения духовного и телесного, абстрактного и физического репрезентативно стихотворение Шаламова «Рассказ о Данте» [Там же, 3, *79–80*], где спасение человеческой жизни и избавление тела от страданий оказывается несравнимо важнее, чем соблюдение формально понятого благочестия. Шаламов размышляет о том, что идея добра не должна принимать сугубо абстрактный характер и пониматься отвлеченно. Подлинная ее реализация возможна лишь тогда, когда она проецируется на человека в его духовно-душевно-телесной сущности.

Равноправное, паритетное соединение душевного и телесного начал характеризует и само *лирическое «я» Шаламова*. Внутренний мир лирического героя зачастую находит выражение сквозь призму внешнего, физического. «Я» Шаламова – это тело в той же мере, что и душа. Подобное свойство самоощущения автора «Колымских тетрадей» особенно ярко высвечивается при сравнении с поэтической традицией Серебряного века, наследником которой Шаламов себя справедливо считал. Так, у символистов духовной сфере заведомо отдается приоритет перед физической; мир вещественный воспринимается символистами прежде всего как отражение высших сущностей. Поэтому лирический герой К. Бальмонта, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова раскрывается в первую очередь в ракурсе душевно-эмоциональном и с точки зрения сферы сознания.

Акмеисты, как известно, «реабилитируют» вещественный, материальный мир, для лирического героя Н. Гумилева или О. Мандельштама значимость телесной ипостаси повышается. Мандельштам в очерке «Утро акмеизма» утверждал: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически-гениальным средневековьем» [Мандельштам, 1991, 2, *323*]. В поэзии акмеистов нередко встречается и осмысление феномена тела – например, у О. Мандельштама в стихотворении «Дано мне тело – что мне делать с

ним…», у Н. Гумилева в стихотворении «Душа и тело» и др. Художественному миру А. Ахматовой свойственна многоплановая разработка поэтики жеста и мимики, «точное и тонкое наблюдение едва заметных внешних признаков душевного состояния» [Жирмунский, 1977, *114*].

Шаламов же доводит названную тенденцию до предельно яркого выражения. *Для поэтического «я» Шаламова характерно теснейшее сплетение, неразрывное соединение душевной и телесной граней*. Эмоциональные переживания практически всегда воплощаются у Шаламова сквозь призму физического, образ страдающей души и страдающего тела в поэзии Шаламова нераздельны. В качестве ярчайших примеров можно привести стихотворения «Я беден, одинок и наг…», «Поэту», «Я разорву кустов кольцо…», «Я здесь живу, как муха, мучась…», «Реквием», «О тебе мы судим разно…» и ряд других.

В стихотворении «Я беден, одинок и наг…» душевное и телесное неотделимы друг от друга – в характеристике героя и в самой лирической ситуации. Уже в первой строке в одном ряду даны метафоры, характеризующие внутреннее состояние лирического героя, и метафоры сугубо «физического» порядка: поэт «одинок» и «наг». Острое чувство одиночества сплетается с ощущением полной незащищенности тела (нагота). В последующих строфах состояние лирического героя передано именно в физических ощущениях:

И бронхи рвет мои мороз
И сводит рот.
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.

[Шаламов, 2013, 3, *8*]

Здесь не говорится напрямую об эмоциях, душевных переживаниях. Читатель видит лишь их телесные проявления: так, образ «каменных» слез заставляет прочувствовать меру отчаяния и боли, вложенных в эти строки. В последней строфе передана резкая смена состояния лирического героя: «И полной грудью мне легко / Опять дышать» [Там же, 3, *8*]. Вновь представлена физическая характеристика, но за ней стоит, конечно же, произошедшая эмоциональная перемена: преодолеть отчаяние поэту помогли его стихи, которые он «кричит» в «полярном мраке». Поэзия дает ему силы и возможность жить дальше, что и передано метафорой дыхания, свободного вдоха. В стихотворении прямо и непосредственно раскрывается, казалось бы, именно физический план, но он позволяет прочувствовать глубину переживаний. Слияние в характеристике лирического «я» душевного и телесного компонентов, «прорастание» одного в другое – специфическая особенность шаламовского поэтического мышления.

Не менее яркий пример подобного «прорастания» – стихотворение «Я разорву кустов кольцо…»:

Я разорву кустов кольцо,
Уйду с поляны.
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.

Роса холодная течет
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.

Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.

Заплакать? Но такой вопрос
Решать же надо.
Текут потоком горьких слез
Все реки ада.

[Там же, 3, *100*]

Бьющие в лицо ветки и наносимые ими раны, капли холодной росы на «жаркой коже», «горячий рот» – все эти метафоры передают прежде всего ощущения тела. Но именно сквозь призму физического воплощается внутренняя боль лирического героя – осознание искалеченной судьбы, непоправимо разбитой жизни.

В приведенных стихотворениях возникают характерные мотивы, которые пронизывают «Колымские тетради» (а также нередки и в посколымской лирике Шаламова): *мотивы слез* и *пота*. Читатель встречает их (в соединении или по отдельности), например, в стихотворениях «Не дождусь тепла-погоды…», «Я жаловался дереву…», «Поэту», «Откинув облачную крышку…», «Неосторожный юг…», «Сломав и смяв цветы…», «Слеза» и во многих других. Очевидно, какие смыслы несут образы слез и пота – горечь, тяготы, существование на пределе физических и моральных возможностей.

К этим метафорам Шаламов обращался и при осмыслении *образа своего читателя*, как, например, в стихотворении «Лиловый мед», открывающем сборник «Златые горы». Лиловый мед – это разбрызганный на снегу сок ягод; эта метафора воплощает собой поэтическое слово. Застывшие ягодные льдинки обязательно попадутся путнику, который поднимет их (так вводится образ читателя):

И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашеные льдинки.

[Там же, 3, *143*]

Возникающие здесь мотивы слез и пота говорят о том, каким Шаламов видел своего читателя: это человек, который внутренне близок автору и, как и сам поэт, перенес тяжелые жизненные испытания.

Примечательно, что мотив пота – подчеркнуто физиологический и, казалось бы, антиэстетический – в стихотворениях Шаламова порой окрашивается положительными коннотациями. Ведь пот – это атрибут живого организма, жизненности. Поэтому такая сугубо физическая деталь встраивается Шаламовым в семантический ряд, связанный с существованием как благом. В стихотворении «Кто, задыхаясь от недоверья…» лирический герой так раскрывает свою тоску по подлинному человеческому чувству и искренности общения: «Рук человеческих надо мне, / Прикосновений горячих, потных, / Рукопожатий наедине» [Там же, 3, *204*]. А в стихотворении «Исполнение желаний» «жаркий пот» становится атрибутом красоты доброй хозяйки, приютившей и накормившей путников в своей теплой избе: задремавшая за прялкой женщина «в блеске капель пота / Преображается святой» [Там же, 3, *170*].

Значимый вопрос – каким в лирике Шаламова предстает образ самого *человеческого тела*. В поэзии акмеистов, например, тело нередко осмысливается как совершенное Божье творение. Достаточно вспомнить мандельштамовские строки:

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
[Мандельштам, 1991, 1, *6*]

У Шаламова же в интерпретации феномена телесности появляются чаще всего иные акценты – это изуродованное, страдающее тело. Яркий пример – стихотворение «Желание», которое начинается следующими строфами:

Я хотел бы так немного!
Я хотел бы быть обрубком,
Человеческим обрубком...

Отмороженные руки,
Отмороженные ноги...
Жить бы стало очень смело
Укороченное тело.
[Шаламов, 2013, 3, *189*]

Образ изувеченного тела становится символом дисгармоничности бытия, тотального разрушения благих, здравых жизненных основ.

Тема страдающего, искалеченного тела раскрывается и в стихотворении «Перед небом». Здесь вновь возникает образ разрушенной телесной целостности: ампутированный палец, «съеденный» морозом, фантомные

боли. Образ узника в этом стихотворении сопоставлен с образом Христа, а цинготные язвы на теле заключенного сравниваются со стигматами. Страдания человека уподобляются страстям Христовым, но при этом здесь отсутствует идея искупления, муки ради высшего блага. В стихотворении возникает образ распятия, но вовсе не очевидна мысль о победе добра. Акцент сделан именно на теме телесной боли.

Стихотворение «Перед небом» выводит на размышления о роли *религиозных образов* у Шаламова, о его отношении к религии. Вопрос этот сложен и является, безусловно, предметом отдельного исследования. Суммируя кратко имеющиеся факты, необходимо сказать, что Шаламов не был верующим. Сам поэт и писатель прямо заявлял: «Веру в Бога я потерял давно, лет в шесть» [Там же, 4, *146*], а также неоднократно подтверждал, что не является религиозным человеком (см., помимо приведенной цитаты, и другие высказывания из книги «Четвертая Вологда» [Там же, 4, *120, 142*], автобиографический очерк «Курсы» [Там же, 1, *489–529*] и пр.). В то же время, безусловно, прав крупный исследователь творчества Шаламова В.В. Есипов, который считает, что Шаламов «был далек от плоского и вульгарного атеизма» [Есипов, 2016, *13*]. Религиозная тема вовсе не была вычеркнута из сознания поэта и писателя. В письме к Б. Пастернаку от 20 декабря 1953 года Шаламов признавался: «Я читывал когда-то тексты литургий, тексты пасхальных служб, богослужений Страстной недели и поражался силе, глубине, художественности их» [Шаламов, 2013, 6, *35–36*]. В поэзии Шаламова нередко встречаются религиозные образы, которые выступают в роли важнейших этических символов: фигура Иоанна Крестителя (образ его отрубленной головы в стихотворении «Поэты придут, но придут не оттуда...»), самих мучеников-узников, которые прошли «пути голгофские» и осмысливаются как «ученики или предтечи» («С годами все безоговорочней...»), храмовых и богослужебных реалий («Лицом к молящемуся миру…», «Потухнут свечи восковые…»). Как явствует уже из приведенного краткого перечня, для Шаламова более типичны не отвлеченные моральные размышления, а преломление этических идей сквозь призму осязаемых образов.

К метафорам, связанным со сферой телесности, Шаламов зачастую обращается и при художественном осмыслении *мира природы* – деревьев и кустарников, гор и скал, ветра и даже камней. Именно так происходит в стихотворении «Близнецы» (рукопись хранится в архиве В.Т. Шаламова), лирический герой которого воспринимает камень как своего двойника (цитируем три первых строфы):

С тобою мы и впрямь похожи,
Упрямый камень диких гор.
Годами высечен на коже
Нам одинаковый узор.

И вихрь крутящихся песчинок
Все резче метил на лице
Такие складки и морщины,
Что могут быть на мертвеце.

Ты устоял под тем же ветром,
Который дул в лицо и мне.
Одним и тем же звездным светом
Мы утешались в тишине.
[РГАЛИ, ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 3, *30*]

Лирический герой уподобляет себя камню, имея в виду такие качества, как устойчивость, твердость, – именно то, что позволило Шаламову в страшных условиях сохранить себя, не сломаться. Но в этом сравнении камень наделяется еще и телесными характеристиками: у него, как у человека, есть лицо, изборожденное морщинами, у него есть кожа, камень чувствует и холод, и палящий зной. Шаламов экстраполирует телесные метафоры даже на область неживой природы, что еще раз доказывает значимость названного вектора в мышлении поэта.

Не менее выразительный пример читатель находит в стихотворении «Я мучаюсь и днем, и ночью…» [РГАЛИ, ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 1, *3*], где целый ряд природных сущностей наделен свойствами «телесности»: «трава, ползущая на брюхе», «гора с лицом седой старухи / Укрытой вязанным платком»; в ответ на все старания поэта тайга «пожимала лишь плечами, / Широкими плечами гор». В стихотворении «Стланик» «телесностью» обладает это вечнозеленое таежное растение, которое в художественном мире Шаламова соотносится с темами надежды, добра и жизни вопреки мертвящему холоду. Зимой стланик «в землю вцепился руками», ища «хоть каплю тепла», а почувствовав приближение весны, «черные, грязные руки / Он к небу протянет – туда, / Где не было горя и муки, / Мертвящего грозного льда» [Шаламов, 2013, 3, *230–231*]. В этом стихотворении ярко проявляется отличительное свойство поэтического мышления Шаламова: он предельно сближает миры природы и человека. «Привлечение, вовлечение мира в борьбу людей, в злободневность считаю своей заслугой в русской поэзии. <…> Я, пробывший столько лет наедине с природой, с камнем, с облаками, с травой, я пытался выразить их чувства, их мысли на человеческом языке, пытался перевести на русский язык язык травы и камня» [Там же, *489–490*]. Подобной творческой установкой Шаламова и объясняется наделение явлений природы «телесностью», стремление осмыслить природную жизнь не только в связи с человеческими эмоциями, но и сквозь призму человеческой физиологии.

Свойства «телесности» у Шаламова переносятся и на явления *психологического*, *когнитивного порядка*, феномены *умопостигаемые* в его лирике осмысливаются как обладающие телесными свойствами. Речь идет,

например, о феномене слова. Достаточно вспомнить стихотворение «Скоро мне при свете свечки…», где сами слова́ из письма жены, сами начертанные строки можно «греть у печки» и буквы «точат слезы». Идея «оплотнения» слова, наделения его «физическими» характеристиками присуща и акмеистическому дискурсу – так, «О.Э. Мандельштам уподобляет поэтическое слово камню, который оказывается залогом созидания и определяет бытийное основание миропорядка» [Чевтаев, 2018, *70*], а в статьях и очерках 1920-х годов поэт «приходит к выводу, что слово являет собой некое триединство, выступающее в ипостасях Слова-Логоса, слова-плоти, слова-души» [Кихней, 2017, *14*]. Но если у Мандельштама слово осмысливается в большей степени как эстетическая и философская категория, как важнейший мировоззренческий элемент, то в лирике Шаламова явственно ощутим другой акцент – слово как физический организм, обладающий «ощущениями» и наделенный собственным «чувственно-эмоциональным» миром.

Как своего рода «телесные» сущности Шаламов порой воспринимает и *сами свои стихотворения*, осмысливая их, например, сквозь призму образов зверей. Именно такая метафора возникает в первом же стихотворении «Колымских тетрадей» – «Пещерной пылью, синей плесенью…». Стихи-звери выжили и выросли «в морозной тьме, в болотной сырости», они довольны «своей гранитной клеткою» и «кричат про то, что вечно снится им / В уюте камня и лесов» [Шаламов, 2013, *7*].

Особая категория в лирике Шаламова – *категория «памяти тела».* К. Батюшков в своем известном стихотворении противопоставлял «память *сердца*» и «память *рассудка*» – и Шаламов «всей душой принимал проникновенные строки К. Батюшкова, которые не раз цитировал» [Есипов, 2012, *336*]. В своей же собственной лирике Шаламов размышлял о *телесной* памяти, которая оказывается порой сильнее всех иных. Так, разлуку с любимой прежде всего «жгучей болью помнит кожа» [Шаламов, 2013, 3, *82*] – здесь на первый план выдвинута именно телесная грань. «Прикосновения разлуки» схожи с «клеймом», «что на себе всю жизнь ношу я / И только небу покажу. / Я по ночам его рисую, / По коже пальцем обвожу» [Там же, 3, *82*].

Разум не всегда может удержать все подробности субъективного жизненного опыта – имена и события, впечатления и переживания. Память тела же намного более надежная и цепкая. Рассуждениям об этом посвящено, в частности, и стихотворение «Память» (цитируем его заключительные строфы):

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.
Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,

Память пальцев, память плеч.
Эти точные движенья,
Позабытые давно,
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.
[Там же, 3, *332*]

В приведенном стихотворении вновь реализуется характерный вектор поэтического мышления Шаламова: духовное и телесное даны в неразрывном соединении, и одно преломляется в другом – так, работа «мышц», «пальцев» и «плеч» уподоблена произносимому на память стихотворению. Здесь находит отражение еще одна значимая идея Шаламова: о том, что любое явление бытия – человеческой жизни, природы, существования вообще – может быть осмыслено с точки зрения законов стиха (суждения об этом Шаламов высказывает, например, в эссе «Стихи – всеобщий язык», «Таблица умножения для молодых поэтов», «Природа русского стиха» [Там же, 5, *52–53; 11–17; 131–141*]).

Почему же категория телесности оказывается настолько значима в поэтике Шаламова? Одно из возможных объяснений – биографическое. Почти двадцать лет лагерей, тяжелейшего труда, невыносимых условий, болезней как неизбежного результата жизни на пределе возможностей – все это заставляло переживать каждый день как страдание, физическое и душевное. Следствием является и та онтология телесности, которая развернута в лирике Шаламова. Другое объяснение столь высокой значимости образов тела связано, как уже отмечалось, с акмеистической традицией, наследником которой Шаламов себя в полной мере ощущал.

ЛИТЕРАТУРА

Апанович Ф. На низшей ступени унижения (Образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова) // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: материалы конференции. М.: [б. и.], 2007. С. 33–39.

Волкова Е.В. Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена // Волкова Е.В. Встреча искусства с эстетикой. О философских проблемах диалога искусства и эстетики в XX веке. М.: Современные тетради, 2005. 246 с.

Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.

Волкова Е.В. Эстетический феномен Варлама Шаламова // IV Международные Шаламовские чтения: тезисы докладов и сообщений (Москва, 18–19 июня 1997 г.). М.: Республика, 1997. С. 7–22.

Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: хрестоматия / сост. А.Г. Соколов. М.: Высшая школа, 1988. С. 90–96.

Есипов В.В. «Доказательства надо предъявлять самому…» // В. Шаламов. Из глубины. Мысли и афоризмы. М.–СПб.: Летний сад – Университетская книга, 2016. С. 3–14.

Есипов В.В. Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2012. 346 с.

Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.

Кихней Л.Г. Акмеизм как течение // История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов). В 3 ч. / отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Юрайт, 2017. Ч. 3. С. 6–21.

Мандельштам О.Э. Собр. соч. Т. 1–4. М.: ТЕРРА, 1991.

Меркель Е.В. Телесная семантика в картине мира и поэтике Гумилева // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2015. № 2, ч. 2. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23039 (дата обращения: 31.05.2020).

Полтаробатько Е.Д. Категория телесности в акмеистическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.

Чевтаев А.А. «Архитектурные» стихотворения О. Мандельштама: сюжетная динамика и «эпическая» перспектива // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2(42). С. 69–88.

Шаламов В. Близнецы // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 3.

Шаламов В. Собр. соч. Т. 1–7. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.

Шаламов В. «Я мучаюсь и днем, и ночью…» // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 3.

Юргенсон Л. Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова // Тело в русской культуре: сборник статей / сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 340–344.

D.V. Krotova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Modern Russian Literature
and Contemporary Literary Process,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The Corporeality Poetics in V. Shalamov's Lyrics

The article is devoted to the category of corporeality and the forms of its implementation in V. Shalamov's lyrics, viz. identifying both the uniqueness of the poet's artistic approach and the connections with tradition, in particular, acmeistic one. The stated problems have not become the object of detailed literary analysis yet. To disclose the topic, the author of the article uses materials of V.T. Shalamov's archive (Russian State Archive of Literature and Art).

The article considers the most important perspectives concerning the realization of corporeality category, viz. the principle of revealing mental aspects of a personality's life through the prism of body images, when certain emotional-sensory or ideological facets are realized in a poetic text with the help of a somatological code; the relation and interaction of spiritual and physical in the characteristic of the lyrical subject; the semantic filling of key leitmotifs in Shalamov's lyrics related to the corporate sphere and human organism.

The study reveals and considers Shalamov's characteristic property of poetic thinking consisting in extrapolating corporeality to the phenomena of natural world, as well as intelligible phenomena. The author touches upon Shalamov's

attitude to religion and specifics concerning the refraction of moral ideas in poetic discourse through the prism of tangible images. The article discloses aspects relating to the interpretation of corporeality problem in Shalamov's lyrics and correlating with acmeistic artistic attitude.

Key words: *Russian literature; poetry of the 20th century; Shalamov; corporeality; traditions of acmeism; leitmotif; images of nature in lyrics; category of memory.*

REFERENCES

Apanovich F. At the lower stage of humiliation (Image of woman in the work of V.T. Shalamov) [Na nizshei stupeni unizheniia (Obraz zhenshchiny v tvorchestve V.T. Shalamova)]. *K stoletiyu so dnya rozhdeniya Varlama Shalamova. Materialy konferentsii* [On the centenary of Varlam Shalamov's birth. The proceedings of a conference]. Moscow, 2007, pp. 33–39 (in Russian).

Chevtaev A.A. «Architectural» poems by O. Mandelstam: plot dynamics and «epic» perspective [«Arkhitekturnye» stikhotvoreniya O. Mandel'shtama: syuzhetnaya dinamika i «epicheskaya» perspektiva]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2(42), pp. 69–88 (in Russian).

Esipov V.V. «Evidence must be presented by oneself…» [«Dokazatel'stva nado pred"yavlyat' samomu…»]. *V. Shalamov. From deep. Thoughts and aphorisms* [V. Shalamov. Iz glubiny. Mysli i aforizmy]. Moscow–Saint-Petersburg, Letny sad – Universitetskaya kniga Publ., 2016, pp. 3–14 (in Russian).

Esipov V.V. Shalamov [Shalamov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2012. 346 p. (in Russian).

Gorodetsky S. Some trends in modern Russian poetry [Nekotorye techeniya v sovremennoi russkoi poezii]. *Poetic trends in Russian literature of the late XIX – early XX centuries: Literary manifestos and artistic practice. Anthology* [Poeticheskie techeniya v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnye manifesty i khudozhestvennaya praktika. Khrestomatiya]. Comp. by Sokolov A. G. Moscow, Vysshaia shkola, 1988, pp. 90–96 (in Russian).

Kikhnei L.G. Acmeism as a tendency [Akmeizm kak techenie]. *History of Russian literature of the Silver Age (1890s – early 1920s)* [Istoriya russkoi literatury Serebrianogo veka (1890-e – nachalo 1920-kh godov)]. In 3 parts. Ed. by M.V. Mikhailova, N.M. Solntseva. Part 3. Moscow, Urait, 2017, pp. 6–21 (in Russian).

Mandelshtam O.E. Complete works [Sobranie sochinenii]. Vol. 1–4. Moscow, TERRA, 1991 (in Russian).

Merkel Ye.V. Corporiality semantics in Gumilev's world view and poetics [Telesnaya semantika v kartine mira i poetike Gumileva]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia,* 2015, no. 2, part 2. *Available at*: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23039 (accessed 31 May 2020).

Poltarobatko Ye.D. Category of the human body in the acmeism's discourse [Kategoriya telesnosti v akmeisticheskom diskurse]. Abstract of the dissertation … kand. filol. sciences. Moscow, 2009. 20 p. (in Russian).

Shalamov V. «I suffer day and night…» [«Ya muchayus' i dnem, i noch'yu…»]. Russian State Archive of Literature and Art, Fund 2596. List 3. Single repository 1. L. 3 (in Russian).

Shalamov V. Complete works [Sobranie sochineny]. Vol. 1–7. Moscow, Knigovek Book Club. 2013 (in Russian).

Shalamov V. The twins [Bliznetsy]. Russian State Archive of Literature and Art, Fund 2596. List 3. Record 3. Single repository 1. L. 3 (in Russian).

Volkova Ye.V. Abris of Varlam Shalamov's work as an aesthetic phenomenon [Abris tvorchestva Varlama Shalamova kak esteticheskogo fenomena]. *Meeting art with aesthetics. On the philosophical problems of dialogue of art and aesthetics in the 20th century* [Vstrecha iskusstva s estetikoi. O filosofskikh problemakh dialoga iskusstva i estetiki v XX veke]. Moscow, Sovremennye tetradi, 2005. 246 p. (in Russian).

Volkova Ye.V. The aesthetic phenomenon of Varlam Shalamov [Estetichesky fenomen Varlama Shalamova]. *IV Mezhdunarodnye Shalamovskie chteniia. Moskva, 18-19 iyunya, 1997. Tezisy dokladov i soobshcheny* [IV International Shalamov readings. Moscow, June 18–19, 1997. Abstracts of reports and communications]. Moscow, Respublika, pp. 7–22 (in Russian).

Volkova Ye.V. Varlam Shalamov's tragical paradox [Tragichesy paradoks Varlama Shalamova]. Moscow, Respublika, 1998. 176 p. (in Russian).

Yurgenson L. Skin – a metaphor for the text in camp prose by Varlam Shalamov [Kozha – metafora teksta v lagernoi proze Varlama Shalamova]. *Telo v russkoi kul'ture* [Body in Russian culture]. Collection of articles. Comp. by G. Kabakova and F. Kont. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie, 2005, pp. 340–344 (in Russian).

Zhirmunsky V.M. Overcoming the symbolism [Preodolevshie simvolizm]. *Theory of literature. Poetics. Stylistics* [Teoriya literatury. Poetika. Stilistika]. Leningrad, Nauka, 1977. 407 p. (in Russian).

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-64-79

УСТОЙЧИВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ В КНИЖНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ «ПЕРСОНАЛЬНОЙ СЕРИИ» В СВЕТЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И АВТОРСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ключевые слова: *поэзия; лексические комбинации; программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»; поэтика; авторский комментарий; психология творчества; поэтическая «Персональная серия».*

Статья посвящена выявлению повторяющихся лексических комбинаций в поэтических текстах при помощи оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Обнаруженные таким способом устойчиво соседствующие слова оказываются характерны либо для большинства носителей языка, либо для определенной поэтической традиции, либо для конкретного автора. Задача настоящего исследования – сопоставить результаты максимально объективной компьютерной обработки текстов с интерпретацией филологов и субъективным авторским комментарием и наметить малоизученные вопросы психологии поэтического творчества.

Задача исследования, некоторые результаты которого отражены в статье, – апробировать новые способы анализа структуры поэтического текста. Объектом исследования стали лексические комбинации (ЛК) – переходящие из текста в текст устойчивые соседства слов, не связанных между собой грамматически, отчего компоненты-участники комбинаций могут находиться друг от друга на расстоянии нескольких слов, стихотворных строк, в разных строфах. Это явление принципиально отличается от коллокаций (последовательности слов, частотность совместного появления которых в корпусе выше, чем ожидаемая вероятность их совместного появления). В ЛК, как правило, в принципе нет ожидания возникновения другого слова или, точнее, его соседство может быть обусловлено не законами лексической сочетаемости, а ассоциациями – как общечеловеческими, отраженными в словарях ассоциаций, так и индивидуально-авторскими. Поскольку компоненты лексической комбинации нередко расположены в тексте на внушительной дистанции друг от друга и лишены привычных языковых связей, эту ассоциацию бывает сложно осознать даже самому автору. Вместе с тем ЛК могут содержать в себе потенцию образа, играть свою роль в композиции, не говоря уже про то, что они могут быть связаны с особенностями поэтической фоники и грамматики (данный вопрос требует отдельного изучения). Таким образом, результаты наблюдений над ЛК вписываются в традиционный набор характеристик идиостиля. Кроме того, они приоткрывают завесу над той стадией рождения поэтического текста, которая входит в область изучения психологии творчества.

В рамках исследования был разработан специальный программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»[1], позволяющий в автоматическом режиме выявлять ЛК в текстах любого заданного корпуса стихотворений.

Созданный программный комплекс предполагает возможность двоякого его использования – «корпусного» и «тематического». В «тематическом» направлении исследований в основе постановочной идеи находится конкретный единичный компонент (лексема = минимальная тема), например, *алмаз, конь, кипарис, Армения*; в состав корпуса отбираются стихотворения разных авторов с этой лексемой, и программа помогает обнаружить устойчивые слова-спутники данной лексемы, формируя, таким образом, ядро (постоянные компоненты) и периферию (переменные компоненты) комбинаций на заданную тему [Павлова, Романова, 2020].

При «корпусном» подходе выбирается определенный корпус текстов, например, книга стихов, или он формируется по тематическому прин-

[1]Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 19137 Программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Авторы: Павлова Л.В., Романова И.В., Самойлова Т.А. Дата регистрации 26 апреля 2013 года.

ципу, например, стихотворения о революции, о войне, без указания определенных лексем. В этом корпусе и ищутся лексические комбинации [Павлова, Романова, 2019].

В настоящей статье изложены основные результаты «корпусного» исследования. Материал исследования – одиннадцать поэтических книг (общий объем – 469 текстов), вышедших в Смоленске в 2017–2019 годах [Агинская, 2017; Азаренков, 2017б; Андреева, 2019; Асадчий, 2017; Кирсанова, 2018; Костылев, 2018; Пегов, 2018; Смагин, 2017; Смагина, 2017; Трифонова, 2017; Шполянский, 2018]. Эти книги составили основу серии, получившей название «Персональная серия», так как все авторы являются участниками литературного объединения «Персона», 28 лет существующего при Смоленском государственном университете. У восьми из одиннадцати авторов «Персональной серии» выявлено по тысяче и более парных комбинаций, которые, в свою очередь, могут образовывать более длинные комбинации. Меньше всех (519) двухкомпонентных комбинаций у Антона Азаренкова, у двух авторов – Александра Асадчего и Дмитрия Смагина – соответственно 609 и 648.

Суть эксперимента, проведенного в ходе исследования, заключалась в том, что некоторые из обнаруженных авторских лексических комбинаций не только интерпретировались исследователями, но и были (без указания, из каких стихотворений они извлечены) предложены для комментария самим авторам. На качество комментария могло повлиять то, что десять из одиннадцати авторов имеют филологическое образование, трое – ученую степень кандидатов филологических наук, все связаны со Смоленской филологической школой, в которой приоритетны точные методы исследования [Баевский, 2011].

Первоначальная реакция авторов при получении ЛК, выявленных в их текстах, – удивление. Это подтверждает, что ЛК возникают на уровне предтекстовом, не контролируемом рассудком. Приведем некоторые примеры авторской реакции. Ольга Смагина – «экфрастичный» автор, ее тексты наполнены визуальными образами, мотивами группы «Видение», многочисленными призывами «Смотри», «Посмотри», «Взгляни», констатациями типа «вижу». Выявленные в ее текстах ЛК с компонентом *глаз* она прокомментировала так: «Сюрприз со всеми этими глазами. <…> Про огонь и руку – тоже сюрприз». Денис Шполянский: «Некоторые позиции и соответствия для меня реально открытия, вообще мимо внимания до сего дня проходили». Семен Пегов о своей комбинации с компонентами *зеленый* и *апельсин*: «Сейчас даже не могу предположить, почему».

Второй результат эксперимента заключался в том, что авторы в большинстве случаев затруднялись объяснить ассоциативную связь между компонентами ЛК, подменяя объяснение общефилологическими рассуждениями.

Приведем некоторые из полученных результатов и авторских комментариев.

Антон Азаренков, член Союза Писателей Москвы, лауреат премии «Лицей» 2019 года, всегда стремился к стилистическому и лексическому разнообразию, для его текстов не характерна поэтика повторов. Быть может, поэтому его поэтическая книга «***» дает меньше всего ЛК. Некоторые из них вполне традиционные (*голова – волосы, рука – человек, левый – правый*), соседство слов в них объясняется реалиями действительности, в которых обозначаемые предметы и явления совмещены, или устойчивыми ассоциациями. А вот комбинация *ночь – игла* общепоэтической не является.

Таблица 1

Лексическая комбинация *ночь – игла – теперь нас трое* в лирике А. Азаренкова

Op. «Melancholia»	**Не четверть, а треть**
#1 когда еще не кончилась неделя и комары вкусили от телес а тела небесные выписывают кренделя в надлунных зарослях чемерицы в густом лесу сатурна ’ в наперстянки зарослях ’ во рту у грустного ангела третьего часа **ночи** запах амбры и мирры ’ и запах чесночный после праздника в лунном пустом дому saturday’я ’ в зарослях валерьяны и мандрагоры на пороге несбывшегося воскресенья #2 *// не проходит неделя не кончусь я* *корчусь но не умер ’ просто колючий гумор* *бродит в крови как* ***игла*** *гравюр ’ в голове* *das wohltemperierte klavier* *игра – святослав рихтер //* #3 все можно переиграть ’ настроить **теперь нас трое** в этом <u>саду</u> ты-кто-<u>приходит</u> сдувая брандмауэры и городит тюрьму объятий ’ присядем на кухне мира под электрическим светом молельно-янтарной слезы <u>звездный</u> сербая каркаде есть блины со сгущенной болью до ’ нашей эры	*(блюз 25-летних)* Стали на полтора года старше – влезает на полтора литра больше, и **теперь нас трое**: я, календарь и ты. А эти женщины сходят с ума от скуки. Одна – хоть куда, другая… да хоть убей, не знаю, что за другая! Может, стои́т за окном, пугая кошек, и ждет, когда... Мир прекрасен после четвертой и отвратителен после. Темнеет на полтора часа раньше. Выходишь такой, взъерошен, в Позавчера. Да, эти женщины сходят на берег **Ночи**, набережную Днепра, бледные, повисают над Сеной. Любовь – это поиск **иглы** в стоге сена. Поиск слова в глубоком сне. В полутора метрах от пропасти. *24.09.2017* [Азаренков, 2017б, *16–17*]

до первого стишка до юношеского пушка до школьной астрономии и вечного жидовства [Азаренков, 2017б, *6–7*]	

Первое стихотворение – с подтекстами Творения и полифонической клавиатурной музыки Баха, с образами соборности, совместной молитвы, Святой Троицы (отсюда и формула *теперь нас трое*) и аллюзией на Тайную Вечерю. *Ночь* появляется в составе образа *грустного ангела третьего часа* ***ночи*** как некое сакральное время в ожидании воскресенья и Воскресения. Лексема *игла* удалена от *ночи*, находится во второй пронумерованной части стихотворения в составе сравнения: *колючий гумор / бродит в крови как* ***игла*** *гравюр ' в голове.* Таким образом, колючий нрав, неуживчивый характер определяет сознание, образ мыслей, и это болезненно для человека и сравнивается с одной из техник изготовления гравюр при помощи сухой иглы (она будто бы чертит мозговые извилины, рисунок мозга со всеми его линиями и бороздками).

Второе стихотворение – некоторое предварительное подведение итогов отрезка жизни, поиск ее меры, определяемой любовью, подлинным творчеством, чуткое ощущение страха ошибки и близящегося конца. *Ночь* здесь уподобляется реке, на берег которой выходят женщины и будто зависают над пропастью в тоске или отчаянии. *Игла* возникает через три строки, тоже в финальной позиции в стихе, в составе идиоматического выражения *искать иголку в стоге сена*. Именно этот безнадежный процесс оказывается образом сопоставления для настоящей любви. *Мы трое* – это *я, календарь и ты.*

В обоих стихотворениях, помимо лексической комбинации, можно найти сходные черты: упоминание музыки (хорошо темперированный клавир и блюз), принцип измерения времени и возраста, упоминание пития (*комары вкусили от телес; звездный сербая каркаде – есть блины со сгущенной болью; влезает на полтора литра больше*), образ пограничья (*на пороге несбывшегося воскресенья; до ' нашей эры / до первого стишка / до юношеского пушка / до школьной астрономии / и вечного жидовства; В полутора метрах от пропасти).*

Ключевым, принципиальным сходством в этих текстах представляется формула *теперь нас трое*. В усеченном виде она повторится в стихотворении «Какой теплый вечер, мурза вечеров!». Оно тоже о чувстве высшего единения: *так станет чужое родным*. Трое здесь – отец и двое сыновей, сводных братьев. Снова их объединяет трапеза (*пьем запотевшее пиво* и *сушеных едим осьминогов*). Встреча, как и в «Op. “Melancholia”» происходит в *саду*, куда *приходят*, поздним вечером. Это мифологизированное пространство снова ощущается как пограничное (*в тревожном приемном покое*). Снова подсчет времени (*половина восьмого*). Упоминание *юношеского пушка* перекликается с *подростком Вовой*.

Таблица 2

Лексическая комбинация *трое – небесный – сад – приходить – звезда (звездный)* в лирике А. Азаренкова

Op. «Melancholia» #1 когда еще не кончилась неделя и комары вкусили от телес а тела **небесные** выписывают кренделя в надлунных зарослях чемерицы в густом лесу сатурна ’ в наперстянки зарослях ’ во рту у грустного ангела третьего часа **ночи** запах амбры и мирры ’ и запах чесночный после праздника в лунном пустом **дому** saturday’я ’ в зарослях валерьяны и мандрагоры на пороге несбывшегося воскресенья #2 *// не проходит неделя не кончусь я* *корчусь но не умер ’ просто колючий гумор* *бродит в крови как* ***игла*** *гравюр ’ в голове* *das wohltemperierte klavier* *игра – святослав рихтер //* #3 все можно переиграть ’ настроить теперь нас **трое** в этом **саду** ты-кто-**приходит** сдувая брандмауэры и городит тюрьму объятий ’ присядем на кухне мира под электрическим светом молельно-янтарной слезы **звездный** сербая каркаде есть блины со сгущенной болью до ’ нашей эры до первого стишка до юношеского пушка до школьной астрономии и вечного жидовства [Азаренков, 2017б, *6–7*]	*** Какой теплый вечер, мурза вечеров! И тысячей разных соков повисла тугая лоза его… Сушеных едим осьминогов мы вместе с отцом в при**дом**овом **саду** и пьем запотевшее пиво (как будто предвидя, что в гости **приду**, хорошего взял). Половина восьмого, и он говорит, жуя. Припозднившийся сводный калитку скрипучую брат отворит, холеный подросток Вова. (Мы **трое** в беседке, в стемневшем саду, в тревожном приемном покое…) Так: станет чужое родным, когда в тяжелом **небесном** разводе прольется по всем нам одна **звезда**. *– Саша, Антоша, Володя…* [Азаренков, 2017б, *38*]

Комментируя формулу «теперь нас трое», А. Азаренков ответил: «Это осмысленное <…> Переделка “там где двое соберутся во имя Мое”. Дух, как говорят, когда входят в комнату – “здесь царит дух беседы” и т.п.». Очевидно, что комментарий относится только к одному из трех стихотворений.

На фоне этого принципиально важного для автора тройственного союза комбинация *ночь – игла* кажется случайной. Авторский комментарий по

поводу этой ЛК: «Как-то это меня ошарашило вчера. Точно помню, что игла у меня появляется в первом моем более-менее удачном тексте, что я приносил на Персону, он опубликован в 6 альманахе, в книжки не вошел “Сочится радостью, густеющей, как смола”. Там есть строки “Два юных остова, утАенных от иглы / потустороннего внимательного взгляда”. Эта игла в тексте – игла энтомолога, но ассоциативно – свет, прорывающий тьму, нарушающий покой. Я помню нечто подобное (без иглы, но в том же смысле) есть в стихотворении “Эквилибр”: “Только бы не остыл / Музыка, огонек: / Точкой из пустоты / Вечность глядит в джазок” (огонек колонок в темноте). Слушал тогда же песню группы “Последние танки в Париже”: “Ночь сломалась как игла / ничего что впереди / и склоняются слова / если надо уходи” (много страдал по отвергнувшей меня девушке, с которой встречались ночью по подъездам, вот и игла в ночи)».

Авторский комментарий сопроводим комментарием исследовательским. Приведем полностью текст, в котором впервые появляются *игла* и *ночь* (последняя присутствует имплицитно):

Сочится радостью, густеющей, как смола,
Реальность лестничной сужающейся клетки.
В прохладной трещине пустующего угла
Недолгим эхом увязают меткие

Слова. Кончаются. Прижался к стеклу фонарь.
Комками в глотках переулков незнакомых
Сгустились сумерки и видели, как янтарь
Хоронит бережно крылатых насекомых.

Два юных остова, утаенных от иглы
Потустороннего, внимательного взгляда,
Внутри остывшей и потрескавшейся глыбы
Висели рядом.

[Персона, 2011, *69*][2]

Протоколы заседаний «Персоны» сохранили обсуждение этого стихотворения: «Какое хорошее, трогательное стихотворение о двух юных влюбленных на лестничном пролете подъезда! В светящемся подъездном окошке с темной улицы они выглядят, как мушки в янтаре…». Именно так, с позиции «энтомолога», наблюдающего за юношескими первыми свиданиями, восприняли стихотворение слушатели. Автор прокомментировал свой текст иначе: «Вообще-то я про наркоманов писал». Авторский замысел, авторское видение коренным образом отличалось от восприятия.

В нынешнем авторском объяснении соседства ночи и иглы изначальная тема наркоманов заместилась читательской – энтомологической.

[2] При публикации допущена опечатка: вместо «Сгустились сумерки и видели, как фонарь» следует читать «Сгустились сумерки и видели, как янтарь».

Можно предположить, что появление у Азаренкова комбинации *ночь – игла* неосознанно (ибо он сам об этом не упоминает) обусловлено Бродским. Эта комбинация 12 раз встречается у Бродского (с вариантами *игла – ночь (полночь, ночной)*). Бродскому была посвящена кандидатская диссертация Азаренкова [Азаренков, 2017а]. Ближе всего к «Op. “Melancholia”» оказывается стихотворение Бродского «Памяти профессора Браудо», посвященное смерти выдающегося органиста Исайи Александровича Браудо[3]. Темы смерти, музыки, имен великих музыкантов (Рихтер – Браудо), послеполуночного времени, пустого дома / опустевшей квартиры, упоминание слез, главное – редкое упоминание клавира подтверждают, может, и несознательное, но неслучайное сходство этих стихотворений. Энтомологическая тема из стихотворения Азаренкова «Сочится радостью, густеющей, как смола…» у Бродского тоже есть в «Похоронах Бобо»: «Мы не приколем бабочку иглой / Адмиралтейства – только изувечим. И ночь упоминается через строфу, и взгляд с улицы на окна домов» [Бродский, 2001–2003, *III, 34–35*].

Приведем коротко еще несколько примеров авторских комментариев.

Соседство *черный, день* и *Рождество* зафиксировано в стихах Анастасии Трифоновой, члена Союза писателей Москвы, чья дебютная книга «Стихи другого человека» вошла в лонг-лист Международной Волошинской премии (2018).

Таблица 3

Лексическая комбинация *Рождество – черный – день* в лирике А. Трифоновой

---

[3]**Памяти профессора Браудо**

Люди редких профессий редко, но умирают,
уравнивая свой труд с прочими. Землю роют
люди прочих профессий, и родственники назавтра
выглядят, как природа, лишившаяся ихтиозавра.

Март – черно-белый месяц, и зренье в марте
приспособляется легче к изображенью смерти;
снег, толчея колес, и поднимает ворот
бредущий за фотоснимком, едущим через город.

Голос из телефона за пол**ночь** вместо фразы
по проволоке передает как ожерелье слезы;
это – немой клавир, и на рычаг надавишь,
ибо для этих нот не существует клавиш.

Переводя **иглу** с гаснущего рыданья,
тикает на стене верхнего «до» свиданья,
в опустевшей квартире, ее тишине на зависть,
крутится в темноте с вечным молчаньем запись.

17 марта 1970 [Бродский, 2001–2003, *II, 360*]

***	***
В маленькой кондитерской где-нибудь в Сан-Себастьяне невысокая баскская женщина с короткими пальцами и хриплым голосом взялась за польвороны: через пару **дней Рождество**. Испекла словно пухлые щеки и высокие лбы песочного цвета посреди **черного** противня одеяний Суолаги-и-Сабалеты, только рассыпаются на глазах. Завернула в оберточную бумагу и выложила на прилавок в маленькой кондитерской на узкой улочке, такой громкой с четверга до понедельника. [Трифонова, 2017, *6*]	**Рождественские** тополя, **рождественские** птицы, как будто бьется свет сквозь **черноту** коры, сквозь **черноту** пера. На следующий **день** все в будни канет. Ищешь в гугле свое имя, а поиск выдает: рассеянный склероз. И смысл светел и прозрачен, как благодать **рождественских** даров. Люблю грозу в начале жизни, парализованную радость, парализованное счастье, когда ты сам себе нельзя. От **Рождества** до **Рождества** столбы как будто тополиные к рукам протягивают иглы и *век живи* *свой век живи* смиренно повторяют. [Трифонова, 2017, *43*]

Появление *черного* в ореоле светлого праздника Рождества Христова может быть объяснено следующим образом: черная ночь, когда в мир пришел младенец Христос = светлый день Рождества. День вытесняет ночь. *Ночь* оставляет *дню* свое определение – *черный*. Объясняя эту черно-рождественскую комбинацию, филолог сопоставит «Сан-Себастьян» и «к рукам протягивают иглы», близости синтаксических конструкций «с четверга до понедельника» и «от Рождества до Рождества», близости мотива «рассыпания, рассеяния» и т.п.

Приведем авторский комментарий: «У меня получился развернутый автокомментарий. Постаралась не проводить филологический анализ, а вспомнить мысли и состояние в момент написания.

“Рождественские тополя”: Я помню, как писала это стихотворение. Собственно, на Рождество. У меня на окнах нет штор, поэтому всегда были видны стволы тополей, я смотрела на них даже лежа. Они выросли удивительно ровными, зимой это было особенно заметно, между стволами были почти равные промежутки, поэтому создавалась иллюзия зарешеченности окна. И когда утром был виден восход, солнце вставало за этой решеткой. Было странно понимать, что и в Рождество я в условном заточении. Тогда все мне казалось заточением: и это окно, и комната, и тело. Рождество преобразовалось в рождение в целом – в рождение, которое заточает в несовер-

шенное тело и дает судьбу, которую можно не принимать, можно смириться, но от нее никуда не деться. Но и свет из-за решетки виден, и Рождество – не просто рождение. Поэтому свет всегда и бьется сквозь. Только человек его не всегда замечает и тем сам себя заточает в эту черноту.

Сан-Себастьян: Удивительно, что здесь нашлась та же перекличка. Здесь черный использовала именно в цветовом значении – цвет противня, фоновый цвет на картинах испанского художника – и в значении праздничной нарядной строгости. Красивые одеяния, противень с праздничным лакомством – ожидание чудесного, предвосхищение. Поэтому я и сама в недоумении, это же может быть случайность? Но и семантически, и коннотативно эти два соседства “Рождество – черный” отличаются. И для меня самой по-разному звучат».

Отметим, что и здесь у автора сквозит некоторое недоумение по поводу устойчивого соседства слов в его же текстах.

Вопрос автору: «А какое стихотворение было написано раньше? Ведь причиной формирования подспудной связи слов может быть и свой собственный текст».

Ответ: «Сан-Себастьян был раньше, это точно»

Реакция спрашивающего: «Значит, связь черного и Рождества уже накладывалась на следующий текст, сознание во втором тексте воспользовалось глубинной “подсказкой” и “оправдалось” реалиями – сегодня канун Рождества».

Реплика автора: «Похоже и на психологию творчества, и на психологию языка. Наверное, можно предположить ступенчатый механизм формирования, проявления и закрепления этих ассоциаций».

Приведем еще один пример авторской рефлексии.

Ольге Смагиной было предложено объяснить, как в ее сознании сосуществуют компоненты выявленных в ее же текстах лексических комбинаций.

О комбинации *вода – душа – лагуна – любоваться*: «Большая вода – это красиво, я люблю море, тем более если это лагуна, венецианская. Для меня только так. Большие пространства воды вызывают в памяти строчки “и Дух Божий носился над водой”. Это связь твоей души с мировым духом. Отражение неба, отражения вообще, на которые мне нравится смотреть».

О комбинации *жизнь – лицо – ответ*: «Думаю, что здесь влияние Гумилева, конечно, “Моих читателей”. Лицо – важнейшая часть человека, я очень люблю лица, когда иду по улице вглядываюсь всегда в лица людей. Очень люблю портреты, потому что на лице глаза и рот, важнее которых, может быть, ничего в человеке нет, ну, в его облике, по крайней мере».

Александр Асадчий, как показала наша компьютерная программа, не мыслит некими скоплениями слов, лексических комбинаций у него мало, они могут быть определены как простые, частотный компонент *лежать*: *лежать –*

приходить – встретить, приходить – лежать – ближе. На этом фоне выделилась ЛК с компонентом *желтый* (*глядеть – желтый – лежать*). Авторский комментарий таков: «Книга издательства Детгиз 1964 года с желтыми страницами, старым запахом, пыльная полка, звездное небо».

Семену Пегову было предложено прокомментировать связь между компонентами лексической комбинации *зеленый – станет – кровь – гора*, зафиксированной в двух стихотворениях: раннем – «Коллаж» и зрелом – «Ожидание Пасхи».

Таблица 4

Лексическая комбинация *зеленый – станет – кровь – гора* в лирике С. Пегова

Коллаж	Ожидание Пасхи
Соединю в одном катрене точки с тире – плюс запятые, знак вопроса, добавлю несколько абзацев прозы, засыплю блеском дня и мраком ночи, перемешаю цифры, числа, даты и время летнее столкну к пределам зимним, и стрелка пусть обескураженная ливнем соскальзывает с циферблата. Расправлюсь с морем, разломлю экватор, перемещу на это место полюс и поведу слонов пастись на мегаполис, и немцы станут путать мутер с фатер. Соседка, выражаясь по-китайски, вбежит в квартиру, разобьет сервиз. А ты возьми и в Африку сорвись и там скитайся. Раскрась лицо **зеленым** апельсином пройди пустыню, покори Египет, где съеден ил, и Нил весь выпит, и назови Тутанхамона сыном. Прозрачной **станет**, точно призма гробница фараона. Ровно к трем. Соединяю телефонный треп с холодным смыслом афоризма. Соединяю греческий порыв с косматой темнотой средневековья. Соединяю глину с **кровью** и устья рек с подножием **горы**. Закутываю пафос в простыню, закутываю голос в шерсть заката, пускай соскальзывает время с циферблата – я все, я все, я все соединю: клубок деревьев, порванную нить… Я сочинил убийственный коллаж. Но Вас со мной нельзя соединить. Навечно Ваш. 2006 [Пегов, 2018, *33–34*]	До апреля точно не будет Пасхи. Рыбы в заливе нет, чтоб помянуть Иисуса. Не задают вопросов, молчат апостолы. Рождество не так мучительно, как Воскресенье. Иисус не знает еще, что получит небесный паспорт. Весной просыпаются змеи. Боясь искуса, ученики посыпают золою волосы, невзирая на тела порыв весенний. Их разнесет потом по разные света части, кого-то и вовсе принимать не будут за человека, но пока что – это одна команда, примерный класс, в общем отличники и в скором выпускники. Иисус не поймет, почему в моменте он так несчастлив, он поднимает глаза, обращаясь к Тому, Кто сверху: «Неужели жизнь моя почти истекла? Ожидание **зеленее** любой тоски». У христиан в **горах** зарыта в кувшинах **кровь**. За несколько дней испечется Христова плоть. После Пасхи станет совсем тепло, **станет** значительно гуще земной покров. Праведник причастится и будет чист и так проживет до Светлого Рождества, перетерпит зиму, спасаясь святой водой. Но бывает, что, сколько ни мучай молебный стих, ожидание Пасхи происходит с тобой всегда, и это единственный праздник, который всегда с тобой. 2010 [Пегов, 2018, *50–51*]

Автор начинает с размышления о словосочетании, в которое входит один из компонентов лексической комбинации – *кровь* (*соединяю глину с кровью*): «Эта попытка около-мифологической метафоры (возможно, в чем-то библейской) – человек ведь был слеплен из глины (в Коране, кстати, тоже есть похожие образы) и потом Господь вдохнул в него жизнь, то есть в некотором смысле кровь. Следовательно, в данном контексте – речь идет о поворачивании времени (истории) вспять, то есть о некоем аномальном возвращении к истокам. Горы и устья рек – здесь как бы продолжения этой метафоры. Где горы – аналог глины (земной материи), а реки – аналог крови. Переходим к “Ожиданию Пасхи”. Тут как раз больше затекст работает. “Ожидание зеленее любой тоски”. Здесь примитивная попытка обыграть фразеологизм “тоска зеленая” (то есть опять-таки выпендреж). “У христиан в горах зарыта в кувшинах кровь”. Речь идет об абхазах и вине. Абхазы – горский народ, и раннехристианские храмы там появились даже раньше, чем в Армении (армяне любят поспорить, но это факт). Новый Афон – вообще апостольские места, там жил апостол Симон Кананит. У абхазов-христиан есть такая традиция – они каждый год осенью после сбора урожая зарывают в больших кувшинах (глиняных, кстати) молодое вино, которое достается потом на Пасху и им угощают все село. Иногда такие кувшины монахи в горных монастырях зарывают в кувшинах прямо во дворе храма».

Если представить «Персональную серию» как единый текст, выявляются ЛК, объединяющие разных авторов. Объяснение связи между компонентами в составе ЛК у каждого автора свое.

Таблица 5

Лексическая комбинация *детский – ночь – окно – память – мама – спать* у авторов «Персональной серии»

В. Кирсанова	А. Трифонова
Ночь Мне снятся легкие, птичьи сны: Облако, провода, карниз… Впадины **окон** темны, тесны – Вниз, щекою на землю, вниз… Ластится под ладонь песок, А над песком – вода. Холод свободы, пустой висок, Твердая, как слюда, Корочка **памяти**. **Детский** крик. Я поднимаю ресницы. **Ночь**. Прямо на Асеньке лунный блик, И она с визгом рвет его в клочья! **Спи**, моя девочка. Глухо-глухо, Тихо, почти не слышно для уха, Все еще жалуется моя кроха, Как по **ночам** ей бывает плохо,	*** а ты когда-нибудь вставал на гвоздь, чтоб он вошел в стопу до шляпки сквозь кроссовку? потом травмпункт и противостолбнячный укол. сценарий прост. и все-таки не сотка, но помнится. как хруст, как ветка бузины, которая всю **ночь** в **окне** стояла, пока температура не давала **спать**, пока сидела мать у изголовья и говорила, что до свадьбы заживет. какую стену этот гвоздь держал, какую он лелеял древесину до той поры, как пробуравил ногу, с кроссовкой породнив ее на вечер, а в **памяти** – навеки породнив?

Как по **ночам** ей страшно бывает, Когда ее **мама** где-то летает… **Спи**. [Кирсанова, 2018, *26*]	теперь **окно** взлетело до восьмого, в нем нет ни тени, ни сомнений **детских**. один балкон в соседнем доме гвоздит мой взгляд в иную **ночь** нездешним светом – дневная лампа холит чахлую рассаду и смотрит на меня из-под подошвы синеющего городского неба, как будто повторяя: «Боль, боли у кошки, у собачки, у голубки, у курочки, у ежика, у мышки, у змейки, у лисички, у лошадки, у паучка, у ящерки, у зайки, у Настеньки пройди, пройди, пройди». [Трифонова, 2017, *4*]

В. Кирсанова: «Воспоминания о бдениях с ребенком или о времени, когда я была свободна, я теперь связана материнством».

А. Трифонова: «Картинка из детства. Когда я маленькая болела и не могла заснуть ночью, мама со мной на руках стояла у окна, мы смотрели на огоньки – из окна вдалеке видна дорога, по которой редко-редко проезжали машины, и издали их фары виделись как бегущие светлячки».

Сюжетная ситуация предсказуемо схожая, но точки зрения принципиально разные.

Таблица 6

Лексическая комбинация *говорить – нога – ночь – простой* у авторов «Персональной серии»

В. Кирсанова	А. Трифонова
***	***
Птицы небесные ищут кров, Где б примоститься нам потесней? Не **говори** мне красивых слов, **Просто** люби меня, так честней. Долгие **ночи** в холодном коробе Старой машины, навстречу лица – Снова воркуем с тобой как голуби Или озябшие две синицы. Я замечаю, как ты продрог, Что моросит, словно дождик, грусть… **Запоминаешься** наизусть, Весь, от макушки до пальцев **ног**. Чтобы добраться до всех замков, Много не нужно – любовь **проста**. Не **говори** мне красивых слов. Не повторяйся. Люби с листа. [Кирсанова, 2018, *10*]	а ты когда-нибудь вставал на гвоздь, чтоб он вошел в стопу до шляпки сквозь кроссовку? потом травмпункт и противостолбнячный укол. сценарий **прост**. и все-таки не сотка, но **помнится**. как хруст, как ветка бузины, которая всю **ночь** в окне стояла, пока температура не давала спать, пока сидела мать у изголовья и **говорила**, что до свадьбы заживет. какую стену этот гвоздь держал, какую он лелеял древесину до той поры, как пробуравил **ногу**, с кроссовкой породнив ее на вечер, а в памяти – навеки породнив? теперь окно взлетело до восьмого, в нем нет ни тени, ни сомнений детских.

	один балкон в соседнем доме гвоздит мой взгляд в иную **ночь** нездешним светом – дневная лампа холит чахлую рассаду и смотрит на меня из-под подошвы синеющего городского неба, как будто повторяя: «Боль, боли у кошки, у собачки, у голубки, у курочки, у ежика, у мышки, у змейки, у лисички, у лошадки, у паучка, у ящерки, у зайки, у Настеньки пройди, пройди, пройди». [Трифонова, 2017, *4*]

В. Кирсанова: «У меня ассоциации – какие-то бдения, вынужденный недосып из-за мужчины или ребенка».

А. Трифонова: «О легкости ночного высказывания и большей устойчивости, чем днем. Может, потому что наедине с собой».

На данном этапе исследования можно сформулировать следующие выводы. Повторяющиеся ЛК маркируют «узлы» еще только складывающегося в сознании поэта текста. Они притягивают как общечеловеческие, общепоэтические ассоциации, диктуемые эмпирической и языковой действительностью, так и индивидуально-авторские. Последние сознательно или бессознательно могут воспроизводить и память другого текста, и личные представления человека о том или ином явлении, ситуации. Компьютерная программа находит такие комбинации. Филолог их интерпретирует прежде всего с языковой, поэтической, интертекстуальной позиций. Автор может пролить свет на психологическую мотивировку появления текста или его фрагментов. На стыке двух подходов – максимально объективного (применение компьютерного комплекса) и предельно субъективного (фиксирование авторской рефлексии) возможно получение нового результата.

ЛИТЕРАТУРА

Агинская Елена. К слову: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 64 с.

Азаренков А.А. Поэтика композиции «больших стихотворений» Иосифа Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017а. 18 с.

Азаренков Антон. ***: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017б. 56 с.

Андреева Наталья. Далекий разговор: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2019. 52 с.

Асадчий Александр. Ирония заблумшего героя: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2017. 56 с.

Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 336 с.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001–2003.

Кирсанова Валерия. Кармашек: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 56 с.

Костылев Алексей. Мы не здесь: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 96 с.

Павлова И.В., Романова И.В. Лексические комбинации в «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова (из опыта применения компьютерного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах) // Новый филологический вестник. 2019. № 3(50). С. 171–181.

Павлова Л.В., Романова И.В. Символ в поэтическом тексте: новые возможности истолкования // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 260–275.

Пегов Семен. Чай-чай-выручай: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 96 с.

Персона: Литературный альманах. Вып. 6 / ред.-сост. Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. Смоленск, 2011. 222 с.

Смагин Дмитрий. Путаница: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 52 с.

Смагина Ольга. Странная буква: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 56 с.

Трифонова Анастасия. Стихи другого человека: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 48 с.

Шполянский Денис. Стихотворение во времени: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 56 с.

L.V. Pavlova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I.V. Romanova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Head of Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Fixed Lexical Combinations in the Book Poetic «Personal Series» in the Light of Computer Research and Author's Reflection

The article is devoted to the identification of repeated lexical combinations in poetic texts using the original software system «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts». The steadily adjacent words found in this way turn out to be characteristic either for the majority of native speakers, or for a certain poetic tradition, or for a particular author. The study objective is to compare the results of the most objective computer processing of texts with the philologists' interpretation and subjective author's commentary, as well as to outline insufficiently studied issues of the poetry psychology.

Key words: *poetry; lexical combinations; software system «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts»; poetics; author's commentary; psychology of creativity; poetic «Personal series».*

REFERENCES

Aginskaya Elena. To the word: a book of poems [K slovu: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2017. 64 p. (in Russian).

Andreyeva Nataliya. A distant talk: a book of poems [Dalyoky razgovor: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2019. 52 p. (in Russian).

Asadchy Aleksandr. The irony of a wandering hero: a collection of poems [Ironiya zablumshego geroya: sbornik stikhotvoreny]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian).

Azarenkov A.A. Poetics of the composition of «Great Poems» by Joseph Brodsky: abstract of thesis of ... candidate of philological sciences [Poetika kompozitsii «bol'shikh stikhotvoreny» Iosifa Brodskogo: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk]. Smolensk, 2017. 18 p. (in Russian).

Azarenkov Anton. ***: a book of poems [***: kniga stihov]. Smolensk, Svitok, 2017. 56 p. (in Russian).

Baevsky V.S. Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature [Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i kompyuternye modeli v istorii i teorii literatury]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2001. 336 p. (in Russian).

Brodsky J. The collection of works by J. Brodsky in 7 volumes [Sochineniya Iosifa Brodskogo v 7 tomakh]. Saint Petersburg, Pushkinsky fond, 2001–2003. (in Russian).

KirsanovaValeriya. A little pocket: a collection of poems [Karmashek: sbornik stikhotvoreny]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian).

Kostylev Aleksei. We are not here: a collection of poems [My ne zdes': sbornik stikhotvoreny]. Smolensk, Svitok, 2018. 96 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Lexical combinations in the «Helmsmen Stars» by Vyacheslav Ivanov (From the Experience of Application of Software System «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts»). [Leksicheskie kombinatsii v «Kormchikh zvezdakh» Vyacheslava Ivanova (iz opyta primeneniya kompyuternogo kompleksa «Gipertekstovy poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh)]. *Novy filologichesky vestnik*, 2019, no. 3(50), pp. 171–181 (in Russian).

Pavlova, L.V., Romanova, I.V. A symbol in a poetic text: new possibilities of interpretation [Simvol v poeticheskom tekste: novye vozmozhnosti istolkovaniya]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, *Filologiya*, 2020, no. 65, pp. 260–275 (in Russian).

Pegov Semyon. Chai-chai-vyruchai (freeze tag): a collection of poems [Chai-chai-vyruchai: sbornik stikhotvoreny]. Smolensk, Svitok, 2018. 96 p. (in Russian).

Persona: A literary almanac [Persona: Literaturny al'manakh]. Issue 6. Edited and compiled by L.V. Pavlova, I.V. Romanova, O.A. Smagina. Smolensk, 2011. 222 p. (in Russian).

Shpolyansky Denis. A poem in time: a collection of poems [Stikhotvorenie vo vremeni: sbornik stikhotvoreny]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian).

Smagina Olga. A strange letter: a book of poems [Strannaya bukva: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2017. 56 p. (in Russian).

Trifonova Anastasiya. Poems of another person: a book of poems [Stikhi drugogo cheloveka: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2017. 48 p. (in Russian).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.С. Лунькова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'282

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-80-98

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА: ПОЛНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Ключевые слова: *смоленские говоры; белорусский язык; непроизводные существительные.*

Конкретные непроизводные имена существительные, функционирующие в смоленских говорах, обнаруживают значительное количество лексических параллелей в самостоятельном на современном этапе развития языковом образовании – белорусском языке. Анализ данных слов производится с целью установления их статуса в двух синхронных лексико-грамматических системах для дальнейшего выяснения количества лексических параллелей разного происхождения в смоленских говорах. Предметом исследования стал объем лексического значения конкретных непроизводных существительных, зафиксированных в независимых, но при этом контактно расположенных языковых образованиях, в одном из которых они имеют региональный статус (смоленские говоры), а в другом входят в кодифицированную форму литературного языка (белорусский язык). Актуальность исследования объясняется сложной историей русско-белорусского пограничья, которая нашла отражение как в смоленских говорах, так и в белорусском литературном языке, сложившемся на диалектной основе. Общая материальная и духовная культура, характерная для говоров русско-белорусского пограничья, является своеобразным маркером специфики описываемого региона. Именно в силу общности данной культуры условно дистантные языковые единицы регулярно совпадают в объеме лексического значения и демонстрируют устойчивый характер распределения по лексико-семантическим группам в каждом языковом образовании на современном этапе его функционирования.

Особый интерес для исследования представляет группа диалектных существительных с конкретно-предметной семантикой, которые находят практически полные соответствия в фонетическом и грамматическом оформлении и совпадают в семантическом отношении в смоленских говорах и в белорусском литературном языке. Все эти существительные не имеют соответствий в белорусских говорах, пограничных по отношению к смоленским, а именно в витебских и могилевских (лексика других русских и белорусских говоров для исследования не привлекалась).

Данная группа вызывает интерес с точки зрения существующей дихотомии «русские народные говоры – белорусский литературный язык». Обнаруженные в смоленских говорах лексические соответствия примечательны в следующем конктесте: общеизвестен давно сформировавшийся дифференциальный подход к описанию диалектных единиц в русском языке, согласно которому диалектными признаются те слова и выражения, которые не находят соответствий в русском литературном языке. Иначе говоря, диалектные лексические единицы являются противопоставленными по своей языковой природе единицам русского литературного языка. Как показывает опыт исследований, смоленские говоры вовлекаются в тройную систему отношений, поскольку диалектные лексические единицы, будучи выключенными из русского литературного языка, относительно регулярно соотносятся с лексическими единицами белорусского литературного языка.

Смоленские диалектные слова достаточно легко обнаруживаются в белорусском языке, что обусловлено сложной историей его формирования. Известно, что в его основу легли среднебелорусские говоры, которые являются переходными между двумя диалектными группами – юго-западной и северо-восточной. Еще одна особенность белорусского языка – сложное взаимодействие с русским литературным языком и русскими народными говорами, а также наличие достаточно большого количества форм речи на основе русских народных говоров [Беларусазнаўства, 1998; Жураўскі, 1967; Плотнікаў, 2002; Шакун, 1984].

Всего в описываемую группу полных совпадений в смоленских говорах и в белорусском литературном языке было отобрано 102 непроизводных диалектных конкретно-предметных существительных, что составляет немногим менее 9% от общего количества непроизводных диалектизмов с указанной семантикой (всего в группе около 1200 слов).

В описываемую группу не попали слова, которые функционируют одновременно в смоленских говорах, пограничных смоленским витебских и могилевских говорах и в белорусском литературном языке – а именно еще около 120 лексических единиц, выступающих в трех (по сути, четырех, с учетом принадлежности могилевских и витебских говоров разным диалектным группировкам) самостоятельных языковых образованиях. Очевидно, что факт существования таких слов в пограничных белорусских говорах

предполагает проведение иной, расширенной процедуры анализа лексических единиц. Однако этот факт не противоречит установлению общего количества соответствий в смоленских говорах и в белорусском языке в области конкретно-предметной лексики – совокупно около 20% совпадений для непроизводных существительных, что является, безусловно, достаточно большим количественным показателем.

Исследования диалектной лексики проводились по «Словарю смоленских говоров» [ССГ] и картотеке Словаря, по «Толковому словарю белорусского языка» [ТСБМ], а также по «Материалам для областного словаря Могилевщины» [МАСМ] и «Региональному словарю Витебщины» [РСВ]. Следование дифференциальному принципу отбора для русских диалектизмов в отдельных случаях проверялось по «Словарю русского языка» в четырех томах [МАС].

Все обнаруженные диалектные слова с учетом их лексического значения и относительной частотности можно распределить по следующим группам:

– названия приспособлений, инструментов, орудий труда;

– названия построек, сооружений и их частей, в том числе строительного материала;

– названия предметов домашнего обихода, посуды и утвари;

– названия одежды, обуви и их частей;

– названия кушаний и напитков;

– названия средств передвижения и их частей;

– слова вне классификации.

Такое распределение свидетельствует об устойчивом положении исследуемых лексем в структуре лексической системы смоленских говоров и, по всей видимости, белорусского языка. В пользу данного предположения говорит тот факт, что в смоленских говорах исследуемые слова представлены во всех основных лексико-семантических группах имен существительных с конкретно-предметным значением, то есть существуют в смоленском диалекте достаточно давно, поддерживают устойчивые языковые отношения с другими диалектными лексемами, вступают с ними в разного рода синтагматические и парадигматические связи.

В белорусском литературном языке эти же слова, как правило, не имеют специальных помет (в редких случаях можно встретить пометы «устарэлае слова, устарэлы выраз», «размоўнае слова», в единичном случае – «спецыяльны тэрмін»), то есть функционируют как общеупотребительные, без каких-либо дополнительных ограничений, наложенных происхождением либо особой сферой употребления. Из общего количества анализируемых в статье слов на долю существительных с разного рода пометами в белорусском языке приходится лишь 7 единиц, или около 6% от общего состава группы.

Рассмотрим группы смоленских диалектных существительных, находящих соответствие в белорусском языке, подробнее.

Многозначные слова приводятся в одном значении, без указания номера значения слова и места в структуре словарной статьи, в каждом случае дается только совпадающее в смоленских говорах и в белорусском языке значение; исключение составляют несколько существительных, у которых совпали сразу несколько значений, или слова со сближающимися значениями, из которых достаточно сложно выбрать какое-то одно лексическое значение для однозначного соотношения, – в этом случае указание значений целесообразно.

1. Названия приспособлений, инструментов, орудий труда.

1.1. Орудия труда и их части:

лезо́, ле́зво ‘*лезвие, острие*: хырашо, кыда лязо у тыпыра вострыя’ (смол.)

лязо ‘*вострая частка рэжучай ці сякучай прылады*: лязо нажа, лязо касы’ (белор.)

ле́ме́ш ‘*ле́мех*: плуг дирвянный с лимяшом; лямеш приделын к плугу, штоб у зямлю лес, лямеш жалезный’ (смол.)

лямеш ‘*частка плуга, якая падразае пласт зямлі знізу*: лямеш нырнуў у зямлю’ (белор.)

моты́ка ‘*мотыга*: картошки матыкъми аббивали’ (смол.)

матыка ‘1. *Насаджаны на палку каменны або драўляны клінок, які служыў у старажытнасці для апрацоўкі глебы*. 2. *Ручная прылада для рыхлення глебы ў форме трохвугольнай лапаткі, уздзетай на палку пад прамым вуглом*: акопваць буракі матыкаю’ (белор.)

обцуги́ ‘*щипцы*: сын надысь пытиряу апцуги, тяперь гвыздя нечим вытинуть’ (смол.)

абцугі ‘*металічны інструмент, які выкарыстоўваецца ў кавальскай справе для захоплівання і заціскання жалеза*: выхапі абцугамі кавалак распаленага жалеза’ (белор.)

свердло́ ‘*сверло*: свярдлом и свердлють’ (смол.)

свердзел ‘*інструмент для свідравання дзірак у дрэве, метале і інш.*: свердзел са скрыгатам упіўся ў жалеза’ (белор.)

смык ‘*борона из еловых макушек, бревен с сучьями*: скърадили смыками, ета елки с суками, штуки чатыри с адной стыраны. Елки сплитали пруттими с лазы и йих ташшили пъ зямле, так и скърадили’ (смол.)

смык ‘устарэлае слова, устарэлы выраз *прымітыўная барана*: першабытны смык – прылада, якую рабілі з яловых плашак’ (белор.)

спи́ца ‘*металлический крючок на деревянной рукоятке, которым пользовались для плетения лаптей*: дедушка узял капыл и спицу, стау плесь лапъть’ (смол.)

спіца ‘*плоскае выгнутае шыла для пляцення лапцей*: ты бы лепш наломваўся лапці плесці, а то вырасцеш і спіцы не будзеш умець у руках трымаць’ (белор.)

те́бель ‘*сверло большого диаметра*: здесь тебилим нада, прастым свярлом – мъла дырка’ (смол.)

тэбель ‘*свердзел, пры дапамозе якога робяць свідравіны*: стэльмахі на будаўніцтве пракручвалі вялізным тэблем тоўстыя бярвенні’ (белор.)

прас ‘*утюг*’ (смол.)

прас ‘*прылада для гладжання, разгладжвання бялізны, адзення*: электрычны прас’ (белор.)

шклют ‘*топор с лезвием в одну сторону*’ (смол.)

склюд ‘*цяслярская сякера для склюдавання, абчэсвання бярвення*: хата была моцная, пабудаваная з тоўстага сасновага дрэва, спушчанага пад склюд’ (белор.)

1.2. Приспособления для рыбной ловли:

ез ‘*преграда из кольев, вбитых в дно реки и переплетенных прутьями, куда вставляется рыболовная снасть*: пыпирек речки ставют шшыт, с аднаго берига ды другога – ета ес’ (смол.)

ез ‘устарэлае слова, устарэлы выраз *плеценая перагародка папярок ракі для затрымання і лоўлі рыбы*’ (белор.)

жак ‘*рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразный с двумя крыльями плетеный мешок, натянутый на 3–5 обручей*: жак увиди норътъ, на три лазовых абруча нъдивають сетку с пряжы, с бакоу прикрипляицца пъ аднаму крылу: сюда пупъдаить рыба’ (смол.)

жак ‘*рыбалоўная прылада*: нерат з двума крыламі: жак набіт карасямі да крылля’ (белор.)

кри́га, кри́жа ‘*приспособление для коллективной ловли рыбы, состоящее из двух сетей, закрепленных на двух полозах под углом в виде крыльев*: рыбу у нас лавили бредними, карной, кригъй’ (смол.)

крыга ‘*рыбалоўная снасць у выглядзе двух рухомых палазоў з сеткамі, якой ловяць рыбу ў неглыбокіх зарослых месцах*’ (белор.)

не́рет, **норот** ‘*приспособление для ловли рыбы, сделанное из прутьев и крепких ниток*: нерит – ета рыбалоуный снырят у види конуса с пруттиу’ (смол.)

нерат ‘*рыбалоўная снасць, сплеценая з лазовых дубцоў, у выглядзе доўгага конуса з кароткім конусападобным уваходам; верша*: ў глыбокіх ямах хлапчукі кошыкамі і нератамі лавілі ўюноў і карасеў’ (белор.)

1.3. Ткацкий станок, его части, материалы для прядения:

кро́сна ‘*домашний ткацкий станок*: на кроснъх ткали пълатно нъ рубашки и нъ усе’ (смол.)

кросны ‘*ткацкі станок*: ставіць кросны’ (белор.)

ку́же́ль ‘*пучок вычесанного льна, приготовленный для прядения*: а во кыда прачешуть лен, тады и будить кужыль’ (смол.)

кужаль ‘*валакно ачэсанага лену*: сядзелі за прасніцамі жанкі, прадучы кужаль і кудзелю’ (белор.)

набе́ли́цы, на́бе́лки ‘*деталь ткацкого станка – подвижная, висячая, узкая рамка, в которую вставляется бердо*: набилки – ета часъ става, а став – ета и есь сам станок, што ткуть. Набилкъми прихлопывъють нитки адна к адной, как ткуть, штоб пълатно було крепка’ (смол.)

набіліцы ‘*у кроснах – драўляныя планкі, у якія ўстаўляецца берда*: з бярозы вычасаў ставы ей новыя, а набіліцы кляновыя зрабіў’ (белор.)

нит, нита́ ‘*часть ткацкого станка, состоящая из двух параллельных деревянных реек, между которыми особым способом натянуты нитки; служит для равномерного поднятия и опускания нитей основы при прохождении челнока*: нитки с кросин пъдывались у нит, а с нита у берды; кыда ткуть, два нита ходють’ (смол.)

нит ‘*злучэнне ніцяных петляў у ткацкім стаяку для падымання нітак асновы*: укідаць аснову ў ніты’ (белор.)

1.4. Разного рода приспособления, части механизмов:

жерны ‘*жернова*’ (смол.)

жорны ‘*ручны млын, які складаецца з двух гладка абчэсаных круглых камянеў, пры дапамозе якіх зерне пераціраецца на муку*: яны прасявалі пшанічную муку на пірагі і дамолвалі высеўкі ў жорнах’ (белор.)

кля́мка ‘*дверной металлический запор, щеколда*’ (смол.)

клямка ‘*прыстасаванне, з дапамогай якога адчыняюць і зачыняюць дзверы*: Міхал націснуў на язычок клямкі і крануў локцем брамку // *Дзвярная зашчэпка, якая надзяваецца на прабой і прыціскаецца замком або затычкай*: зашчапіць дзверы на клямку і заткнуць у прабой калок-затычку’ (белор.)

ре́шето ‘*решето*: решыта высыпъла ета’ (смол.)

рэшата ‘*рэч хатняга ўжытку для прасейвання мукі і пад. у выглядзе шырокага абруча з сеткай*: у сенцах Мацвей падсяваў у рэшаце жыта’ (белор.)

слеса́к ‘*металлическая щеколда*: нъ слисак двери зъкрывають’ (смол.)

слясак ‘*прыстасаванне ў выглядзе рычажка ў клямцы, пры дапамозе якога адчыняюцца і зачыняюцца дзверы*: яна бразнула дзвярыма, ажно клямачны слясак заскуголіў’ (белор.)

1.5. Шесты, палки, функционирующие как приспособления:

во́чеп ‘*длинный шест, с помощью которого достают воду из колодца*: вочип нада, штоп роунинький быу, гладинький, тыда ваду луччи дыстывать’ (смол.)

вочап ‘*шост, да якога прымацоўваецца калодзежнае вядро*: з двара даносіцца скрып вочапаў, гук бляшаных ведраў’ (белор.)

кий ‘*палка, жердь*: ен вырвыу кий и бяжыть за ей, таго и гляди убьеть’ (смол.)

кій ‘*прамая тонкая палка*: выламаць кій, арэхавы кій // *Палка для апоры пры хадзьбе*: цетка абапіралася на тоўсты бярозавы кій’ (белор.)

шест ‘*шест*: спирва шост пъставим, патом стъгувать нъчинаим’ (смол.)

шост ‘*доўгая тонкая палка ці жэрдка*: у зямлю быў уваткнут высокі шост, а на ім вісеў вялікі чырвоны сцяг’ (белор.)

2. Названия построек, сооружений, их частей, строительного материала.

2.1. Постройки и сооружения:

а́се́ть ‘*овин*: учора целую асеть высушыли жыта // *Верхняя часть овина, куда кладут снопы для сушки*’ (смол.)

асець ‘*прыбудоўка да тока, у якой сушаць снапы*’ (белор.)

капли́ца ‘*часовня*: нъ кладбишшъх каплицы стыяли’ (смол.)

капліца ‘*невялікі царкоўны або касцельны будынак з іконамі без алтара; малельня*: на пагорку ўзвышалася капліца – сіняя, з залатым крыжам цэркаўка’ (белор.)

коло́деж ‘*колодец*: калодижы къпать ни усяк сумеить’ (смол.)

калодзеж, **калодзезь** ‘*вузкая глыбокая яма, звычайна ўмацаваная ад абвалаў зрубам, трубамі для здабывання вады з ваданосных слаеў зямлі*: яна ішла ад калодзежа з поўнымі ведрамі вады’ (белор.)

кра́ма ‘*лавка*: крама – ета лаука часнъя, раньшы диржали свайи мъгазичики, хто крама звал, хто – лаука’ (смол.)

крама ‘*магазін, лаўка*: ен меў краму, прадаваў гарэлку, быў сядзельцам’ (белор.)

ку́зня ‘*кузница*: къваль у кузни работыить’ (смол.)

кузня ‘*майстэрня або цэх для апрацоўкі металу коўкай*: да позняга вечара з кузні даносіўся перазвон малаткоў’ (белор.)

одри́ны ‘*пристройка к хлеву и хате для защиты от снега*: у мяне адрины пытякли’ (смол.)

адрына ‘*халодная будыніна для захоўвання кармоў, сельскагаспадарчага інвентару; пуня*: пястухі нанасілі з адрыны канюшыны’ (белор.)

2.2. Части построек и сооружений:

за́се́к, за́се́ка ‘*закром, сусек*: делали засеки, сыпъли хлеп, рош, пышаницу, ячмень’ (смол.)

засек ‘*адгароджанае месца ў свірне, клеці для захавання збожжа, мукі*: высокія засекі напоўнены збожжам’ (белор.)

кош ‘*деревянный бункер на мельнице*: аткрой задвишку, зярно у кош сыпъть будим’ (смол.)

кош ‘*скрынка ў млыне над жорнамі, у якую засыпаюць збожжа для памолу*: трэба было самому і засыпаць збажыну ў кош і выграбаць муку ў мяхі’ (белор.)

крекла ‘*обрешетина*: у новый избе уже креквы пыставили’ (смол.)

кроква ‘*два брусы, верхнімі канцамі злучэння пад вуглом, а ніжнімі прымацаваныя да бэлек або да верхняга вянца падоўжных сцен // Аснова для страхі, утвораная з раду злучаных такім чынам брусоў*: зруб пакрыўся сеткай крокваў і лат’ (белор.)

столь, **сто́ля** ‘*потолок в избе*: у етый хати нискыя столь’ (смол.)

столь ‘*верхняе ўнутранае пакрыцце памяшкання, процілеглае падлозе*: паспелі паставіць толькі зруб і кроквы ды пакласці столь над адным пакоем’ (белор.)

фо́ртка ‘*калитка*: деуки, кыда ходитя в агарот, зъкрывайтя хвортку, а то куры гряды ръскыпають’ (смол.)

фортка ‘*невялікія дзверы ў варотах, агароджы; веснічкі*: зайшоў дзед праз фортку на двор і сам адчыніў браму’ (белор.)

ши́ба ‘*стекло в окне*: учора ен усе шыбы у вокных павысыдиу’ (смол.)

шыба ‘*кавалак шкла, устаўлены ў аконную раму*: мароз яшчэ не паспеў замураваць шыбы акон’ (белор.)

шу́ла ‘*столб*: у сыраи шесь шул, чатыри пъ вуглам и две на двери’ (смол.)

шула, **шуло** ‘1. *Бервяно ці тоўсты брус з высечанымі пазамі, замацаваны ў чым-н. вертыкальна*: шулы – аснова сцен, шулы злучаюць бярвенні. 2. *Слуп ці брус, на які падвешваецца створка варот*: вароты віселі паміж дубовых шулаў’ (белор.)

ю́шка ‘*вьюшка*: задвинь-ка юшку, а то усе тяпло выйдить’ (смол.)

юшка ‘*металічны кружок, якім закладаюць адтуліну ў коміне, каб не выходзіла цеплае паветра*: маці стаяла ля прыпечка і зачыняла ў коміне юшкі’ (белор.)

2.3. Строительные материалы:

скло ‘*стекло* // *Оконная рама со стеклом*: скло разбилъсь’ (смол.)

шкло ‘1. *Цверды празрысты матэрыял, які атрымліваецца шляхам плаўлення і спецыяльнай хімічнап апрацоўкі кварцавага пяску з дабаўленнем некаторых іншых рэчываў*: бутэлечнае шкло, каляровае шкло. 2. *Тонкі ліст ці выраб, прадмет іншай формы з гэтага матэрыялу*: аконнае шкло, лямпавае шкло’ (белор.)

цвик ‘*гвоздь*: силы нужны, штоб и цвик у стяну убить’ (смол.)

цвік ‘*металічны або драўляны стрыжань з вастрыем на канцы, прызначаны для змацавання чаго-н*: прыбіваць цвікамі адарваную дошку’ (белор.)

цегл, **це́гла** ‘*кирпич*: уся цагельня была цеглъм забита’ (смол.)

цэгла ‘*штучны будаўнічы матэрыял у выглядзе прамавугольных брускоў з гліны і іншай мінеральнай сыравіны*: налева ад дарогі стаяў домік з чырвонай цэглы’ (белор.)

3. Названия предметов домашнего обихода и утвари.

3.1. Посуда, ее части:

бу́тля ‘*бутыль*: бутли бальшыи, стиклянныи, на 10–20 литрыу’ (смол.)

бутля ‘*вялікая бутэлька*: ен адамкнуў буфецік і дастаў емкую бутлю вішневай настойкі’ (белор.)

ве́ко ‘*деревянная крышка на квашне*: закрыиш векъм дешку и стаить // *Покрывало на квашне*’ (смол.)

века ‘*верхняя частка скрынкі, пасудзіны, якой закрываюць гэту скрынку, пасудзіну; накрыўка*: века куфра, кубла’ (белор.)

глек ‘*глиняный кувшин с узким горлом для жидкостей*: налей сабе мълыка с глека’ (смол.)

гляк ‘*нізкая гліняная пасудзіна з выпуклымі бакамі і вузкім горлам*: занес бабам на жніво гляк сцюдзенай вады’ (белор.)

ко́новка ‘*кружка любого размера*: у йих дажа конъуки нет, папить не с чига’ (смол.)

конаўка ‘*металічная пасудзіна з ручкай для піцця, звычайна самаробная*: з гільзы зроблена добрая конаўка’ (белор.)

макотер ‘*большой глиняный горшок для опары, масла, топленого сала и под.*: в мъкатер мълако кислыя събирали, творых’ (смол.)

макацер ‘*гліняная пасудзіна, вузкая ўнізе і шырокая зверху, у якой звычайна труць мак, ільняное і канаплянае семя і інш.*: яна пякла ячменныя бліны і разам церла ў макатры мак’ (белор.)

ми́ся ‘*большая миска*: у миси блины месють или моють што’ (смол.)

міса ‘*вялікая міска*: у хаце на стале стаяла яечня, квашаныя памідоры і ладная міса крупніку’ (белор.)

но́чва ‘*корытце, долбленый деревянный лоток для различных хозяйственных надобностей*: ночва зделъна как латок, ина выдылблина с дерива’ (смол.)

ночвы ‘*прадаўгаватая драўляная або металічная пасудзіна для мыцця бялізны і іншых гаспадарчых патрэб*: у халодных сенцах стаялі ночвы з памытымі агуркамі’ (белор.)

ры́ло ‘*горлышко бутылки*: пропка у рыли зъстряла’ (смол.)

рыла ‘*верхняя або пярэдняя выцягнутая частка чаго-н.*: з кішэні тырчала рыла бутэлькі’ (лит. белор.)

ря́жка ‘*ведро деревянное, бадья*: налей вадицки гыряцей у ряшку // *Небольшое ведерце, в котором крестьяне носят кушанье* // *Лохань*’ (смол.)

ражка ‘*драўляная пасудзіна ў выглядзе цэбрыка з ручкай, прызначаная для розных гаспадарчыя патрэб (зліваць ваду, даваць корм жывеле)*: спаласнуць ў ражцы рукі’ (белор.)

сло́ик ‘*глиняный горшок, кринка*: у слойки раньшы мылако хранили, яно ат глины ни так кисла и укус харошый быу’ (смол.)

слоік ‘*невялікая шкляная або гліняная пасудзіна*: рыжыкі складаліся ў дзежачкі, гліняныя слоікі, саліліся’ (белор.)

тале́ра ‘*тарелка*: талеры у мяне битыи усе’ (смол.)

талерка ‘*сталовая пасуда круглай формы з шырокім дном і прыўзнятымі краямі*: дэсертная талерка’ (белор.)

це́ба́р, **це́бра** ‘*деревянное ведро, ушат*: с калоцца цебър дыстаниш и пиряллеш у вядро // *Корзина, сплетенная из прутьев*’ (смол.)

цэбар ‘*шырокая круглая драўляная пасудзіна з клепак з двума вушкамі*: пасля абеду панеслі карове ў хлеў цэбар з паранкай’ (белор.)

че́пе́л, **чепела́** ‘*сковородник*: чипила – ета приспъсабления, при помъшшы каторъга можна вынуть с печки скъваротку’ (смол.)

чапяла ‘*жалезны кручок з ручкай для падымання і пераносу скаварады*: Зося спрытна выхапляе чапялою з печы скавараду’ (белор.)

3.2. Мебель:

ла́ва ‘*скамья*: сять ты ны лаву ды аддыхни чуток’ (смол.)

лава ‘*прадмет сялянскай мэблі – шырокая дошка на ножках для сядзення, звычайна прыстаўленая да сцяны*: госць лавы не праседзіць’ (белор.)

лю́стра ‘*зеркало*: ты яшше мылая у люстру глядецца, рызабьеш яшше’ (смол.)

люстра ‘*адшліфаваная паверхня (шкла, металу), здольная даваць адбіткі тых прадметаў, якія знаходзяцца перад ею, а таксама спецыяльна зроблены прадмет з такой паверхняй*: ен спыніўся перад вялікім люстрам і спачатку не пазнаў сябе’ (белор.)

Следующее слово является примечательным в том плане, что оно сохраняет в смоленских говорах и в белорусском языке два омонимических значения – наименование предмета мебели и наименование части орудия труда:

па́ли́ца ‘1. *Деревянная полка возле печи*: палица – ета дыска черис усю хату път пъталком къла печки, туды хлеп клали, кыда прихадили рябенка хрястить, штоб высок рябенок рос // *Настенный деревянный шкафчик для посуды*: палицы ны вугле делыють, пасуду ставють. 2. *Сошник у сохи*: палица была нипрочныя’ (смол.)

паліца ‘1. *Дошка або некалькі дошак, прымацаваных да сцяны або ўнутры шафы для размяшчэння кніг, пасуды і пад.*: на паліцах крамы – шапкі, кірзавыя боты, скрынкі цукерак, пернікаў. 2. спецыяльны тэрмін *Частка плуга, якая аддзяляе і пераварочвае падрэзаны лемяшом пласт зямлі; адвал* // *Прыстасаванне ў некаторых сельскагаспадарчых машынах*’ (белор.)

скры́ня ‘*сундук*: раньшы стырики дабро у кубил клали, а тыда стала скрыня, ина как сундук четырехвугольный была, тока у ей крышка плоскыя, а у сундука гърбатинькыя’ (смол.)

скрыня ‘*драўляная пасудзіна з вечкам і замком для захоўвання рэчаў, каштоўнасцей; куфар*: у сенях стаяла скрыня Матроны, у гэтай скрыні былі схаваны яе лепшыя рэчы’ (белор.)

ша́фа ‘*подвесной шкафчик для хранения посуды и продуктов*: мылако бяритя у шахвы, у шкапчику нъ стяне’ (смол.)

шафа ‘*прадмет мэблі ў выглядзе высокай стаячай скрынкі з дзверцамі, які служыць для захоўвання чаго-н.*: у святліцы стаяла шафа, вялікі куфар, стол і некалькі крэслаў’ (белор.)

3.3. Постельное белье, покрывала:

гунька ‘*домотканое покрывало*: гунька – ета адияла такое, грубыя, тоустыя, тряпкыми пытыкали’ (смол.)

гунька ‘*зрэбная посцілка, пакрывала*: ен разаслаў гуньку побач з дзедам’ (белор.)

ка́па ‘*покрывало*: капу новыю я купила, пъстялю ны празник’ (смол.)

капа ‘*узорыстае пікейнае пакрывала на ложак*: заслаць ложак капай, капа з карункамі’ (белор.)

прости́на ‘*простыня*: Хветька с жонкуй приехъу, нъчывать у нас будуть, дыстань с сундука прастину и зъстяли, а дярягу сыми’ (смол.)

прасціна ‘*прадмет пасцельнай бялізны – доўгі і шырокі кавалак тканіны, пераважна белай, які рассцілаецца на матрац або падкладваецца пад коўдру*: палатняная прасціна’ (белор.)

3.4. Сумки, котомки, кошельки:

ка́йстра́ ‘*холщовая или клеенчатая сумка, котомка*: бываить, на цельный день у поля пайдеш, вазьмеш с сабой кайстру с ядой’ (смол.)

кайстра ‘*дарожная торба, заплечны мяшок*: збіраць кайстру’ (белор.)

калита́ ‘*кожаный мешочек для денег, привешиваемый к поясу*: у кълитах деньги хранили, ина ж ис кожи, римяшком зъматывылъсь’ (смол.)

каліта ‘устарэлае слова, устарэлы выраз *Сумна для грошай; вялікі кашалек*: над сіратою бог з калітою, ды з каліты ей нічога не трапляе’ (белор.)

коше́ль ‘*сумка, плетенная из лыка, бересты; кузов*: тут как рас сынок нъ притвор целый кашель грибоу принес’ (смол.)

кашэль ‘*вялікая кашолка, звычайна з лучыны*: накласці сена ў кашэль’ (белор.)

3.5. Предметы домашнего обихода вне классификации:

квач ‘*помазок для смазки сковороды, колес и пр.*: вун квач въляицца, смаш пяреннии калесы, а то апять крутицца ня будуть // *Кусочек сала для смазывания блинов*: квачим маслють блины’ (смол.)

квач ‘*вялікі памазок з пакулля, рагожы і пад. для размазвання чаго-н. па якой-н. паверхні*’ (белор.)

кнот ‘*фитиль в светильнике*: пъткрути кнот, а то лампа каптить’ (смол.)

кнот ‘*спецыяльная стужка або скручаная ніць, якая служыць для гарэння ў газавай лямпе, свечцы і пад.*: нехта падняўся і падкруціў кнот у лямпе’ (белор.)

ланцу́г ‘*цепь*: наш сыбака усе лынцуги пырвау, ни ныпривязывыисся яго’ (смол.)

ланцуг ‘*рад аднолькавых металічных звенняў, паслядоўна злучаных адно з адным*: ланцуг якара’ (белор.)

папе́ра ‘1. *Бумага*. 2. *Письменное заявление, просьба*’ (смол.)

папера ‘1. *Матэрыял для пісьма, друку, малявання і пад., які вырабляецца ў асноўным з раслінных валокнаў, апрацаваных адпаведным спосабам*: папяросная папера, газетная папера. 2. *Пісьмовы дакумент афіцыйнага характару*: штабныя паперы’ (белор.)

4. Названия предметов одежды и обуви.

4.1. Названия предметов одежды и их частей:

кише́нь, **тише́нь** ‘*карман*: у мяне у кишени ляжыть нештычка; у куфвайки тишени бальшыя, дык пылажу хлеп туды – и у лес зъ грибами’ (смол.)

кішэнь ‘*частка адзення (штаноў, паліто, пінжака) у форме прышытага або ўшытага мяшочка для дробных рэчаў і грошай*: бакавая кішэнь, нагрудная кішэнь’ (белор.)

В данном случае необходимо обратить внимание на совпадение грамматического рода (женского) и типа склонения слова «кишень» в смоленских говорах и в белорусском языке.

ко́вне́рь ‘*воротник любой одежды*: першый рас у мяне у сорык лет пальто с харошым кыунярем було’ (смол.)

каўнер ‘*верхняя, часцей прышыўная частка адзення, якая прылягае да шыі*: вышыты каўнер, каракулевы каўнер’ (белор.)

кошу́ля ‘*женская рубашка с вышитыми оплечьями и воротом*: раньшы усе уремя насили кашули, у йих длинныи рукавы, шыють с хылста’ (смол.)

кашуля ‘*сарочка, рубашка*: выскачыла я амаль што ў адной кашулі’ (белор.)

мото́уз ‘*шнурок, завязка, бечевка*: зътяни патужы матоус, а то штаны свалюцца’ (смол.)

матуз ‘размоўнае слова 1. *Скручаная вузкая палоска тканіны, шнурочак для завязкі*: завязалі суконным матузом. 2. *Завязкі ў фартуху, шапцы-вушанцы і пад.*: яна спрабавала завязаць матузы халата, але рукі дрыжалі’ (белор.)

панчо́ха ‘*чулок, обычно кустарного производства*: надениш панчохи и идеш пъ дяреуни’ (смол.)

панчохі ‘*выраб машыннага або ручнога вязання, які надзяваецца на ногі і заходзіць за калені*: панчохі прамоклі’ (белор.)

па́сок ‘*пояс*: я пасък зътяну, было, патужы и иду’ (смол.)

пасак ‘*рэмень, шнурок, матуз і пад.*: купец выхапіў з кішэні пасак ды прывязаў каня’ (белор.)

тви́кля, **тви́лик**, **цви́лик**, **цви́лька** ‘*ластовица*: твикли забыла патшыть пад мышки; твилики ни забуть пришыть пат мышки; пыт пахи цвилики пришывали, каб свъбадней была; у платти цвильки ушывались пат мышкыми’ (смол.)

цвікля ‘спецыяльны тэрмін *Устаўка ў рукаве кашулі пад пахай*’ (белор.)

4.2. Названия головных уборов:

маге́рка ‘*белая войлочная шапка с тульей без полей*’ (смол.)

магерка ‘*круглая высокая мужчынская шапка з лямцу, якую насілі раней сяляне; род капелюша*: адзеты малады селянін ў вышываную сарочку, на плячах – світка з саматканага сукна, на галаве – магерка’ (белор.)

ху́ста, **ху́стка** ‘*платок*: хуста у ей теплыя, узорныя; адень маю хустку нъ празник’ (смол.)

хуста ‘*вялікая хустка*: адна дзяўчына ў ружовай хусце жартуе і смяецца’ (белор.)

хустка ‘*кусок тканіны ці вязанага палатна, часцей квадратнай формы, які завязваецца на галаву, шыю ці накідваецца на плечы*: старая перавязала хустку на галаве’ (белор.)

4.3. Названия обуви и ее частей:

бот ‘*кожаные сапоги*: ни пайду зъ такога, што ботъми скрип-скрип’ (смол.)

боты ‘*абутак з высокімі халявамі (скураны, гумавы і пад.)*: яна зняла левы бот і з-пад халявы выняла невялікую паперку’ (белор.)

холя́ва ‘*сапожное голенище*’ (смол.)

халява ‘*частка бота, якая закрывае нагу ад ступні да калена*: халявы па калені’ (белор.)

5. Названия кушаний и напитков.

5.1. Названия кушаний:

кава́л, **кавалек** ‘*кусочек чего-либо съестного - хлеба, сала и под.*: атвалиу кывал хлеба, сала – и пышла цыганка; сахыру дали пу къвальку’ (смол.)

кавал ‘размоўнае слова *Вялікі кавалак чаго-н.*: Базыль ломіць хлеба цэлы кавал’ (белор.)

кавалак ‘*кусок*: кавалак жалеза’ (белор.)

кутья́ ‘*кушанье из отварной пшеницы с медом, которое готовят перед Новым годом*’ (смол.). Нужно отметить, что именно с таким значением слово смоленских говоров совпадает с аналогичным образованием белорусского литературного языка; в русском языке зафиксировано несколько иное значение – обрядовое кушанье на похоронах и поминках.

куцця ‘*каша з ячных або іншых круп як традыцыйная абрадавая яда ўсходнеславянскіх і інш. народаў*: у печы варыцца калядная куцця; куцці святочнай задымілася гара’ (белор.)

ку́ха́н ‘*изделие из теста (оладья, лепешка и под.)*: еш куханы съ смитанъй’ (смол.)

кухан ‘*невялікая булка, начыненая цыбуляй*: цяперашнія куханы былі не белыя’ (белор.)

ло́кша́ ‘*суп из лапши*: локшу делыли проста, у пахлепку дыбыуляли лапшу’ (смол.)

локшына ‘*выраб з пшанічнай мукі ў выглядзе тонкіх высушаных палосак цеста // Страва, прыгатаваная з такога вырабу*’ (белор.)

лу́са ‘*ломоть хлеба*: луса – ета кусок, как пълбуханки’ (смол.)

луста ‘*адрэзаны вялікі плоскі кавалак (хлеба, сала і г. д.)*: маці памазала маслам лусту хлеба і падала сыну’ (белор.)

цуке́ра, **цукерка** ‘*конфета*: ни дывай ей цукерък, пакуль ни падъест’ (смол.)

цукерка ‘*салодкі кандытарскі выраб у выглядзе плітачкі, шарыка і пад.*: шакаладныя цукеркі, мятныя цукеркі’ (белор.)

юха́, **юшка** ‘*уха*: наловють рыбы, бальшую выбируть, а малинькую нъ юху атложуть’ (смол.)

юха, **юшка** ‘*страва са свежай рыбы з прыправамі; рыбны адвар*: яны палілі касцер і на агні варылі юшку’ (белор.)

5.2. Названия напитков:

жур ‘*овсяный кисель*: размешывыли муку, кислили, а патом зъваривыли, пълучауся жур’ (смол.)

жур ‘*негусты аўсяны кісель*’ (белор.)

хо́нжа́ ‘*самогон*: рвали хмель, варили с картошкъй и дъбывляли сусла; зътирали хонжу; гнали яе, как атстаицца’ (смол.)

ханжа ‘размоўнае слова *Кітайская неачышчаная хлебная гарэлка // Самагонка наогул*: яны дасталі былі трохі ханжы і разам выпілі’ (белор.)

6. Названия деталей, использующихся в средствах передвижения.

во́рчак ‘*пристяжной (постромочный) валек в упряжке*: если б ворчика ни было, то плугым нильзя была и пыхать’ (смол.)

ворчык ‘*прыстасаванне для прыпрэжкі каня ў дапамогу каранніку; барак*: хадзіць на ворчыку’ (белор.)

гак ‘*шип подковы*: у падкови аднаго гака ни хвытаить’ (смол.)

гак ‘*востры металічны выступ на чым-н. (напрыклад, крук у багры, шып у падкове)*: конь быў падкуты на перад, і гакі ў падковах былі купленыя’ (белор.)

ото́са ‘*металлический прут (проволока, веревка), соединяющий в телеге ось с оглоблей*: атосы лопнули, и кълясо свалилъсь с аси’ (смол.)

атосы ‘*драцяныя або з жалезных прутоў, рэменю і інш. цяжы ў возе*: ен паправіў вітыя атосы’ (белор.)

7. Существительные без классификации.

аре́ли ‘*качели*: у празник, бывала, нъ ярмълък пайдеш, там нъ арелих так нъкълыхаисся, што гълъва закружыцца’ (смол.)

арэлі ‘*збудаванне, на якім гушкаюцца для забавы; гушкалка*: на дубе вісяць арэлі – пяньковая вяроўка, заматаная канцамі за самы тоўсты сук’ (белор.)

бере́мо ‘*вязанка (сена, дров и т.п.); большая охапка*: такоя бярема сена нъвизала, што ели принисла’ (смол.)

бярэма, **бярэмя** ‘*такая колькасць чаго-н. (дроў, саломы, бульбоўніку і інш.), што можна абхапіць абедзвюма рукамі і панесці; ахапак*: бярэма бярозавых дроў’ (белор.)

ко́га́т ‘*бурт картофеля*: нынчи картошка павымъклъ, хоть адин ба къгат пълажыть’ (смол.)

кагат ‘*доўгі капец бульбы, агародніны, сіласу і пад.*: метраў за трыста ад балота калгаснікі склалі тры бурты’ (белор.)

копа́ ‘1. *Копна сена, соломы, снопов (от 60 до 100 снопов)*: у копы знычала сена кладуть, тады у стох. 2. *Шестьдесят штук чего-либо (как единица счета)*: копыми прыдають гурки, шысьдисят гуркоу у капе’ (смол.)

капа ‘1. *Куча сена, саломы, складзеная конусам; невялікі стажок*: на сенажаці там-сям былі раскіданы копы і ляжала сена. 2. *Даўнейшая адзінка лічэння*: шэсцьдзесят штук чаго-н.: капа арэхаў’ (белор.)

Примечательно, что в данном случае в смоленских говорах и в белорусском языке совпадают оба омонимичных значения – предметное и количественное.

костер ‘*поленница дров*: вазьми у кастре сухих дроу баню тапить’ (смол.)

касцер ‘*складзеныя ў пэўным парадку дровы або іншы лясны матэрыял*: дровы складзены ў касцер’ (белор.)

ли́ра ‘*шарманка*: сляпыи хадили с лиръми, играли; за ручку крутють яшшык, ен и играить’ (смол.)

ліра ‘*даўнейшы народны беларускі струнны музычны інструмент з клавішамі і корбай*’ (белор.)

проре́х ‘*распоровшееся по шву или разорванное, разрезанное место в одежде, ткани; прореха*: прарех – ета то места в адежы, иде ина ръзышлась па шву // *Разрез, сделанный при крое*: у ей юпка с прарехъм ззади’ (смол.)

прарэх ‘*разадранае ці разрэзанае месца ў адзенні; дзірка*: шырокі прарэх адкрывае грудзіну і жывот // *Адтуліна, дзірка ў чым-н.*: прарэхі ў страсе, праз якія відно было неба’ (белор.)

под ‘*низ чего-либо*: вариш суп, съяси сверху, а нъ спаду весь густеш астаецца’ (смол.)

под ‘*ніз, ніжняя частка чаго-н.*: у спадзе печы’ (белор.)

Все разнообразие слов смоленских говоров, находящих соответствие в белорусском литературном языке, не сводится к какой-либо одной лексической группе: данные слова представлены в большом количестве самых разных лексических групп и лексико-семантических подгрупп, что демонстрирует проведенный анализ. Этот факт может свидетельствовать об устойчивом характере функционирования данной лексики в смоленских говорах и о глубинных связях говоров с разными группами белорусских говоров, которые были положены в основу белорусского литературного языка. Примечательно, что количество такого рода совпадений достаточно велико: именно как слова белорусского литературного языка, без пометы «областное», без каких-либо соответствий в пограничных белорусских говорах (витебских и могилевских), функционируют 102 существительных, которые были привлечены для сравнения с аналогичными словами смоленских говоров. Они находят практически полное совпадение в объеме лексического значения в смоленских говорах и в белорусском литературном языке. Таким образом, на долю этих единиц приходится около 9% всей непроизводной конкретно-предметной лексики смоленских говоров, что является относительно высоким количественным показателем.

ЛИТЕРАТУРА

Беларусазнаўства: Навучальны дапаможнік. Мн.: Завігар, 1998. 284 с.

Жураўскі А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. В 2 т. Мн., 1967. Т. 1. 371 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

МАСМ – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілеўшчыны. Вып. 2 Магілеў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2005. 88 с.

МАСМ – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілеўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1981. 121 с.

Плотнікаў Б.А. Кароткая гісторыя беларускай мовы і мовазнаўства. Мн.: Інтэрпрэссэрвіс, Кніжны Дом, 2002. 103 с.

РСВ – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 1. Віцебск, 2012. 304 с.; Частка 2. Віцебск, 2014. 358 с.

ССГ – Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Мн.: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

Шакун Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн.: Універсітэцкае, 1984. 318 с.

Ye.S. Lunkova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Interaction of Non-derivative Vocabulary of Smolensk Dialect and the Belarusian Language: Full Lexical Correspondences

Specific non-derivative nouns that are functioning in Smolensk dialect reveal a significant number of lexical parallels in the independent languagee structure of the contemporary Belarusian language. The analysis of these words is carried out in order to establish their status in two synchronous lexical and grammatical systems for further clarification relating to the number of lexical parallels of different origins in Smolensk dialect.

The subject of the study is the volume of lexical meaning of specific non-derivative nouns recorded in independent, but at the same time contact-located language formations, in one of which they have a regional status (Smolensk dialect), and in the other one they are included in the codified form of the standard language (the Belarusian language).

The relevance of the study is explained by the complex history of the Russian-Belarusian borderland, which is reflected both in Smolensk dialect and in the Belarusian language, which has been developed on the dialect basis. The common material and spiritual culture typical for the dialects of the Russian-Belarusian borderland is a marker revealing the specifics of the region described.

Due to the common culture, these conditionally distant language units regularly coincide in the volume of lexical meaning and demonstrate a stable distribution within lexical and semantic groups in each language formation at the present stage of its functioning.

Key words: *Smolensk dialect; Belorussian language; non-derivative nouns.*

REFERENCES

Belarusian studies [Belarusaznawstva]. Minsk, Zavigar, 1998. 284 p. (in Belorusian).

Dictionary of Smolensk Dialects [Slovar' smolenskikh govorov]. Smolensk, Smolensk State University, 1974–2005. Vol. 1–11 (in Russian).

Dictionary of the Russian Language [Slovar' russkogo yazyka]. Moscow, Nauka, 1985–1988. Vol. 1–4 (in Russian).

Explanatory Dictionary of the Belarusian Language [Tlumachal"ny slownik belaruskaj movy]. Minsk, Belorussian Soviet Encyclopedia. Vol. 1–5, 1977–1984 (in Belorussian).

Materials for the Regional Dictionary of Mogilevschina [Matjeryjaly da ablasnoga slownika Magilewshchyny]. Minsk, Science and Technic, 1981. Vol. 1. 121 p. (in Belorussian).

Materials for the Regional Dictionary of Mogilevschina [Matjeryjaly da ablasnoga slownika Magilewshchyny]. Mogilev, Mogilev State University, 2005. Vol. 2. 88 p. (in Belorussian).

Plotnikov B.A. Brief history of the Belarusian literary language and linguistics [Karotkaja gistoryja belaruskaj movy i movaznawstva]. Minsk, Knizhny Dom, 2002. 103 p. (in Belorusian).

Regional Dictionary of Vitebschina [Rjegijanal"ny slownik Vicebshchyny]. Vitebsk, Vitebsk State University, 2012. Part 1. 304 p. (in Belorussian).

Regional Dictionary of Vitebschina [Rjegijanal"ny slownik Vicebshchyny]. Vitebsk, Vitebsk State University, 2014. Part 2. 358 p. (in Belorussian).

Shakun L. M. History of the Belorussian literary language [Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy]. Minsk, Universitetskoye, 1984. 318 p. (in Belorusian).

Zhuravsky A. I. History of the Belorusian literary language: in 2 vol. [Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy u 5-ti T.] Minsk, 1967. Vol. 1. 371 p. (in Belorusian).

А.В. Журова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

УДК 811

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-99-111

ЗОНЫ КОММУНИКАТИВНОГО РИСКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на основе анализа эвфемизмов)[1]

Ключевые слова: *речевое маневрирование; коммуникативный риск; эвфемия; табу; тематическая классификация эвфемизмов*.

Настоящая статья посвящена изучению зон коммуникативного риска в современном русском языке на основе количественного анализа и тематической дифференциации эвфемизмов. Явление эвфемии рассматривается как комплексный лингвокультурный феномен в его взаимосвязи с категориями табуированности, вежливости и деликатности. К использованию эвфемизмов прибегают для зашифровки неуместных, неприличных для вербализации слов и выражений. Эвфемия признается одним из приемов речевого маневрирования. Уход от коммуникативных рисков и одновременно достижение цели общения – основные цели применения приемов речевого маневрирования. Описана взаимосвязь речевого маневрирования с зонами коммуникативной опасности: последние служат толчком к использованию приемов по уходу от коммуникативных рисков. Коммуникативные риски связаны с коммуникативными неудачами, но не являются ими. Представлен обзор существующих в отечественной и зарубежной лингвистике тематических классификаций эвфемизмов, а также словарей. Распространенное деление эвфемизмов на бытовые и социальные положено в основу составленной детальной классификации потенциально опасных тематических зон современного русского языка. В качестве результата проведенного исследования представлена собственная подробная классификация потенциально опасного тематического репертуара в русском языке, а также проанализированы мотивы их возникновения.

Мотивы применения эвфемии как приема речевого маневрирования. Всем известно, что «есть ситуации, в которых все должны вести себя предельно прямолинейно (крик о помощи), и ситуации, в которых все избегают прямолинейности (табуируемые темы общения)» [Карасик, 2007, *80*].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001 «Массовая речевая культура в Омском регионе как отражение коммуникативных норм, ценностных ориентиров и конфликтогенных факторов».

Как правило, это касается вопросов, сопряженных с предметами, процессами и явлениями, представляющими собой нечто социально неприемлемое или неприличное для вербализации, что, в свою очередь, регулируется такими категориями, как вежливость, деликатность и такт. По этой причине в подобных областях коммуниканты часто применяют приемы речевого маневрирования.

Речевым маневрированием мы считаем речевые действия говорящего для ухода от коммуникативных рисков. В данном случае речь идет о поиске баланса между достижением поставленной цели общения и уходом от коммуникативного риска [Иссерс, 2016]. Коммуникативный риск не равен коммуникативной неудаче, он предшествует ей и потенциально может быть нивелирован. Коммуникативной неудачей мы, вслед за О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, считаем «неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект» [Ермакова, Земская, 1993, *31*].

Эвфемизация как комплексный лингвокультурный феномен признается исследователями эффективным приемом по уходу от коммуникативных рисков [Крысин, 2000; Сеничкина, 2008]. В определенных коммуникативных ситуациях эвфемия функционирует как стратегия, ориентированная «на смещение прагматического фокуса и достижение конкретной прагматической цели, заключающейся в передаче скрытой (имплицитной) информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этоса» [Иванян, Кудлинская, Никитина, 2012, *51*].

Основные тематические зоны коммуникативной опасности в языке непосредственно связаны с речевым маневрированием, так как коммуникативный риск подталкивает говорящих к поиску альтернативных средств вербализации интенции. Стало быть, данные темы являются своего рода «триггером» для использования приемов речевого маневрирования.

Тематический репертуар эвфемизмов разнится в силу исторических, социальных и культурных особенностей того или иного народа. Анализ количественной и тематической дифференциации эвфемизмов как приема речевого маневрирования позволит выявить основные зоны «коммуникативной опасности» в современных русскоязычных речевых практиках. «Количество эвфемистических замен служит показателем значимости того или иного явления в жизни людей и интенсивности отрицательных ощущений, связанных с ними» [Миронина, 2010, *88*].

Количественная оценка обозначенных групп эвфемизмов отразит степень табуированности той или иной темы, а также поможет в обозначении ценностей русской лингвокультуры. По мнению П. Траджилла, табуированность слов служит прямым отражением ценностей и традиций социума: чем выше степень табуированности сферы, тем большее значение ей

придается в том или ином лингвосоциуме [Tradgill, 1995, *30*]. Отсутствие эвфемистических эквивалентов определенной тематической сферы «свидетельствует о том, что эта тема (ситуация) типичная для речевого общения носителей данного языка» [Воркачев, 1997, *123*].

Некоторые темы являются универсальными для культур, имеющих сходные пути исторического развития и одну религию; они представляют собой пласт, сформировавшийся на ранних этапах развития языка под воздействием табу. Появление новых тем табуирования говорит о динамике моральной оценки явлений действительности [Жельвис, 2000; Карасик, 2002]. «Если в обществе меняется отношение к явлениям отрицательного характера, то появляются новые эвфемизмы, выходят из употребления старые» [Зайцева, 2018, *30*].

Словари и классификации эвфемизмов. Установление потенциально опасного тематического репертуара в современном русском языке осуществимо на материале «Словаря эвфемизмов русского языка», составленного Е.П. Сеничкиной, поскольку, как упоминалось ранее, эвфемия может считаться одним из самых эффективных приемов речевого маневрирования. Для русского языка это первый и пока единственный словарь данного рода, целью которого, по мнению автора, является демонстрация широкому кругу читателей возможностей использования эвфемизмов речи для «улучшения общения людей» [Сеничкина, 2008, *3*].

В предисловии автор заостряет внимание на том, что словарь составлен преимущественно на современном материале, для достоверности применялся метод опроса информантов. Отметим, что, на наш взгляд, указанные автором источники не позволяют считать этот словарь отражающим исключительно современный узус, поскольку в качестве иллюстраций употребления приводятся примеры из периодических изданий, устной речи и художественной литературы различных временных отрезков. В связи с этим нами проводилось дополнительное отсеивание примеров, указанное в разделе «Материал и метод».

Автор также обращает внимание на то, что эвфемизмы затрагивают обширное количество тем, но свою классификацию не приводит.

В словаре Р. Хольдера представлена одна из самых детализированных и многоаспектных из основанных на тематическом принципе классификаций эвфемизмов [Holder, 1995]. Она насчитывает 68 тематических групп, которые затрагивают всевозможные предметы и явления, не учитывая при этом специфику какой-либо определенной лингвокультуры.

С. Видлак полагает, что разделение слов на группы по их семантическому признаку способствует четкой классификации, так как языковому табу подвержена форма на основании значения [Видлак, 1967, *274*]. Тематический признак лежит в основе построения классификации Л.П. Крысина,

который распределил все русские эвфемизмы на бытовые и социальные [Крысин, 2004, *268–280*].

Материал и метод. Опираясь на вышеупомянутое разделение, мы сгруппировали отобранные нами эвфемизмы и эвфемистические обороты по принципу следующей детализированной тематической классификации.

Рассматривались не все словарные статьи, а лишь 10 букв («А», «Б», «В», «Д», «К», «Л», «М», «О», «П», «С») как одни из самых объемных по количеству словарных статей. Количество отобранных примеров составило 928 единиц. Однокоренные слова учитывались как одна единица. В материал не вошли эвфемизмы и эвфемистические обороты с пометами редк. (редко), книжн. (книжный), возв. (возвышенно), ист. (исторический), устар. (устаревший), тайнор. (тайноречие), совет. (советские, не употребляющиеся сейчас) ввиду их неактуальности. Также были исключены лексические единицы, являющиеся на сегодняшний день деэвфемизмами либо образованные посредством уменьшительного суффикса или добавления отрицательной приставки не- и без- к однокоренным (в силу их минимальной степени эвфемизации).

«Степень эвфемизации зависит от нескольких факторов: уровня запрета на произнесение языковой единицы, морфемного состава и степени иронии» [Сеничкина, 2008, *17*]. По степени эвфемизации выделяют среднюю и минимальную степень. Например, эвфемизмы, образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, приставок, обозначающих неполноту действия, или отрицательной частицы, обладают минимальной степенью, смягчая негативное значение, но не скрывая его, например, крупноватый – излишне крупный; подгнивать – гнить, сгнить; нетактичный – бестактный. Средней степенью эвфемизации обладают по большей части слова, образованные способом лексической замены.

Также не были включены выражения, сигнализирующие об эвфемистической ситуации (*в кавычках, в некотором роде, в своем роде, дипломатично говоря, как бы поизящнее выразиться, как бы помягче сказать, как бы сказать, малость, мягко выражаясь, мягко говоря, по более осторожному выражению, по правде говоря, по совести говоря, правду говоря*), так как сами они ничего не вуалируют и не закреплены за какой-либо определенной тематической зоной, а значит, могут функционировать в широком тематическом диапазоне. Данный тип лексических единиц представляет собой вспомогательный прием речевого маневрирования.

Ниже представлена классификация с примерами из отобранного материала по вышеописанной методике.

Группа 1. Человек и его восприятие (Бытовые эвфемизмы)

1.1. Анатомия и физиология человека:

– части тела, нагота*: мягкое место, область бикини, в чем мать родила*;

– физиологические отправления (пот, рвота, испражнение, мочеиспускание, испускание газов и др.): *влага, обниматься с белым братом, органика, проблемы с желудком*;

– туалет: *дамская комната*;

– женское здоровье, рождение детей: *критические дни*, *планирование семьи*, *в деликатном положении.*

1.2. Болезни и смерть:

– болезни: *плохо себя чувствовать*;

– смерть: *дожидаться своего часа, потухнуть*;

– ритуальные мероприятия, места захоронений: *день памяти, провожать в последний путь.*

1.3. Интимная жизнь:

– половые отношения: *как муж и жена жить, плотская любовь, любовные похождения*;

– сексуальное здоровье: *мужская сила / бессилие.*

1.4. Межличностные и семейные взаимоотношения: *прохладные отношения, семейная сцена.*

1.5. Внешность: *комплекция, лицом не вышел.*

1.6. Возраст: *вторая молодость, преклонного возраста.*

1.7. Личность:

– черты характера: *легкомысленный, Отелло, сибарит*;

– поведение: *крыть по матушке, показать комбинацию из трех пальцев*;

– умственные способности: *от большого ума, слабый интеллект*;

– эмоции, настроение: *встать не с той ноги.*

1.8. Быт:

– чистота, ухоженность: *амбре, антисанитария*;

– животные: *пакость, сделать лужу.*

1.9. Выражение негативной оценки, отношения, мнения; осуждение: *оставляет желать лучшего, своеобразно, специфический.*

Группа 2. Социум, его устройство и отношения внутри него (социальные эвфемизмы)

2.1. Социальные группы:

– по расовому и национальному признаку: *антисемит, пятая графа*;

– по сексуальной ориентации: *секс-меньшинства*;

– по физическим и умственным недостаткам: *душевные заболевания, потерять зрение, с ограниченными возможностями.*

2.2. Социально порицаемые явления:

– употребление алкоголя и наркотических веществ: *перебрать, подшофе, пагубные привычки*;

– проституция: *девушка по вызову, коммерческий секс*;

– преступность, криминал: *обход закона, правонарушитель*;

– насильственные действия, нанесение телесных повреждений: *дать волю рукам, приложить руку*;

– ложь, обман: *вводить в заблуждение, дезинформация.*

2.3. Социально-экономические явления:

– бедность, отсутствие денег: *малоимущий, материальная помощь, социально-непривилегированный*;

– финансы, доходы: *достаток, состояние*;

– корпоративная среда: *вынужденный простой, материальное стимулирование, серые зарплаты*;

– непрестижные профессии, места жительства: *оператор очистных работ, периферия*;

– сфера производства, торговли: *дефицит, контрафактный*;

– цены, платежи: *доступный, по разумной цене, социальный.*

2.4. Власть и политика:

– названия органов власти, особенности их деятельности: *вести кого-либо, дом на Лубянке, компетентные органы*;

– политическая обстановка, военные действия: *демаркация границы, кризис, сохраняется напряженность*;

– выборы, оппозиция: *беспорядки*;

– репрессивные действия власти, цензура: *выдавать индульгенцию, допрос с пристрастием*;

– коррупция: *взнос*, *откат, совать в руку кому-либо*;

– пенитенциарная система: *высшая мера, лишение свободы, привлекать к ответственности*;

– канцеляризмы, речь чиновников: *в ближайшее время, вынести на рассмотрение.*

2.5. Медицинские и общенаучные термины и выражения:

– медицина: *диарея, латентный, педикулез, суицид*;

– наука, иноязычные заимствования, терминология: *бигамия, диссонанс.*

Количество социальных эвфемизмов ненамного превосходит количество бытовых: 424 и 489 соответственно. Результаты проведенного количественного анализа представлены на диаграммах 1 и 2.

Диаграмма 1. Бытовые эвфемизмы

Диаграмма 2. Социальные эвфемизмы

Исследователи отмечают, что наиболее продуктивными являются эвфемизмы в сфере политики и экономики, а также эвфемистические единицы, связанные с темами физиологии, болезни и смерти [Иванова, 2004], что по большей части подтверждается проведенным исследованием.

Данные бытовые темы сформировались под воздействием серьезного и продолжительного давления суеверных и религиозных верований и устоев, иными словами, под воздействием языкового табу. В группе бытовых эвфемизмов 29% от общего количества составили эвфемизмы, относящиеся к анатомии и физиологии человека, которые, в свою очередь, связаны с интимными частями тела, процессами мочеиспускания и испражнения, а также женским здоровьем и рождением детей. Исследователи отмечают, что «тема естественных физиологических отправлений человеческого организма и сопутствующие ей моменты подлежат запрету на прямое обозначение в большинстве человеческих культур» [Левкиевская, 1999, *437*]. Исключением не является и русская. Эвфемизмы, связанные со смертью, также представляют собой один из старейших пластов лексики, сформированный под влиянием табу на прямое наименование. «Смерть – это один из величайших страхов всего человечества… Именно поэтому многие отказываются говорить и слышать об этом. Поэтому совершенно неудивительно, что лексические единицы, относящиеся к тематической группе “смерть”, очень часто подвергаются эвфемистической замене» [Моховикова, 2013, *106*]. Исследователи отмечают, что в настоящее время тема смерти подвержена эвфемизации практически во всех языках [Чжан, 2013]. Тем не менее мы можем считать, что мотив, побуждающий эвфемизировать данную тему, изменился. В первую очередь это проявление такта и вежливости: уход от прямого наименования может расцениваться как желание проявить максимальную деликатность и сочувствие к человеку, понесшему утрату.

Однако, учитывая высокую динамику изменения культурно-речевых норм, возможно отследить относительно новые и актуальные на сегодняшний день темы, которые ощущаются носителями как потенциально опасные. Так, по результатам нашего количественного анализа вторая по величине группа – это эвфемизмы для обозначения негативных личностных характеристик человека. Человеческие пороки всегда осуждались обществом. Однако прежде не было такой явной тенденции к вуалированию. Как правило, все называлось своими именами и преследовало цель пристыдить человека. Сейчас же имеется установка на смягчение и нивелирование для избегания коммуникативной неудачи. Аналогичная ситуация наблюдается с группой 1.9, где были собраны слова и обороты для выражения негативного отношения / негативной оценки, характеристики чего-либо. Востребованность эвфемизации данной темы объяснима тем фактом, что, выражая критику или негативное мнение в адрес собеседника или в отношении каких-либо предметов и явлений, взгляды на которые у собеседников различны, говорящий

ощущает потенциальную коммуникативную опасность и стремится ее избежать. Выражение критики почти всегда сопровождается негативными эмоциями в силу психологических особенностей человека, что может служить поводом к смягчению при высказывании отрицательного мнения.

Если говорить о группе социальных эвфемизмов, то в ней самой многочисленной стала группа медицинских и общенаучных терминов. Многие неприятные явления действительности имеют иноязычные синонимы для наименования, что тоже выполняет функцию эвфемизации: «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак, 1967, *275*]. В силу малоизвестности среднему носителю языка и редкости употребления интернационализмы, как правило, сохраняют нейтральную коннотацию, следовательно, могут выполнять задачу по смягчению прямого наименования. Современное коммуникативное поведение все чаще регулируется принципами политической корректности и социальной приемлемости, целью которых является «употребление корректных лексических единиц вместо слов и выражений, указывающих на расовую, половую, социально-статусную, возрастную принадлежности, а также на состояние здоровья, внешней вид или же любую другую характеристику, которая может быть интерпретирована как дискриминирующая» [Белобородова, 2017, *392*]. Толерантность, культивируемая вслед за Западом и в российском обществе, к представителям национальных и сексменьшинств, а также к людям, имеющим различные заболевания, отражена в количестве отобранных эвфемизмов.

С учетом того, что эвфемизм рассматривают как «менее рискованную номинацию, заменяющую в речи более рискованную» [Дегтярева, Осадчий, 2012, *159*] в аспекте этических и правовых рисков, подчеркнем, что, как правило, при использовании бытовых эвфемизмов говорящий уходит от этических рисков, а при обращении к социальным эвфемизмам обходятся как этические, так и юридические риски.

Таким образом, нами на основании полученных результатов анализа единиц в словаре эвфемизмов определен тематический репертуар, который отчасти является универсальным для всех культур, а частично уникален для русской лингвокультуры и может рассматриваться как зона коммуникативного риска в современном русском языке.

В дальнейшем представляется перспективным сравнение полученных результатов по выявлению коммуникативно опасных тем и семантических областей с примерами из массовой речевой культуры (например, медиадискурса), где современные носители языка прибегали к речевому маневрированию.

ЛИТЕРАТУРА

Белобородова А.В. Эвфемизмы тематической группы «Физические данные и возможности» / «Physical abilities» в русском и английском языках // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3(67). С. 389–394.

Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.: Наука, 1967. С. 267–285.

Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.

Дегтярева А.Р., Осадчий М.А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник КемГУ. 2012. Т. 3, № 4(52). С. 159–162.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194−206.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) // Русский язык и его функционирование: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 90–157.

Зайцева Е.Д. Эвфемизмы тематической группы «война» в современных периодических изданиях Великобритании // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 30–37.

Иванова О.Ф. Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.

Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках: монография и словарь эвфемизмов деликатной темы. Самара: Инсома-Пресс, 2012. 331 с.

Иссерс О.С. Обучение речевому маневрированию в курсе РКИ (на примере освоения стратегии эвфемии) // Русский язык в славянском и неславянском мире: лингводидактический аспект (Трнава, 5–6 мая). ACTA ROSSICA TYRNAVIENSIS II. Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Tribun EU, 2016. С. 72–79.

Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 78–86.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. 888 с.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.

Левкиевская Е.Е. Экскременты в апотропеической и лечебной магии // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстой. М., 1999. Т. 2. С. 437–439.

Миронина А.Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник ВятГУ. 2010. № 2. С. 85–89.

Моховикова Н.С. Проблематика перевода эвфемизмов с китайского языка на русский: на материале религиозного дискурса тематической группы смерть // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сборник статей. URL: http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/ articles/2013/mokhovikova.html (дата обращения: 01.02.2020).

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Чжан Ч. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 24 с.

Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. New York: Oxford University Press, 1995. 470 p.

Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society London; New York: Penguin, 1995. 204 p.

A.V. Zhurova
Senior Lecturer,
Department of the Foreign Languages for Specific Purposes,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

Zones of Communication Risk in the Modern Russian Language (Based on Euphemisms Analysis)

The present article is devoted to the study of communication risk zones in the modern Russian language, it is based on quantitate analysis and thematic differentiation of euphemisms. The euphemization is considered as a linguo-cultural phenomenon correlated to taboo, politeness, and sensitivity categories. Euphemisms are used for paraphrasing inappropriate and indecent words and phrases for their verbalization in speech. Euphemisms are considered to be a way of speech maneuvering. Avoiding communication risks and reaching the goal of communication are the main targets of applying the ways of speech maneuvering.

The article specifies interconnection between speech maneuvering and zones of communication risks, the latter serve as triggers for applying speech maneuvering ways to avoid communication risks. Communication risks are connected with communication failures, but they are not the same. The paper represents thematic classifications as well as dictionaries reviews in national and foreign linguistics. Widespread division of all existed euphemisms into everyday ones and those belonged to social groups is taken as a principle for detailed communication risk zones classification in the modern Russian language. As a result of the conducted research, the article represents its own specified classification of potentially dangerous thematic repertoire in the Russian language and analyzes motivations behind them.

Key words: *speech maneuvering; communication risk; euphemia; taboo; thematic classification of euphemisms.*

REFERENCES

Beloborodova A.V. Euphemisms of theme group «Physical data and abilities» [Evfemizmy tematicheskoi gruppy «Fizicheskie dannye i vozmozhnosti»]. «Physical abilities in Russian and English» [«Physical abilities» v russkom i angliiskom iazykakh]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2017, no. 3 (67), pp. 389–394 (in Russian).

Chzhan Ch. Euphimization in Russian and Chinese: linguocultural and linguo pragmatic aspects: thesis abstract…cand. of philol. sciences [Evfemizatsiya v russkom i kitaiskom yazykakh: lingvokul'turologichesky i lingvopragmatichesky aspekty: avtoref. dis.… kand. filol. nauk]. Volgograd. 2003. 24 p. (in Russian).

Degtyareva A.R., Osadchy M.A. Legeuphemisms as a tactics of legal risks avoidance in news Internet media [Legevfemizm kak taktika ukhoda ot pravovykh riskov v novostnykh internet-izdaniyakh]. *Vestnik KemGU*, 2012, vol. 3, no. 4 (52), pp. 159–162 (in Russian).

Issers O.S. Training in speech manevring in course of Russian as a foreign language (the example of learning the euphemism strategy) [Obuchenie rechevomu manevrirovaniyu v kurse

RKI (na primere osvoyeniya strategy evfemii)]. *Russky yazyk v slavianskom i neslavianskom mire: lingvodidakticheskiy aspkct* [The Russian language in Slavic and non-Slavic world: linguo-didactic aspect]. Conference Proceedings. Trnava, 2016, pp. 72–79 (in Russian).

Ivanova O.F. Euphemistic English vocabulary as a reflection on values of English culture: thesis…cand. of philol. sciences [Evfemisticheskaya leksika angliyskogo yazyka kak otrazhenie tsennostei angloyazychnykh, kul'tur: dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 2004. 181 p. (in Russian).

Ivanyan Ye.P., Kudlinskaya Kh., Nikitina I.N. A delicate topic in different languages: monograph and dictionary of euphemisms of delicate topic [Delikatnaia tema na raznykh yazykakh: Monografiya i slovar' evfemizmov delikatnoi temy]. Samara, Insoma-Pressyu, 2012, pp. 50–63 (in Russian).

Karasik V.I. Discursive personology [Diskursivnaya personologiya]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*, Voronezh, 2007, no. 7, pp. 78–86 (in Russian).

Karasik V.I. Language of social status [Yazyk sotsial'nogo statusa]. Moscow, Gnozis, 2002, 333 p. (in Russian).

Krysin L.P. Euphemisms in modern Russian speech [Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi]. The Russian language at the end of 20th century (1985–1995) [Russky yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2000, pp. 384–408 (in Russian).

Krysin L.P. Russian word, its own and foreign one: researches in the modern Russian language and sociolinguistics [Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike]. Moscow, 2004. 888 p. (in Russian).

Levkievskaya Ye.Ye. Excrement in anthropocentric and curative magic [Ekskrementy v apotropeicheskoi i lechebnoi magii]. Slavic antiquities. Ethno linguistic dictionary [Slavianskie drevnosti. Etnolingvistichesky slovar']. Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 437–439 (in Russian).

Mironina A.Yu. Euphemism as a language and culture phenomenon (linguistic and linguocultural analysis) [Evfemizm kak iavlenie yazyka i kul'tury (lingvistichesky i lingvokul'turologicheskii analiz)]. *Vestnik ViatGU*, 2010, no. 2, pp. 85–89 (in Russian).

Mokhovikova N.S. Problems of translation of euphemisms from Chinese into Russian: on the material of religious discourse of a theatic group «death» [Problematika perevoda evfemizmov s kitaiskogo yazyka na russky: na materiale religioznogo diskursa tematicheskoi gruppy smert'. *Available at*: http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/ articles/2013/mokhovikova.html (accessed 1 February 2020).

Senichkina Ye.P. Dictionary of Russian euphemisms [Slovar' evfemizmov russkogo yazyka]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008. 464 p. (in Russian).

Vidlak S. The problem of euphemism on the background of the theory of language field [Problema evfemizma na fone teorii yazykovogo polya]. Etymology: materials and researches in Indo-European and other languages [Etimologiya: materialy i issledovaniya po indoevropeiskim i drugim yazykam]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 267–285 (in Russian).

Vorkachev S.G. Indifference as ethno semantic characteristic of a personality: experience of comparative paremiology [Bezrazlichie kak etnosemanticheskaya kharakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noi paremiologii]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1997, no. 4, pp. 115–124 (in Russian).

Yermakova O.P., Zemskaia Ye.A. To the formation of typology of communicative fails (on the material of the native Russian language) [K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale yestestvennogo russkogo yazyka)]. The Russian language and its functioning: communicative and pragmatic aspects [Russky yazyk i yego funktsionirovanie: Kommunikativno-pragmatichesky aspect]. Moscow, 1993, pp. 90–157 (in Russian).

Zaitseva Ye.D. Euphemisms of thematic group «war» in modern British periodicals [Evfemizmy tematicheskoi gruppy «voina» v sovremennykh periodicheskikh izdaniyakh Velikobritanii]. *Rossiysky gumanitarny zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 30–37 (in Russian).

Zhelvis V.I. Word and activity: legal aspect of swearing [Slovo i delo: yuridichesky aspekt skvernosloviya]. *Yurislingvistika-2. Russky yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii,* Barnaul, 2000, pp. 194–206 (in Russian).

Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. New York, Oxford University Press, 1995. 470 p. (in English).

Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. London, New York, Penguin, 1995. 204 p. (in English).

О.С. Рогалева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

УДК 808.2

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-111-123

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ НОВОСТНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
(на примере новостей культуры)

Ключевые слова: *арт-журналистика; новостная журналистика; телеканал «Культура»; тематика; стилистические особенности.*

Специализированное информационное вещание представляет особый интерес и нуждается в изучении. Предметом рассмотрения в статье являются содержательно-тематические и стилистические особенности новостных и информационно-аналитических программ на телеканале «Культура». Исследование опирается на метод контент-анализа, лингвистические методики анализа. В результате были выявлены содержательно-тематические особенности информационного вещания в сфере культуры. Тематика выпусков разнообразна, затрагивает такие виды искусства, как театр, музыка, литература, изобразительное искусство, кинематограф и др. По тематике и модальности новостные сюжеты подразделяются на собственно новости, новости-анонсы, новости-ретроспективы. «Новости культуры с Владиславом Флярковским» в качестве констант информационно-аналитического телевидения сохранили упор на сильную авторскую позицию ведущего, глубину освещения тем, стремление прокомментировать явление или событие, дать ему оценку, раскрыть со всех сторон. Коммуникативно-стилистическое оформление итоговой программы обусловлено, с одной стороны, форматом новостного вещания, с другой – тематикой (в речи журналистов преобладает лексика искусствоведческого, культурологического и философского дискурсов; сдержанность, камерность, подчеркивающие значимость культурных

фактов, сочетается с аналитизмом, эмоционально-оценочным характером представления информации). Выявленные особенности позволяют говорить об особом телевизионном формате – симбиозе журналистики культурно-просветительской и журналистики информационной.

В настоящее время за презентацию искусства массовой аудитории прежде всего отвечает культурная (досуговая) журналистика, а точнее, ее более узкая область — арт-журналистика. А.А. Сидякина определяет арт-журналистику как «регулярную и систематическую информационно-аналитическую деятельность по освещению в СМИ событий и явлений искусства и художественной жизни (в том числе театральной, литературной, музыкальной, кинематографической и т.д.) с использованием всех жанров и форм подачи материла при наличии оценочности и компетентного критического суждения» [Сидякина, 2012, *125*].

Многомерностью и разнопорядковостью медиапродуктов арт-журналистики обусловлено и разнообразие исследовательских работ. Отдельные исследования посвящены тематическим разновидностям арт-журналистики: театральному дискурсу [Груздева, 2019], дискурсу искусства [Цветова, 2012]. Пристальное внимание уделяется рецензии как базовой жанровой форме арт-дискурса [Земцова, 2006; Морева, 2015] и др.

Специфике телеканала «Культура», его содержательной, идейной направленности посвящена работа А.Э. Литвинцева [Литвинцев, 2006]; О.В. Роженцова [Роженцова, 2006] исследовала культурно-просветительские программы телеканала «Культура».

Вполне обоснованно в центре исследовательского внимания находится информационное вещание и его трансформация в условиях цифровизации [Макушин, 2015; Проскурнова, 2020].

Однако информационное вещание в сфере культуры остается на сегодняшний день малоизученным явлением современной российской медиасреды. Из-за узкой тематической направленности и специфического содержания специализированные новостные и информационно-аналитические программы как самостоятельный медийный продукт имеют небольшую, по сравнению с общественно-политическими информационными программами, аудиторию, однако представляют определенный интерес с точки зрения формата реализации информационного вещания: он является уникальным для российского телевещания, а потому нуждается в анализе и всестороннем рассмотрении.

Предметом данного исследования являются содержательные особенности информационных («Новости культуры») и информационно-аналитических («Новости культуры с Владиславом Флярковским») программ на телеканале «Культура», а также их стилистические особенности.

Эмпирической базой исследования послужили ежедневные выпуски новостей на телеканале «Культура» – «Новости культуры» (23 выпуска) и выпуски информационно-аналитических еженедельных программ телеканала – «Новости культуры с Владиславом Флярковским» (25 выпусков). Период наблюдения — с декабря 2018 года по март 2020 года. Общий хронометраж отсмотренного материала составляет более 20 часов.

Сегодня «Новости» на телеканале «Культура» выходят 7 раз в день: 3 утренних «дайджеста», содержащих короткую информацию о предстоящих событиях дня, и 4 полноценных информационных выпуска с репортажами, интервью и прямыми включениями с места событий. Вещание канала начинается в 6.30 с короткого выпуска. Еще два информационных выпуска выходят в эфир в 7.00 и 7.30. Их хронометраж составляет от четырех до пяти минут. Выпуски выходят в формате теледайджеста – сообщений с закадровым текстом, посвященным предстоящим событиям дня. Итоговый вечерний выпуск имеет хронометраж 20 минут, в данном выпуске собираются все главные, по мнению редакции, события дня (количество сюжетов – от 6 до 7), также неотъемлемой частью информационного выпуска в течение последних лет является интервью с гостем в студии, хронометраж которого составляет от 4 до 5 минут.

Тематика новостных выпусков базируется на освещении различных сторон культурной жизни, таких как:

1) театр (опера, балет, хореография, драматическое искусство): *Премьера на Большой сцене Театра имени Наталии Сац. «Шут» и «Свадебка» – два одноактных балета на музыку Прокофьева и Стравинского; В Москве прошла пресс-конференция, посвященная официальному открытию Международного театрального фестиваля имени Чехова. В первый день работы смотра зрителям представят спектакль шанхайского центра Кун Сю «Пионовая сетка»*;

2) живопись, скульптура, современное искусство: *Выставка под названием «Фра Анджелико и начало эпохи Возрождения во Флоренции» открылась в мадридском музее Прадо; О ходе восстановления полотна Репина «Иван Грозный и сын его Иван» рассказали журналистам в Третьяковской галерее; За рекордную для ныне живущего художника сумму – более 91 миллиона долларов – продали на аукционе Christie's в Нью-Йорке скульптуру «Кролик» американского художника Джеффа Кунса*; *Крымские пейзажи Максимилиана Волошина показывают в Москве*;

3) кинематограф: *В Москве стартовал Beat Film Festival. Режиссеры, музыканты, авторы рекламных клипов представляют свои ленты, перформансы, выставки*; *В лектории Русского географического общества показали документальный фильм «Незатопленные истории Белого озера»*;

4) музейное дело: *Государственный исторический музей поделился планами развития до 2022 года, когда крупнейший музейный комплекс страны отметит 150-летие со дня основания*;

5) музыкальное искусство: *В Перми завершился Дягилевский фестиваль. В заключительный вечер смотра прозвучал «Немецкий реквием» Брамса в исполнении коллектива Mahler Chamber Orchestra и хора MusicAeterna*; *В Архангельске стартовал фестиваль блюза*; *Российский гитарист Роман Мирошниченко удостоен престижной американской награды; В Москве выступил британский композитор Габриэль Прокофьев*;

6) история, историография, археология: *В Севастополе подводят итоги археологических раскопок на Историческом бульваре; Под Истрой археологи пытаются спасти некрополь времен Ивана Грозного*;

7) фотоискусство: «*Самая красивая страна» – это название фотоконкурса, который Русское географическое общество проводит уже пятый раз. Члены жюри отбирали лучшие снимки*; *В Мультимедиа Арт Музее на московской биеннале «Мода и стиль. Фотография» открылась выставка работ британского фотографа Альберта Уотсона*; *Выставка работ фотоконкурса имени Андрея Стенина открылась в Праге*;

8) архитектура: *В Москве в Центре Императорского православного палестинского общества прошла презентация нового издания книги «Пальмира»*; *В Калуге объявили сбор средств на реконструкцию Свято-Троицкого собора; В Ростове-на-Дону жильцы решили сохранить облик старинного дома и ради этого отказались от одного из этапов капитального ремонта; В Саратовской области волонтеры восстанавливают храм Михаила Архангела, построенный в XIX веке*;

9) наука: *Два российских школьника заняли призовые места на всемирном смотре-конкурсе научных и инженерных достижений Intel ISEF; Президент России Владимир Путин посетил московскую школу программирования «Школа 21»*;

10) литература: *В Международном детском центре «Артек» прошел финал Всероссийского конкурса «Живая классика»*; *Международный литературный фонд Владимира Набокова предложил Правительству России передать из Монтре в Петербург 300 коробок с письмами, личными вещами, книгами Набокова*;

11) цирковое искусство: *Цирк дю Солей представляет в Москве новое шоу «Тарук. Первый полет» по мотивам фильма Джеймса Кемерона «Аватар»*;

12) официальные заседания, вручение премий: *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл высказал беспокойство в связи с искажениями норм русского языка в современных средствах коммуникации. Об этом он заявил на заседании президиума Общества русской словесности*; *Президент Владимир Путин встретился сегодня в Сочи с получателями мегагрантов на*

научные исследования; *Владимир Урин удостоен японского ордена Восходящего солнца*.

В исключительных случаях в эфир выходят новости, не связанные с культурной сферой. Это происходит, если речь идет о чрезвычайных происшествиях, крупных катастрофах (например, возгорание самолета «Суперджет 100» в аэропорту Шереметьево – эфир от 06.05.2019, прощание с бывшим президентом Франции Жаком Шираком – эфир от 30.09.2019).

Редакционная политика канала следует «канонам» верстки, и поэтому на первом месте находится сюжет, относящийся к главному культурному событию дня, – это может быть событие как общероссийского, так и мирового масштаба. В первую очередь это торжественные открытия фестивалей, выставок, например открытие Года театра. Освещение творческой деятельности Большого театра также может претендовать на главную новость. В вечернем эфире от 31 мая 2019 года инфоповодом для главной новости стало официальное заседание – заседание Общественного совета по культуре: *Сегодня в Государственной думе прошло очередное заседание Общественного совета Комитета по культуре, где говорили о сохранении лучших традиций начального художественного образования, а также о совершенствовании процедуры выдачи прокатных удостоверений.*

После главной новости в произвольном порядке располагаются новости меньшего масштаба. Это могут быть сообщения о готовящихся постановках и премьерах, так называемые новости-анонсы: *«Один день в Макондо» – премьера в школе драматического искусства*; *Цирк дю Солей представляет в Москве новое шоу «Тарук. Первый полет»*; репортажи о прошедших событиях: *Дирижер Теодор Курентзис и Mahler Chamber Orchestra выступили в концертном зале «Зарядье»*; *В Кафедральном соборе святых Петра и Павла состоялась премьера оперы «Король Артур»*; *В «Зарядье» состоялась премьера одноактных балетов, которые привез в Москву известный танцовщик Сергей Полунин*; памятных датах, так называемые новости-ретроспективы: *20 апреля исполнится 90 лет со дня рождения Вадима Юсова*; *Так Федерико Феллини придумал это название – «Восемь с половиной». Премьера фильма прошла 15 февраля 1963 года*. В конце выпуска может быть сюжет-анонс о новом проекте телеканала: *Квартет «Ренессанс» и Борис Андрианов станут гостями Клуба «Шаболовка 37». Новая программа выйдет на телеканале «Россия Культура» уже завтра в 23:20*. Также в конце новостного выпуска может быть помещен обзор: *Флорентийское Возрождение в мадридском Прадо. «Аббатство Даунтон»: продолжение и «Война миров» – музыкальная версия. Об этих событиях в нашем зарубежном видеообзоре*. Таким образом, принадлежность множества событий к сфере культуры, содержательно-тематическая специфика канала детерминируют структуризацию выпуска «Новостей культуры».

Авторская оценка событий, фактов, явлений ведущими не дается. Подводки к сюжетам строятся по модели «что и где произошло, кто непосредственный участник событий»:

1) *А вечером на 90-м этаже одной из башен Москва-Сити прошла традиционная «Белая вечеринка» ММКФ. На ней огласили имена победителей премии «Аванс». Впервые Хрустальная звезда вручалась под брендом нового журнала, созданного на базе российской версии The Hollywood Reporter – «Кинорепортера». Ежегодно премией отмечают самых ярких молодых кинематографистов*;

2) *В Ростове-на-Дону жильцы решили сохранить облик старинного дома и ради этого отказались от одного из этапов капитального ремонта. Почему?;*

3) *Инна Чурикова стала королевой хрустального бала «Хрустальная Турандот». Он прошел в театре Вахтангова. Любимой актрисе посвятили весь вечер.*

Новостные сюжеты подразделяются на собственно новости, новости-анонсы, новости-ретроспективы. Так, например, помимо сюжетов о прошедших событиях, в эфире появляются анонсы предстоящих мероприятий: *В Музее-усадьбе Танеевых во Владимирской области скоро откроется новая экспозиция. В родовое поместье композитора в селе Маринино передали редкие документы. Церемония вручения архивов прошла на III Танеевском фестивале искусств*; *Опера «Евгений Онегин»: В Большом театре все готово к премьере оперы Чайковского*, а также ретроспективные обзоры, посвященные какой-либо памятной дате: *20 апреля исполнится 90 лет со дня рождения Вадима Юсова; Театр на Таганке отмечает 55-летие. Основанный в 1946 году как Московский театр комедии и драмы, в 64-м с приходом Юрия Любимова он получил новое название и новое дыхание; Сегодня исполняется 120 лет со дня рождения Владимира Набокова. Он называл себя «американским писателем, рожденным в России», в нашей стране он прожил треть жизни.*

Для новостей, строящихся по классической модели, инфоповодом является уже произошедшее событие, факт: *В Москве завершилась «Лаборатория молодых режиссеров стран СНГ, Балтии и Грузии», организованная Международной конфедерацией театральных союзов при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ.* В данном случае информационное сообщение оформляется как простое повествовательное предложение со сказуемым в прошедшем времени, тем самым подчеркивается, что действие прошло и имеет какой-либо результат: «состоялась презентация книги», «представил свой фильм», «открыл сезон» и т.д.

Новости-анонсы содержат информацию о готовящихся или уже начавшихся в момент сообщения событиях: выставках, спектаклях, концертах. В этом случае сообщение будет оформлено в настоящем или будущем времени, но с указанием на то, что действие еще не завершено, результата

еще нет: *Исторический музей приглашает на выставку, посвященную 200-летию журнала «Волшебный фонарь» и одноименной серии фарфоровых скульптур завода Гарднера*; *Цирк дю Солей представляет в Москве новое шоу «Тарук. Первый полет» по мотивам фильма Джеймса Кэмерона «Аватар»; В Музее-усадьбе Танеевых во Владимирской области скоро откроется новая экспозиция.* Словами-сигналами могут являться глаголы *готовится, приглашает, представляет* и т.д.

Основной инфоповод новостей-ретроспектив – годовщина значимого события, юбилей деятеля культуры. Сообщения такого типа могут оформляться с помощью глаголов в прошедшем или настоящем и будущем времени: *20 апреля исполнится 90 лет со дня рождения Вадима Юсова*; *Театр на Таганке отмечает 55-летие*; *24 мая 2003 года сэр Пол Маккартни дал свой первый концерт в России*. Спецификой подобных сообщений является их «несиюминутность», это так называемые новости, не имеющие временной пометы «прямо сейчас», «сегодня». Основой сюжетов становятся архивные записи, воспоминания современников, оформленные в виде либо закадрового текста, либо монолога в кадре.

Также стоит отметить, что большинство новостей в эфире касается событий, произошедших в Москве, исключение составляют масштабные мероприятия, реализуемые в регионах: *В Перми завершился Дягилевский фестиваль*; *Транссибирский арт-фестиваль пройдет в новом формате*; открытие выставок и арт-объектов, которые, по мнению редакции, заслуживают внимания общественности: *В Омске превратили в выставочное пространство недостроенную станцию метро*.

Помимо ежедневных выпусков новостей, на телеканале выходит и итоговая информационно-аналитическая программа «Новости с Владиславом Флярковским». Цель и задачи программы – обзор и анализ наиболее ярких и значимых культурных событий недели. Рассмотрим особенности данного медиапродукта.

Начинается воскресный выпуск с элемента, нетипичного для новостной тележурналистики, – экспозиции, или вступления, когда ведущий, находящийся за пределами студии, на месте того или иного культурного события недели (выставка Степана Эрьзи – выпуск от 19.01.2020, выставка Йоко Оно – 20.10.2019, закулисье Большого театра перед премьерой балета «Жизель» – выпуск от 24.11.2019, сцена Театра на Таганке – выпуск от 06.10.2019, стена дома с граффити Шепарда Фэйри – 22.03.2020), произносит небольшую подводку к репортажу об этом событии и ко всему выпуску в целом, например: *Там, где очень много детей, как в детском садике. Там взрослые начинают сходить с ума и совершенно себя разоблачают. Именно это происходит в спектакле по современной пьесе «Горка» – в новом спектакле Театра на Таганке. И это даже не купол для детской площадки на сцене, это вавилонская башня взаимоотношений, которую никто никогда*

не достроит (эфир от 06.10.2019); *О чем пьеса Шекспира «Венецианский купец»? Об антисемитизме, да. А еще о недобросовестной конкуренции двух предпринимателей, это точно. А еще о губительной бессмысленности мести, конечно! В общем, предлагается некоторая схема, скелет, шпангоуты венецианского торгового корабля, на которые наколачиваются в разных театрах разные трактовки. Теперь и здесь, в МХТ имени Чехова, имеется своя* (эфир от 09.06.2019); *Для чего императору еще что-то коллекционировать? У него и без того все есть – целая страна. Да дело в том, что не жажда обладания, а жажда познания двигала Петром Великим, когда он собирал всю эту роскошь. Вот и рассмотрим всю эту роскошь именно с этой точки зрения. На выставке в музеях Московского Кремля* (эфир от 01.12.2019). В это время ведущий активно перемещается по сцене, по коридорам театра, по выставочному залу, по улице, подкрепляя сказанное жестами: *В общем, предлагается некоторая схема, скелет, шпангоуты венецианского торгового корабля* [указывает на декорации], *на которые наколачиваются в разных театрах разные трактовки* (эфир от 09.06.2019); *Американский художник Шепард Фэйри нарисовал это* [указывает на граффити на стене дома], *когда был в Москве с выставкой* (эфир от 22.03.2020); активно взаимодействует с предметами на экспозиции: *Три десятка произведений художников XX века* [прикрывая створку дверцы], *подлинники, демонстрирует Еврейский музей и центр толерантности* [открывает другую створку, за которой находится картина], *напоминая нам: хотите постичь искусство – не наблюдайте его пассивно, приложите усилия. Дверь откройте* [открывает дверцу] *в искусство – Дейнека, поднимитесь до его сути* [взбирается по специальной лестнице выставочного зала] *– Малевич, Пивоваров, Дейнека* [указывает на картины], *там должны быть Пикассо и Джакометти* [указывает на створку, затем открывает ее] (эфир от 17.02.2019). После экспозиции идет шпигель, в котором анонсируются, как правило, три сюжета из выпуска: *О фильме про войну, на которой только вспышки электрических разрядов и вспышки гнева. Тимур Бекмамбетов, Мартин Скорсезе, Альфонсо Гомесалихон предъявляют российской публике фильм о соперничестве трех инженеров-гениев. «Война токов». О художнике, которому нож принес гораздо больше славы, чем кисть, и прочие традиционные инструменты изобразительного искусства. Столичный «Мультимедиа арт-музей» демонстрирует произведения Лучо Фонтаны – мастера созидательной деформации. О «Капкане», в который и человеку угодить ничего не стоит, если пойдет против своей истинно человеческой природы, если озвереет. В театре «Ленком» завершена работа, начатая Марком Захаровым в последние годы его жизни. До премьеры спектакля «Капкан» 1 день* (эфир от 01.12.2019).

Деления на тематические блоки в итоговой программе также нет, схема верстки выпуска близка к иерархическому принципу, когда материалы располагаются по степени важности. Новостные сюжеты посвящены наиболее значимым, по мнению редакции, культурным событиям недели. Здесь, так же как и в ежедневных выпусках, присутствуют собственно новости, новости-анонсы, новости-ретроспективы. Но предваряет их подводка ведущего, которая содержит черты аналитизма, скрытую или явную оценку.

Неотъемлемым элементом воскресного выпуска является интервью с персоной, которая связана с одним из событий недели – интервью выходит сразу после сюжета о таком событии. Так, например, в выпуске от 19.01.2020 одним из информационных поводов стала премьера спектакля «Интертейнмент» – в следующем после сюжета интервью Флярковский беседует с режиссером Иваном Вырыпаевым на месте события, в декорациях спектакля; в выпуске от 17.03.2019 одна из тем выпуска – выставка картин И. Репина в Третьяковской галерее, герой интервью – куратор выставки Татьяна Юденкова.

Количество сюжетов в выпуске – от 6 до 8 (зависит от общего хронометража сюжетов и программы). Чаще всего в число наиболее значимых событий недели попадает:

1) информация о крупных событиях международного или всероссийского масштаба, таких как открытие фестивалей / конкурсов / экспозиций (*Вначале о событиях в Сочи, где начал работу XII Зимний фестиваль искусств* (эфир от 17.02.2019); *В этом году, в течение всего этого года, отмечается 300-летие княжества Лихтенштейн. Одно за другим происходят юбилейные торжества различного веса и масштаба. К числу наиболее масштабных следует отнести выставку «От Рубенса до Макарта», она открылась только что в венском музее «Альбертина»* (эфир от 17.02.2019); *Всероссийский театральный марафон – самое крупное событие Года театра. Он начался в конце этой недели на Дальнем Востоке, пройдет через все регионы России и в крайнем западном, в Калининграде, завершится* (эфир от 20.01.2019)); масштабные празднования и торжества (*Столица Белоруссии отмечала накануне День многонациональной России, немного опережая саму дату, 12 июня, День России. Под масштабное празднование отвели так называемый Верхний город Минска* (эфир от 09.06.2019); *В эти дни отмечается 5-летие возвращения Крыма в состав России. Сразу на нескольких площадках столицы проходит фестиваль под названием «Крымская весна»*) эфир от 17.03.2019)), гастроли театров, привозы выставок (*Экс-Ан-Прованс – один из них, здесь выступили накануне постоянные участники «Сезонов» – артисты петербургского Театра балета имени Леонида Якобсона. В Экс-Ан-Провансе они завершили свои французские гастроли* (эфир от 16.02.2020); *Это я назвал только пару произведений Дали*

из почти двух сотен на грандиозной выставке, которая открылась на этой неделе в Москве, в Центральном Манеже (эфир от 02.02.2020));

2) сообщения о памятных датах, годовщинах значимых событий, некрологи с последующим обзором жизни и творчества (так называемые новости-ретроспективы): *30 января (по новому стилю) исполнилось 120 лет со дня рождения композитора* (Об Исааке Дунаевском, эфир от 02.02.2020); *Из Петербурга сегодня пришло сообщение, там скончался выдающийся дирижер Марис Янсонс. Ему было 76 лет* (эфир от 01.12.2019); *Известнейшему литературоведу и критику Льву Аннинскому сегодня исполнилось 85 лет* (эфир от 07.04.2019);

3) информация о премьерах в театре и кино, о событиях в мире музыки (репортажи-рецензии): *В столичном театре имени Вахтангова начались премьерные показы спектакля «Баба Шанель», пьеса и постановка Николая Коляды* (эфир от 24.11.2019); *И это реплика из фильма «Микеланджело. Бесконечность». Этот художественно-документальный фильм содержит массу реплик и мнений, которые выстраиваются в жизненный путь одного из гениев итальянского Возрождения. Российская премьера картины прошла в кинозале Государственной Третьяковской галереи* (31.03.2019); *Прошла премьера, и 1 января начнется прокат фильма Федора Бондарчука «Вторжение»* (эфир от 29.12.2019).

Достаточно часто в эфире появляется информация о премьерных показах фильмов, спектаклей, особенно если есть возможность получить комментарий от персоны, непосредственно принимающей участие в событии.

Тематика новостного вещания обусловливает специфику речевого оформления новостных и информационно-аналитических сообщений: сдержанность, камерность, подчеркивающие значимость культурных фактов, сочетаются с аналитизмом, эмоционально-оценочным характером представления информации. Роль ведущего в информационно-аналитической передаче чрезвычайно важна. Он не только информирует аудиторию – он анализирует события и факты, становится обозревателем-комментатором. Журналист может выражать собственную точку зрения, давать оценку тем или иным явлениям. Осуществляется это, в первую очередь, за счет коммуникативно-речевых особенностей текста. Глубже и насыщеннее по содержанию становятся анонсы и подводки к сюжетам – ведущий уже не просто сообщает о чем-то, он дает оценку, рассматривает культурные события не как обособленные явления, а соотносит их с текущим общемировым и отечественным культурным контекстом:

Изобретатель Томас Эдисон однажды провозгласил: «Мы сделаем электрическое освещение настолько дешевым, что только богачи будут жечь свечи». Но в Америке конца XIX века нашлись и другие предприимчивые граждане, готовые произвести электрификацию всей страны. Весь XX век длилась борьба за приоритетный способ освещения, прозванная

«войной токов», постоянного и переменного. Закончилась она только в 2007 году, в Нью-Йорке был символически перерезан последний кабель постоянного тока (эфир от 01.12.2019) – подводка к сюжету о премьере современного фильма «Война токов». Ведущий не просто констатирует факт начала показов, а делает отсылку к исторической основе фильма.

Речь журналистов отличает большее, чем в традиционных новостях, количество средств выразительности. Привлекают внимание метафоры: *хореограф из цитадели Баланчина*, *вавилонская башня взаимоотношений*, *Интернет подставляет свое виртуальное плечо*, *холокост – незаживающая рана*, зачастую развернутые: *Цвета он дрессирует, как диких животных, тем более что цвета на его снимках часто действительно совершенно дикие; Фотография от рождения долго оставалась монохромной, боролась за цвет. Потом боролась с цветом, чтобы не прослыть жалкой пародией на живопись, черно-белое фото стало восприниматься как более художественное.*

Культуроформирующая функция способствует активному использованию лексики искусствоведческого, культурологического и философского дискурсов и формированию в сознании адресата категории этической и эстетической ценности арт-события или арт-объекта: *Сценография от Владимира Арефьева – подземный переход, вызывающий у зрителей и актеров ощущение тревоги. Ведь там, где людей делят на своих и чужих, на Монтекки и Капулетти, спокойствие не живет. Сверху – 700-тонная ледяная рука, за время спектакля тающая, в том числе, от накала страстей.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новости на телеканале «Культура» – это совокупность сообщений на культурную тематику, развертываемых в соответствии с требованиями новостного формата и выполняющих информационную и культуроформирующую функции. Отличительной особенностью специализированной новостной программы является ее монотемность. Представляя собой симбиоз журналистики культурно-просветительской и журналистики информационной, новостные программы на телеканале «Культура» стремятся к полноте и объективности освещения культурных событий страны и мира.

ЛИТЕРАТУРА

Груздева М.М. Театральный дискурс в современных российских СМИ: лингвостилистические особенности: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 28 с.

Земцова Л.А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

Литвинцев А.Э. Тенденции развития российского телевидения в условиях противостояния и взаимодействия мировых моделей вещания (на примере телеканала «Культура»): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.

Макушин А.Б. Влияние информационных интернет-технологий на развитие новостных телевизионных форматов: дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 181 с.

Морева А.Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»): дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 280 с.

Проскурнова Е.Л. Методы повышения популярности новостного телевещания в условиях дигитализации: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2020. 22 с.

Роженцова О.В. Культурно-просветительские программы отечественного телевидения: традиции и новаторство (на примере телеканала «Культура»): дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 188 с.

Сидякина А.А. Художественно-просветительские периодические издания (арт-журналистика) // Журналистика сферы досуга: учеб. пособие / под общ. ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб.: Высш. школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. С. 123–131.

Цветова Н.С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2012. Вып. 1. С. 231–237.

O.S. Rogaleva
Candidate of Philological Sciences,
Assotiate Professor,
Department of Journalistics and Medialinguistics,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

Specialized News Television: Structural, Substantive and Stylistic Features (Based on Cultural News)

Specialized news broadcasting is of particular interest and it needs to be studied. The subject of the article is the content-thematic and stylistic features of news and information-analytical programs on the Kultura (Culture) TV channel. The research is based on the method of content analysis, linguistic methods of analysis. As a result, the content and thematic features of information broadcasting in the field of culture have been revealed.

The topics of the TV channel programs are diverse; they include such types of art as theater, music, literature, visual arts, cinema, etc. By topic and modality, news stories are divided into news itself, news announcements, and news retrospectives. «News of Culture with Vladislav Flyarkovsky», as constants of information and analytical television, retaines emphasis on the presenter's strong authorial position, depth of topic coverage, a desire to comment on a phenomenon or event, to assess it, and reveal it from all sides.

The communicative and stylistic design of the final program is conditioned, on the one hand, by the format of news broadcasting, on the other hand, by the theme (in the speech of journalists the vocabulary of art history, culturological and philosophical discourses prevail; restraint, intimacy, emphasizing the importance of cultural facts is combined with analyticism, emotional and evaluative nature of information presentation). The revealed features make it possible to talk about a special television format such as symbiosis of cultural and educational journalism, and information journalism.

Key words: *art journalism; news journalism; Kultura (Culture) TV channel; theme; stylistic features*.

REFERENCES

Gruzdeva M.M. Theatrical discourse in modern Russian media: linguistic and stylistic features: abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Teatral'ny diskurs v sovremennyh rossiyskih SMI: lingvostilisticheskie osobennosti: avtoref. dis. …kand. filol. nauk]. Moscow, 2019. 28 p. (in Russian).

Litvintsev A.Ye. Trends in the development of Russian television in the context of opposition and interaction of world broadcasting models (on the example of the Kultura TV channel: abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Tendentsii razvitiya rossiyskogo televideniya v usloviyakh protivostoyaniya i vzaimodeistviya mirovykh modelei veshchaniya (na primere telekanala «Kul'tura»: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Moscow, 2006. 28 p. (in Russian).

Makushin A.B. Influence of information Internet technologies on the development of news television formats [Vliyanie informacionnyh internet-tekhnologij na razvitie novostnyh televizionnyh formatov: dis. …kand. filol. nauk]. Moscow, 2015. 181 p. (in Russian).

Moreva A.N. Communication strategies and tactics in the media genre of literary review (based on the material of the Literaturnaya Gazeta newspaper): abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Kommunikativnye strategii i taktiki v mediazhanre literaturnoi retsenzii (na materiale «Literaturnoi gazety»): dis. …kand. filol. nauk]. Nizhny Novgorod, 2015. 280 p. (in Russian).

Proskurnova Ye.L. Methods to increase the popularity of TV news broadcasting in the context of digitalization: abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Metody povysheniya populyarnosti novostnogo televeshchaniya v usloviyah digitalizatsii: avtoref. dis. …kand. filol. nauk]. Moscow, 2020. 22 p. (in Russian).

Rozhentsova O.V. Cultural and educational programs of national television: traditions and innovation (on the example of the Kultura TV channel); abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Kul'turno-prosvetitel'skie programmy otechestvennogo televideniya: traditsii i novatorstvo (na primere telekanala «Kul'tura»): dis. …kand. filol. nauk]. Moscow, 2006. 188 p. (in Russian).

Sidyakina A.A. Artistic and educational periodicals (art journalism) [Khudozhestvenno-prosvetitel'skie periodicheskie izdaniya (art-zhurnalistika)]. Leisure Journalism: Textbook [Zhurnalistika sfery dosuga: ucheb. Posobie]. Under the general editorship of L.R. Duskayeva, N.S. Tsvetova. St. Petersburg, Higher School of Journalism and Mass Communications, 2012, pp. 123–131 (in Russian).

Tsvetova N.S. Discourse of art in contemporary Russian journalism [Diskurs iskusstva v sovremennoi rossiyskoi zhurnalistike]. *Vestnik SPbGU*, 2012, Series 9, no. 1, pp. 231–237 (in Russian).

Zemtsova L.A. Art criticism as a genre of mass information discourse: abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Iskusstvovedcheskaya retsenziya kak zhanr massovo-informatsionnogo diskursa: avtoref. dis. …kand. filol. nauk]. Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).

ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.Н. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'1'32

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-124-135

ЧАСТЕРЕЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИРИКИ Б. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: *лирика; Пастернак; существительные; глаголы; прилагательные; вариативность; коэффициент Бузмана; хи-квадрат; статическое и динамическое описание.*

В статье рассматривается распределение в лирике Пастернака основных частей речи – существительных, глаголов и прилагательных. Проводится анализ как отдельно взятых стихов, так и целых сборников. Задача исследования состоит в определении стабильности и вариативности частотности указанных частей речи. При этом решаются вопросы степени номинальности текстов, соотношения динамического, осуществляемого при помощи глаголов, и статического, производимого при помощи прилагательных, описания поэтического мира поэта.

К анализу было привлечено шесть сборников, входящих в поэтический канон Пастернака. Они были изданы в разное время и в разные периоды творчества поэта, отражая специфику его творческой манеры и особенности индивидуального стиля. В сборниках проанализировано 178 стихотворений, что составило около шести тысяч строк. Произведенные подсчеты позволили создать базу данных, которая была использована для решения указанных задач.

Для достижения поставленной цели в исследовании используется ряд статистических видов анализа, которые включают коэффициент Бузмана, хи-квадрат, коэффициент вариации.

Полученные результаты показали высокую устойчивость стиля Пастернака на уровне морфологии, сильное превалирование динамического описания над статическим, значительно меньшее использование адъективной лексики и в поздних произведениях глаголов, чем было принято в среднем в поэзии того времени.

Изучение степени стабильности авторского стиля поэта и границ возможной вариативности стилеметрических характеристик является очень важной задачей для стилеметрии как в плане построения модели исторического развития стиля, так и для целого ряда практических задач, связанных с атрибуцией текстов. Вместе с тем оно имеет большое значение и в области

лингвистики стиха, создавая базу для понимания специфики творческой личности автора [Андреев В.С., 2016; 2020].

В отношении творчества Бориса Пастернака вопрос эволюции стиля представляет особый интерес, так как здесь имеются прямо противоположные точки зрения. Проведя детальный анализ различных подходов к периодизации творчества Пастернака, В.С. Баевский указывает, что имеются диаметрально противоположные взгляды на развитие стиля поэта – от его полного отрицания до признания значительных изменений стиля, в связи с чем в творчестве Пастернака выделяются три, четыре и более периодов [Баевский, 1993]. Сам В.С. Баевский, в отличие от многих исследователей, привлек для анализа эволюции стиля поэта признаковую схему, отражающую метрику, строфику, рифменную систему, а также использовал ряд синтаксических признаков [Баевский, 2001].

В нашем исследовании поставлена задача рассмотреть специфику стиля Пастернака на уровне морфологии при помощи частеречных параметров – существительных (СУЩ), глаголов (ГЛ) и прилагательных (ПЛГ), использование которых позволяет установить ряд особенностей стиля в различных областях, включая его вариативность [Андреев С.Н., 2020].

При выделении частей речи следует сделать ряд уточнений. К прилагательным отнесены порядковые числительные. Класс глаголов включает личные формы, инфинитив, деепричастие, причастие.

В качестве материала исследования были взяты шесть сборников лирики Пастернака. Анализ проводился как по отдельным стихотворениям, так и в рамках целого сборника. Такой подход, когда в качестве единицы исследования берутся сборники текстов, основан на понимании сборника лирики как единого комплекса. Пастернак большое внимание уделял композиции своих сборников, выделяя в них отдельные взаимосвязанные циклы, что служило предметом целого ряда исследований. Все сборники входят в его поэтический канон.

В таблице 1 указаны сборники, а также количество проанализированных произведений и строк (стихов). В целом объем базы данных составляет около 6 тысяч стихов.

Таблица 1

Материал исследования

Сокращение	Сборник	Год публикации	Взято для анализа	
			стихотворений	стихов
БвТ	Близнец в тучах	1914	21	462
ПБ	Поверх барьеров	1917	28	1052
СМЖ	Сестра моя – жизнь	1922/1923	50	1340
ВР	Второе рождение	1932	27	1155

НРП	На ранних поездах	1943	27	967
СЮЖ	Стихотворения Юрия Живаго	1957	25	986

Рассмотрим распределение частей речи в рамках сборников. Поскольку сами стихотворения в сборниках имеют различную длину, количественные данные каждого произведения необходимо привести к такому виду, когда их можно было бы сопоставлять. Это достигается путем деления количественных данных каждого произведения на число строк стихотворения. Полученные индексы можно сопоставлять.

В качестве примера приводятся нормированные частоты частей речи в произведениях сборника БвТ (табл. 2).

Таблица 2

Нормированные частоты СУЩ, ГЛ и ПЛГ в сборнике «Близнец в тучах»

	Стихотворение	СУЩ	ГЛ	ПЛГ
1	Эдем	1,60	0,65	0,40
2	Лесное	1,70	0,50	0,50
3	«Мне снилась осень в полусвете стекол…»	2,20	1,00	0,40
4	«Я рос, меня как Ганимеда…»	1,50	0,83	0,13
5	«Все оденут сегодня пальто…»	1,38	0,69	0,06
6	«Встав из грохочущего ромба…»	1,25	0,75	0,40
7	Вокзал	1,58	0,67	0,21
8	«Грусть моя как пленная сербка…»	1,50	0,69	0,50
9	Венеция	1,67	0,88	0,29
10	«Не подняться дню в усилиях светилен…»	1,81	1,00	0,63
11	Близнецы	1,95	1,05	0,35
12	Близнец на корме	1,40	0,80	0,45
13	Пиршества	2,56	0,88	0,63
14	«Вчера, как бога статуэтка…»	1,38	0,78	0,56
15	Лирический простор	1,54	0,96	0,25
16	«Ночью… со связками зрелых горелок…»	2,50	0,81	0,44
17	Зима	1,41	0,72	0,47
18	«За обрывками редкого сада…»	1,5	0,88	0,44
19	Хор	1,32	0,50	0,11
20	Ночное панно	1,61	0,61	0,25
21	Сердца и спутники	1,53	0,70	0,30

Как видно из этой таблицы, в стихотворениях сборника наблюдаются определенные различия частотности рассматриваемых частей речи. Для того

чтобы определить степень этой вариативности, можно использовать коэффициент вариации, который определяется как отношение среднеквадратического отклонения к среднему арифметическому и выражается в процентах:

$$CV = \frac{\sigma}{k} * 100$$

Коэффициент вариации может изменяться в пределах от 0 до 100%, причем в отдельных случаях может и превышать 100%. Чем ниже его значение, тем меньше вариативность.

В результате были получены данные, которые отражены в графическом виде (рис. 1).

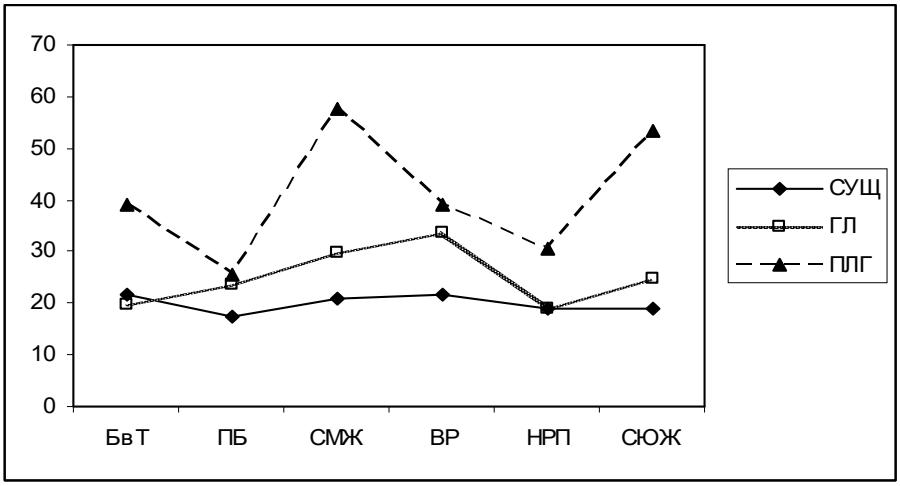


Рис. 1. Вариативность СУЩ, ГЛ и ПЛГ по сборникам

Как видно на графике, вариация всех трех частей речи достаточно слабая. Это в особенности относится к существительным, которые равномерно распределены во всех стихах всех рассматриваемых сборников. Ни в одном случае вариация здесь не превышает 33%, что признается как свидетельство высокой стабильности. Вариация глаголов несколько выше – но ненамного. В одном случае (сборник ВР) здесь наблюдается небольшое превышение 33%, однако в целом стабильность использования одинакового числа глаголов по всем произведениям каждого из сборников также высока. Иная картина наблюдается у распределения ПЛГ. Здесь вариация средней силы, а в двух сборниках СМЖ и СЮЖ она даже выше средней. Минимальная вариативность всех трех параметров наблюдается в ПБ и НРП.

Таким образом, можно сказать, что тематическое заполнение (существительные) и динамическое описание в сборниках всегда распределены равномерно. Возникает вопрос: такая большая стабильность распределения СУЩ и ГЛ и, в меньшей степени, ПЛГ наблюдается лишь в пределах каждого сборника или же одинакова для всех сборников, то есть характерна для всего творчества? Для этого надо сопоставить между собой сразу все 178

проанализированных стихотворений в шести сборниках сразу. Результат оказался следующий.

СУЩ CV = 20,4
ГЛ CV = 30,8
ПЛГ CV = 45,7

Эти данные свидетельствуют о том, что существительные представлены во всех произведениях приблизительно одинаково независимо от сборника. О глаголах и тем более о прилагательных такого сказать нельзя. Так, если брать произведения в рамках отдельных сборников, то глаголы только в одном сборнике, как указывалось выше, превышают порог 30%. Это означает, что в пределах одного сборника во всех стихах они представлены равномерно, но при сопоставлении различных сборников вариативность числа глаголов повышается. То же можно сказать и про ПЛГ. Таким образом, сборники выступают как единые комплексы, но различаются между собой.

Рассмотрим теперь, как в сборниках представлены виды описания в соотношении друг с другом и относительно существительных. Для этого удобно воспользоваться мерой Бузмана [Naumann, Popescu, Altmann, 2012]:

$$B_A = \frac{A}{A+V},$$

где A – все прилагательные, V – все глаголы.

При B > 0,60 – повышенное динамическое описание;

B < 0,40 – пониженное динамическое описание;

0,40 ≤ B ≤ 0,60 – отклонение от средних значений описания отсутствует. Проверка осуществляется при помощи критерия хи-квадрат [Andreev, Místecký, Altmann, 2018]:

$$\chi^2 = \frac{(V-N)^2}{V+N}.$$

Коэффициент Бузмана статистически значим (1 степень свободы и уровень значимости $p < 0,05$), если $\chi^2 > 3,84$.

В таблице 3 отражены значения коэффициента Бузмана и критерия хи-квадрат, на рисунке 2 – графическое отражение этих данных.

Таблица 3

Соотношение ПЛГ и ГЛ в сборниках

Сборник	ПЛГ : ГЛ	Хи-квадрат
БвТ	0,32	67,97
ПБ	0,28	236,52
СМЖ	0,24	389,93
ВР	0,32	96,33
НРП	0,37	59,89
СЮЖ	0,26	196,83

График показывает, что до СМЖ в сборниках последовательно происходит падение статики относительно динамического описания, затем в сборниках ВР и НРП следует нарастание статики. В сборнике СЮЖ снова происходит смещение в сторону динамического описания. При трехчастной периодизации творчества Пастернака БвТ, ПБ и СМЖ могут быть отнесены к первому этапу. ВР и НРП – соответственно ко второму и третьему. Тогда получается, что первый этап характеризуется ростом динамики, на втором и в начале третьего превалирует статика.

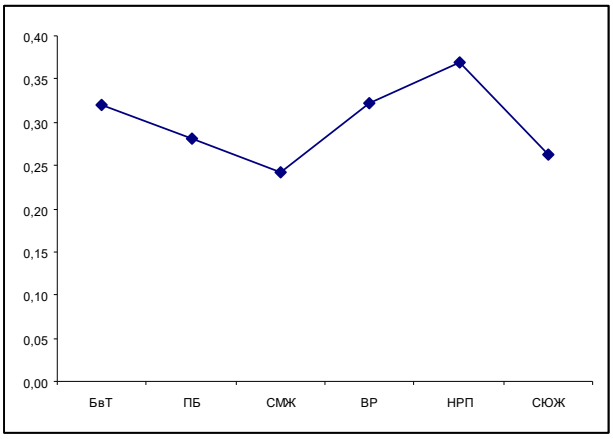


Рис. 2. Соотношение ПЛГ и ГЛ в сборниках

До сих пор рассматривалось соотношение непосредственно между ПЛГ и ГЛ. Однако имеет смысл установить, как каждый из видов описания соотносится с темами (существительными). Подсчитав указанным выше образом коэффициенты Бузмана для соотношений ГЛ–СУЩ и ПЛГ–СУЩ и определив их статистическую значимость, которая оказалась высокой ($p < 0,05$ и 1 степень свободы), мы получили результаты, отраженные на гистограмме (рис. 3).

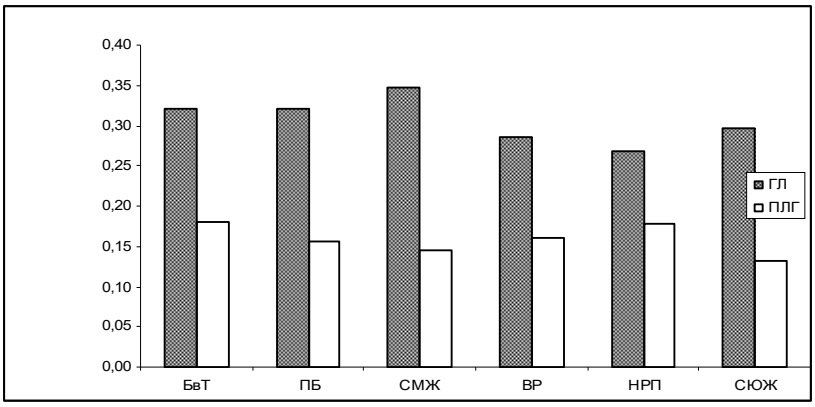


Рис. 3. Гистограмма соотношения ГЛ–СУЩ и ПЛГ–СУЩ

В первых двух сборниках соотношение ГЛ–СУЩ очень слабо возрастает, а ПЛГ–СУЩ – падает. Затем в двух следующих сборниках заметны рост динамики и дальнейшее падение статики. Максимум расхождения наблюдается в сборнике СМЖ, в котором максимально динамическое описание и минимально статическое. Затем происходит схождение этих двух видов описания. Максимума данный процесс достигает в сборнике НРП. Здесь имеет место минимальная динамика описания и максимальная статика.

Таким образом, можно говорить о проявлении тенденции компенсации, при которой уменьшение динамического описания приводит к росту описания статического, и наоборот, усиление динамики соответствует уменьшению статики. Особенно данная тенденция выражена в сборниках СМЖ и НРП, однако в первом случае, как уже говорилось, за счет роста динамики, во втором – статики.

Оба сборника включают циклы, первый – 10, второй – 3. Если посмотреть по циклам, взятым отдельно, получается следующая картина.

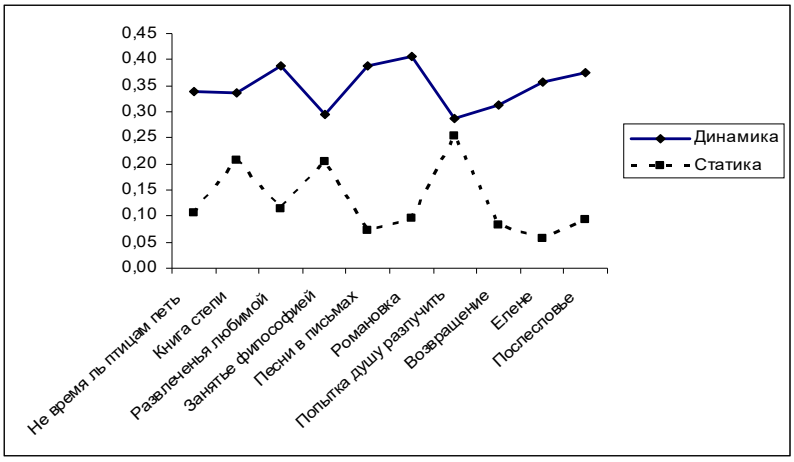


Рис. 4. Динамика и статика в циклах СМЖ

В СМЖ, в котором выделено 10 циклов (рис. 4), тенденция компенсации проявляется достаточно ясно в 9 из них. Исключение составляет цикл «Романовка», в котором имеет место одновременное повышение обоих видов описания.

В НРП в двух циклах («Художник» и «Переделкино») эта тенденция не выражена (рис. 5), но в третьем цикле («Стихи о войне») она наблюдается. Следует отметить, что рассматриваемый сборник при трехчастной периодизации можно считать началом нового, третьего этапа.

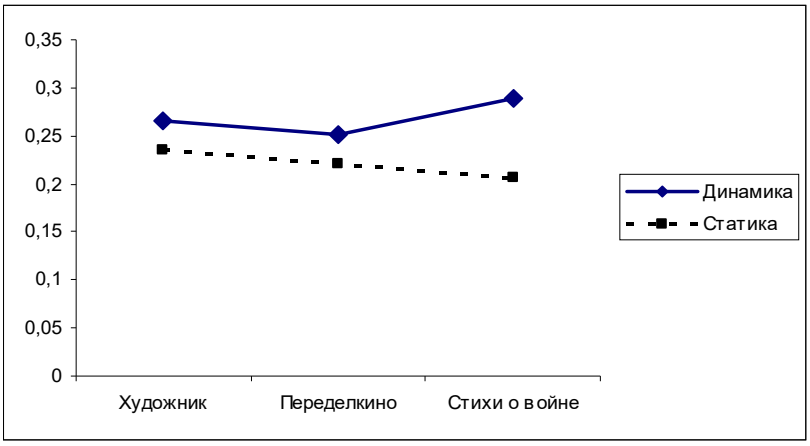


Рис. 5. Динамика и статика в циклах НРП

Исходя из значений коэффициента Бузмана, можно построить график рассеяния сборников (рис. 6).

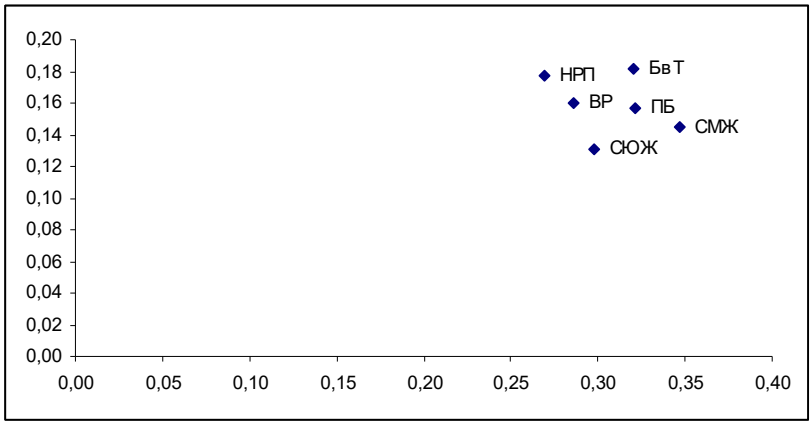


Рис. 6. График рассеяния сборников

В целом сборники образуют достаточно компактную группу, которая разбивается на три слоя:

(1) БвТ, НПР;

(2) ВР, ПБ;

(3) СМЖ, СЮЖ.

При другом делении, по вертикали, наблюдаются две триады – (1) НПР, ВР и СЮЖ; (2) БвТ, ПБ и СМЖ.

В первом случае разбиение основывается на соотношении ПЛГ–СУЩ, во втором – на ГЛ–СУЩ. Любопытно, что вторая триада объединяет все сборники первого периода, первая – второго и третьего.

Возникает вопрос, как соотносятся полученные для лирики Пастернака коэффициенты с тенденциями в русской поэзии в целом. Для этого можно воспользоваться методикой, предложенной Г. Альтманном и его коллегами. Формула имеет следующий вид [Naumann, Popescu, Altmann, 2012]:

$$u = \frac{p(S) - E(p)}{\sqrt{p(1-p)/(S+N)}},$$

где p – пропорция данной части речи S, $E(p)$ – ожидаемая пропорция, $p(S)$ – наблюдаемая пропорция в тексте данной части речи относительно существительных, N – количество в тексте существительных.

При уровне статистической значимости $p = 0{,}05$ и количестве степеней свободы, равном бесконечности, все случаи, когда $|u| \leq 1{,}96$, не могут рассматриваться как статистически значимые отклонения наблюдаемой пропорции от ожидаемой.

Итак, в этой формуле сопоставляются наблюдаемый и ожидаемый коэффициент Бузмана. Наблюдаемые значения – это те значения, которые мы устанавливаем в ходе настоящего исследования. Ожидаемое значение – то, которое является средним для русской поэзии, то есть, условно говоря, «нормативное». Здесь возникает вопрос: как можно получить это среднее ожидаемое значение коэффициента?

Для вывода такого ожидаемого значения коэффициента можно воспользоваться данными, приведенными М.Л. Гаспаровым, о процентном содержании СУЩ, ГЛ и ПЛГ в стихотворной речи [Гаспаров, 2012]. Используя эти данные, можно получить ожидаемую пропорцию СУЩ и ГЛ, СУЩ и ПЛГ и сопоставить ее с эмпирической по указанной формуле. Результаты приведены в таблице 4.

Таблица 4

Отклонение от нормы

Сборник	ГЛ–СУЩ	ПЛГ–СУЩ
БвТ	–1,25	–5,35
ПБ	–1,95	–11,04
СМЖ	1,02	–12,84
ВР	–4,76	–8,84
НРП	–6,61	–7,93
СЮЖ	–4,02	–12,17

Из этой таблицы видно, что динамика в стихах Пастернака в сборниках до ВР соответствует общей норме, а начиная с ВР – слабее, чем в целом принято в русской поэзии. Что касается статики, то здесь во всех сборниках наблюдается сильное отклонение от условной нормы в меньшую сторону.

Используя показатели отклонения от нормы, можно построить диаграмму рассеяния сборников (рис. 7). По оси X дается отклонение по ГЛ, по оси Y – отклонение по ПЛГ.

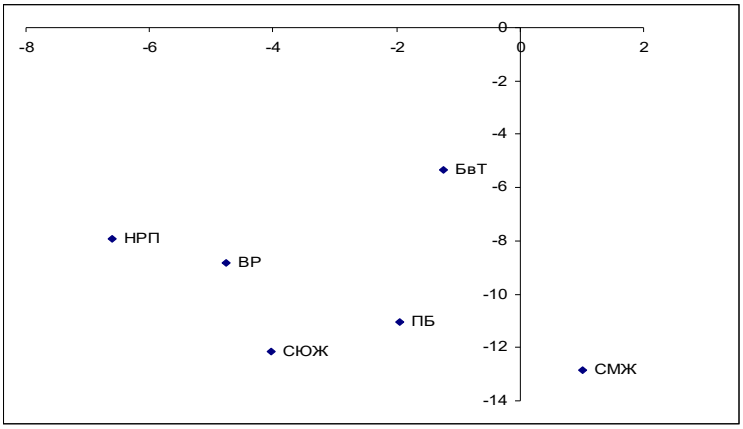


Рис. 7. Диаграмма рассеяния сборников по отклонению статики и динамики от нормы

На диаграмме наблюдается распределение сборников на группы. В одну группу попадают два текста зрелого периода – «На ранних поездах» (НРП) и «Стихотворения Юрия Живаго» (СЮЖ), а также второго периода – «Второе рождение» (ВР). Близко к ним расположен сборник «Поверх барьеров» ПБ.

«Близнец в тучах» (БвТ), первый опубликованный сборник поэта, составляет отдельный одноэлементный кластер. Также отдельный и тоже одноэлементный кластер образует «Сестра моя – жизнь» (СМЖ), что лишний раз свидетельствует об особом статусе этого сборника, который многими признается как лучший в начальном периоде творчества поэта, если не лучший во всем творчестве.

На основании проведенного исследования можно сделать ряд следующих выводов:

– имеет место высокая стабильность распределения существительных в сборниках;

– сильно выражена номинальность текстов;

– проявляется достаточно выраженная тенденция компенсации статического и динамического описания;

– наблюдается падение динамического описания после 1940 года;

– по морфологическим параметрам из общего ряда выделяются сборники «Сестра моя – жизнь» и «На ранних поездах».

Полученные результаты, естественно, еще нуждаются в дальнейшей проверке на других стихотворениях Пастернака и прозе.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.С. Индекс метафоры: что подсчеты могут сказать об образности стихов // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. Вып. 7. С. 21–28.

Андреев В.С. Корреляция характеристик в метафорической модели // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 2(34). С. 86–94.

Андреев С.Н. Оригинал – перевод: точность и вольность описания // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. Вып. 7. С. 4–11.

Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Баевский В.С. Пастернак – лирик. Основы поэтической системы. Смоленск: Трест-Имаком, 1993.

Гаспаров М.Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. Т. 4. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 23–35.

Andreev S., Místecký M., Altmann G. Sonnets: Quantitative Inquiries. Studies in Quantative Linguistics, 29. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2018.

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. Vol. 23. P. 23–55.

S.N. Andreev
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of the Foreign Languages,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Parts of Speech Features in B. Pasternak's Lyrics

The article studies the distribution of the main parts of speech in lyrics such as nouns, verbs, and adjectives. The analysis is carried out both in the poems taken separately and in whole collections. The main goal of the present research is to find out the level of stability and variability of the number relating to the parts of speech belonging to different classes in poetic texts. At the same time the article examines the questions concerning the degree of the poetic text nominality, the relationship between dynamic description of Pasternak's poetic world, expressed by verbs, and static description made by adjectives.

Six collections of Pasternak's poems which constitute an important part of his heritage have been analyzed. Since the collections were published at different times and during different periods of the poet's literary work, they reflect peculiar features of Pasternak's creative manner and individual style over time. The counts have helped to make a data-base including 178 poems (5962 lines) in total that has been organized and used for the study.

To achieve the goal a number of statistical methods are used, including the Busemann coefficient, chi-square, and the coefficient of variation.

The results obtained demonstrated a high degree of the poet's style stability at the level of morphological features, strong prevalence of dynamic over static description, significant downward deviation from the accepted norm of the number including adjectives and (in later poems) verbs.

Key words: *lyrics; Pasternak; nouns, verbs; adjectives; variability; the Busemann coefficient; chi-square; static and dynamic description.*

REFERENCES

Andreev S.N. Original – translation: exact and free description [Original – perevod: tochnost i volnost opisaniya]. *Kvantitativnaya lingvistika*. Smolensk, Smolensk State University, 2020, issue 7, pp. 4–11 (in Russian).

Andreev V.S. Correlation of features in metaphorical model [Korrelyatsiya kharakteristik v metaforicheskoi modeli]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 2(34), pp. 86–94 (in Russian).

Andreev V.S. Index of metaphor: what calculations can tell about imagery of verse [Indeks metafory: chto podschety mogut skazat ob obraznosti stikhov]. *Kvantitativnaya lingvistika*. Smolensk, Smolensk State University, 2020, issue 7, pp. 21–28 (in Russian).

Baevsky V.S. Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature [Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i kompyuternye modeli v istorii i teorii literatury]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2001 (in Russian).

Baevsky V.S. Pasternak is a lyricist. Basics of the poetic system [Pasternak – lirik. Osnovy poeticheskoi sistemy]. Smolensk, Trast-imakom, 1993 (in Russian).

Gasparov M.L. Exact methods of grammar analysis in a verse [Tochnye metody analiza grammatiki v stikhe]. Selected Works. Linguistics of the verse. Analysis and interpretation [Izbrannye trudy. Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii]. Vol. 4. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2012, pp. 23–35 (in Russian).

Andreev S., Místecký M., Altmann G. Sonnets: Quantitative Inquiries. *Studies in Quantative Linguistics*, no. 29. Ludenscheid, RAM-Verlag, 2018. (in English).

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style. *Glottometrics*, 2012, vol. 23, pp. 23–55 (in English).

М.Р. Сафина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

УДК 81'37

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-136-148

РОЛЬ МНОГОФАЗОВОЙ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВИЯ В КЛАССИФИКАЦИИ СИТУАЦИЙ ПО СТЕПЕНИ КОНТРОЛИРУЕМОСТИ (на материале английского языка)

Ключевые слова: *контролируемость; ситуация; метонимия; теория актогенеза; факторные интенциональные средства*.

В данной статье на материале современного английского языка рассматриваются особенности реализации признака контролируемости / неконтролируемости на уровне ситуации как многофазового результативного процесса, составленного из семи стадий производства действия (актогенеза): желания, намерения, решения, планирования, подготовки, попытки, успешной / неуспешной реализации. Импликативный характер языковых репрезентаций позволяет утверждать, что ситуация может быть вербализована не в полном объеме, а метонимически, через одну определенную стадию актогенеза (с использованием факторных интенциональных средств, лексем с конативной семантикой и т.д.), однако при анализе высказывания и контекста считываться полностью. И, таким образом, только вся ситуация, но не отдельные ее элементы, может быть охарактеризована по признаку контролируемости / неконтролируемости. В теоретической части статьи обосновывается выбор наименования «контролируемость» из ряда родственных и приводятся основные подходы к толкованию этого понятия в лингвистике, анализируются особенности рассмотрения предикатов и ситуаций в терминах контролируемости, обсуждаются понятия актогенеза и импликативности, на основе которых уточняется подход к пониманию ситуации. В практической части приводятся результаты анализа выборки из современной англоязычной литературы, публицистики и банка примеров Оксфордского словаря, подтверждающие достаточность метономической репрезентации ситуации; предлагается классификация ситуаций по полноте репрезентации в языке и по степени контролируемости (в зависимости от того, какие стадии актогенеза маркированы как контролируемые или неконтролируемые).

Понятие контролируемости / неконтролируемости возникло в лингвистике уже довольно давно как некая скрытая семантическая категория, применимая к семантике языковых единиц, однако в работах ученых нет единодушия ни в отношении того, к каким элементам применим признак

контролируемости / неконтролируемости, ни по поводу его определения [Klaiman, 1991; Зализняк, 1992; Булыгина, Шмелев, 1997]. В статье мы изложим существующие подходы к пониманию объекта и определения признака «контроль»; на основе изученных теоретических трудов и анализа англоязычного фактического материала предложим свой вариант классификации ситуаций по признаку контролируемости / неконтролируемости и полноте репрезентации в языке.

Многообразие терминологии. Наравне с термином «контролируемость» (control), в том числе и в работах, на которые мы ссылаемся в этой статье, используются также родственные понятия агентивности (agentivity) и намеренности / интенциональности (intention). Впрочем, нельзя сказать, чтобы между этими терминами существовало какое-то фундаментальное семантическое различие [Булыгина, Шмелев, 1997]. В отечественной лингвистике предпочтение отдается наименованию «контролируемость», поскольку эта словесная форма в плане сочетаемости и узуса носит более универсальный характер и может быть применима и к предикату, и к положению вещей в целом; к ситуациям как с активным субъектом, так и без него [Зализняк, 1992; Булыгина, Шмелев, 1997]. В нашей статье понятие «контролируемость» используется в том числе и потому, что его семантика позволяет рассматривать ситуацию как многофазовый процесс в терминах контролируемости и выстраивать градацию ситуаций по степени контроля (с учетом того, какие фазы производства действия маркированы признаком контроля).

Объект. Первый вопрос, который возникает при ближайшем изучении категории контролируемости, – это объект классификации по признаку «контроль», который не всегда ясно и однозначно выражен. Изначально понятия контролируемости, агентивности и т.д. появились в лингвистике в связи с изучением свойств субъектов и предикатов [Fillmore, 1968; Cruse, 1973; Klaiman, 1991; Плунгян, Рахилина, 1988; Булыгина, Шмелев, 1997]. Затем стали появляться уточнения термина как применимого в целом к ситуации (или положению вещей), выраженной предложением, а не к отдельным ее элементам [Зализняк, 1992; Шатуновский, 1989]. Так, А.А. Зализняк пишет, что, анализируя предложение, о контролируемости вербализуемой ситуации можно судить, не только основываясь на значении глагола (предиката предложения), но и учитывая различные маркеры намеренности и волитивности (наречия «намеренно», «случайно») и, конечно, контекста. Как представляется, именно этот подход сейчас наиболее популярен среди лингвистов [Стексова, 2002; Письмак, 2009; Шрамко, 2002]. Впрочем, важно подчеркнуть, что такой взгляд на объект контроля скорее приводит результаты предыдущих исследований к общему знаменателю, чем несет принципиально новую трактовку понятия контролируемости, поскольку исследования контролируемости и родственных концептов никогда не сводились к анализу оторванных от контекста лексических значений, а проходили

в том числе и на уровне предложения. Ученые, занимавшиеся изучением категории агентивности или типологии предикатов, точно так же рассматривали субъекты и предикаты в связке друг с другом и с определенным контекстом. Хотя стоит признать, что в большинстве работ по контролируемости существует некое смешение понятий «предикат», «действие» и «ситуация», в силу того что во внимание не берется многофазовый характер действия и ситуации, так что нередко анализу подлежат конструкты, совершенно разнородные с точки зрения структуры и семантики (ср., например: *He lost the competition, He drove to the station, He searches for information*, где проигрыш – это интерпретирующий результат какого-то процесса, не имеющий за собой даже четкого денотата (проиграл = прибежал не первым, или не повезло в настольной игре, или хуже всех рассказал стихотворение?); поездка на машине до станции – действие, в котором все стадии процесса заложены в глагольную семантику; поиск – конатив, этап реализации, который не несет никакой информации о результате, но подразумевает его).

В то же время мы, безусловно, можем говорить о субъектах и предикатах в терминах контролируемости: например, что тому или иному субъекту свойственна агентивность (роль субъекта в контролируемых ситуациях), а тот или иной предикат чаще фигурирует в контролируемых положениях вещей (вербализует прототипически контролируемое / неконтролируемое действие). Собственно, в соответствии с вербоцентрическим подходом, существующим в современном синтаксисе, связь между предикатом и ситуацией очень явная: на уровне глубинной структуры предикат и его аргументы как раз и определяют ядро синтаксического концепта ситуации (пропозиции). И при классификации ситуаций по контролируемости мы отталкиваемся, по сути, от значения предиката: не в том плане, что семантическое наполнение ситуации идентично семантике глагольной лексемы, а в смысле, что мы сравниваем обобщенное, прототипическое понятие о том или ином действии или процессе, отраженное в толковом словаре, с его реализацией в конкретном контексте.

Термины «ситуация» и «положение вещей», в свою очередь, тоже могут сбивать с толку в том плане, что, анализируя художественные произведения, публицистику или любые другие источники, мы, естественно, не можем воспринять ситуацию в том виде, в котором она существовала в действительности, или в том виде, в котором она была воспринята, понята с чужих слов или выдумана автором. Объективный (по крайней мере, лишенный оценочности и модальности) компонент предложения содержится в его пропозиции, в его глубинной структуре [Кобозева, 2000]. Этот компонент, естественно, ни в коем случае нельзя приравнивать к объективной реальности, поскольку образ действительности, прежде чем быть реализованным в предложении, проходит через несколько уровней концептуализации (от

субъективного выбора / интерпретации фрагмента действительности, выбора перспективы до выбора языковых средств выражения) [Магировская, 2009]. А.А. Зализняк подчеркивает различие между денотативной ситуацией (то есть ситуацией реальности) и ее языковой репрезентацией: «Контролируемость как свойство ситуаций в мире есть понятие градуальное: как внешние по отношению к человеку ситуации, так и те, в которых он принимает участие, могут контролироваться человеком в различной степени» [Зализняк 1992, *65*]. В реальной действительности едва ли хоть какое-то положение вещей можно считать на сто процентов контролируемым – слишком много факторов влияния и воздействия, как внешних, так и внутренних, которые при репрезентации в языке часто опускаются.

Определение. Несмотря на, казалось бы, самоочевидность термина «контролируемость», дать ему четкое определение применительно к языку сложно. А границы между контролируемыми и неконтролируемыми ситуациями довольно размыты [Булыгина, Шмелев, 1997]. А.А. Зализняк отмечает: «X контролирует ситуацию P, если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [Зализняк, 1992, *64*]. И.Б. Шатуновский определяет контролируемые ситуации как «такие, которые зависят от нашей воли, от нашего выбора», «которые мы можем выполнить (для действий) или каузировать быть (для статических положений вещей)» [Шатуновский, 1989, *158*].

Определение, предложенное А.А. Зализняк, более строгое и более реальностно-ориентированное, так как оговаривает многофазовый характер ситуации (как минимум интенция – осуществление – результат), а также настаивает на соответствии результата ситуации намерению субъекта. Оно же является наиболее общепринятым. В более поздних ее работах, правда, встречается и упрощенная версия: «Субъект контролирует ситуацию, если наступление данной ситуации полностью определяется намерениями субъекта», что, вероятно, связано с тем, что строгий вариант плохо сочетается с ситуациями-процессами, выраженными глаголами несовершенного вида [Зализняк, Шмелев, 2000]. Подход И.Б. Шатуновского более общий: подчеркивается лишь, что субъект должен действовать по своей воле и целенаправленно.

Особенности толкования языковых репрезентаций ситуации во многом связаны с ее многофазовым характером. Ситуация состоит из нескольких этапов. Фазовая структура действия получила название «актогенез» и состоит из семи фаз / стадий: 1) желание, 2) намерение, 3) решение, 4) планирование, 5) подготовка, 6) попытка, 7) успешная или безуспешная реализация действия. Такая цепочка является, по сути, односубъектной «секвенцией». Более поздняя стадия имплицирует осуществление всех предыдущих – и вероятное осуществление всех последующих [Сильницкий, 2012, *149*].

Строго говоря, такая секвенция применима больше к контролируемым действиям (там все «ячейки» будут «заполнены»), однако в этой статье мы будем использовать ее как универсальную систему координат для определения степени контролируемости той или иной ситуации: в частично контролируемых ситуациях какие-то слоты останутся пустыми, в неконтролируемых – незаполненными окажутся все.

Классификация по полноте репрезентации ситуации в языке. Работая с лингвистическим материалом, за единицу анализа мы берем пропозицию – концептуально-языковую величину, состоящую из одного предиката и некоторого количества термов (аргументов), отображающую реальность в том объеме и в том виде, в котором предпочтительно автору высказывания. Пары высказываний вроде *(1) He jumped* и Н*e pushed himself off the ground*, *(2) He searched* и *He found*, *(3) He listened* и *He heard* представлены разными пропозициями, однако могут описывать одну и ту же ситуацию действительности. Предикаты в таких высказываниях находятся в отношениях метонимии (полный актогенез и стадия актогенеза – (1) или стадии актогенеза одного процесса – (2), (3)): оттолкнуться от земли = начать прыжок; поиск желательно оканчивается находкой; слушают, чтобы услышать. Отдельные стадии одной и той же ситуации в высказывании могут быть представлены и при помощи так называемой факторной глагольной лексики (служащей индикатором фазы актогенеза): *He wanted to jump, He decided to jump, He tried to jump*. Или ср. *He found – He tried to find.*

Вопрос толкования таких единиц на примере русского языка поднимался в [Кустова, 1992; Плунгян, 2001; Стексова, 2002], но какого-то единого определенного подхода к ним не было выработано.

Учитывая, что в определении контроля (как и контролируемой ситуации) заложены результативность и целенаправленность, как представляется, нелогично будет рассматривать отдельно, например, этап принятия решения начать поиски, этап осуществления поиска и этап успешного / неуспешного завершения поисков. У действий, обозначаемых глаголами типа *sing, walk, read*, тоже не обязательно есть какой-то явный результат, но их мы можем интерпретировать таким образом, что цель этих действий заключается в самом их осуществлении. Мы поем не для того, чтобы допеть, а гуляем не для того, чтобы закончить гулять. С другой стороны, мы не можем сказать, что мы целимся ради того, чтобы целиться, или ищем (пытаемся найти) для того, чтобы искать (если речь, конечно, об обычных ситуациях из жизни, а не о переносно-философских смыслах, вроде поиска истины).

Этот подход имеет смысл еще и в связи с импликативностью выражения реальности средствами языка потому, что цепочки вроде «решить – спланировать – осуществить – добиться результата» функционируют как логические секвенции, то есть каждый последующий этап имплицирует вы-

полнение предыдущих и вероятное выполнение последующих [Сильницкий, 2012]. Зачастую исход всей ситуации интерпретируется по одному нерезультативному этапу, и даже начальные ментальные этапы (вроде желания или намерения) могут обладать высоким прогностическим потенциалом [Givon, 1984 (2001); Аринштейн, Пантелеева, 1988].

В большинстве высказываний (имеются в виду высказывания, в которых действие показано не целиком) фазы динамической ситуации показаны аналитическим способом, при помощи лексем со значением одного из семи этапов производства действия, так называемых интенциональных единиц факторного типа. Речь может идти как о глаголах типа *want, intend, choose, try, succeed*, образующих с основным глаголом составное глагольное сказуемое, так и об именных единицах типа *eagerness, effort, insane impulse*, также указывающих на отсутствие или наличие у субъекта воли и осознанность производимого действия [Куцевич, 2015].

В [Аринштейн, Пантелеева, 1988] со ссылками на работы Т. Гивона и Г.Г. Сильницкого говорится о существовании интенциональных (в другой терминологии – факторных) средств, прогнозирующих скорее положительный результат / успех – *want, wish, intend, decide, try* (глаголы успеха) или отрицательный – *hate, fear* (глаголы неуспеха). Утверждается, что *если в узком контексте не указано иного* (курсив наш. – *М. С.*), то ситуация, вербализуемая глаголами успеха, подразумевает результат «успех», а, соответственно, глаголами неуспеха реализуются ситуации, оканчивающиеся неуспехом [Там же, *15–18*]. И такая закономерность действительно подтверждается при анализе фактического материала. В конце концов фрагментарность отображения динамических ситуаций, как правило, продиктована законом экономии речевых усилий, а не желанием создать двусмысленность.

1) Albus looks at his dad, what does he have to say? He *decides not to engage* [Rowling, Thorne, Tiffany, 2017].

2) You overhear a conversation <…> and you *decide* <…> *to interfere*, and interfere hard, in someone else's business [Ibid.].

3) Simon *had intended to open it and check* that it was what he had paid for, *but* a growing sense of his own imprudence overrode the desire [Rowling, 2014].

4) She *had intended to give* the cash to Adam, *but* in a sudden pointless change of mind, she handed it to Pauling instead [McEwan, 2014].

5) She *had tried to explain* that she had been utterly exhausted <…> *But* Parminder had cut her off in the middle of her rambling excuses [Rowling, 2014].

6) …for fear of encouraging him in some way, [she] *tried not to look* in the direction of the funny little man who was sitting at a corner table [Atkinson, 2018].

В (1) конструкция с фазовым глаголом как бы дублирует значение предшествующего риторического вопроса: герой решает ничего не говорить. В (2) конструкцией с факторным глаголом обозначено уже свершенное действие, за которое герои получают выговор. В (3), (4) и (5) действие не доведено до конца, что показывает конструкция с *but*. В (6) из дальнейшего контекста понятно, что героиня и правда отвела взгляд.

Также рассмотрим примеры с глаголом, в семантику которого заложено значение попытки.

1) …she was preoccupied with gathering up a few last documents. <…> She picked up a scarf from the back of a chair and *left to continue her search* in the sitting room [McEwan, 2014].

2) *He searches in the kitchen cupboard* for a fresh roll *without success* [Lodge, 1995].

3) Anna started to speak to me again, and *I listened*, nodding, *although not* really hearing anything she had to say [OALD]

В (1) героиня идет искать документы в гостиную и, судя по тому, что дальше она еще раз возвращается в кухню (уже не думая о документах) и спокойно уходит на работу, ей удается найти то, что она искала. В (2) и (3) отрицательный результат уточняется конструкциями с *although* и *without success*.

Таким образом, все ситуации можно классифицировать по полноте репрезентации в языке на следующие группы: 1) ситуации, в которых лексически эксплицированы все стадии актогенеза; 2) ситуации, лексически эксплицирующие только некоторые стадии актогенеза.

В первую группу войдут ситуации, выраженные высказываниями с предикатами вроде *jump, drive, arrive, buy, win*, в значение которых заложен либо весь процесс целиком, либо только результат (если действие хотя бы частично контролируемо, то результат предполагает реализацию и всех антецедентных фаз).

Во вторую группу войдут ситуации, выраженные при помощи факторных лексических и грамматических средств (*want, intend, aim, decide, plan, try*) или предикатов, в семантику которых заложен только определенный, нерезультативный, этап выполнения действия (*search, seek, look, listen*).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что ситуации *He searches in the kitchen cupboard, I listened, He pushed himself off the ground, He tried to find* вербализованы посредством метонимического переноса и являются частично контролируемыми (поскольку результат обусловлен не только усилиями субъекта, но и внешними факторами), несмотря на то, что партитивы «искать», «слушать», «оттолкнуться» представляют «волевые», контролируемые стадии актогенеза.

Классификация ситуаций по признаку контролируемости / неконтролируемости. Условно все ситуации можно поделить на три группы:

контролируемые, неконтролируемые и частично контролируемые. В том или ином виде такие группы выделяются почти всеми авторами, хотя толкуются они не обязательно одинаково [Шатуновский, 1989; Казыдуб, 1991; Зализняк, 1992; Шрамко, 2002; Стексова, 2002; Письмак, 2009].

Классификация ниже построена по принципу контролируемости субъектом каждой фазы актогенеза (кроме, естественно, стадии желания, которая по умолчанию контролироваться не может: желать можно как осуществимого, так и неосуществимого) и соответствия результата поставленной цели и затраченным усилиям. Основную семантику в высказывании несет предикат, однако при анализе во внимание также принимаются контекст и другие лексические единицы или грамматические формы, способные передавать значение интенциональности и, соответственно, влиять на реализацию глагольной лексемы (*deliberately, by accident, on purpose, etc.).*

1. Контролируемые. Контроль субъекта присутствует на всех стадиях актогенеза. Результат соответствует намерению и определяется исключительно усилиями субъекта.

Условие контролируемости каждого этапа действия, естественно, конвенционально, поскольку, как мы уже упоминали, в реальной жизни тотальный контроль над ситуацией едва ли возможен. Тот или иной этап ситуации контролируется, если в лексическом значении глагола-предиката или посредством различных факторных единиц и контекста не оговаривается иное.

В основном утрата контроля связана с необходимостью прикладывать больше усилий, чем обычно (ср.: They walked through the crowd – They *forced a way* through the crowd), или с появлением факторов риска. Сравним, например, ситуации ходьбы по заснеженной дороге:

1) …they walked out, their boots crunching though the thin layer of slush and snow covering the ground (OALD);

2) I had to *trudge* the 6 miles home *through slippery snow* (BBC);

3) If (a) *you run on a slippery sidewalk*, you'll slip and fall <…> When (b) *you walk carefully on the slippery sidewalk*, you'll stay on your feet (Washingtonparent.com).

В (1) действие подается как нейтральное и контролируемое (сообщение о снеге и слякоти добавляет нюансы к описанию ситуации, например, звук или предположение о том, что ботинки субъектов наверняка намокнут, но не ослабляет контролируемость). В (2) сложность ходьбы по скользкой дороге подчеркивается глагольной лексемой *trudge* (*OALD: Walk slowly and with heavy steps, typically because of exhaustion or harsh conditions*) и эпитетом *slippery* – ситуация с частичным контролем. В (3b) неполный контроль показан с помощью атрибута *slippery*, а также обстоятельства образа действия *carefully*. В (3a) бег по скользкой поверхности, по сути, приравнивается к полной потере контроля над ситуацией, потому как исходом такого поведения видится неизбежное падение.

2. Частично контролируемые. Частично контролируемыми мы считаем ситуации, в которых субъект не контролирует хотя бы один этап актогенеза. Причем причиной утраты контроля может служить как сам характер действия (как в *she jumped*), так и вмешательство внешних факторов:

а) не контролируется ментальный этап. Как правило, это реакции (*laugh, smile*), которые можно взять под контроль / остановить на более позднем этапе;

б) не в полной мере или слабо контролируется этап осуществления и результат: *He searches for food; He leapt 5 feet; I won the race; I threw a brick through the window; He overcooked the vegetables;*

в) прототипическое контролируемое действие прервано против воли субъекта.

She tried to remove it, but he yelped, lashed out at her, then pulled away [Rowling, 2014].

3. Неконтролируемые. Ни один этап ситуации не контролируется.

Как правило, вербализуются глагольными лексемами с ингерентным признаком неконтролируемости (*faint, die, shudder, be sick*) либо при помощи контекстных средств со значением случайности, бессознательности (*by accident, without thinking*), хотя могут вытекать и просто из контекста.

‘But you’ve never done anything wrong to Lauren, have you?’

‘I put two «x»s in my last message instead of three. That’s the latest thing’.

‘Did you do it deliberately?’

‘No. I didn’t even know I’d done it. Didn’t think about it’ [Hannah, 2020].

Молодой человек вызывает недовольство своей подруги тем, что в сообщении напечатал не три (как обычно), а два целующих смайлика. Как выясняется из дальнейшего разговора, сделано это было ненамеренно, машинально. Сам по себе глагол *to put* (здесь: «написать»), как правило, выражает намеренное действие, и, лишь увидев ситуацию целиком, мы понимаем, что речь идет о случайной опечатке.

Отдельно стоит обратить внимание на машинальные действия – производимые без участия сознания, нецеленаправленно. По своим характеристикам такие действия очень неоднородны и порой сливаются значениями со случайными. Это могут быть полностью контролируемые (или, во всяком случае, целенаправленные) обычно действия, которые совершаются по привычке, автоматически и, несмотря на отсутствие четкой интенции, приводят к тому же результату, как если бы они осуществлялись сознательно (пример 1) [Шатуновский, 1989]. Машинальные действия могут приводить и к нежелательному результату, ошибке (пример 2). Первый случай тяготеет, скорее, к частично контролируемым, второй – к неконтролируемым.

(1) ‘Of course,’ he said. ‘And your mother? How is she?’

‘She’s very well, thank you,’ Juliet *answered automatically* [Atkinson, 2018].

(2) Although I used my best Italian, *the receptionists automatically replied in English* [OALD].

Способ классификации ситуаций по степени контроля, основанный на многофазовом характере действия и на существовании сценарной метонимии между действием и различными его стадиями, дает возможность привести анализируемые семантические единицы к единообразию, а также упорядочивает анализ описываемого действия, позволяя оценить степень и характер его контролируемости. Как уже отмечалось, сказанное не означает, что признак контролируемости / неконтролируемости характерен исключительно для ситуации и может рассматриваться только на уровне ситуации как многофазового конструкта. Концентрация на особенностях семантики отдельных предикатов создает представление о прототипических действиях и о способах их выражения в конкретных высказываниях. Изучение контролируемости предикатов, в том числе обозначающих и отдельные этапы действия / ситуации, также важно и интересно еще и в плане сопоставления характеристик целых ситуаций и репрезентирующих их предикатов.

ЛИТЕРАТУРА

Аринштейн В.М., Пантелеева Л.В. Текстуальная семантика и импликативные функции глаголов интенции // Разноуровневые единицы языка в содержательно-коммуникативной организации текста: межвузовский сборник научных трудов. Челябинск, 1988. С. 12–19.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 129–151.

Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. С. 63–69.

Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 40–43.

Казыдуб Н.Н. Системно-функциональное исследование интенциональных глаголов (На материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1991. 17 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–150.

Куцевич Ю.А. Лексико-грамматические средства выражения семантических признаков факторных интенциональных единиц // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 118–126.

Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 460 с.

Письмак Т.Г. Семантика неконтролируемого действия (на материале русского и французского языков): дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 238 с.

Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата. // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории, 2001. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/plungyan-01.htm.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М.: Наука, 1988. С. 40–48.

Сильницкий Г.Г. «Секвенциальные» лексические значения // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2(18). С. 146–154.

Стексова Т.И. Семантическая категория невольности осуществления в русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. 327 с.

Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 155–186.

Шрамко Л.И. Антропоцентрические глаголы неконтролируемого действия в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. 17 с.

Atkinson K. Transcription. Little, Brown and Company. 2018. 352 p.

Cruse D. Some thoughts on agentivity. Journal of Linguistics 1973. Vol. 9, No. 1. P. 11–23.

Fillmore Ch. Subjects, speakers and roles. // Semantics of Natural Languages / by D. Reidel Publishing Company Dordrecht-Holland, 1972 P. 1–24.

Givon T. Syntax: an introduction. Vol. 1. J. Benjamins, 2nd ed. 2001 (1st: 1984). 500 p.

Hannah S. Haven't They Grown. Hodder & Stoughton, 2020. 336 p.

Klaiman M.H. Grammatical voice. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 110–161.

Lodge D. Small World. Penguin Books, 1995. 352 p.

McEwan I. The Children Act. Nan A. Talese, 2014. 240 p.

Miéville C. The City & the City. Del Rey (Reprint edition), 2010. 336 p.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8thed. Oxford University Press, 2010.

Rowling J.K. Casual Vacancy. Sphere, 2014. 568 p.

Rowling J. K., Thorne J., Tiffany J. Harry Potter and the Cursed Child, Parts One and Two. Arthur A. Levine Books, 2017. 336 p.

M.R. Safina
Graduate Student,
Department of English Philology,
Assistant Teacher,
Department of the Theory and Practice
of the French, Spanish and Italian Languages,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

The Role of the Multiphase Structure of an Action in Classifying Situations by the Degree of Control (Based on English Utterances)

The article analyses utterances from modern English to establish the peculiarities of the process how the presence or absence of control is manifested in a situation as a multiphase process consisting of seven stages such as a wish, an intention, a decision, planning, preparation, an attempt, a result (success or failure).

The implicative character of language representations allows us to assume that a situation can be rendered into utterance explicitly as a complete process or metonymically, through one of the genesis of action stages (using phase and intention markers, lexems with connotative meaning, etc.), and both cases can prove sufficiency to obtain a full and complete image of the situation. Thus, analyzing if a situation represented by an utterance is controlled or non-controlled, we shall focus on the whole process instead of examining one of its parts.

The theoretical part of the article explains the choice of the term «control» from semantically similar terms and demonstrates some basic approaches to understanding the concept of control in linguistics. Moreover, the article analyses

how the notion of control is applied to predicates and situations; discusses the notions of the genesis of an action and implication that makes it possible to provide a more specific view on what should be considered as a situation.

The practical part of the article shares the results obtaining by the analysis of English utterances taken from literature, media or the Oxford Dictionary example bank confirming the sufficiency of a metonymic representation of a situation; it offers a classification of situations based on the completeness of their representation in the language and on the degree of control (depending on what and how many stages are marked as controlled or non-controlled).

Key words: *control; situation; metonymy; genesis of action theory; intentional factor means.*

REFERENCES

Arinshtein V.M., Panteleyeva L.V. Textual semantics and implicative functions of verbs indicating intention [Tekstual'naya semantika i implikativnye funktsii glagolov intentsii]. *Raznourovnevye edinitsy yazyka v soderzhatel'no-kommunikativnoi organizatsii teksta*: *mezhvuzovsky sbornik nauchnykh trudov* [The role of various language units in the meaningful and communicative organization of a text: a collection of scientific papers]. Chelyabinsk, 1998, pp. 12–19 (in Russian).

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Language conceptualization of the world (based on Russian grammar) [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)]. Moscow, Languages of Slavic Cultures School, 1997, pp. 129–151 (in Russian).

Kazydub N.N. Systemic-functional study of verbs of intention (based on English material): abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Sistemno-funktsional'noye issledovanie intentsional'nykh glagolov (Na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): autoref. diss. … cand. filol. nauk]. St. Petersburg, 1991. 17 p. (in Russian).

Kobozeva I.M. Linguistic semantics [Linguisticheskaya semantika]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 352 p. (in Russian).

Kustova G.I. Some issues of analyzing an action in terms of control [Nekotorye problemy analiza deistvy v terminakh kontrolya]. Logical Analysis of Language: Models of Action [Logichesky analiz yazyka: Modeli deistviya]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 145–150 (in Russian).

Kutsevich Yu.A. Lexical and grammatical means of expression of semantic features of factor type intentional units [Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya semanticheskih priznakov faktornyh intentsional'nykh yedinits]. *Izvestiya smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 4(32), pp. 118–126 (in Russian).

Magirovskaya O.V. Conceptualization levels in language [Urovni kontseptualizatsii v yazyke]. Cognitive Studies of Language. Volume IV. World Conceptualization in Language: a collective monograph [Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV: Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektiv. monogr.]. Institute of Linguistics of RAS; Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2009. 460 p. (in Russian).

Pismak T.G. Semantics of a non-controlled action (based on Russian and French material): abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Semantika nekontroliruemogo deistviya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov): diss. … cand. filol. nauk]. Kemerovo, 2009. 238 p. (in Russian).

Plungyan V.A. Antiresultative predicates: before and after the result [Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata]. Studies in the theory of grammar. Issue 1: Verb categories [Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Glagol'nye kategorii]. 2001. *Available at*: http://www.philology.ru/linguistics1/plungyan-01.htm.

Plungyan V.A., Rakhilina Ye.V. Notes on control [Zametki o kontrole]. Speech: perception and semantics [Rech': vospriyatie i semantika]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 40–48 (in Russian).

Shatunovsky I.B. Propositional Attitudes: Will and Desire [Propozitsional'nye ustanovki: volya i zhelanie]. Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts [Logichesky analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskih kontekstov]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 155–186 (in Russian).

Shramko L.I. Antropocentric verbs of uncontrolled action in the English language: abstract of thesis …cand. of philol. sciences [Antropoctsntricheskie glagoly nekontroliruemogo deistviya v angliyskom yazyke: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. St. Petersburg, 2002. 17 p. (in Russian).

Silnitsky G.G. «Sequential» lexical meanings [«Sekventsial'nye» leksicheskie znacheniya]. *Izvestiya smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 2(18), pp. 146–154 (in Russian).

Steksova T.I. Semantic category of involuntary action in Russian: abstract of thesis …dr. of philol. sciences [Semanticheskaya kategoriya nevol'nosti osushchestvleniya v russkom yazyke: dis. … dok. filol. nauk]. Barnaul, 2002. 327 p. (in Russian).

Zaliznyak A.A. Studies on the semantics of mental predicates [Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya]. Munich, Verlag Otto Sagner, 1992, pp. 63–69 (in Russian).

Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Introduction to Russian aspect studies [Vvedenie v russkuyu aspektologiyu]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 40–43 (in Russian).

Atkinson K. Transcription. Little, Brown and Company. 2018. 352 p. (in English).

Cruse D. Some thoughts on agentivity. *Journal of Linguistics*, 1973, vol. 9, no. 1, pp. 11–23 (in English).

Fillmore Ch. Subjects, speakers and roles. Semantics of Natural Languages, by D.Reidel Publishing Company Dordrecht-Holland, 1972, pp. 1–24 (in English).

Givon T. Syntax: an introduction, Volume 1. J. Benjamins, 2nd ed. 2001 (1st: 1984), 500 p. (in English).

Hannah S. Haven't They Grown. Hodder & Stoughton, 2020. 336 p. (in English).

Klaiman, M. H. Grammatical voice. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, pp. 110–161 (in English).

Lodge D. Small World. Penguin Books, 1995. 352 p. (in English).

McEwan I. The Children Act. Nan A. Talese, 2014. 240 p. (in English).

Miéville C. The City & the City. Del Rey (Reprint edition), 2010. 336 p. (in English).

Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD). 8th ed. Oxford University Press, 2010. (in English).

Rowling J. K., Thorne J., Tiffany J. Harry Potter and the Cursed Child, Parts One and Two. Arthur A. Levine Books, 2017. 336 p. (in English).

Rowling J.K. Casual Vacancy. Sphere, 2014. 568 p. (in English).

Л.М. Нюбина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.112.2.09

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-149-163

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ В. МЕРСА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «DER SCHRECKSENMEISTER»

Ключевые слова: *немецкий писатель; идиостиль; повествование; языковая игра; комическое; словообразование; интертекстуальность; тропы; синонимия; амбивалентность.*

В. Мерс – современный немецкий писатель, основные произведения которого адресованы детям. Свою популярность они получают не в последнюю очередь благодаря языковой игре, часто используемой автором. Языковая игра проявляется в произведении «Der Schrecksenmeister», анализируемом в статье, во всех областях лингвистики: лексике, грамматике, словообразовании, стилистике и т.д. Использование языковой игры как средства создания комичности относится к идиостилю автора. Идиостиль понимается в статье как «индивидуальность и уникальность» В. Мерса, использующего в языковой игре лингвистические, эстетико-стилистические и литературоведческие средства, то есть весь арсенал языковых средств, для привлечения внимания к ним.

Современный немецкий писатель, создатель комиксов и иллюстратор Вальтер Мерс (Walter Moers) родился 24 мая 1957 года в городе Менхенгладбах. Писатель получил известность благодаря своей серии ироничных комиксов. Они примечательны не только сатирическим сюжетом, но и наличием противоречивых героев, среди которых:

– das kleine Arschloch (букв. «маленькая задница») – не по годам смышленый малыш, который в попытках «сделать мир лучше» досаждает взрослым самыми изощренными способами;

– der alte Sack (букв. «старый мешок») – смертельно больной пенсионер, который, сидя в инвалидной коляске, в сатирической форме выражает свой взгляд на окружающую действительность;

– Adolf, die Nazi-Sau (букв. «Адольф, нацистская свинья») – сатирическая пародия на Адольфа Гитлера.

Помимо комиксов Вальтер Мерс пишет истории для детей: «Käpt’n Blaubär» (рус. «Капитан Блаубэр»), «Die Schimauski-Methode» (рус. «Метод Шимауски»).

Его перу принадлежит также известная серия Цамонийских романов, получивших свое название по вымышленной стране Цамонии (Zamonien). К ним относятся:

– «Тринадцать с половиной жизней капитана Синий Медведь» («Die 13½ Leben);

– «Энзель и Крета» («Ensel und Krete»), 2000;

– «Румо и чудеса в темноте» («Rumo und die Wunder im Dunkeln»), 2003;

– «Город мечтающих книг» («Die Stadt der Träumenden Bücher»), 2004;

– «Мастер ужастиков» («Der Schrecksenmeister»), 2007;

– «Лабиринт мечтающих книг» («Das Labyrinth der Träumenden Bücher»), 2011;

– «Принцесса Бессонница и кошмарные сновидения» («Prinzessin Insomnia und der alptraumfarbene Nachtmahr»), 2017.

В данной статье речь пойдет об особом стиле повествования В. Мерса, или, иначе, об идиостиле данного автора. Проблемам стиля и идиостиля посвящено огромное количество работ известных лингвистов (Е.А. Гончарова, М.П. Брандес, В.В. Виноградов, В.В. Григорьев, Ф.И. Ефимов, Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Тынянов, Э. Ризель Н.А. Фатеева, А.В. Чичерин, В. Шмид, Р. Якобсон, У. Эко, U. Fix, B. Sandig, A. Seidler, V. Neuhaus и мн. др.).

Литературно-художественный дискурс, к которому относятся произведения В. Мерса, является особым типом коммуникации между текстом и культурой данного времени, где главенствующую роль выполняет автор / продуцент дискурса, а именно его идиостиль с учетом как формальной, так и содержательной стороны высказывания. Этот сплав формального и содержательного называют в стилистике идиостилем писателя, который, таким образом, включает в себя две важные характеристики: индивидуальность и уникальность. Объективный фактор стиля связан с проблемой нормы, а идиостиль сочетает в себе объективное и субъективное. Такое понимание связано с одним из важнейших свойств современной лингвистики – ее антропоцентризмом, то есть языковой личностью автора. Этот феномен созвучен теории «образа автора», обнаруживающегося во взаимодействии автора и его персонажей. Образ автора – явление имплицитное, проявляется оно в тексте в творческих «следах-симптомах» [Шмид, 2003, *53–54*].

В.В. Виноградов определяет идиостиль как «систему индивидуального эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [Виноградов, 1959, *85*]. А.В. Чичерин пишет: «Индивидуальный стиль – это поэтическая мысль в ее действии, ее ритм, ее цепкость, вооруженность, ее способность к познанию мира и передаче сконцентрированной энергии духа» [Чичерин, 1980, *233*]. Н.А. Фатеева характеризует стиль как «совокупность глубинных

текстопорождающих доминант и констант» [Фатеева, 2003, *17*]. Автор интертекстуального подхода к языковым явлениям, Н.А. Фатеева называет четыре типа структурных элементов идиостиля, различие между которыми отмечается на уровне формализации: ситуативные, концептуальные, операционные и композиционные. Эта система элементов, или «метатропы» писателя, составляет основную структуру его идиостиля. Актуальным остается и определение стиля С.И. Ожеговым как совокупности приемов использования языковых средств, а также вообще средств художественной выразительности, определяющих своеобразие творчества писателя, отдельного произведения [Ожегов, 1988, *626*]. Е.А. Гончарова указывает на то, что за всеми компонентами определения «стиль» или «модус формулирования» стоят содержательные элементы, поскольку языковое выражение и языковое оформление являются скорее социальными, чем языковыми феноменами. Языковое выражение не представляется без субъекта речи, привносящего в язык когнитивные и коммуникативно-прагматические смыслы, которые, в свою очередь, транслируются другим субъектам, объединенным тем или иным сообществом (национальным, социальным, культурным и пр.). «Das bedeutet, dass dem sprachlichen Ausdruck immer der sogenannte menschliche Faktor zu Grunde liegt» [Гончарова, 2010, *6*].

В этой связи стиль, с одной стороны, обусловлен традиционными представлениями и общественными предписаниями уместности, то есть функционирования по законам, подчиняющимся языковым нормам в определенном пространстве и времени. С другой стороны, стиль несет в себе субъективную окраску выражения и окказиональное использование языка, что может делать речь живой, насыщенной, уместной, яркой. В лингвистике понятие «стиль» нередко трактуется и определяется как качество, неотъемлемо связанное с экспрессивной стороной языка. Стиль письменного текста или устного высказывания подчиняется системным языковым критериям, условиям и нормам, но при этом обнаруживает в себе компоненты индивидуальной реализации. «Der Stil hat also eine objektive und eine subjektive Seite ... Die beiden Seiten müssen zusammen wirken, keine darf verabsolutisiert werden (sonst würden wir völlig gleich sprechen oder Unverständlichkeiten und Störungen in der Kommunikation haben)» [Щипицина, 2009, *13*].

Обобщая сказанное, отметим, что, несмотря на большое количество работ по данной теме, стиль и идиостиль писателя остаются в центре внимания лингвистов по причине трансформаций в изучении данного феномена под влиянием разнообразных факторов экстра- и интралингвистического характера, по причине появления новых методов исследования и новых писателей в мире литературы.

В. Мерс прибегает в произведении «Der Schrecksenmeister» к языковой игре, которая является темой данной статьи. На этот феномен имеются

два кардинально различных взгляда. Первый из них состоит в том, что языковая игра свойственна любому произведению искусства. Игровой эффект создается особым отношением читателя к тексту, так как он соотносит информацию, имеющуюся в тексте, со знаниями лингвистического и экстралингвистического содержания. Это относится к «игровым текстам», что предполагает их специфичность. Такой точки зрения придерживается Р. Барт, который считает, что игровой характер текста проявляется в зашифрованных в нем загадках, от разгадывания которых читатель получает удовольствие. В эссе «Удовольствие от текста» Р. Барт определяет игровой характер текста следующим образом: «Текст – это объект-фетиш, и этот фетиш меня желает. Направляя на меня невидимые антенны, специально расставляя ловушки (словарный состав произведения, характер его референций, степень занимательности и т.п.), текст тем самым меня избирает» [Барт, 1989, *489*].

В отличие от Р. Барта, отечественные лингвисты О.А. Ананьина, С.В. Ильясова, А.М. Люксембург, М.Я. Поляков, Г.Ф. Рахимкулова, Ю.М. Лотман, Р. Якобсон и др. полагают, что игровым является не каждый текст, а особый тип текста. Поэтика является именно той дисциплиной, которая объединяет лингвистические, эстетико-стилистические и литературоведческие подходы к исследованию литературного текста. Г.Ф. Рахимкулова, например, понимает под игровым текстом особую систему, «все элементы которой ориентированы на то, чтобы, выражая игровое отношение писателя к жизни и искусству, вовлечь читателя в активные игровые отношения с творцом и созданным им текстом» [Рахимкулова, 2004, *34*]. Читателя «активизируют, мистифицируют, вовлекают, дразнят, шельмуют» [Там же], расставляют для него ловушки, представляют недостоверную информацию. Реципиент, исходя из этого, должен «учиться выискивать скрытый смысл по намекам и недомолвкам» [Там же]. Игровая поэтика с широкой точки зрения включает разнообразные смысловые, лексические, фонетические, грамматические, графические и иные элементы, которые «создают представление о скрытых слоях … текстов и вместе с тем позволяют оценить саму специфику игрового стиля, благодаря которому и формируется своеобразие игрового текста» [Там же, *42*]

Как вид человеческой деятельности рассматривает языковую игру Й. Хейзинга: «Игра есть добровольное действие или занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием “иного бытия”, нежели “обыденная жизнь”» [Хейзинга, 2004, *56*].

Исследователи игрового текста называют следующие базовые свойства игровой поэтики.

1. Амбивалентность, то есть установка на «двух- или поливариантное прочтение», предполагающее осознание читателем наличие нескольких возможностей интерпретации как отдельных элементов текста, так и всего текста в целом [Люксембург, 1998, *18*].

2. Принцип недостоверного повествования, предполагающего, что «реальность повествования», то есть его достоверность относительно сообщаемой информации, неприменима для игрового текста.

3. Интертекстуальность и пародийность – основные принципы композиции текста, показывающие, что «вся предшествующая художественная словесность может прямо или косвенно вовлекаться в повествовательную структуру игрового текста» [Рахимкулова, 2004, *41*].

4. Принцип игрового лабиринта – принцип композиции, напоминающей строение лабиринта. Реципиент должен пройти и понять этот «структурный, лингвистический и аллюзивный лабиринт» и, «оказавшись на очередной развилке, почувствовать приятную дрожь возбуждения и от того, что видит основные ловушки, заготовленные для него автором» [Там же].

Основными средствами выражения языковой игры в тексте являются средства художественной выразительности, а именно игровые манипуляции с фонетическими, лексико-фразеологическими, синтаксическими и графическими ресурсами языка.

Произведение «Der Schrecksenmeister» основывается, как уже отмечалось, на пародировании новеллы Готфрида Келлера (Gottfried Keller) «Spiegel, das Kätzchen», появившейся в 1856 году в цикле новелл «Die Leute von Seldwylla», имя автора при этом является анаграммой на истинное («Gofid Letterkerl» – Готфрид Келлер). Мютенмерц при этом относится к Г. Келлеру, с одной стороны, как к реальному автору, а с другой – как фиктивный переводчик и иллюстратор В. Мерс к Мютенмерцу. Отношение к тексту и его обработка являются теми моментами, где появляются добавления, вариации темы: «Das Thema Tradiierung und Aktualisierung von Literatur wird im Paratext des Romans so deutlich gestellt und in der Herausgeberfunktion in verschiedenen Varianten durchgespielt, dass die Frage nach dem Motiv der Moers'schen Neubearbeitung von Kellers Novelle naheliegt» [Wegner, 2016, *139*].

Для анализа, как уже очевидно, нами выбрано произведение «Der Schrecksenmeister», так как в самом названии можно видеть прием фонетической игры. Рассказчик в «Der Schrecksenmeister» получает имя Hildegunst von Mythenmetz (Хильдегунст Мифорез). Оно возникает уже в литературной сказке «Ensel und Krete: Ein Märchen aus Zamonien». Имя рассказчика становится примером сложения слов: metzen (рвать, резать), die Mythen (мифы). Оно помогает читателю понять, что рассказчик – настоящий сказочник, «нарезающий» сюжеты из мифов и реальности.

Амбивалентность повествования у В. Мерса проявляется в том, что образованный читатель найдет множество намеков и цитат из произведений

литературы прежних эпох и жанров. В. Мерс выступает в своих произведениях и телеинтервью как цамонийский национальный поэт Хильдегунст фон Мютенмерц. «In jungen Jahren hat mir mein Dichtpate Danzelot von Silbendrecksler immer wieder Letterkerls *Echo, das Krätzchen* vorgelesen, und seitdem hege ich eine besondere Vorliebe für diese schmale Märchennovelle. Ich will diese Vorliebe hier nicht rechtfertigen oder erklären, sondern die Geschichte, wie sie das geneigte Publikum jetzt lesen kann, für sich selbst jetzt sprechen lassen. Denn es geht mir einzig und allein darum, dass Letterkerls Novelle über Echo und den Schrecksenmeister von möglichst vielen gelesen werden soll» [Moers, 2007, *379*]. Мир, описываемый в этих произведениях, опирается на фантазийное пространство и время, которые населены волшебными существами, особыми животными и растениями, со своей мифологией и интертекстуальной литературной игрой. В Цамонийском мире с его претекстами живут царапка Эхо, грустящие яйца (den Grübelnden Eiern), золотая белочка (dem Goldenen Eichhärnchen), Fjodor F. Fjodor – одноглазый филин (dem einäugigen Schuhu), сваренное привидение (dem Gekochten Gespenst) – последний ужастик Следвайи и Inazea Anazazi – также героиня этого романа. Повествовательный мир Цамонии можно рассматривать как переплетение известных литературных мотивов из мира сказок и других жанровых форм немецкой и мировой литературы: романа воспитания, робинзонады, романа-путешествия, пикарескного (плутовского) романа, автобиографии и др. Произведение «Ensel und Krete», например, это обработка известной сказки братьев Гримм «Hänsel und Gretel», «Der Schrecksenmeister» – адаптация новеллы Г. Келлера «Spiegel, das Kätzchen» и т.п. Его Kater у Г. Келлера получает свое имя Spiegel «wegen seines glatten und glänzenden Pelzes», в то время как Echo получает имя от хозяйки как отличительный признак того, что она может говорить человеческим языком и имеет ясный разум. Это ее «Alleinstellugsmerkmal» [Wegner, 2016, *143*]. Имя Eispin является анаграммой имени Pineis, используемого Г. Келлером, имя Следвайя происходит от имени Севилья. Героиня K(r)ätzchen живет у очень доброй женщины. Когда она умирает, K(r)ätzchen заключает договор со злым Hexen- und Schrecksenmeister о том, что этот злой волшебник определенное время будет кормить и баловать K(r)ätzchen лучшими яствами, чтобы затем убить ее и использовать ее выпаренный жир в алхимических целях. Структурно оба произведения похожи. В исходной сюжетной ситуации – счастливая жизнь у старой женщины, затем убийство колдуном; лишь конец произведений отличается. У Г. Келлера герой – кот Spiegel просто осуществляет свой план и освобождается. У В. Мерса освобождение осложняется. Сначала план освобождения, разработанный с Изануэллой, не срабатывает. Но в конце романа он все-таки осуществляется, Echo получает свободу не только для себя, но и для всего больного города Следвайи: «Die Stadt und ihre Bewohner erwachten, wie man es nach langer Krankheit und der letzten Fiebernacht tat, in der man die

restlichen Symptome ausgeschwitzt hatte… Mullbinden und Taschentücher wurden in die Gosse geworfen, damit der nächste Regen sie wegspülte. Apotheker standen ratlos in ihren Geschäften, weil keine Kunden kamen. Hier und da wurde gelacht – unerhört für diese kranke Stadt. Und da waren all die neuen Düfte, welche die üblen Gerüche von Krankheit und Medizin, von Eiter und Jod, von Äther und Tod überlagerten. Das waren Tymian und Knoblauch, Frühstücksspeck und Hühnersuppe. Bratkartoffeln und Tomatensoße. Schweinebraten und Fischsuppe. Pfannkuchen und geröstetes Brot. Salbei und Zitrone. Koriander und Curry. Safran und Vanille. In Sledwaya wurde gekocht. Denn was tat man als Erstes, wenn man nach langer Krankheit erwachte?» (375).

В произведении все время появляются новые герои и пространства, которые автор подробно описывает: кухня, лаборатория, «das Dach der Dächer» и др. У В. Мерса происходит радикальное содержательное смещение. Чтобы освободиться от злых сил колдуна, K(r)ätzchen пользуется услугами белых вдов, белочек-друид, летучих мышей и др. Spiegel у Г. Келлера – главный герой, а у В. Мерса, однако, злодей и колдун Eispin – главный герой. Ирония автора состоит в том, что он превращает злобную фигуру колдуна в милую и безобидную. Обработка В. Мерса приводит к изменению, которое отдаляет новое произведение от претекста. «Die Metaebene der Autorfiktion um Hildegunst von Mythenmetz und Walter Möers ist mehr als literarischer Scherz, sondern ein struktureller Bestandteil der Ironie, die alle Moers Romane auf verschiedenen Ebenen durchzieht. Diese hat gewissermaßen eine gegenläufige Wirkung, indem sie einerseits durch den Einzug in die Feuilletons den fiktiven Kosmos Zamonien näher in die Erfahrungswelt der Leser heranrollt, andererseits durch die Betonung des Gemacht- und Vermitteltseins des Erzählten, das unmittelbare und unreflektierte 'Eintauchen' des Lesers in die Erzählwelt stört» [Ibid., *16*].

Основную линию повествования у Г. Келлера составляет плавный временной стиль. Однако основная структура повествования модифицируется В. Мерсом. Он переносит действие из Севильи в Цамонийский мир, в город Айзенштадт: in die hässlichste und schmutzigste, gefährlichste und unbeliebteste Metropole von ganz Zamonien. В главе «Eisenstadt» имеются перечисления, представленные глазами главного героя Eispin'а, которые подтверждают его отрицательное отношение к городу: «der größte Teil der Metall verarbeitenden Industrie des Kontinents ist dort ansässig, und selbst die Produkte, die sie hervorbringt, sind hässlich: Waffen und Stacheldraht, Würgeeisen und Kupferne Jungfrauen, Käfige und Handschellen, Rüstungen und Richtschwerter… Die Bleibarone und Goldgrafen, Waffenhändler und Kanonenfabrikanten wohnen in stählernen Festungen, immer in Furcht vor ihren darbenden und unzufriedenen Untertanen und Arbeitern. Eisenstadt – eine Stadt, durchflossen von Bächen aus Säure und Öl» (208).

Психологический конфликт автор превращает в сказку о прекрасной принцессе, образующую параллель с другим произведением немецкой литературы «König Drosselbart». Благодаря вставному сюжету главный герой получает трагическую характеристику, что не свойственно герою Г. Келлера. «Auffällig ist, dass Moers zwar Figuren und Handlungsstruktur von Keller übernimmt, sich in der sprachlichen Gestaltung aber komplett vom Prätext löst» [Ibid., *154*].

В произведениях В. Мерса наблюдается не только интертекстуальное своеобразие текстов, но и, как показывают примеры, игра слов, авторские неологизмы, фонетические анаграммы и пр. Так, например, рассмотренное выше произведение «Der Schrecksenmeister» основывается на пародировании новеллы Г. Келлера «Spiegel, das Kätzchen», появившейся в 1856 году в цикле новелл «Die Leute von Seldwylla».

Игра слов, свойственная индивидуальному стилю В. Мерса, способствует прагматическому воздействию на читателя через комическое. Уже названия некоторых его произведений нередко созданы на основе фонетико-стилистического приема. В названиях «Ensel und Krete», «Der Schrecksenmeister» В. Мерс использует игру слов на разных уровнях, происходит обыгрывание звукового и смыслового понятий – убирание начальных букв (Ensel und Krete) или перестановка буквы – s (Der Schrecksenmeister), что меняет и смысловое значение лексем. При помощи словообразовательных суффиксов образуются новые слова, например: ´die Justizerei, die Erzählerei, die Riechung, Hörung, Schmeckung, der Baum der Erkenntnuss (20, 112, 114, 123).

Авторские сложные слова с эмоциональной окраской **отрицательности** – излюбленное стилистическое средство В. Мерса. Приведем примеры: «Er besaß abgesaugte Proben der berüchtigten Qualle von Nebelheim, der er in den Schnarkenfett eingelegt hatte; in seiner Sammlung befanden sich Leichengas aus den Friedhofssümpfen, Aurapartikel von Irrlichtern, Mundgerüche von Stollenrollen und Fürze von Schwefelunken. Eißpin hatte Tausende von flüchtigen Stoffen eingefangen und eingelegt, einen jeden in einem anderen, seiner Meinung nach einzig passenden Fett» (27); «Die guten Ratschläge des Schuhus in Ehren, aber nicht einmal die verwegensten unter der streunenden Katzen und Hunden Sledwayas würden so etwas Hirnverbranntes wagen» (184); Ich mache mir wirklich Sorgen um deinen Verstand, Spitzengehirn. Последнее слово «Spitzengehirn» является авторским словообразовательным неологизмом с уничижительным значением. Эта номинация характеризует отрицательно с точки зрения Eißpin'a умственные способности главной героини сказки – кошки Эхо.

Словообразование, создание авторских неологизмов, как уже отмечалось в связи с книгой «Der Schrecksenmeister», является весьма популярным приемом у В. Мерса. Автор прибегает к использованию окказионального словообразования, например, в названии болезней, от которых страдают жители самого нездорового города Следвайи, в предложении

«Stellt Euch den krankesten Ort von ganz Zamonien vor! Eine kleine Stadt mit krummen Straßen und schiefen Häusern… In der es die seltensten Krankheiten gab: Hirnhusten und Lebermigräne, Magenmums und Darmschnupfen, Ohrenbrausen und Nierenversagen. Eine Zwergengrippe, die nur Personen unter einem Meter Größe befiel. Geisterstundenkopfweh, das Schlag Mitternacht begann und Punkt ein Uhr verschwand, jeweils am ersten Donnerstag jedes Monats. Phantomzahnschmerzen, die ausschließlich Leute bekamen, die schon Gebisse trugen» (9). Отрицательное и комическое значения усиливаются за счет образования неправильной степени сравнения от прилагательного «krank», а также номинаций болезней, от которых страдают жители города: Hirnhusten (der Hirn – мозг, der Husten – кашель), Lebermigräne (die Leber – печень, die Migräne – головная боль), Darmschnupfen (der Darm – кишка, der Schnupfen – насморк), Ohrenbrausen (das Ohr – ухо, das Brausen – субстантивация от глагола «пролетать»), Nierenversagen (die Niere – почка, das Versagen – субстантивация от глагола «отказывать») (9). «Es hatte eine Bewegung in der Zamonischen Literatur gegeben, den sogenannten *Gagaismus*, in der man Sprachfehler als Stillmittel nicht nur akzeptierte, sondern regelrecht pflegte» (127). Слово «Gagaismus» ассоциируется с понятием «Dadaismus», обозначающим литературное и художественное движение начала XX века, отличающееся отклонением от искусства в целом и использующее традиционные формы искусства утрированно и сатирически. Такой игрой слов благодаря совпадению по звучанию в шутливой форме в произведении выставляется сомнительное литературное движение в Цамонии.

Auf Nimmerwiedersehen (контаминация словосочетания «до свиданья» и никогда, от нем. nimmer) (14).

Словообразование соседствует у В. Мерса с весьма популярным для его идиостиля приемом **перечисления**, оправдываемого большим количеством описаний:

«Der Stadtschrecksenmeister besaß das Fett von raren Schmetterlingen und Murchen, von Laub- und Werwölfen, von Krallmandern. Leuchtameisen, Schneeschwalben, Sonnenwürmen und Mondanbeterinnen, von Lochkrokodilen, Kraterkröten, Tiefseesternen, Quellenquallen, Mumienzecken und Stinkbären, von Ubufanten und Zamingos» (27). «Auf ihnen waren ausnahmslos Naturkatastrophen dargestellt, Vulkanausbrüche, Riesenwellen, Wirbelwinde, Mahlströme, Erdbeben, Feuerbrünste und Lawinenabgänge, alles mir größter Sorgfalt und Detailversessenheit in Öl gepinselt – denn eine von Eißpin zahlreichsten Begabungen war die Katastrophenmalerei» (17–18). «Das Krätchen erfuhr, das man Lebensmittel panieren, parieren, passieren, pochieren, pralinieren, pikieren, und pilieren konnte» (108).

Aufzählungen присутствуют как в форме **амплификации и аккумуляции**, то есть перечисления с обобщением и без обобщения, так и в виде **антитезы**: «Wälder, Wiesen, Felder, *ein Flickenteppich der Natur*» (57). «Es

war nicht das erste Dach, auf dem er herumkletterte, aber es war das größte, das abenteuerlichste und verwinkelste» (57). «Alles, was du hier siehst: der Tisch, der Stuhl, das Mikroskop, die Bücher, die Glasbehälter, das ganze Laboratorium, selbst du und ich bestehen aus winzigen Teilen, die auf wundersame Weise zusammenhalten» (91). «Und so verweilten sie noch lange in dem unheimlichen Saal, Kratze und Schrecksenmeister, Delinquent und Henker, zwei Todfreunde einträchtig ruhend in der Nacht» (196). «Jetzt stell dir diesen Kontrast vor: das bildhübsche Mädchen und das Ungeheuer. Die Unschuld und der Moloch aus Stahl» (209). Перечисления в форме **обособления**: «… dann müsste es doch mit allen Schrecksen zugehen, wenn es mir nicht gelingen sollte. Einen Weg zu finden, mich in diese Gedanken einzuschalten, Sie zu lesen. Zu entschlüsseln. Und sie schließlich zu beeinflussen» (73–74).

Aufzählungen als Klimax: «Monate! Jahre! Ein Leben!» (57). «Das war der Eißpinsche **Konservator.** seine bislang größte **Erfindung**» (27).

Aufzählungen als Chiasmus: «Kochen ist Alchemie – und Alchemie ist Kochen» (3)].

Anaphorische Aufzählung: «Alle Wurzmännchen sind gleich. Gleich groß, beziehungsweise gleich klein, gleich lieb, gleich mutig, gleich ängstlich, gleich dies, gleich das» (92).

Kapitelbenennungen, в которых мы видим много кулинарных названий, неологизмов, игру слов: Echo, Eißpin, der sehr Schreckliche, das Haus des Schrecksenmeisters, Eißpins Werkstatt, Fett, Meister und die Schrecksen, Knilschbrömen und Tarnkappenstör, das Ledermausoleum, das Dach der Dächer, wie man ein Gespenst kocht, die Kratze und der Schrecksenmeister, das Hemd, die kleinste Geschichte von Zamonien, Schrecksenmond, Eißpins Folterkeller, Juristische Beratung, Riechung, Hörung, Schmeckung, der Baum der Erkenntnuss, Schattentinte, Flucht, der Fettkeller, die schneeweiße Witwe, Schrecksenkunde, das goldene Eichhörnchen, Blutwurst und Blutdurst, Hunger, die Schrecksengasse, Todfreunde die rostigen Gnome, die zweite Nuss. Bienenbrot, die Festtafel, der Schrecksengarten, Kratzenminze, das Käsemuseum, im Unkenwald, Alchimie und Schrecksimismus, viele Schlösser, Liebestrank macht liebeskrank, Eißpin tanzt, Schreckse und Meister, Hochzeitschmaus und Henkersmahlzeit, das letzte Frühstück, Gold, wahre Liebe, das falsche Herz, Revolution, Aufschub, die Dämonen, Izanuelas Weg, Sledwaya erwacht.

Das Oxymoron: «Todfreunde» (193), «Schwüle Winde» (197).

Die Metapher. «Der Stuhl bedankte sich mit erleichtertem Knarzen (201), Aber ich bitte dich doch, bevor du mich zermalmst, den Planeten zerreißt, die Zeit zu Tode folterst – mir noch eine einzige Frage zu beantworten» (96).

Die Ironie: «Woher kommt seine Leidenschaft für das Kochen?» Jemand, der so viel Liebe auf eine Kunst verwendet, die anderen Genuss bereitet, der muss doch zur Nächstenliebe fähig sein. Ob es mir gelingen könnte, an sein Mitleid zu apellieren?» (205).

Die Ambivalenz: Герой В. Мерса многогранен и неоднозначен: «Und eines musste man Eißpin lassen: Bildung vermitteln, das konnte er. Wenn er sich für Echoin den einfühlsamen und lehrreichen Lehrmeister verwandelte, veränderte sich sein ganzes Verhalten. Alles Dämonische, Herrische und Schroffe fiel von ihm ab wie ein hässlicher Kokon, seine Stimme senkte sich vom hohen Diskant auf ein melodiöses Flüstern herab, seine despotische Gestik verschwand, und seine hartherzige Fratze zu einem gütigen Antlitz» (80).

В этом отрывке главный герой выглядит очень положительно при описании его хобби: «In Eißpins Küche herrschte eine Disziplin wie in einer Buchheimer Feuerwehrstation, eine Präzision wie in einer Uhrmacherwerkstatt und eine Hygiene wie in einem Operationssaal. … Echo lernte alles über Pflege von Kupfergeschirr, die hohe Kunst des Soufflierens und frühzamonische Dampfgartechniken in gewässerten Tongefäßen. Kein Thema war zu entlegen, kein Lebensmittel zu uninteressant, kein Stoff trocken, dass Eißpin daraus nicht unterhaltsame Funken hätte schlagen können. Und er sammelte dieses Wissen, all diese Rezepten und Ideen, seine Gedanken zur Kochkunst und zur Gourmandise, indem er sie in ein dickes Buch schrieb, das in geräucherte Sumpfschweinschwarte gebunden war» (107–109).

«…Weitere Pfannen und Töpfe sowie Küchengeräte aller Art, Schneebesen, Kochlöffel, Schaumkellen, Siebe; Teigrollen, und vieles mehr hingen An Hacken an den Wänden oder von der Decke herab» (34).

Совсем иначе выглядит Eißpin в главе «Eißpins Folterkeller», автор употребляет здесь другой лексикон: «In seinem Herrschaftsgebiet war der Schrecksenmeister ein mächtiger Tyrann, Sledwaya war sein Reich, sein Haus war seine Burg, sein Laboratorium der Thronsaal – und die Küche war sein Folterkeller. Die Hack- und Ausbeinmesser, Fleischklopfer und Kartoffelstampfer, die Pfannen voll siedendem Öl, sie waren seine Marter- und Hinrichtungswerkzeuge, die Lebensmittel seine willenlosen Sklaven, die sich für ihn ins kochende Wasser begaben oder auf glühendes Rost werfen ließen» (104).

Die Synonymie. Следует отметить, что автор использует больше всего «ein negativ belegtes Vokabular» [Wegner, 2016, *24*]. **Die Kontextuelle Synonymie**: «Der köstlichste, beste, seltenste und kostbarste Wein Zamoniens» (124); «Es war nicht das erste Dach, auf dem er herumkletterte, aber es war das größte, das am höchsten gelegene, das abenteuerlichste und das verwinkelste» (57). «Ein Dach aus Dächern war es, ein sich nach oben hin zuspitzendes Wunderwerk der Architektur aus kleineren und größeren Firsten, aus steinernen Wänden und Treppen, die scheinbar sinnlos hinauf- und hinabführten» (57).

Синонимы, как известно, в состоянии выразить разную степень оценочности и экспрессивности (Synonyme mit unterschiedlichen Farbtönen), например: Dorftrottel, Fratze, schlecht (плохой), schlimm (дрянной), böse, übel (дурной), mangelhaft (неудовлетворительный), schwach (слабый), unzuverlässig (неверный и др.; lustwandeln = spazierengehen, kollern, eintrichtern, umbrummen,

wittern, abhauen, hausen, weitersegeln, herumkrabbeln, wabern, aufkeimen, paffen, hauchen = говорить, отвечать, abwiegeln = dämpfen, herunterspielen.

Phonetische Mittel: aus dem Haus komplimentieren, die Hopffnung reimt auf (204). Антипод мастера ужасов в сказке «Der Schrecksenmeister» – птица der Schuhu – использует много иностранных слов в желании показать свою образованность, коверкая фонетический состав лексем:

Attepit = Appetit, Buplik = publik, Biogolie = Biologie, Armugenten = Argumenten, Broplem = Problem, Fazipist = Pazifist, harsonimieren = harmonisieren, ausdistukieren = ausdiskutieren, Auritotät = Autorität, Eigenivintiative = Eigeninitiative, Invudidium = Individuum, Pasarit = Parasit, Rufunkel = Furunkel, Daktitur = Diktatur, Tynnarei = Tyrannei, Revakoleszenz = Rekovaleszenz, devitektischer = detektivischer, instinktivtes = instinktives, Akstese = Askese, Exmeripenten = Experimenten, Indegrienz = Ingredienz, Zinprip = Prinzip, Tantrokt = Kontrakt, Akstese = Askese, Konservation = Konversation, konsparitives = konspiratives., Zinprip = Prinzip, Tatolit'r = totalitär, schrecksimistische Beratung, Fähigkeit, nattifftoffische Steuerberater, Justizministerium.

Lexikalische Wortpaare: Krumm und schief, Äther und Eiter, bleich und blutarm, giftig und gallig, Ammoniak und Äther, langsam und qualvoll, Feder und Tinte, Plauderer und Alleswisser, Wind und Wetter, simpel und perfide; knirschen und knacken; Kutschen und Pferdewerke, im Dunkeln und im Hellen, Groß und Klein, Hege und Pflege, die **verführerischsten** Winkel und Verstecke также и в виде обособления (**Absonderung)**: Denn Eißpin war der eigentliche Herrscher der Stadt, ihr ungekrönter Tyrann, ihr schwarzes Herz und krankes Hirn zugleich (19). Лексические пары предстают и в **перечислении**, например: Dass das Gute über das Böse, das Kleine über das Große, das Niedliche über das Hässliche triumphiert? (97);

В последних примерах лексические пары представляют собой **eine Antithese**: «Und so verweilten sie noch lange in dem unheimlichen Saal, Kratze und Schrecksenmeister, Delinquent und Henker, zwei Todfreunde einträchtig ruhend in der Nacht» (196); «Oben ist unten und hässlich ist schön» (202), «von Gut und Böse, von Richtig und Falsch» (53); «Er hatte ein trauriges Niemandsland zwischen Dieseits und Jenseits betreten; Es ging etwas Totes und Lebendiges von ihnen aus…» (183).

Die Epitetha: das nattifftoffische Justizministerium, der nattifftoffische Steuerberater; die Stadt Sledwaya war voller **merkwürdiger** Häuser, in denen sich **merkwürdige** Dinge ereigneten, aber das Haus des Schrecksenmeisters das **merkwürdigste**, und die Dinge, die sich darin ereigneten waren **die allermerkwürdigsten** (15). Некоторые эпитеты носят окказиональный характер: Eißpin kredenzte eine abenteuerliche Köstlichkeit nach der anderen und mit ihnen jedes Mal eine erhellende, eine spannende Geschichte oder irgendeine verrückte Legende (41); Ich wünsche dir einen **langsamen** und **qualvollen** Hungertod; Der

teuerste und **seltenste** Kaviar überhaupt (14, 17). Das Wurzmännchen begriff natürlich sofort, dass er einen **alleszerstörenden** Flaschendämon freigesetzt hatte (94); der Alte war eine wandelnde Vogelscheuche, vor der alles Lebendige floh, vom kleinsten Käfer bis zum kraftvollsten Krieger (11).

Часто В. Мерс использует, как видно из примеров, превосходную степень прилагательного. Приведем еще примеры: «Der Tod durch die schneeweiße Witwe ist der schönste und der schrecklichste zugleich» (156); «…war das nicht das Abscheulichse… wie ein Teppich eine Gänsehaut bekam oder allerfeinste Wellen durch eine Tapete liefen» (193); «Sicher, sie war furchtbar hässlich und roch wie ein Sack voller toter Frösche» (193).

Нельзя не упомянуть о наличии разнообразных визуальных (графических) эффектов. **Особое написание и использование разных шрифтов**: Die uralte **Du schaffst – es – nicht – mehr – zurück in – die Flasche – Nummer** (96).

Помимо иллюстраций, в большинстве своем авторских, в произведении имеет место применение **типографских средств выделения фрагментов текста.** Таким образом, большое значение автор придает не только тому, что написано, но и тому, как это написано. В работах В. Мерса в процессе повествования нередко может изменяться размер шрифта, а также графический рисунок начертания языковых знаков, что влечет за собой определенное намеренное прагматическое воздействие на читателя.

«Echo»

«Das ist aber ein sehr schöner Name.»

«Stimmt!» «Stimmt!» «Stimmt!» «Stimmt!» «Stimmt!» «Stimmt!» «Stimmt!» kam von allen Seiten. Слово Stimmt! употребляется на протяжении 12 строк, показывая многоголосие предметов музея, что говорит о нереальном характере действия. Разные шрифты: крупные и мелкие, косой и готический, на целую страницу и меньше – мы видим во множестве на страницах произведения: 186, 216–217, 275 и мн. др. Размеры статьи не позволяют напечатать их.

Таким образом, читатель имеет дело с весьма оригинальной интертекстуальной и языковой игрой В. Мерса, которая проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, синтаксическом, словообразовательном и даже графическом, что, несомненно, делает его творчество оригинальным и любимым не только детьми, но и взрослыми.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 461–517.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 654 с.

Гончарова Е.А. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und Praxis der Stilanalyse: учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учебных заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 352 с.

Люксембург А.М. Амбивалентность как свойство набоковской игровой поэтики. Вып. I. СПб., 1998.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова. К проблеме игрового стиля: дис. … д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 332 с.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2003. 289 с.

Чичерин А.В. Ритм образа. М.: Сов. писатель 1980. 335 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens / В тени завтрашнего дня / пер. с нидерланд. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. 539 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 304 с.

Щипицина Л.Ю. Стилистика немецкого языка = Stilistik der deutschen Sprache. В 2 ч. Ч. 1: Теория: учебное пособие. Архангельск: Поморский университет, 2009. 144 с

Moers W. Der Schrecksenmeister. München: Piper, 2007. 382 S.

Wegner M. Wissen ist Nacht. Bielefeld: Aisthesis, 2016. 219 S.

L.M. Nyubina
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of the German Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Peculiarities of W. Moers's Idiostyle in «The Alchemaster's Apprentice» («Der Schreksenmeister»)

W. Moers is a modern German writer whose main works are addressed to children. Their popularity has been gained not least by means of the language game, but often by the author's idiostyle. The language game is clearly visible in the work «The Alchemaster's Apprentice» (in original: «Der Schrecksenmeister») under analysis in all linguistic fields, i.e. lexics, grammar, word-formation, stylistics, etc. The usage of the language game as a means of creating a comic effect is an asset of the author's idiostyle. The article considers idiostyle as W. Moers' «individuality and uniqueness» as he uses linguistic, esthetic and stylistic, and literary means, i.e. the total array of language tools for drawing the readers' attention to them.

Key words: *German writer; idiostyle; narration; language game; comic; word-formation; intertextuality; tropes; synonymy; ambivalence.*

REFERENCES

Bart R. Pleasure from the text [Udovol'stvie ot teksta]. Selected works: Semiotics. Poetics [Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika]. Translated from FR. Compilation, general editorship and introduction by G.K. Kosikova. Mowcow, Progress, 1989, pp. 461–517 (in Russian).

Chicherin A.V. The rhythm of the image [Ritm obraza]. Moscow, Sovetsky pisatel', 1980. 335 p. (in Russian).

Fateyeva N.A. Intertextuality congrapoint or Intertext in the world of texts [Kongrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov]. Moscow, Agar, 2003. 289 p. (in Russian).

Goncharova Ye.A. Theory and practice of stylistic analysis: textbook manual for students of philol. faculties of institutions of higher education [Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza = Theorie und Praxis der Stilanalyse: ucheb. posobiye dlya stud. filol. fak. vysshikh uchebnykh zavedeny]. Moscow, Akademiya Publishing centre, 2010. 352 p. (in Russian).

Huizinga J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow [Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya]. Translated from Dutch by V. Oshis. Moscow, AST, 2004. 539 p. (in Russian).

Luxemburg A.M. Ambivalence as a property of Nabokov's play poetics [Ambivalentnost' kak svojstvo nabokovskoj igrovoj pojetiki]. Issue I. SPb., 1998 (in Russian).

Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: About 57,000 words [Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57000 slov] Ed. by N.Yu. Shvedova. 20th ed. Moscow, Russky yazyk, 1988. 750 p. (in Russian).

Rahimkulova G.F. Language game in prose by Vladimir Nabokov. On the problem of playing style: thesis of … dr. of philol. sciences [Yazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova. K probleme igrovogo stilya: Dis. … d-ra filol. nauk]. Rostov-on-Don. 2004. 332 p. (in Russian).

Shhipicina L.Yu. Stylistics of the German language: a textbook [Stilistika nemetskogo yazyka = Stilistik der deutschen Sprache: uchebnoye posobie]. In 2 parts. Arkhangelsk, Pomor State University, 2009. 144 p. (in Russian).

Shmid V. Narratology [Narratologiya]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2008. 304 p. (in Russian).

Vinogradov V.V. About the language of fiction [O yazyke khudozhestvennoi literatury]. Moscow, State Publishing House of Belles-Lettres, 1959. 654 p. (in Russian).

Moers W. The Alchemaster's Apprentice [Der Schrecksenmeister]. Piper, Munich, 2007. 382 p. (in German).

Wegner M. Knowledge is night [Wissen ist Nacht]. Bielefeld, Aisthesis, 2016. 219 p. (in German).

О.А. Поведская

Смоленский государственный медицинский университет
Минздрава России
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-163-172

КОНЦЕПТ «СПОРТИВНЫЙ ВРАЧ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: *дискурс; концепт; спортивная медицина; спортивный врач; автобиографический дискурс.*

Предметом изучения в статье является концепт «спортивный врач» в автобиографическом дискурсе, рассмотренный на материале книги немецкого спортивного врача Ганса-Вильгельма Мюллера-Вольфарта «Mein Leben und mein Medizin. Mit den Händen sehen». Цель исследования состоит в том, чтобы провести анализ данного концепта в лингвокультурологическом аспекте.

Полученные выводы составляют ряд функционально значимых особенностей концепта «спортивный врач». Данный концепт: 1) калейдоскопичен, включает в себя такие аспекты, как «ответственность», «бескорыстность», «самоотдача» и т.д.; 2) интегрирует широкий пласт медицинских терминов; 3) наполняется различными лексико-семантическими группами, например, «Организм», «Травмы», «Препараты». Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с обучением в медицинском вузе. В данной работе применяются дискурсивный и концептуальный анализ и контекстологический метод, метод классификации и описания.

В настоящее время одним из магистральных направлений исследований в языкознании остается изучение дискурса, концепта, языковой картины мира.

Отечественный лингвист Е.С. Кубрякова трактует дискурс как когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого поведения, в то время как текст рассматривается как «конечный результат процесса речевой деятельности, который обладает определенной формой» [Кубрякова, 1999, *191*].

Р.В. Белютин выделяет следующие свойства и признаки дискурса: «Дискурс – это процесс общения, которое четко ориентировано в тематическом и социофункциональном плане; дискурс как результат представляет собой совокупность репрезентирующих его текстов, обладающих концептуальным, жанровым своеобразием, стилистическими, прагмасемантическими и др. особенностями» [Белютин, 2020, *15*].

С точки зрения социолингвистики существуют два основных вида дискурса: персональный и личностно ориентированный. В первом случае говорящий – личность, во втором – представитель какого-либо социального института. В.И. Карасик считает, что персональный дискурс – это «бытовое и бытийное общение», то есть общение между людьми, которые хорошо знают друг друга, его задачей является поддержание контакта, решение бытовых проблем, причем большую роль в таком общении играют жесты и мимика.

Институциональный дискурс – это «общение в рамках статусно-ролевых отношений» [Карасик, 2000, *55*]. Классифицируют следующие виды институционального дискурса: политический, юридический, военный, деловой, педагогический, спортивный и пр. Они могут сливаться друг с другом, возникать в качестве разновидностей в рамках одного или другого дискурса.

Одним из видов институционального дискурса считается *медицинский дискурс*. Это речь, которая транслирует смыслы, определяющие медицинскую деятельность, совокупность текстов, фиксируемых в памяти или в письменном виде. Типы языковых личностей, которые действуют в рамках определенных обстоятельств и условий общения, играют важную роль при изучении данного вида дискурса.

Дискурс медицины включает в себя несколько компонентов: медицинскую науку, социологию, деонтологию, этику, психологию и, конечно, лингвистику. К нему относятся официальное и неофициальное общение врачей между собой, с младшим персоналом, общение с пациентами, их родственниками, истории болезни, справки, медицинские карточки, лекарственные рецепты, больничные листы, книги, учебники, журналы по медицинской тематике, лекции и практические занятия со студентами медицинских вузов и т.д., то есть это общение в рамках института здравоохранения.

Лингвистическое изучение медицинского дискурса довольно важно, поскольку здоровье – это, несомненно, одна из высших ценностей человека, его поддержание требует специальной подготовки и обучения врача, в том числе и в коммуникативном плане. Медицина как социальный институт тесно связана не только с жизнью каждого человека, но и с жизнью всего общества в целом. Наш мир развивается и изменяется, появляются новые лекарства, виды терапии, происходят реформы в самой системе здравоохранения. Все это приводит к тому, что меняются модели коммуникативных взаимоотношений врача и пациента, врачей между собой, возникают все новые и новые понятия.

Специалисты в области медицины руководствуются медицинской этикой, следуют особым нормам поведения (например, связанным с неразглашением врачебной тайны), используют в речи широкий пласт особой медицинской терминологии, который наряду с сугубо научными терминами включает и бытовые, обиходные выражения. Конечно, медицина влияет на общенациональную культуру, степень ее представленности определяется различными телепередачами, фильмами (документальными, художественными), публицистическими произведениями, афоризмами, пословицами, памятниками культуры, связанными с медицинской тематикой.

Как правило, объекты изучения лингвистов довольно многообразны (стратегии и тактики речевого поведения врача [Барсукова, 2007, *21*], юмор в медицине [Казакова, 2013, *20*], медицинская терминология [Маджаева, 2011, *92*] и пр.).

В нашей работе объектом исследования является *дискурс спортивной медицины.* Он привлекателен в научном плане тем, что находится на пересечении двух миров – мира спорта и мира медицины. С лингвистической точки зрения дискурс спортивной медицины изучен сравнительно мало, в этом и заключается актуальность нашего исследования, которое строится на материалах автобиографии известного спортивного врача, соответственно, анализируются дополнительно черты автобиографического дискурса и дискурса спортивной медицины.

Автобиографический дискурс может быть личностно-ориентированным либо входить в один из видов институционального. Автор рассказывает о себе, своем жизненном пути, внутреннем мире и переживаниях. Человек

также сообщает информацию касательно своей работы, профессиональных достижений. В связи с развитием современного мира и, как следствие, возрастающим значением сети Интернет все более популярным становится размещение там своего резюме. Таким образом, автобиография может быть вполне деловым документом.

Тексты автобиографического характера весьма многообразны. Это различные дневники, мемуары, письма, анкеты, воспоминания, резюме, исповеди, жития, родословные и, несомненно, автобиографии.

Автобиографический дискурс выступает комплексным предметом изучения. На его базе исследуют какое-то конкретное языковое явление, например, коммуникативные стратегии, метафоры, семантические поля, риторику. Цель нашего исследования – провести анализ концепта «спортивный врач» в автобиографическом дискурсе.

Материалом исследования послужило автобиографическое произведение спортивного врача Ганса-Вильгельма Мюллера-Вольфарта «Mein Leben und mein Medizin. Mit den Händen sehen»[1].

В ходе работы были выделены следующие проекции концепта «спортивный врач».

Спортивный врач – призвание, честь, ответственность, готовность идти на компромиссы, саморефлексия, борьба с собой, потребность в постоянном развитии и совершенствовании знаний.

Спортивный врач должен служить примером бескорыстного служения своим пациентам. Пациент и его здоровье являются высшей ценностью для врача:

«Die Arbeit mit den Patienten war mir das Wichtigste» (S. 178–179).

«Im Mittelpunkt soll und muss der Patient stehen» (S. 181).

Профессиональная деятельность врача требует самоотдачи, самоотречения, готовности отдать себя целиком, без учета личных интересов и времени. В таком случае спортивный врач выступает как борец за жизнь и здоровье своих подопечных:

«Auf dem Spielfeld muss ich dann oft innerhalb von Augenblicken einschätzen, was passiert ist» (S. 57);

«Das hat mir an ihm immer unglaublich gut gefallen, dieses Mitfühlen, diese Identifikation mit den Patienten» (S. 90);

«…ich müsse sofort kommen, es gebe einen Verletzten, der Verein brauche mich dringend» (S. 97).

Врач посвящает себя полностью своему делу; терапия, процесс лечения – это дело жизни; он не находит спокойствия до тех пор, пока болен его подопечный.

«Er lebt allein für seine Medizin, 24 Stunden» (S. 149);

[1] Hans-Wilhelm Mueller – Wohlfahrt Mein Leben und mein Medizin. Mit den Händen sehen. Insel Verlag Berlin, 2018. S. 8–319.

«Das hatte ich noch nie erlebt: Dieser Arzt gibt keine Ruhe, bis du geheilt bist» (S. 239);

«Medizin, Therapie und Heilen, das ist sein Leben» (S. 145).

Зачастую спортивный врач выступает в роли волшебника, спасателя для травмированного спортсмена, ведь фактически он возвращает смысл жизни своему пациенту:

«Ich bin von meinen Patienten belohnt und mit großer Dankbarkeit beschenkt worden … » (S. 312);

«Boris und ich sind in unseren vielen gemeinsamen Jahren zu einer Schicksalsgemeinschaft geworden» (S. 243).

Внешний облик врача, его высокие моральные качества, самоотверженность, знания и умения в плане лечения недуга порождают у пациента чувство доверия, ощущение, что врач – проводник, психолог. Материал книги показывает, что такие доверительные отношения играют крайне важную роль в выстраивании коммуникации, они помогают лучше проходить болезненные во всех смыслах этапы:

«Es ist mir wichtig, dass die Patienten mein Engagement wahrnehmen und sich ein Vertrauensverhältnis entwickeln kann. Es wird oft unterschätzt, wie wichtig eine von Vertrauen geprägte Beziehung zwischen Arzt und Patient für den Therapieverlauf ist» (S. 181);

«Jogi Löw hörte sich meine heftige Kritik an, ohne mit der Wimper zu zucken, und sagte dann einen einzigen Satz: »Ich vertraue dem Doc zu 100 Prozent» (S. 155).

Врач может сыграть очень важную роль в жизни пациента, близких ему людей. В спорте мы отчетливо видим эту роль на примере лечения известных спортсменов: если помочь не удалось или врач был некомпетентен – спортивная карьера загублена, и наоборот, если врачу удалось вернуть своего подопечного в спорт – его воспринимают как некоего супергероя, настоящего чудотворца:

«Der Doc ist längst ein zweiter Vater für mich geworden.Der Doc hat eine extrem wichtige Rolle in meiner Karriere und meinem Leben gespielt, und dafür schulde ich ihm großen Dank. Er ist wirklich der Glücksfall meines Sportlerlebens» (S. 241);

«Nach seinen Behandlungen bin ich schmerzfrei. Das macht ihn eben zu einem Zauberer» (S. 125).

Настоящего врача, как и, например, художника, отличает наличие собственного индивидуального стиля. Личные методы, стратегия и тактика лечения, наработанные в ходе собственной профессиональной деятельности, а не только «книжные» образцы – показатели того, что человек правильно выбрал свое призвание. В следующих примерах обозначена еще одна ключевая проекция: спортивный врач – своего рода творец, его творчество сравнимо с миром искусства:

«Mit meinen eigenen Therapiemethoden habe ich erreicht, dass Fußballspieler aus ganz Europa und Spitzensportler aus der gesamten Welt zu mir kommen, eben weil die Diagnostik bei mir wohl gründlicher und präziser ist, die Heilung oft schneller vorangeht als anderswo und die verwendeten Medikamente nebenwirkungsfrei sind» (S. 122–123);

«Seine Untersuchungen und Behandlungsmethoden waren völlig neu, und er baute die medizinische und physiologische Abteilung komplett un. Man merkt, dass er ein besonderer Arzt ist, wenn er einen zum ersten Mal anfasst. Er fühlt und tastet» (S. 124);

«Ich denke, dass Müll bis heute einzigartig ist mit seiner Art der Diagnostik und Behandlung» (S. 175).

Мастерство спортивного врача, его талант ассоциируют с музыкой и архитектурой:

«Sein Vorgehen hat eine fast künstlerische Komponente« Ich hatte bisher nie darüber nachgedacht, ob Medizin etwas mit Architektur zu tun haben könnte -doch als ich das erste Mal Mulls Praxis betrat, war es mir sofort klar» (S. 270);

«Dieses Spüren, diese Intuition, genau an den Ort zu gehen, wo es wehtut, das tun in gewisser Weise auch wir in der Architektur. Wir müssen dort ansetzen, wo die Stadt empfindlich ist…» (S. 270);

«…aber Mull und seine Therapie lassen sich vergleichen mit einem Backgammonspiel» (S. 275).

Врача также характеризует стремление постоянно развиваться, совершенствовать свои знания, систематизировать свой опыт для коллег, студентов, ординаторов:

«Unsere Erkenntnisse über die verschiedenen muskulären Verletzungen, deren Diagnostik und Therapie habe ich bei zahlreichen Kongressen im In- und Ausland vorgetragen» (S. 184–185).

Спортивному врачу важно быть уверенным в своих знаниях, уметь противостоять общественному натиску, различным «модным», но при этом бессмысленным тенденциям и методам в лечении пациентов:

«Das lag daran, dass ich eine vollkommen andere Vorstellung davon hatte, wie die Spieler behandelt werden müssen. Kompromisse wollte ich nicht eingehen» (S. 47).

Спортивный врач – хороший собеседник, обладающий способностью ясно и точно излагать свои мысли. И это довольно важно, поскольку тренер не является специалистом в области медицины, у него совершенно другая задача – определять тактику игры, он должен быть четко информирован о состоянии здоровья игроков, об их повреждениях, сроках терапии и пр. Это имеет немаловажное значение для формирования стратегии матча, хода тренировок и т.п.:

«Dem Trainer hatte ich empfohlen, ihn spielen zu lassen, obwohl Lorenz Horr aufgrund seiner Schmerzen nicht spielen wollte und eigentlich nicht konnte» (S. 35–36);

«Ottmar Hitzfeld wollte über die Verletzungen der Spieler immer genau informiert sein, und er akzeptierte meine Entscheidungen widerspruchslos – ich konnte mich sehr gut mit ihm austauschen» (S. 83).

Спортивный врач работает в команде, которая включает целый ряд специалистов: физиотерапевты, массажисты, реабилитологи, хирурги. Конечно, для успешного исхода лечения важна совместная слаженная работа. Спортивный врач является руководителем этой команды, именно он определяет стратегию и тактику лечения, выбирает способы и методы терапии, решающее слово всегда за ним:

«Das wird immer im Team besprochen. Und dann hoffen wir alle gemeinsam, dass wir beim bevorstehenden Spiel oder Turnier von schweren Verletzungen verschont bleiben – also möglichst wenig helfen müssen» (S. 136–137).

В ходе исследования мы выявили, что в данном автобиографическом произведении содержится значительное количество метафорических образов, проецируемых на концепт «спортивный врач», например:

«Als Pastor hatte er geradezu eine Aversion gegen »die Halbgötter in Weiß» (S. 28).

Спортивный врач является наставником для спортсменов, поэтому активно реализуется проекция «Родственные отношения»:

«Er ist viel eher wie ein fürsorglicher Vater» (S. 96);

«Der Doc ist längst ein zweiter Vater für mich geworden.Er ist wirklich der Glücksfall meines Sportlerlebens» (S. 241).

Как и в любом другом деле, любовь к своему делу, уважение к коллегам и уважение коллег являются неотъемлемой частью успешного рабочего процесса. Это справедливо и для спортивного врача:

«…dass der FC Bayern München eine Herzensangelegenheit, eine zweite Familie und die wichtigste Station in meiner Karriere als Sportarzt werden» (S. 46);

«…hospitierte ich bei Richard Steadman, dem Chef arzt der Chirurgie und -wie ich bald erkannte – einem Meister seines Fachs. Ich war nach dem ersten Tag so begeistert, dass ich noch mehrere Tage blieb und mir weitere Operationen anschaute» (S. 52).

В ходе исследования было установлено, что автор активно прибегает к использованию фразеологизмов, что придало более яркую эмоциональную оценку событиям, представленным в книге, например: машина – человек («Die Verantwortung wird an die Maschine delegiert, und der Arzt wäscht seine Hände in Unschuld» (S. 62)), врач – пациент («Ich schickte Thiago zu einem sehr erfahrenen Kniespezialisten, der auch nur mit dem Kopf schüttelte» (S. 117)), врач – коллектив («Franz Beckenbauer war zufrieden, ich war es auch, und die Früchte unserer Arbeit sollten wir am 8. Juli 1990 in Rom ernten» (S. 132)), спорт – любовь («Seit meiner Jugend in der ich jeden Tag trainierte und ein großer Leichtathlet werden wollte, schlägt ein Sportlerherz in meiner Brust» (S. 254)).

Итак, лингвоконцептуальный анализ концепта «спортивный врач» показывает, что он довольно многообразен, включает в себя много аспектов. Его языковая экспликация показывает, что концепт «спортивный врач» может иметь много семантических ролей, актуализироваться в нейтральной или образной формах.

Языковая репрезентация также показывает, что акцент делается на специфике профессии спортивного врача. Специалист, работающий в области спортивной медицины, отличается от других врачей, например, тем, что всецело принадлежит команде, он обеспечивает медико-биологическую подготовку спортсмена на всех этапах (это рядовые тренировки, скорая помощь при травмах, реабилитационное сопровождение и др.).

Главная задача спортивного врача – сделать все, чтобы вернуть спортсмена в строй, восстановить его функционал и избежать подобных травм в дальнейшем. В отличие от коллег с более узким профилем в медицине, например, кардиологов, неврологов, педиатров, спортивный врач должен обладать огромным багажом знаний и умений, относящимся практически ко всем сферам медицины: расшифровка ЭКГ, МРТ, КТ, УЗИ, хирургия, фармакология, знание возрастных особенностей организма, экстренная помощь, психология и пр. Наш анализ подтверждает наличие в дискурсе спортивной медицины широкого пласта терминов из этих и других отраслей медицины.

Концепт «спортивный врач» может заполняться следующими лексико-семантическими группами: *организм человека* (Aorta, Knochen, Adduktorenmuskel, Wirbelsäule, Blut и пр.); *повреждения, травмы, болезни, симптомы* (Leistenbeschwerden, Muskelteilriss, Entzündungsreaktionen, Kieferprellung, Tennisellenbogen и пр.); *лекарственные препараты, вещества* (*Anästhetikum, Medikamente, Actovegin, Dopingmittel и пр.)*; *диагноз* (MRT-Diagnose, Fehldiagnose и пр.); *медицинское оборудование* (Katheter, kinetische Kette и пр.) и др.

Несомненно, автобиографический дискурс в области медицины представляется крайне интересным объектом изучения для лингвистов, особенно через призму другой культуры. Изучая данный дискурс, мы можем определить, какие трансформации происходят не только на лингвистическом уровне, но и в обществе, в мире.

Например, применительно к событиям «на злобу дня», связанным с пандемией коронавируса COVID-19, отметим, что спортивные врачи не остались в стороне от полемики. Известный немецкий спортивный врач Юрген Фогт так отозвался об ограничительных мерах, введенных в спортивной сфере: «Sportmachen ist wegen des Coronavirus nicht untersagt, man muss es nur tun. Ansonsten ist das Nichtstun reine Bequemlichkeit» [Droste, 2020].

Врач национальной сборной Германии по футболу профессор Тим Майер в одном из своих интервью высказал опасения насчет предстоящих футбольных матчей без зрителей, так называемых «игр-призраков»:

«…schließt Geisterspiele wie in Italien in der Bundesliga und im DFB-Pokal angesichts des grassierenden Coronavirus nicht aus» [Meyer, 2020].

Другой известный специалист в области спортивной медицины, профессор Кельнского спортивного университета Вильгельм Блох заметил: «Man muss schon den Sportler schützen. Gehe ich also das Risiko ein auf eine schwerwiegende Infektion mit Lungenbeteiligung und möglicherweise dem Karriereende?» [Bloch, 2020]. Это, на наш взгляд, можно считать новой интересной перспективой в исследовании концепта «спортивный врач» и дополнении его новыми смысловыми оттенками.

ЛИТЕРАТУРА

Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.

Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2020. 15 с.

Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.

Маджаева С.И. Термины в медицинском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 92–94

Bloch J. Coronavirus und der Sportmediziner warnt vor fatalen Forgeschäden bei Sportlern. URL: https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.coronavirus-und-der-sport-sportmediziner-warnt-vor-fatalen-folgeschaeden-bei-sportlern.b6548690-2494-47a2-ba15-040ed4085ddc.html (дата обращения: 20.05.2020).

Droste P. Corona-Krise im Sport: Artzt warnt vor Sportpause und stellt Möglichkeiten vor. URL: https://www.wa.de/sport/hamm/hammer-sportarzt-juergen-vogt-zeigt-moeglichkeiten-auf-waehrend-corona-krise-sport-treiben-13602749.html (дата обращения: 15.05.2020).

Meyer T. Geisterspiele im Bundesliga? URL: https://www.sport1.de/fussball/bundesliga/2020/02/coronavirus-dfb-arzt-spricht-ueber-geisterspiele-in-der-bundesliga (дата обращения: 16.05.2020).

O.A. Povedskaya
Postgraduate Student,
Smolensk State University;
Lecturer,
Department of Linguistics,
Smolensk State Medical University
Smolensk, Russia

The Concept of «Sport Doctor» in the Autobiographical Discourse

The subject of study in the article is the concept of «sports doctor» in autobiographical discourse considered on the material of the book «Seeing with Your Hands – My Life and my Medicine» (in original: «Mein Leben und mein

Medizin. Mit den Händen sehen») written by German sports Doctor Hans-Wilhelm Müller-Wolfarth. The purpose of the study is to analyze this concept in the linguistic and cultural aspect.

The findings make up a number of functionally significant features of the «sports doctor» concept. This concept has the following features: 1) it is kaleidoscopic, it includes such aspects as «responsibility», «selflessness», «dedication», etc.; 2) it integrates a wide range of medical terms; 3) it is filled with various lexical and semantic groups, for example, «Organism», «Trauma», «Medicines». The research carried out in this article presents the results that can be used in research and teaching activities related to training at a medical university. This article deals with a discursive and conceptual analysis and a contextological method, a method of classification and description.

Key words: *discourse; concept; sports medicine; sports doctor; autobiographical discourse.*

REFERENCES

Barsukova M.I. Medical discourse: strategies and tactics of a doctor's speech behavior: abstract of thesis of cand. of philol. sciences [Meditsinsky diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk]. Saratov, 2007. 21 p. (in Russian).

Belyutin R.V. German sports discourse: the experience of pragmasemantic and linguo-cognitive research: abstract of thesis of …dr. of philol. sciences [Belyutin R.V. Nemetsky sportivny diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniya: avtoref. Dis. … dok. Fil. Nauk]. Smolensk, 2020. 15 p. (in Russian).

Kazakova D.V. Category of the comic in medical discourse: abstract of thesis of cand. of philol. sciences [Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk]. Kemerovo, 2013. 20 p. (in Russian).

Karasik V.I. Ethnocultural types of institutional discourse [Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa]. Ethnocultural specificity of speech activity: a collection of reviews [Etnokul'turnaya spetsifika rechevoi deyatel'nosti: sb. obzorov]. Moscow, INION RAS, 2000, pp. 37–64 (in Russian).

Kubryakova Ye.S., Aleksandrova O.V. On the contours of a new paradigm of knowledge in linguistics [O konturah novoi paradigmy znaniya v lingvistike]. *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunar. konf* [The structure and semantics of the literary text: reports of the VII Intern. conf.]. Moscow, 1999, pp. 186–197 (in Russian).

Madzhayeva S.I. Terms in medical discourse [Terminy v meditsinskom diskurse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 33. pp. 92–94 (in Russian).

Bloch J. Coronavirus and the sports doctor warns of fatal research damage to athletes [Coronavirus und der Sportmediziner warnt vor fatalen Forgeschäden bei Sportlern]. *Available at*: https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.coronavirus-und-der-sport-sportmediziner-warnt-vor-fatalen-folgeschaeden-bei-sportlern.b6548690-2494-47a2-ba15-040ed4085ddc.html (accessed 20 May 2020).

Droste P. Corona crisis in sport: Doctor warns of a break in sport and presents options. [Corona-Krise im Sport: Artzt warnt vor Sportpause und stellt Möglichkeiten vor]. *Available at*: https://www.wa.de/sport/hamm/hammer-sportarzt-juergen-vogt-zeigt-moeglichkeiten-auf-waehrend-corona-krise-sport-treiben-13602749.html (accessed 15 May 2020).

Meyer T. Ghost games in the Bundesliga? [Geisterspiele im Bundesliga?]. *Available at*: https://www.sport1.de/fussball/bundesliga/2020/02/coronavirus-dfb-arzt-spricht-ueber-geisterspiele-in-der-bundesliga (accessed 16 May 2020).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

В.И. Борисов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(470:)339.14.«1918»

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-173-187

ТОВАРООБМЕН В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И УЧАСТИЕ В НЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ (январь – апрель 1918 года)

Ключевые слова: *кооперация; мануфактура; потребление; продовольственная политика; продовольственные комитеты; снабжение; твердые цены; товарообмен; хлеб; хлебная монополия; хлебозаготовки.*

Продовольственный кризис в России возник в годы Первой мировой войны. Эту проблему пытались разрешить царское правительство и Временное правительство, но безуспешно. Она, как бы по наследству, перешла к советской власти. Всем властям продовольственную проблему пришлось решать в условиях постоянных военных и революционных потрясений, так что она из социально-экономической стала политической. Голод предопределил революционные потрясения в стране. В статье освещается период с января по апрель 1918 года. В это время идет наступление австро-германской армии на Юге России. Военное, политическое и социально-экономическое положение новой власти было исключительно сложным. Советской власти пришлось поддержать хлебную монополию, введенную царским и подтвержденную Временным правительством, хотя официально новой властью она не вводилась повторно. Чтобы укрепить свои позиции, советская власть приняла ряд мер по разрешению продовольственной проблемы. Наиболее важной, даже главной задачей был товарообмен между городом и деревней. Надо было спасать городское население от голода, снабжать армию продовольствием. Следует отметить, что первоначальные мероприятия Советской власти не носили насильственного характера, в том числе в политике товарообмена. Промышленные запасы для товарообмена, оставшееся еще от царизма, в стране имелись: мануфактура, сортовое железо и др. Все это было направлено в деревню. Существует мнение, что

промышленные товары советская власть отдала крестьянству за бесценок – это действительно так. Но товарообмен позволил смягчить продовольственный кризис в городах, накормить армию, а в политическом плане – укрепить советскую власть. Для проведения товарообмена потребовалось привлечь различные органы страны, которые занимались заготовкой и распределением хлеба. В статье освещается малоисследованная в исторической литературе роль потребительской кооперации в проведении товарообмена. Конкретные примеры, факты и цифры приводятся по хлебопроизводящим губерниям Юга России.

Советской власти нужна была заготовка хлеба в общегосударственном масштабе, основанная не только на революционных, но и на рыночных принципах и способная полностью обеспечить страну продовольствием, особенно в экстремальных военных условиях. Главным таким принципом в то время могла быть только хлебная монополия. Она создавала реальные предпосылки для решения продовольственной проблемы. Это была революционная, демократическая мера в тех условиях. В январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов в «Основном законе о социализации земли» указал, что торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией [ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 716, *91–92*].

Введение хлебной монополии было не новым мероприятием в продовольственной политике. Впервые ее ввели во времена Великой французской революции якобинцы. Требование твердых цен «максимума» было всеобщим у плебейских масс. Жирондисты, как сторонники торгово-промышленной буржуазии и крупных земельных собственников, отвергли максимум, видя в нем покушение на право собственности и свободу торговли.

Принятие якобинцами декрета о введении твердых цен на зерно, а следом и всеобщего максимума на предметы первой необходимости, вызвало острую социально-классовую борьбу. Республика жестко карала всех, кто нарушал закон о максимуме. В ответ Францию потрясли новые крестьянские восстания в Вандее и Бретани. Это было прямое следствие проводимой якобинцами политики хлебной монополии. Крестьянские выступления подорвали якобинскую диктатуру, которую ликвидировал термидорианский переворот французской буржуазии. Сразу же была восстановлена свобода торговли, обрекшая беднейшие слои населения на голод. Максимум и твердые цены были государственным вмешательством французской мелкой буржуазии в сферу распределения. Не затронув производства, они не могли ослабить экономической мощи буржуазии.

В.И. Ленин, внимательно изучавший опыт французской революции, понимал, что для установления диктатуры пролетариата необходимо сломить мощь буржуазии и помещичества России. Поэтому хлебная монополия должна была служить политическим интересам, использоваться для уничто-

жения эксплуататорских классов. Отсюда вытекала необходимость совмещения рыночных мероприятий, связанных с хлебной монополией, с насильственными военными мерами. Но на первом этапе советская власть еще не применяла широко карательные меры к держателям хлеба, пытаясь получить его мирными путями, в частности развитием товарообмена между городами и деревней.

Хлебная монополия советской власти предусматривала проведение тех же мероприятий, которые продекларировали царское и Временное правительства. Все основные положения хлебной монополии, как говорилось выше, предполагали принудительные меры. Это принуждение, пронизывающее всю продовольственную политику, при советской власти было облечено в специфическую идеологическую форму. Несколько позже, с мая 1918 года, борьбе за хлеб советская власть придала своеобразное истолкование – как одной из форм классовой борьбы.

Хлебная монополия советской власти также принципиально отличалась от продовольственной монополии предыдущих властей. Она распространялась на всех богатых и принуждала каждого к труду: «Кто не работает, тот не ест». Огромное значение хлебная монополия имела для Юга России – крупнейшего хлебопроизводящего района страны. Созданное после революции советское правительство Украины полностью поддержало монополию на хлеб и распространило ее на другие продукты питания [Декреты Советской власти, 1957, *409*].

В числе мероприятий по извлечению хлебных излишков у крестьян особое место принадлежало товарообмену, которому придавалось большое значение с первых дней существования советской власти. Товарообмен – это обширная экономическая и политическая программа советской власти. Хлебная монополия предполагала продажу крестьянами своих товарных излишков государству по твердым ценам, а государство, в свою очередь, обязывалось продавать селу необходимые промышленные товары по твердым ценам. Продукция крупной и средней промышленности была собственностью государства, а продукция сельского хозяйства – собственностью миллионов мелких производителей и капиталистических элементов в деревне. Таким образом, между промышленностью и мелкотоварными крестьянскими хозяйствами устанавливались тесные экономические связи, в основе которых лежал товарообмен. Эта политика давала возможность поднять и укрепить мелкотоварные хозяйства, снабдить их орудиями труда, машинами и необходимыми предметами промышленного производства. В обмен деревня давала техническое сырье, хлеб и продовольствие городам. В товарообмене было заинтересовано прежде всего крестьянство. Он защищал крестьянина от ограбления скупщиком-спекулянтом.

Вначале товарообмен не имел строго организованной, плановой системы, нередко носил случайный, стихийный характер. На Юге России в

крупных промышленных центрах: Донбассе, Харькове, Екатеринославе – и других городах и районах советы и предприятия обменивали производимые ими изделия на хлеб. С другой стороны, рабочие из центра привозили продукцию своего труда в обмен на хлеб, не согласовывая это с вышестоящими и местными органами власти, то есть существовал стихийный товарообмен. Так, в феврале рабочие из Иваново-Вознесенска обменяли в Херсоне мануфактуру и кожу на сумму 500 тысяч руб. [Херсонский край, 1918, 19 февраля]. Это свидетельствовало о том, что в первые месяцы советской власти товарообмен не носил централизованного характера.

Отрицательные стороны стихийного товарообмена очевидны. Быстро растрачивались небольшие товарные запасы, которые имелись на фабричных складах, нарушалось правильное снабжение, порождалось местничество. Товары попадали в руки кулаков, которые, в свою очередь, спекулировали ими среди крестьян. Все это требовало в условиях разрухи организации товарообмена в государственном масштабе.

В январе 1918 года советское правительство приняло решение о распределении мануфактуры, идущей на товарообмен, исключительно через продкомитеты. Это положило начало проведению централизованного товарообмена. Следует отметить, что полный контроль за товарообменом не мог быть установлен ввиду сложности политического и военного положения, но многое было сделано. Организация товарообмена на первом этапе советской власти была краеугольным камнем продовольственной политики большевиков. На ее основе строились практические мероприятия по борьбе с голодом, охватывающие политическую, экономическую и социальную области.

Необходимость организации товарообмена поставила перед правительством новые задачи, которые в конечном счете заставляли в более быстром темпе решать задачи, поставленные в ходе борьбы с голодом. В советской прессе печатались материалы, разъяснявшие необходимость товарообмена, а также указания СНК по данному вопросу [Донецкий пролетарий, 1918, 23 января; Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918, 19 февраля; Наш голос, 1918, 15 февраля].

В результате советы на местах быстрее провели учет промышленной продукции. В организации товарообмена были задействованы все демократические органы – от местных до высших, которые имели отношение к продовольственному делу. Товарообмен удовлетворял все слои трудящихся, прежде всего крестьян, так как до революции в некоторых случаях хлеб у них изымался силой, а сейчас мог быть куплен. В Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) в январе – марте 1918 года поступило большое количество телеграмм из различных районов Юга с просьбой немедленной отправки им мануфактуры на товарообмен.

Вопросами товарообмена непосредственно занимались партийные комитеты, как, например, в Таврии, где этому мероприятию придавалась политическая окраска [ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 711, *13*; Госархив Крымской республики, ф. р.-1900, оп. 1, д. 6, *29*]. Большую помощь в организации товарообмена оказали представители СНК и Наркомпрода. 18 января Г.К. Орджоникидзе сообщал В.А. Антонову-Овсеенко, что проведена большая работа по организации товарообмена в деревнях Екатеринославской губернии: «Завтра всю имеющуюся мануфактуру двинем в деревню» [РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 6, д. 14, *12*].

По распоряжению Наркомпрода наибольшее количество мануфактуры направлялось в хлебопроизводящие губернии – Таврическую и Екатеринославскую, меньше – в Полтавскую и Херсонскую. Из Москвы сообщали в Симферополь, что им «мануфактура и деньги высылаются беспрерывно». Только в январе 1918 года Наркомпрод послал в адрес Таврического губпродкома мануфактуру на сумму 117 006 руб. [РГАЭ, ф. 1943, оп. 4, д. 278, *122*; Госархив Крымской республики, ф. р.-1900, оп. 1, д. 3, *15*].

В марте в Екатеринослав было направлено 15 вагонов мануфактуры внецентрализованной разверстки из Иваново-Кинешмы в обмен на хлеб [Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918, 19 февраля]. До 15 марта в порядке товарообмена только из Москвы было послано мануфактуры в Екатеринославскую губернию 20 вагонов, в Симферополь – 38, Мелитопольский уезд – 39, Херсон – 19, Полтаву – 27, Харьков – 3 вагона [Добротвор, 1933, *48*].

Следует отметить, что Юг России не был главным объектом централизованного снабжения мануфактурой в обмен на хлеб. В России еще оставались не занятые белогвардейцами и интервентами обширные хлебопроизводящие районы Кубани, Северного Кавказа, Урала, Сибири, куда тоже направлялась мануфактура. В целом по стране Наркомпрод вывез в хлебные губернии 600 вагонов промышленных товаров. Сколько было отправлено на юг, подсчитать сложно. Но если 60% всех товаров шло на Урал и в Сибирь, 30% – на Кубань и в другие районы, то можно предположить, что на юг было доставлено 10% мануфактуры, направленной на товарообмен, из центра. В целом по стране за неполных два месяца (март – апрель1918 года) в результате товарообмена удалось получить 400 вагонов хлеба вместо предполагающихся 120 млн пуд. Результаты оказались незначительными [Давыдов, 1971, *69*].

В условиях нехватки мануфактуры, поступающей из центра России, советам Юга России пришлось провести огромную работу по изысканию местных ресурсов, необходимых для товарообмена. Много в этом плане было сделано в Донбассе, Харькове, Екатеринославе. Так, в Харькове постоянно увеличивалось количество товаров, направленных на товарообмен

в деревню. В декабре 1917 года было изыскано для товарообмена 13 вагонов, а в январе 1918 года – 26, в феврале – 96 вагонов мануфактуры [Госархив Харьковской области, ф. П10, оп. 1, д. 240(б), *145*].

Большую работу по организации товарообмена провел Южный областной совет народного хозяйства не только в Донецко-Криворожском бассейне, но и в других районах Юга России. Часть продукции, производимой в Донбассе, ЮОСНХ направлял в распоряжение Наркомпрода, другую использовал для самостоятельного товарообмена в Донбассе и в других губерниях с целью снабжения продовольствием местного населения. С одной стороны, товарообмен осуществлялся централизованно, с другой – предприятиям предоставлялись права самостоятельного товарообмена, что способствовало его углублению и расширению. В марте 1918 года Орлово-Еленовская копь получила разрешение и заключила договор об обмене кокса и угля на хлеб с губпродкомом Таврии. С помощью ЮОСНХ были организованы обмен и продажа продукции ртутного завода «Ауэрбах и К°», Южно-Русской каменноугольной промышленности в количестве, необходимом для уплаты жалования и получения продовольствия для рабочих. При реализации продукции централизованно ЮОСНХ передавал часть денег и хлеб в те районы, где наблюдался голод [ЦГАВОВУ, ф. 4559, оп. 1, д. 1, *29, 34–35*; д. 2, *2*; д. 10, *4*].

При советах создавались комиссии по товарообмену. На основании постановлений советского правительства составлялись инструкции по проведению товарообмена для местных продорганов. 4 марта 1918 года в Херсоне работала комиссия по организации товарообмена. В частности, распределялось 26 вагонов мануфактуры. Эта комиссия выработала документы по организации товарообмена. Присутствовали на заседании представители Центрального исполнительного комитета солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (Румчерода), комиссар по продовольствию из Харькова, представитель Московского областного продовольственного комитета, Одесского областного продкома, представители Херсона и Николаева. В протоколе заседания указывалось, что для товарообмена и заготовки хлеба в Херсоне при губернском продкомитете учреждается губернская товарообменная и закупочно-распределительная комиссия, в которую входят представители от губернского Совета крестьянских депутатов, губернского земельного комитета, совета рабочих и солдатских депутатов Херсона, бюро делегатов голодающих губерний, губернской продовольственной управы, кооперативов, губернского земства. Как видно, представительство было довольно широким, комиссия являлась посреднической организацией между производителями хлеба и потребляющими губерниями севера. По образцу губернской создавались местные комиссии в уездах, волостях и се-

лах. В задачи губернской комиссии входили детальная разработка организации местных комиссий, объединение и направление их деятельности, улучшение работы закупочных аппаратов там, где они работают плохо, и увеличение их количества там, где в этом чувствуется необходимость; решение вопросов установления равноценности различных продуктов первой необходимости при обмене их на хлеб (эквивалентность обмена); создание агитационных кадров в центре и на местах; также общие задачи – приобретение предметов первой необходимости, правильное их распределение, закупка продовольствия. В целях объединения товарообмена в губерниях не допускались отдельные соглашения уездов с потребителями без санкции губернской комиссии. Предусматривалось в необходимых случаях применение реквизиций [РГАЭ, ф. 2046, оп. 1, д. 306, *26, 33*]. Аналогичные комиссии по товарообмену создавались и в других губерниях и городах. Складывалась достаточно стройная централизованная система товарообмена.

Следовало заинтересовать крестьянство для успешного проведения данного мероприятия. Деньги не пользовались у населения доверием, и поэтому для расчетов с крестьянами, стимулирования заготовок хлеба применялась система поощрительных надбавок промышленными товарами на основании телеграммы, распространенной в январе 1918 года, за подписью заместителя наркома Наркомпрода Д.Э. Мануильского, где говорилось, что «всякий крестьянин, доставивший на ссыпной пункт хлеб по твердой цене, кроме платы получит за него по одному аршину текстиля по таксированной цене за каждые 5 пудов доставленного хлеба» [Госархив Крымской республики, ф. р-1900, оп. 1, д. 3, *8*]. Товарообмен происходил на сдаточных или ссыпных пунктах, которые организовывались во всех губерниях. В районах Донецко-Криворожского бассейна существовала практика обмена промышленной продукции местных предприятий (уголь, железо и т.д.) на хлеб на основе двухсторонних договоров – предприятия и села – с санкции местных советов. Широко был распространен коммунальный товарообмен. Промышленные товары, поступившие в обмен на хлеб, отпускались не отдельным сдатчикам, а целому селу.

В исторической литературе существует точка зрения, что весенний товарообмен потерпел неудачу. С этим можно согласиться, рассматривая исход товарообмена в рамках страны. Отдельные регионы в исследованиях обычно не рассматривались, учитывались только товары, направленные Наркомпродом на обмен. Дополнительно только на юге для товарообмена было изыскано мануфактуры на 12,7 млн руб., не считая железа, угля и другой продукции Донбасса, которая шла не централизованно, а от отдельных предприятий. Взамен за четыре месяца советской власти на Юге России (январь – апрель 1918 года) в результате товарообмена было получено 9 млн 260 тысяч пуд. хлеба [ЦГАВОВУ, ф. 340, оп. 1, д. 45, *62*].

Лучшие результаты товарообмена по стране были именно здесь. Это объясняется двумя причинами: хорошей организацией товарообменных операций и острым военным положением в результате наступления австро-немецких войск, когда крестьянство, боясь нашествия, охотно обменивало хлеб на промышленные товары, сознавая, что излишки хлеба у них будут реквизированы оккупантами и вернувшимися помещиками. Несомненно, удачные результаты товарообмена – показатель авторитета молодой советской власти, которая дала крестьянам землю и в то время не применяла репрессий против них. Поэтому товарообмен получил их поддержку. Исключительно велико экономическое и политическое значение товарообмена. Он усилил экономическую помощь бедноте деревни, основывался на экономических взаимовыгодных сделках государства и крестьянства и способствовал усилению экономических связей между городом и деревней. В первые месяцы советской власти удалось мобилизовать весь оставшийся от военных времен сельскохозяйственный инвентарь, промышленную продукцию, бросить в деревню на обмен и получить хлеб. Но продукция была продана крестьянству за бесценок, о чем свидетельствовало количество заготовленного в результате товарообмена хлеба. На это впоследствии указал С.Н. Прокопович, бывший министр продовольствия Временного правительства: «Мы решительно отрицаем возможность наименования такой операции обменом» [Прокопович, 1928, 1, *149–150*].

В результате весеннего товарообмена Россия осталась без товаров, которые могли бы пригодиться в дальнейшем. Но товарообмен зимой – весной 1918 года спас крестьянство от широкого применения репрессивных мер при заготовках хлеба, а это способствовало тому, что советская власть, не встречая пока сопротивления деревни, смогла укрепиться и в дальнейшем перейти к хлебной диктатуре с применением насилия. Однако в результате индивидуального товарообмена обогащалось кулачество, которое спекулировало полученными товарами среди крестьян. Складывалась парадоксальная ситуация: Советское государство давало богатым крестьянам возможность еще больше богатеть, то есть формировало своих потенциальных и идейных врагов, которых вскоре будет лишать этого богатства при реквизициях и конфискациях.

Для увеличения объема хлебозаготовок и роста интенсивности товарообмена между городом и деревней на базе хлебной монополии необходимо было вовлечь в систему советских продовольственных органов потребительскую кооперацию. Кооперация (потребительская, сельскохозяйственная, кредитная) являлась массовой организацией. Накануне революции она объединяла 13 млн человек (членов кооперации), а вместе с семьями – около одной трети населения России. Она представляла собой мощный аппарат с собственными капиталами, предприятиями пищевой промышленности и пр.

На юге были крупные кооперативные организации, в частности, Потребительское общество Юга России (ПОЮР), которое имело солидный капитал. Были и другие акционерные и кредитные общества. С первых дней своего существования советская власть стала сотрудничать с кооперацией с целью смягчения продовольственного кризиса. Сотрудничество с ПОЮР началось сразу же после установления советской власти. Все торгово-денежные операции ПОЮР были поставлены под контроль. Сотрудничество носило взаимный характер. Наркомпрод, центральная реквизиционная комиссия Харьковского совета постоянно приглашали специалистов ПОЮР для консультаций по оценке мануфактуры и других товаров. В свою очередь, Наркомпрод предоставлял им возможность беспрепятственной закупки продовольствия и мануфактуры, первоочередного перевоза товаров на железнодорожном транспорте и т.д. ПОЮР давалось право самостоятельной закупки товаров по всей стране. Распределение же производилось только с разрешения Харьковского губернского продовольственного комитета. Также ПОЮР доставляло товары потребителям (но распределение производилось местными продкомитетами), осуществляло связь с другими кооперативными обществами страны, координируя тем самым деятельность Народного секретариата продовольствия. О своей деятельности ПОЮР отчитывалось перед Наркомпродом [ЦГИАУ, ф. 1111, оп. 1, д. 128, *1, 5, 11, 16*; д. 130, *22, 42*]. Таким образом, в первые месяцы своего существования советская власть нашла приемлемые пути сотрудничества с ПОЮР – крупнейшей кооперативной организацией страны. На местах советы брали под контроль деятельность кооперативных организаций, использовали их в качестве контрагентов при организации сношений с другими обществами и предприятиями страны.

В конце февраля 1918 года в Херсоне состоялся съезд Советов крестьянских депутатов и земельных комитетов. Заслушав заявление представителей уездов о том, что к кредитным товариществам в некоторых местах имеется недоверие местного населения, которое не знает, куда отправляется закупаемый ими хлеб, съезд постановил: «…оставить кредитное товарищество как технический аппарат по сбору хлеба, признать необходимым, чтобы товарищества закупали хлеб от населения только для продовольственных органов Советской власти, причем о даваемых на этот хлеб нарядах населения должно широко оповещаться советскими продовольственными органами». Согласно этому постановлению союз кредитных и ссудосберегательных товариществ Херсонского уезда сдал 100 тыс. пуд. хлеба в продкомитет по твердым ценам, представители кооперативов были введены в состав комиссии по товарообмену [РГАЭ, ф. 2046, оп. 1, д. 306, *12–13*; Протокол Херсонского губернского съезда Советов крестьянских депутатов и земельных комитетов, 1918, *84*].

Не имея общих инструкций о взаимоотношениях с кооперативными обществами, продотделы советов разрабатывали собственные инструкции о сотрудничестве с ними. В феврале 1918 года Совет рабочих и солдатских депутатов Таврической губернии разработал проект «Торговля и кооперативы». Советы должны были установить необходимое для работы количество кооперативов, а остальные ликвидировать. Ликвидации не подлежали рабочие кооперативы [Госархив Крымской республики, ф. П150, оп. 1, д. 47, *91–92*]. Это был перегиб в коммунистическом духе, в то время не доведенный до конца.

В марте 1918 года съезд горнозаводских продовольственных комитетов Юга России принял постановление «О кооперативах и закупках», где отмечалась важность сохранения кооперативов как технического аппарата снабжения. Большая роль отводилась рабочим кооперативам [Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Екатеринослава и Екатеринославской губернии, 1918, 6 марта]. Решение о распределении мануфактуры через кредитные общества принял Бердянский совет рабочих и крестьянских депутатов [ЦГИАУ, ф. 1111, оп. 1, д. 153, *1–2*]. Из приведенных примеров видно, что кооперативы на этом этапе органически вошли в систему советских продовольственных органов.

Новая власть достаточно часто использовала денежные средства кооперативов для организации своего продовольственного аппарата и борьбы с голодом. Так, в Змиевском уезде Харьковской губернии кооперативные общества были обложены единовременным налогом от 240 до 600 руб. для разрешения продовольственного кризиса. Рядовые члены кооперативов поддержали это мероприятие, и деньги были выделены [ЦГИАУ, ф. 1111, оп. 1, д. 153, *1–2*].

На Юге России заготовкой продовольствия занимались кооперативные организации из других районов страны. Их деятельность не всегда соответствовала продовольственной политике советской власти и даже противоречила ей. Особо следует отметить работу Московского областного продовольственного комитета (Обернпродкома), которому Наркомпрод РСФСР разрешил заготовку продовольствия по всей стране, выделив значительные денежные и товарные средства. Не стоит, как это делалось в некоторых исследованиях, преувеличивать его роль в заготовке хлеба. Московский областной продовольственный комитет в декабре 1917 года заключил соглашение с Наркомпродом о поставках мануфактуры и других товаров за хлеб, отправленный с юга в голодающие северные губернии. Но вскоре его деятельность вызвала протест со стороны советского правительства Украины. 22 февраля оно направило телеграмму в СНК, где говорилось: «Нами получены телеграммы, что Народный Комиссариат продовольствия предоставил Московскому областному продкому самостоятельную заготовку хлеба, фуража в общем государственном масштабе и оказание им полного

содействия… Настоящее распоряжение по нашему твердому убеждению, есть фактическое аннулирование хлебной монополии и открытие пути для свободной конкуренции в области заготовки хлеба общественными организациями» [ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 716, *90–92*]. Опасения вскоре подтвердились. Обернпродком был практически единственной организацией, которая постоянно нарушала хлебную монополию. Об этом свидетельствовали телеграммы в адрес Наркомпрода из Полтавской, Екатеринославской, Таврической и других губерний [РГАЭ, ф. 1943, оп. 2, д. 2855, *3–6*; ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 705, *49–51*]. Более того, в Мелитопольском уезде представители Обернпродкома заявили на сходах крестьян, что берут хлебное дело в свои руки, заменяя Наркомпрод, хлебную монополию они объявили недействительной; угрожали применением вооруженной силы к крестьянам, которые не будут сдавать хлеб [Госархив Крымской республики, ф. р.-1900, оп. 1, д. 6, *27*]. Этими действиями Обернпродком подрывал основы продовольственной политики советской власти. Поэтому военно-революционные комитеты, Советы брали под контроль деятельность Обернпродкома. В частности, так поступили в Таврии, приняв постановление, согласно которому Обернпродком все свои действия обязан был согласовывать с Советами [Госархив Крымской республики, ф. р.-1900, оп. 1, д. 3, *27*].

В мае 1918 года было отмечено, что все дело распределения, особенно в деревнях, ведется исключительно кооперацией: «Во многих уездах, даже в целых районах, частная торговля совсем исчезла и торговля идет исключительно через торговые потребительские лавки, через которые и ведется распределение продуктов. Точно также через потребительские союзы и общества идет распределение мануфактуры, вымениваемой на хлеб, уголь и прочее. Так, почти всю мануфактуру по 8 южным губерниям, включая Донецкий бассейн на сумму около 20 млн руб. (свыше 8 млн аршин) распределили через товарищество Потребительских обществ Юга России» [Кабанов, 1973, *131*].

Таким образом, советская власть в первоначальный период своей деятельности нашла приемлемые формы сотрудничества с кооперативными организациями: представительство в государственных экономических органах, работа в качестве контрагентов, технического аппарата, снабжение и распределение и т.д. В эти месяцы даже увеличился торговый оборот и паевой капитал кооперации в связи с тем, что произошла национализация частных предприятий и компаний.

Этот вакуум заполнила кооперация. Несмотря на некоторые ограничения в ее деятельности, связанные с централизацией продовольственного аппарата, отношение к ней власти в целом было доброжелательное, и примеры совместных действий это подтверждают.

Если товарообмен с экономической точки зрения оказался неудачным, то с политической точки зрения он позволил укрепиться советской

власти, временно снять голодное напряжение в городах, дал продовольствие Красной армии.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Крымской республики (ГАКР). Ф. р.-1900. Оп. 1. Д. 3.

ГАКР. Ф. р.-1900. Оп. 1. Д. 6.

ГАКР. Ф. П150. Оп. 1. Д. 47.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 705.

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 711.

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 716.

Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. П10. Оп. 1. Д. 240(б).

Давыдов М.И. Борьба за хлеб: Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917–1920). М.: Мысль, 1971. 221 с.

Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 625 с.

Добротвор Н.М. Борьба за хлеб на первом этапе диктатуры пролетариата // Борьба классов. 1933. № 1. С. 48.

Донецкий пролетарий. Орган областного комитета Донецкого и Криворожского бассейнов и Харьковского Комитета РКП(б). 1918. 23 января.

Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 февраля.

Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Екатеринослава и Екатеринославской губернии. 1918. 6 марта.

Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация (1917 – март 1918 гг.). М.: Наука, 1973. 296 с.

Наш голос. Орган Сумского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 15 февраля.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. Т. 1. 398 с.

Протокол Херсонского губернского съезда Советов крестьянских депутатов и земельных комитетов. 11(24) февраля 1918. Херсон, 1918. С. 84.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 6. Д. 14.

Российский государственный архив экономик (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 4. Д. 278.

РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 285.

РГАЭ. Ф. 2046. Оп. 1. Д. 306.

Херсонский край. Газета еврейского паевого общества. 1918. 19 февраля.

Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 340. Оп. 1. Д. 45.

ЦГАВОВУ. Ф. 4559. Оп. 1. Д. 1.

ЦГАВОВУ. Ф. 4559. Оп. 1. Д. 2.

ЦГАВОВУ. Ф. 4559. Оп. 1. Д. 10.

Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 128.

ЦГИАУ. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 130.

ЦГИАУ. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 153.

V.I. Borisov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Department of History of Russia,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Commodity Exchange in the First Months of Soviet Power with Participation of Consumer Cooperation (January – April, 1918)

The food crisis in Russia arose during the years of the First World War. The tsarist government and the Provisional Government tried to solve this problem, but to no avail. The food crisis, as it was by inheritance, passed to the Soviet regime. All authorities had to solve the food problem in the conditions of constant military and revolutionary upheavals, and this problem, from the socio-economic, passed into the political sphere. Famine predetermined revolutionary upheaval in the country.

The article covers the period from January to April, 1918. At this time the Austro-German army advances in southern Russia. The military, political, and socio-economic situation of the new government was extremely difficult. The Soviet government had to support the grain monopoly introduced by the tsarist and confirmed by the Provisional Governments, although it was not officially confirmed and even introduced by the new government. To strengthen its position, the Soviet government took a number of measures to resolve the food problem. The most important, even the main one was the exchange of goods between the city and the village. It was necessary to save the urban population from hunger, to supply the army with food. It should be noted that the initial measures including in the exchange policy of the Soviet government were not of a violent nature. The country had industrial reserves for commodity exchange in the country: manufactory, high-grade iron, etc. remaining from tsarism. Everything was sent to the village. There is an opinion that the Soviet government gave industrial products to the peasantry for nothing and that was true. But commodity exchange made it possible to alleviate the food crisis in the cities, feed the army, and politically strengthen the Soviet power.

For the exchange of goods, it was necessary to attract various regulatory bodies of the country that were engaged in the procurement and distribution of bread. This article highlights the role of consumer cooperation, which was underexplored in the historical literature, in the commodity exchange. Specific examples, facts and figures are given for the bread producing provinces in southern Russia.

Key words: *cooperation; manufactory; consumption; food policy; food committees; supply; fixed prices; exchange of goods; bread; bread monopoly; grain procurement.*

REFERENCES

Central State Archives of the Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny arkhiv vysshikh organov vlasti Ukrainy (TSGAVOVU)]. Fund 340. List 1. Record 45 (in Russian).

Central State Archives of the Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny arkhiv vysshikh organov vlasti Ukrainy (TSGAVOVU)]. Fund 4559. List 1. Record 1 (in Russian).

Central State Archives of the Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny arkhiv vysshikh organov vlasti Ukrainy (TSGAVOVU)]. Fund 4559. List 1. Record 2 (in Russian).

Central State Archives of the Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny arkhiv vysshikh organov vlasti Ukrainy (TSGAVOVU)]. Fund 4559. List 1. Record 10 (in Russian).

Central State Historical Archives of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny istorichesky arkhiv Ukrainy (TSGIAU)]. Fund 1111. List 1. Record 128 (in Russian).

Central State Historical Archives of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny istorichesky arkhiv Ukrainy (TSGIAU)]. Fund 1111. List 1. Record 130 (in Russian).

Central State Historical Archives of Ukraine [Tsentral'ny gosudarstvenny istorichesky arkhiv Ukrainy (TSGIAU)]. Fund 1111. List 1. Record 153 (in Russian).

Davydov M.I. The Struggle for Bread: Food Policy of the Communist Party and the Soviet State during the Civil War (1917–1920) [Bor'ba za khleb: Prodovol'stvennaya politika Kommunisticheskoi partii i Sovetskogo gosudarstva v gody grazhdanskoi voiny (1917–1920)]. Moscow, Mysl', 1971. 221 p. (in Russian).

Decrees of the Soviet government [Dekrety Sovetskoy vlasti]. Vol.1. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1957. 625 p. (in Russian).

Dobrotvor N.M. Struggle for bread at the first stage of the dictatorship of the proletariat [Bor'ba za khleb na pervom etape diktatury proletariat]. *Bor'ba klassov*, 1933, no. 1, p. 48 (in Russian).

Donetsk proletarian. Government authority of the regional committee of the Donetsk and Krivoy Rog basins and the Kharkov Committee of the RCP(b) [Donetsky proletary. Organ oblastnogo komiteta Donetskogo i Krivorozhskogo basseinov i Khar'kovskogo Komiteta RKP(b)]. January 23,1918 (in Russian).

Izvestiya Sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov g. Yekaterinoslava i Yekaterinoslavskoi gubernii. March 6, (in Russian).

Izvestiya Yekaterinoslavskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov. February 19, 1918 (in Russian).

Kabanov V.V. October Revolution and Cooperation (1917 – March 1918) [Oktyabr'skaya revolyutsiya i kooperatsiya (1917 – mart1918 gg.)]. Moscow, Nauka, 1973. 296 p. (in Russian).

Kharkiv Region State Archive [Gosudarstvenny arkhiv Khar'kovskoi oblasti (GAKHO)]. Fund P10. List 1. Record 240(b). (in Russian).

Khersonsky krai. The newspaper of the Jewish share society [Gazeta yevreyskogo payevogo obshchestva]. February 19, 1918 (in Russian).

Nash golos. Government authority of the Sumy Oblast Council of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies [Nash golos. Organ Sumskogo soveta rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov]. February 15, 1918 (in Russian).

Prokopovich S.N. National economy of the USSR [Narodnoye khozyaystvo SSSR]. In 2 volumes. Vol.1. New York: Chekhov's Publ., 1952. 398 p. (in Russian).

Report of the Kherson Provincial Congress of Soviets of Peasant Deputies and Land Committees [Protokol Khersonskogo gubernskogo s"yezda Sovetov krest'yanskikh deputatov i zemel'nykh komitetov]. Februrary 11(24), 1918. Kherson, 1918. p. 84. (in Russian).

Russian State Archive of Social and Political History [Rossiysky gosudarstvenny arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)]. Fund 85. List 4. Record 278 (in Russian).

Russian State Archive of the Economy [Rossiysky gosudarstvenny arkhiv ekonomik (RGAE)]. Fund 1943. List 4. Record 278 (in Russian).

Russian State Archive of the Economy [Rossiysky gosudarstvenny arkhiv ekonomik (RGAE)]. Fund 1943. List 2. Record 285 (in Russian).

Russian State Archive of the Economy [Rossiysky gosudarstvenny arkhiv ekonomik (RGAE)]. Fund 1943. List 1. Record 306 (in Russian).

State Archive of the Republic of Crimea [Gosudarstvenny arkhiv Krymskoi respubliki (GAKR)]. Fund r.-1900. List 1. Record 3 (in Russian).

State Archive of the Republic of Crimea [Gosudarstvenny arkhiv Krymskoi respubliki (GAKR)] Fund r.-1900. List 1. Record 6 (in Russian).

State Archive of the Republic of Crimea [Gosudarstvenny arkhiv Krymskoi respubliki (GAKR)] Fund r.-1900. List 1. Record 47 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund 130. List 2. Record. 705 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund 130. List 2. Record. 711 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund 130. List 2. Record. 716 (in Russian).

Е.В. Кодин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94 (47)

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-187-204

ШКОЛЫ СМОЛЕНЩИНЫ В ЭПОХУ НЭПА: ОТ ВЫЖИВАНИЯ К РАЗВИТИЮ

Ключевые слова: *школы; новая экономическая политика; Смоленская губерния.*

Период новой экономической политики, 1921–1928 годы, зачастую идеализируется в общественном сознании и представляется на фоне предшествовавшей политики «военного коммунизма» десятилетием изобилия и процветания, существенного прорыва в социально-экономической жизни только что вышедшей из Гражданской войны советской России. Весомыми аргументами в пользу такой оценки нэпа будут и ставшая конвертируемой новая денежная единица России – золотой червонец, и широкое развитие кооперации, и первые концессии с участием иностранного капитала. Однако была и другая сторона в этой внешне благостной картине нэповской

эпохи – государство, сосредоточившись исключительно на «вытаскивании» экономики, полностью «ушло» из социальной сферы, переложив решение социальных вопросов на местные органы власти. Это касалось в том числе, а по факту в первую очередь, и народного образования. Со второй половины 1921 года школа осталась без централизованного государственного финансирования, если не принимать в расчет совершенно ничего не решавшие дополнительные начисления к продовольственному налогу. Введение платного обучения, так называемые договорные школы, самообложение крестьян на нужды образования – это набор мер, которые были предложены центром регионам для сохранения системы народного образования. Наступил период выживания школы, особенно сельской. Постепенные изменения в лучшую сторону начнутся только в 1926–1927 годах, когда несколько окрепшее государство вновь «повернется лицом к школе», а в регионах одновременно реально заработает практика самообложения, когда на крестьянские деньги будут не только ремонтироваться имеющиеся, но и строиться новые школы, закупаться оборудование и учебники. Достойную зарплату, в сравнении с началом нэпа, станет получать и школьный учитель. Школа вступит на этап своего развития.

Практически все второе десятилетие XX столетия российской истории – это период новой экономической политики, начало которой было положено решением X съезда РКП(б) в марте 1921 года о замене продразверстки, означавшей по сути государственную монополию на хлеб, более гибким механизмом – продовольственным налогом с правом крестьян свободно обменивать излишки в рамках местного товарооборота. Вскоре последуют и другие составляющие нэпа: аренда земли и наем рабочей силы в деревне, кооперация, аренда мелких предприятий, хозрасчет и т.п., вплоть до денежной реформы и введения золотого червонца.

В общественном сознании нэп нередко олицетворяется в созданных фильмами образах гуляющих в ресторанах нэпманов, у которых «жизнь удалась». Восхищался нэпом и американский предприниматель Арманд Хаммер, приехавший помогать России в борьбе с голодом 1921 года, но так и «приросший» к ней, получив от советской власти первую иностранную концессию. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1988 году, Хаммер пишет: «Когда в конце августа (1921 года. – *Е. К.*) я вернулся в Москву (из поездки на Урал. – *Е. К.*), меня поразили произошедшие в городе разительные перемены. Теперь улицы были полны людей. Казалось, все куда-то спешили, у всех появились неотложные дела. Повсюду можно было видеть рабочих, отдиравших доски с заколоченных витрин, ремонтировавших разбитые окна и стены магазинов, разгружавших телеги с товаром. Повсюду слышались удары молотков. Удивленные не меньше меня попутчики стали наводить справки. “Нэп, нэп”, – слышали мы в ответ. Это была новая экономическая политика, только что провозглашенная Лениным, несмотря на

значительную оппозицию со стороны некоторых его соратников... Как по мановению волшебной палочки, полки магазинов теперь ломились от разнообразных товаров: всевозможных продуктов питания и деликатесов, отборных французских вин, ликеров и даже лучших гаванских сигар. Высококачественные английские ткани соседствовали с дорогими французскими духами...» [Хаммер, 1988, *46*].

Однако за внешним блеском и некоторым «изобилием для избранных» на фоне только что пережитого периода «военного коммунизма» с его мешочниками и повсеместной практикой самовыживания основной части населения имела место и другая сторона нэпа – отказ государства от многих своих социальных обязательств, и, к сожалению, в первую очередь в сфере народного образования. Школа и учитель были сняты с государственного финансирования, и вся система образования передавалась в местные бюджеты с надеждой на должное содействие ей со стороны населения.

Что из этого получилось и как менялась ситуация в системе образования на протяжении всего десятилетия, хорошо видно на примере Смоленщины. Общий вектор был таковым: от выживания к развитию.

В 1911 году в Смоленской губернии было 1394 школы с общим количеством учащихся 101 283. За первые годы советской власти ситуация значительно улучшилась: на конец 1921 года школ первой ступени (1–4 группы (классы). – *Е. К.*) стало уже 2637, учащихся – 182 209. Средних школ[1] до революции в губернии не было вообще, на год введения нэпа их «появилось» 109 с количеством учащихся 11 334 [Рабочий путь, 1923, 19 января].

Еще за месяц до начала работы X съезда РКП(б) Смоленский губернский исполнительный комитет, констатируя в целом тяжелое положение дел в народном образовании, «явившееся неизбежным следствием общей хозяйственной разрухи, отвлечения внимания и сил республики на упорную военную борьбу», и признавая «поднятие дела народного образования на должную высоту задачей первостепенной важности», демонстрировал настойчивость в решении сложного вопроса школьных помещений и требовал от всех гражданских и военных ведомств «освободить в кратчайший срок» все занятые ими здания школ и других культурно-просветительных учреждений [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 153, *253*].

Однако буквально через несколько месяцев общий настрой власти в отношении школьного дела существенно поменяется. Вначале, с отсылкой к декрету СНК РСФСР от 16 сентября 1921 года, губернский отдел народного образования открыто признает, что государственных ресурсов на поддержку народного образования недостаточно и что надо изыскивать местные средства путем самообложения населения [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158,

[1] Под средними школами на то время следует понимать школы второй ступени (5–9 классы), школы-семилетки, девятилетки и школы крестьянской молодежи.

134]. Это становилось задачей номер один. Однако опыта данной работы губерния не имела.

В первую очередь новые подходы к работе школы следовало довести до основного управленческого звена, на плечи которого теперь перекладывалась вся финансовая нагрузка в системе образования, – руководителей народным образованием на уровне уездов. С этой целью 10–14 октября 1921 года был проведен съезд заведующих уездными отделами народного образования с общим вопросом повестки дня «Народное образование в связи с новой экономической политикой». На совещании низовое управленческое звено получило большое количество разного рода инструкций и распоряжений губернского уровня. Все они вошли в напечатанный и розданный участникам «Сборник распоряжений, постановлений и инструкций по вопросу о содействии населения делу народного образования» [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158, *135*; Сборник распоряжений, 1921].

К этому времени положение в образовании уже существенно ухудшилось. Читаем в отчете губоно за вторую половину 1921 года: «Отчетный период характеризуется полным застоем снабжения ГУБОНО Наркомпросом и полным отсутствием возможностей и денежных средств в распоряжении Губотнаробраза (губернский отдел народного образования. – *Е. К.*)» [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158, *142 об.*]. Но самым «большим ударом» для губоно стало закрытие со второй половины 1921 года банковских кредитов не только на ремонтные нужды, но даже на питание детей и обеспечение их одеждой и обувью [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158, *145*].

Уездам ставилась задача: искать средства на содержание школ у населения. Предлагалась единая форма – самообложение крестьян на нужды образования. Первая попытка реализовать это была сделана уже осенью 1921 года. Вот некоторые данные практики самообложения населения на конец года по отдельным уездам губернии. Смоленский уезд. Белоручская волость. Съезд советов 13 ноября установил норму самообложения: с каждой десятины[2] земли собрать на нужды образования по 10 фунтов[3] муки и 10 фунтов картофеля. Богородицкая волость. То же, но только по 5 фунтов ржи. Микулинская волость. «Общий взгляд населения таков, что помощь народному образованию необходима. Для школ, каждой в отдельности, граждане добровольно собрали на неотложные нужды, но от самообложения в волостном масштабе отказались, указывая, что государство раньше должно было включить налог по народному образованию в продналог. Граждане берутся содержать школу каждое селение свою. Это требование частной школы администрацией отвергнуто, и вопрос о самообложении по волостной норме остался открытым» [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158, *137 об.*]. Любавичская волость. Самообложение в принципе крестьяне не отвергли,

[2] Десятина равнялась 1,09 гектара.
[3] Фунт равнялся 453 граммам.

но отказались проводить его в волостном масштабе и решили содержать школы – каждое селение свою. Мстиславский уезд. «Самообложение признано и прошло на съездах сельсоветов в 7 волостях в волостном масштабе... Принципиально население не возражает против самообложения, но склонно проводить его в помощь «своему учителю, своей школе» [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 158, *141*]. Как видим, крестьянство не отказывало школе в поддержке, но каждая деревня при этом больше склонялась к содержанию конкретно своей школы и своего учителя, а не пополнению обезличенного общего волостного фонда.

С лета 1922 года начинается процесс существенного сокращения численности школ. На 1922/23 учебный год коллегией губернского отдела народного образования были утверждены новые положения о школьной сети региона. В интервью «Рабочему пути» заместитель заведующего губоно называл такие цифры по количеству остававшихся школ на 1922/23 учебный год: школ первой ступени – 1600 в сельской местности и 91 школа в городах, школ второй ступени и семилеток – в сельской местности 68 и 31 в городах [Рабочий путь, 1922, 10 декабря]. Другими словами, по губернии закреплялась сеть школ первой ступени, «доведенная, – цитируем ответственного работника, – последними сокращениями до пределов 1914 года, то есть до количества 1931 школы и дальнейшему сокращению не подлежит» [Рабочий путь, 1922, 25 мая]. Таким образом, уточняет корреспондент «Рабочего пути», только в сельской местности губернии одномоментно произошло сокращение школ первой ступени с 2637 до 1700. В них могли обучаться только 156 358 учеников из общего числа 337 691 детей школьного возраста, то есть из каждых 100 детей 56 были «осуждены на безграмотность» [Рабочий путь, 1922, 19 января].

Опыт 1921–1922 годов показал, говорится далее в одном из губернских документов, что государство «не в состоянии давать на народное просвещение тех средств, которые отпускало в предыдущие годы... и в настоящий момент центр... держит курс максимальной разгрузки себя от расходов на нужды, имеющие чисто местное значение. Все местное хозяйство должно будет вестись местным бюджетом» [ГАСО, ф. 13, оп. 3, д. 184, *131*]. Другими словами, ответственность за школы полностью перекладывалась даже не на губернский, а непосредственно на уездные бюджеты.

Поскольку не совсем удачная попытка самообложения крестьян в конце 1921 года показала, что данный путь не гарантировал должной поддержки школ, то в поисках стабильных источников их финансирования местные власти вынужденно пошли на введение платности обучения. Это становится реальностью с 1922/23 учебного года.

Да, по нормативной базе того времени школы первой ступени должны были содержаться «за счет начислений к государственному продовольственному налогу, падающих равномерно на все население сельских

местностей губернии» [Рабочий путь, 1922, 25 мая]. По сути, это означало бесплатность обучения в сельских школах первой ступени. Однако фактически то были совершенно незначительные средства. И, понимая это, государство разрешало открывать так называемые «договорные школы», для чего населению требовалось подписать с местной властью договор, по которому оно брало бы на себя обязательства полного содержания такой школы. При этом в договорных школах обязательно должно было бронироваться не менее 25 процентов всех мест «в пользу беднейшего населения» [Рабочий путь, 1922, 25 мая]. Данная практика договорных школ на Смоленщине поддержки со стороны населения и распространения не получает. И потому в губернии наступает эпоха платного школьного обучения. Вначале речь шла о городах.

25 марта 1922 года Смоленский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принимает обязательное постановление о введении целевого налога на нужды народного просвещения и здравоохранения. Постановление губисполкома гласило:

«1. В целях изыскания средств на нужды школ и других просветительных учреждений и на нужды здравоохранения г. Смоленска и остальных городов губернии установить целевой денежный налог, взимаемый со всего населения губернского и уездных городов губернии.

2. Для уплаты целевого налога население города разделяется на три категории, которые уплачивают налог следующим образом:

а) Рабочие и служащие, получающие содержание до 9-го разряда[4], составляют первую категорию и уплачивают 25 копеек золотом.

б) Рабочие и служащие, получающие содержание по 9-му разряду и выше составляют 2ю категорию и уплачивают 50 копеек золотом.

в) Все остальные граждане, составляющие третью категорию, уплачивают один рубль золотом.

3. От налога освобождаются категории населения, освобожденные от уплаты общегражданского налога в пользу голодающих...» [Рабочий путь, 1922, 30 марта].

При этом категорически отвергалась сама мысль введения частных школ [ГАСО, ф. 13, оп. 3, д. 184, *131*].

Сокращение численности школ продолжалось. В основе утвержденной школьной сети лежал трехверстный радиус охвата детей. Уже в конце 1922 года в губоно называли такие цифры количества школ на 1922/23 учебный год: школ первой ступени – 1600 в сельской местности и 91 в городах, школ второй ступени – 68 в сельской местности и 31 в городах [Рабочий путь, 1922, 10 декабря].

[4]В это время действовала 17-разрядная тарифная сетка оплаты труда.

Смоленская губерния не являлась в этом вопросе каким-либо исключением. Аналогичные процессы шли по всей стране. «Благородное дерево советского просвещения сохнет, – образно описывал ситуацию корреспондент губернской газеты. – Если дать ему немного влаги, то оно расцветет и даст плоды. А влаги дерево просвещения действительно не получает… Когда в 1921 году посчитали, сколько средств государство может дать школам в действительности, то оказалось, что приходится школьную сеть сокращать, что приходится школы переводить на местные средства. В результате в апреле 1922 года было уже только 70 000 школ с 5 300 000 учащихся, а к октябрю 1922 года еще меньше – 55 000 школ и 4 050 000 учащихся». В 1921 году в стране насчитывалось 82 тысячи школ и 7 миллионов учащихся [Рабочий путь, 1923, 10 января].

В течение 1922/23 учебного года экономическая ситуация нисколько не улучшилась. Особенно обострился вопрос со школьным оборудованием. В постановлении президиума Смоленского губисполкома от 5 января 1923 года предписывалось всем гражданским учреждениям и частным лицам в целях учета находящегося у них школьного инвентаря (парты, доски, пособия и т.д.) зарегистрировать его в 10-дневный срок в отделах народного образования [ГАСО, ф. 13, оп. 3, д. 11, *25*]. А 28 апреля того же года губисполком вынужденно принимает решение «воздержаться» от расширения сети школ первой и второй ступени в городах, сосредоточив внимание на всемерном улучшении качества их работы. И опять на первом месте стояла проблема школьного оборудования [ГАСО, ф. 11, оп. 3, д. 26, *187*].

В это же время губернские власти признают тот факт, что не заработала и предложенная населению система договорных школ, хотя подтекст в обоснование вставлен явно идеологический. В документах губоно читаем: «Признать, что система договорных школ на практике приводит к зависимости школьного работника от населения, что безусловно вредно отражается на внутренней жизни школы» [ГАСО, ф. 11, оп. 3, д. 26, *188*]. Одновременно констатировалась и «полная необеспеченность школы, особенно деревенской, учебниками и учебными пособиями» [ГАСО, ф. 11, оп. 3, д. 26, *188 об.*].

В сентябре 1923 года в циркуляре Смолгубисполкома в адрес уездных властей по вопросу народного образования сообщалось, что на какие-либо ремонтные работы, даже касающиеся отопительной системы школ, «средств нет и в течение этого года повидимому не будет». Выход виделся в создании комитетов содействия школе, которые должны были «в порядке добровольной помощи отдельных селений, отдельных граждан, организаций, волисполкомов, кооперативов и т.д. создать необходимые средства для того, чтобы школу подремонтировать, починить и дать возможность начать занятия вовремя» [ГАСО, ф. 11, оп. 3, д. 26, *412*].

В такой ситуации вполне закономерным выглядит решение пленума Смоленского губисполкома о сохранении на 1923/24 учебный год платы за обучение в городских школах и школах второй ступени в деревне [Рабочий путь, 1923, 18 октября]. В своем обязательном постановлении от 20 октября 1923 года «О временной платности за обучение в учебных заведениях» президиум Смоленского губисполкома определял: «В целях укрепления материального положения школ, в нижеперечисленных учебных заведениях платность за обучение остается и в 1923/24 учебном году... в городах и поселениях городского типа – во всех школах 1-й и 2-й ступени, девятилетках, семилетках; в сельских местностях – в школах 2-й ступени и 3-х старших классах семилеток».

Все население делилось на 10 категорий с разными суммами платы за обучение детей. Размер платы варьировался от 20 копеек золотом в месяц для крестьян за обучение детей в школах первой ступени города и в младших классах семилетки до 9 рублей для торговцев 4 разряда и лиц, живущих на нетрудовые доходы. Плата определялась за каждого учащегося ребенка. Семьи рабочих и служащих, имевшие 6 и более детей, получали скидку в 50% от установленной платы, 4–6 детей – скидку в 25% [ГАСО, ф. 11, оп. 3, д. 26, *451–454*].

Прежним оставалось и количество школ. Всего на 1923/24 учебный год в губернии утверждалась следующая сеть школ: городских первой ступени – 75, сельских – 1672; городских второй ступени – 29, сельских – 20; городских семилеток – 7, сельских – 30; городских девятилеток – 6 [Рабочий путь, 1923, 18 октября].

Стабильно тяжелым все это время оставалось и материальное положение школьных учителей. Да, местными властями декларировались решения такого рода: надо, чтобы «учителя получали жалованье своевременно и полностью, и чтобы ставки учителей были доведены до средних ставок, получаемых другими совработниками» [Рабочий путь, 1922, 10 декабря]. Однако примеры, которые приводила Н.К. Крупская в своем выступлении на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 года, показывали реальную картину, далекую от желаемой: «…дело народного образования находится в ужасающем положении. Скажу о материальном положении учителя. По данным РКИ, в ноябре учитель получал 4 товарных рубля[5]. Теперь он получает от 10 до 12 рублей – и голодает. Сжимание “ножниц”[6] имеет для учителя то значение,

[5] Товарный рубль – условный измеритель цен, применявшийся в советском хозяйственном обороте в период резкого обесценения совзнаков начала нэпа вплоть до введения червонца с золотым эквивалентом. Курс товарного рубля изменялся в соответствии с движением индекса цен. После изъятия из обращения совзнаков необходимость в товарном рубле отпала.
[6] Имеется в виду первый кризис нэпа 1923 года, получивший название «ножницы цен», выразившийся в существенном расхождении стоимости промышленных и сельскохозяйственных товаров.

что поднялась цена на хлеб, и на 10–12 рублей он может купить меньше хлеба, чем раньше покупал на 4 товарных рубля. Но это жалкое жалованье не получает вовсе. В отчетах можно встретить такие фразы: “Учителя никто не кормит, он сам кормится... сейчас в некоторых губерниях учитель сведен на положение пастуха в прежнее время. Учитель ходит из дома в дом, сегодня он кормится в одном крестьянском дворе, завтра в другом, послезавтра в третьем, а иногда и ночует так... в результате крестьянин часто ненавидит учителя”» [Тринадцатый съезд РКП(б), 1963, *455–456*].

В начале июня 1924 года состоялся съезд просвещенцев Смоленского уезда. В губернском центре собралось 450 учителей, многие из которых добирались из самых отдаленных деревень, за 30–40 верст, нередко пешком. Наиболее остро стоял вопрос не просто низкой заработной платы, а ее систематических задержек не на дни, а на месяцы. Особенно тяжелое положение было у учителей тех школ бывшего Мстиславского уезда, которые совсем недавно отошли к Смоленскому уезду в ходе передачи БССР приграничных российских территорий. Здесь учителя не получали зарплату еще с февраля 1924 года. Мстиславский уездный отдел народного образования, ставший к тому времени белорусским, отсылал учителей к Смоленскому, говоря: «вы не наши», а в Смоленском их «не признавали» за своих. «Так и живут четвертый месяц без жалованья и, конечно, без хлеба», – сетовали выступавшие на съезде просвещенцев [Рабочий путь, 1924, 10 июня].

Почти неразрешимой оставалась и проблема с учебными пособиями и учебниками, которые должны были покупать сами крестьяне. Н.К. Крупская называет цены: «Карандаш стоит 10 фунтов хлеба, букварь стоит 1 пуд[7] хлеба, “История” Покровского – 3 пуда хлеба. Все это недоступно крестьянину» [Тринадцатый съезд РКП(б), 1963, *457*].

Из имевшихся в губернии на конец 1923/24 учебного года 1545 школ первой ступени и 83 школ повышенного типа (семилетки, девятилетки и школы крестьянской молодежи. – *Е. К.*) требовали «основного» ремонта 303 и 22 соответственно, а «мелкого» – 480 начальных школ и 27 повышенного типа [ГАСО, ф. Р-19, оп. 2, д. 61, *2*].

Но и эти требующие ремонта школы вмещали не более половины всех детей школьного возраста. На конец учебного годы в школах первой ступени было 84 355 учащихся (в городе – 8315 человек, в сельской местности – 76 040), в школах второй ступени – 7732 обучающихся (город – 5572 человека, село – 2160) [ГАСО, ф. Р-19, оп. 2, д. 61, *8*]. На XVI губернском съезде Советов в декабре 1924 года об этом образно говорил докладчик: «Емкость нашей сети 53 проц., по просту говоря, из каждых 100 ребят школьного возраста 53 учатся, а 47 – собак гоняют, обреченные на безгра-

[7] Один пуд равнялся 16,38 кг.

мотность в будущем» [Рабочий путь, 1924, 18 декабря]. При этом очень высоким все еще оставался процент «выбытия» учеников из школы в течение года. 1924 год давал такие цифры: в школах первой ступени по городу – 819 человек, на селе – 4443 из категории бедноты и батрачества, в школах второй ступени – 350 человек в городе и 131 учащийся в сельской местности [ГАСО, ф. Р-19, оп. 2, д. 61, *8*].

Крайне сложной оставалась и ситуация с учебниками. Губоно отмечало: «Долгое время школы не снабжались учебниками и когда в 23 году были обследованы школы, то пришлось дать директиву изъять целый ряд книг, – там были и евангелия, и библии и часословы, были старые буквари, которые начинались “Птичка божия не знает”, и кончались “боже царя храни”» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 2, д. 61, *8*]. Эту литературу пришлось уничтожить, а новую литературу выдать было весьма затруднительно. Для детей самых бедных семей учебники закупили, более состоятельные закупали сами, отмечалось в отчетах. Даже в самом обеспеченном Смоленском уезде учебниками и учебными пособиями школы были снабжены на 50%: за счет местного бюджета на 10%, остальные 40% – за счет комитетов содействия, то есть за счет крестьян [Рабочий путь, 1925, 7 января]. Объяснение же губернских властей, что «самих учебников печатается мало», не совсем совпадало с данными Наркомпроса. В июле 1924 года Наркомпрос РСФСР разослал в регионы циркуляр о школьных учебниках. В нем говорилось, что на складах Госиздата имелось более 6,5 миллионов отпечатанных учебников. Еще печаталось 2,5 миллиона. С учетом запасов прошлого года общая цифра равнялась почти 11 миллионам экземпляров. Но они так и оставались на складах. Учебники были крайне необходимы в школах. Однако покупать их губернии было не на что. Отсюда и вполне подходящая формулировка, используемая в циркуляре Наркомпроса: ставилась задача не просто распространить учебники в школах, а «протолкнуть» книгу в широкие крестьянские массы [ГАСО, ф. 13, оп. 3, д. 20, *103*]. С этой целью Госиздат даже предлагал долгосрочный 6-месячный кредит и вексельные сделки с издательством от имени губисполкомов.

К 1924 году несколько возросла и заработная плата учителей, составив 25 рублей в месяц, хотя даже губернской властью это повышение определялось как «весьма незначительное» [Рабочий путь, 1924, 18 декабря]. На всесоюзном учительском съезде в середине января 1925 года в докладе ЦК профсоюза работников просвещения как значительное достижение звучала «победная» реляция: оплата труда учителя в деревне увеличилась на 387 процентов! Сравнение давалось с самым наихудшим 1922 годом. Действительно, если в 1922 году работник просвещения в городе получал 11 руб. 48 коп., то в 1925 уже 25 руб.; в 1922 году учитель в деревне получал 6 руб. 30 коп., теперь – 24 руб. 57 коп., то есть на 387 процентов больше [Рабочий путь, 1925, 16 января]. Даже если не брать в расчет разную покупательную

способность рубля этих лет и его конвертацию к золотому червонцу, а только сопоставить зарплату учителя с заработком других категорий рабочих и служащих на Смоленщине (на декабрь 1924 года), то картина получится не такой радужной: в промышленности – 39 рублей, в кооперации – 37 рублей, средняя у бюджетников – 30 рублей 70 копеек. При этом следует учесть и то обстоятельство, что, по сути, весь рост средней зарплаты у работников просвещения произошел как раз в течение одного 1924 года: с 14 рублей в январе до 21 рубля в декабре [Рабочий путь, 1925, 21 января]. Что, правда, не остановило такое новое для губернии явление, как «исчезновение» учителей, которых переманивали «наши соседки Белоруссия и Московская губерния» более высокой заработной платой.

Несколько «подтянулся» в 1924 году и бюджет губернии. Общие расходы на образование увеличились в 1924/25 учебном году по сравнению с предыдущим на 25%, с 1945 тысяч до 2600 тысяч рублей [Рабочий путь, 1925, 4 января]. А в докладе Луначарского на учительском съезде в начале 1925 года про бюджет только что начавшегося года звучала такая образная фраза: «В прошлом году мы жили на 147 миллионов рублей, а теперь будем жить на 320 миллионов» [Рабочий путь, 1925, 17 января]. В целом расходы на образование начинали расти. Однако для нормализации ситуации в школьном деле этого все еще было крайне недостаточно. Тем более что на повестку дня все чаще выносился вопрос расширения сети школ двух, трех и даже четырехкомплектных[8], что требовало существенных дополнительных средств и на расширение школьных площадей, и на оборудование, и на школьные принадлежности, и на подготовку учителей, и на их заработную плату. Решение этого комплекса сложных задач было еще впереди.

По прошествии года школам губернии по-прежнему давалась такого рода характеристика: «Потрепанные за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова “база” нашей школы» [Рабочий путь, 1926, 18 июня]. В 1926 году в наемных помещениях все еще оставались 174 школы. В основном это были однокомплектные школы Смоленского уезда (56 школ) и Демидовского уезда (38 школ), размещавшиеся в наемных крестьянских хатах (56 школ), в бывших помещичьих домах (21 школа), приспособленных зданиях (17 школ) [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4796, *9*].

В это же время начинает обсуждаться и вопрос, который никогда ранее не стоял на повестке дня и воспринимался всеми как само собой разумеющееся, – продолжительность учебного года. Она действительно была очень короткой по времени – самое большое 120 учебных дней в году.

[8] Однокомплектная школа – это когда один учитель вел занятия с учениками сразу всех имевшихся классов начальной школы. Другими словами, это школа с одним учителем и одним классом для всех учеников.

«Школа начинает занятия в октябре, а кончает, как снег с полей стает, – пишет корреспондент губернской газеты. – За это время всей программы не пройти» [Рабочий путь, 1926, 7 апреля]. Ставилась задача «удлинить учебный год» и «дотянуть» его до 1 июня. В середине июня 1926 года на совещании заведующих уездными отделами народного образования уже ставилась задача конкретных крайних сроков: начинать учебный год 15 сентября, завершать 1 июня. Таким образом, продолжительность учебного года должна была составить почти на два месяца больше – 170 дней [Рабочий путь, 1926, 18 июня].

Как видим, в середине 1920-х годов все меньше звучит вопросов простого «выживания» школы, на повестке дня появляются, хотя пока и незначительные, задачи повышения качества работы школы, то есть ее развития. Рубежным здесь можно считать 1927 год. Именно в мае этого года впервые за долгое время президиум губисполкома утвердит смету не только на ремонт (42 760 руб.), но и на строительство новых школ (56 600 руб.). На эти деньги планировалось построить по одной школе в Монастырщинской, Любавичской, Переснянской, Краснинской, Досуговской, Катынской, Починковской, Руднянской и Бохотской волостях [Рабочий путь, 1927, 21 мая]. Но план был сразу же значительно скорректирован. Губернии удалось получить из центра долгосрочную ссуду в размере 300 тысяч руб. [Рабочий путь, 1927, 3 апреля]. С учетом «добавки» от местного бюджета общая сумма на новое школьное строительство, утвержденная губисполкомом, составила 456 400 руб. На эти значительные средства летом 1927 года в губернии развернулось большое строительство 27 новых школ: 22 деревянных типовых и 5 бетонных. Расход на строительство одной деревянной школы по смете равнялся 23 085 руб., бетонной – 18 500 руб. [Рабочий путь, 1927, 14 августа]. Одновременно капитально ремонтировалось 431 здание школы [Рабочий путь, 1927, 12 августа]. Такого размаха и внимания к нуждам образования губерния не знала с самого начала десятилетия.

Смоленщина уже могла гордиться тем, что по числу школ первой ступени она имела в 1927 году «превышение дореволюционного числа на 210». «Наследие годов разрухи – плохое качество работы школ – из года в год изживается и уже теперь в первых и вторых группах достигнуто вполне нормальное положение» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября]. Для того, чтобы новый учебный год начался с 1 сентября, все дети были расписаны по школам еще весной 1927 года. Для зачисления в школы были определены «предельные возрастные нормы»: в первый класс – 9 лет, второй – 10 лет, третий – 11 лет, четвертый – 12 лет, пятый – 15 лет, шестой – 16 лет, седьмой – 17 лет, восьмой – 19 лет, девятый – 20 лет [Рабочий путь, 1927, 23 августа].

Такой же существенный сдвиг произошел и в вопросе заработной платы школьных работников. 11 июля 1927 года было опубликовано поста-

новление ЦИК и СНК СССР о минимальных ставках и периодических прибавках учителям. В соответствии с документом минимальные ставки учителей школ первой ступени в губернии не могли быть ниже 42 рублей, учителей школ второй ступени, ШКМ и профтехнических школ – 65 рублей. Устанавливались прибавки за стаж, за каждые пять лет службы. В Смоленской губернии учитель школы первой ступени получал теперь 43 рубля в месяц со стажем до 5 лет и 45 рублей, если проработал в школе свыше 5 лет [Рабочий путь, 1927, 12 августа].

Таким образом, в отношении заработной платы учителя губернии впервые оказались почти равны другим категориям трудящихся: в промышленности средняя зарплата составляла 55 руб. 18 коп., в кооперации – 47 руб. 70 коп., в сельском хозяйстве – 23 руб. 10 коп. [Рабочий путь, 1927, 1 мая].

Для покрытия дефицита учительских кадров в 1927 году в губернии в дополнение к педагогическому институту работали четыре педагогических техникума: Алексинский (Дорогобужский уезд), Вяземский, Рославльский и Соболево-Воробьевский (Смоленский уезд). Хотя при этом и их ежегодный выпуск, составлявший 120 человек, покрывал лишь 50% общей потребности в учителях при развертывании школ по плану всеобуча. В 1927 году открывался новый педтехникум в д. Дровнино Гжатского уезда [Рабочий путь, 1927, 29 июня].

С одним же из негативных наследий начальной эпохи нэпа справиться все еще не получалось. Это отсев учащихся в течение года. По итогам 1927 года отсев детей батрачества и бедноты все еще оставался значительным. Не завершив учебный год, покидали школу первой ступени 23,65% от общего числа обучающихся в первой группе (то есть в первом классе. – *Е. К.*), 29,5% – во второй группе, 38,7% – в третьей [Рабочий путь, 1928, 17 октября]. По сути, дети бедноты вместо «нормальных четырех лет» обучались только два с половиной года. Бросали школу в основном «по экономическим мотивам – недостаток одежды, обуви, учебных пособий, отсутствие общежитий, уход на работу по найму» [Рабочий путь, 1928, 17 октября]. Причем отсев происходил не только в конце года, к моменту ухода детей батрачества и бедноты на работу в пастушки, в батраки, но и в середине учебного года с наступлением холодов. Как один из вариантов решения проблемы на тот момент обсуждался вопрос о возможности расходования на помощь детям бедноты части средств по самообложению крестьян.

Первые и явно заметные положительные сдвиги в вопросах народного образования второй половины 1920-х годов были достигнуты не только благодаря все возраставшей материальной помощи со стороны государства, но и за счет весомого вклада населения. Прежде всего это, конечно, плата за обучение детей. От данного источника стабильных поступлений власти губернии отказаться в тот момент не могли. На основе постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 24 января 1927 года «О взимании платы

в учебных и воспитательных учреждениях» своим соответствующим решением от 24 октября 1927 года [Рабочий путь, 1927, 28 октября] Смоленский губисполком так определял финансовую нагрузку за обучение детей по разным местностям и категориям населения.

Плата устанавливалась за обучение во всех техникумах, городских школах второй ступени, старших группах (начиная с пятой) семилеток и девятилеток, в дошкольных учреждениях, а также в школах повышенного типа сельской местности (в старших группах семилеток, девятилеток и школ второй ступени), но только для учащихся, находившихся на иждивении лиц, живущих на нетрудовой доход. Плата за обучение не вводилась в школах первой ступени и в соответствующих группах семилеток и девятилеток независимо от местонахождения школ.

При этом от платы за обучение освобождались значительные группы населения: лица, заработок или доход которых был ниже облагаемого подоходным налогом минимума; рабочие и служащие государственных, кооперативных и частных предприятий и учреждений, члены профсоюзов, получавшие содержание не выше 76 рублей в месяц; члены семьи, находившиеся на иждивении красноармейцев и лиц административно-хозяйственного, политического и командного состава РККА и флота и войск ГПУ; инвалиды труда и войны, за исключением живущих на нетрудовой доход; лица, состоявшие на социальном обеспечении; учащиеся-стипендиаты; государственные пенсионеры; безработные, получавшие пособие по социальному страхованию; круглые сироты; дети детдомов; члены семьи крестьян, уплачивавших сельскохозяйственный налог ниже 25 рублей; члены семьи лиц, основной работой которых являлась педагогическая или научная работа в культурно-просветительских учреждениях; члены семей медицинских работников, обслуживавших учебные и воспитательные учреждения в качестве постоянных работников и не занимавшихся частной практикой; члены семей медицинского, агрономического и ветеринарного персонала, постоянно работавшего в сельской местности; члены семейств героев труда; члены обществ бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Размер платы за обучение детей в школах дифференцировался в зависимости от заработка: с рабочих и служащих, получавших от 76 до 112 руб. в месяц, взимался 1% от заработка, от 113 до 150 руб. – 1,5%, от 151 до 187 руб. – также 1,5%, от 188 руб. и выше – 2,5%; с крестьян, исключительным источником существования которых являлось сельское хозяйство, если они платили единый сельхозналог на менее чем 25 руб. в год с хозяйства, а члены их семей находились на их иждивении, – 50% размера уплачиваемого ими налога, но не свыше 60 рублей в год; с ремесленников и кустарей – в полном размере выплачиваемого ими подоходного налога, но не более 60 руб. в год, не выше 125 руб. в год для тех, кто применял наемный

труд; с лиц, живущих на нетрудовой доход, и с их иждивенцев – в размере уплачиваемого ими подоходного налога, но не более 300 руб. в год.

При этом плата за обучение для рабочих, крестьян, служащих, кустарей без наемного труда вносилась только за одного ребенка, независимо от количества детей, находящихся в учебных заведениях. Для лиц всех других категорий – плата за каждого учащегося, но с понижением: если двое учащихся, то на 30% за каждого, если трое – на 40%, если более трех – на 50% на каждого.

Рабочие и служащие должны были вносить плату ежемесячно, остальные категории – три раза в год (1 октября, 1 января, 1 марта). Не внесенная своевременно плата взыскивалась через суд, но при этом отчислять детей из учебного заведения не допускалось [Рабочий путь, 1927, 28 октября].

В 1928/29 учебном году губисполком существенно понизил плату за обучение детей в школах для рабочих и служащих: получавшие в месяц от 76 до 100 рублей теперь должны были платить 0,75% от заработка, 100–120 руб. – 1%, 121–160 руб. – 1,5%, 161–200 руб. – 2%, 201 и выше – 3%, но не более 100 руб. в год [Рабочий путь, 1928, 18 ноября]. У всех других категорий размер платы оставался на уровне 1927 года. При этом пленум Смоленского горсовета еще 30 ноября 1927 года, обсудив работу городского отдела образования, принял решение полностью освободить в 1928/29 учебном году от платы за обучение в старших группах детей рабочих и низших служащих [Рабочий путь, 1927, 2 декабря]. То есть у губернии появлялось все больше возможностей хотя и для постепенного, но все же движения в сторону полной отмены платы за обучение.

При этом параллельно расширялась практика самообложения населения на нужды образования. В подавляющем большинстве крестьяне вносили по самообложению деньги, иногда отрабатывали на ремонтных или строительных работах, заготовке дров и т.д. Получаемые средства давали возможность расширять и укреплять школьную сеть региона. Об этом свидетельствуют примеры кампании 1928 года. Так, в Бельском уезде из собранных по самообложению средств на сумму 102 тысячи руб. планировалось построить 29 новых школ и 57 отремонтировать. В Вяземском уезде также собирались построить 6 и отремонтировать 100 школ. В Смоленском уезде в планах было строительство 8 и ремонт 144 школ [Рабочий путь, 1928, 4 сентября]. Всего по губернии из средств населения по самообложению в сельское строительство и ремонтные работы (школы и больницы. – *Е.К.*) вкладывалось в 1928 году более 924 тысяч руб. На следующий, 1929 год ставилась задача расходовать на нужды народного образования не менее 90% средств, собранных по самообложению [Рабочий путь, 1929, 9 июня].

Таким образом, общими усилиями государства, местных властей и населения, в первую очередь крестьянства, к концу нэповского десятилетия

в Смоленской губернии будет преодолен глубокий кризис в системе школьного образования, школа из состояния выживания перейдет к этапу своего развития. Всеобуч 1930 года поставит новые грандиозные задачи по вовлечению в начальное школьное обучение всех детей в возрасте 8–10, а затем и 11 лет. Вновь резко обострится положение с нехваткой школьных зданий и помещений, оборудования, учебников, письменных принадлежностей, педагогических кадров. Но это уже будут трудности дальнейшего роста, а не простого выживания школы, что имело место в первые годы нэпа.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 153.
ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 158.
ГАСО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 11.
ГАСО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 20.
ГАСО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 26.
ГАСО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 184.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4796.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 2. Д. 61.
Рабочий путь. 1922. 30 марта.
Рабочий путь. 1922. 25 мая.
Рабочий путь. 1922. 10 декабря.
Рабочий путь. 1923. 10 января.
Рабочий путь. 1923. 19 января.
Рабочий путь. 1923. 18 октября.
Рабочий путь. 1924. 10 июня.
Рабочий путь. 1924. 18 декабря.
Рабочий путь. 1925. 4 января.
Рабочий путь. 1925. 7 января.
Рабочий путь. 1925. 16 января.
Рабочий путь. 1925. 17 января.
Рабочий путь. 1925. 21 января.
Рабочий путь. 1926. 7 апреля.
Рабочий путь. 1926. 18 июня.
Рабочий путь. 1927. 3 апреля.
Рабочий путь. 1927. 1 мая.
Рабочий путь. 1927. 21 мая.
Рабочий путь. 1927. 29 июня.
Рабочий путь. 1927. 12 августа.
Рабочий путь. 1927. 14 августа.
Рабочий путь. 1927. 23 августа.
Рабочий путь. 1927. 28 октября.
Рабочий путь. 1927. 2 ноября.
Рабочий путь. 1927. 2 декабря.
Рабочий путь. 1928. 4 сентября.
Рабочий путь. 1928. 17 октября.
Рабочий путь. 1928. 18 ноября.
Рабочий путь. 1929. 9 июня.
Сборник распоряжений, постановлений и инструкций по вопросу о содействии населения делу народного образования. Смоленск, 1921. 24 с.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. 883 с.

Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встречи: пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 304 с.

Ye.V. Kodin
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of the Russian History Department,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Schools of Smolensk Province in the Era of NEP: from Survival to Development

The period of the new economic policy, 1921–1928, is often idealized in the public mind and presented against the background of the previous policy of «war communism» as a decade of abundance and prosperity, a significant breakthrough in the socio-economic life of Soviet Russia that has just emerged from the Civil War. A valid argument for such an assessment of NEP will be the convertible new monetary unit of Russia, viz. the gold chervonets, as well as the broad development of cooperation and the first concessions attracting foreign capital.

However, there was another side to this apparently blessed picture of the NEP era – the state, focusing exclusively on «pulling out» the economy, completely «left» the social sphere, shifting the solution of social issues to local authorities. This included, in fact, firstly, public education. From the second half of 1921, the school was left without centralized state funding, if we did not consider additional charges for the food tax, which solved absolutely nothing. The introduction of tuition fees for education, the so-called contractual schools, the peasants' self-imposition for the needs of education included a set of measures that the center proposed to the regions to preserve the public education system. The period of the school survival, concerning especially the rural school, began.

Gradual changes for the better began only in the 1926–1927, when the somewhat stronger state again «turned its face to the school» and the practice of self-taxation will actually work in the regions, when not only existing schools were repaired at peasants' expense, but also new schools were being built, equipment and textbooks were procured. A decent salary, in comparison with the beginning of NEP, was paid to a school teacher. The school entered its developmental stage.

Key words: *schools; new economic policy; Smolensk Governorate.*

REFERENCES

Collection of orders, decisions and instructions on the issue of assistance to the population in the cause of public education [Sbornik rasporyazheny, postanovleny i instruktsy po voprosu o sodeistvii naseleniya delu narodnogo obrazovaniya]. Smolensk, 1921. 24 p. (in Russian).

Hammer A. My century is the twentieth. Ways and meeetings [Moi vek – dvadtsaty. Puti i vstrechi]. Translation from English. Moscow, Progress, 1988. 304 p. (in Russian).

Rabochy put', April 3, 1927 (in Russian).

Rabochy put', April 7, 1926 (in Russian).

Rabochy put', August 12, 1927 (in Russian).

Rabochy put', August 14, 1927 (in Russian).

Rabochy put', August 23, 1927 (in Russian).

Rabochy put', December 18, 1924 (in Russian).

Rabochy put', December 2, 1927 (in Russian).

Rabochy put', February 10, 1922 (in Russian).

Rabochy put', January 10, 1923 (in Russian).

Rabochy put', January 16, 1925 (in Russian).

Rabochy put', January 17, 1925 (in Russian).

Rabochy put', January 19, 1923 (in Russian).

Rabochy put', January 21, 1925 (in Russian).

Rabochy put', January 4, 1925 (in Russian).

Rabochy put', January 7, 1925 (in Russian).

Rabochy put', June 10, 1924 (in Russian).

Rabochy put', June 18, 1926 (in Russian).

Rabochy put', June 29, 1927 (in Russian).

Rabochy put', June 9, 1929 (in Russian).

Rabochy put', March 30, 1922 (in Russian).

Rabochy put', May 1, 1927 (in Russian).

Rabochy put', May 21, 1927 (in Russian).

Rabochy put', May 25, 1922 (in Russian).

Rabochy put', November 18, 1928 (in Russian).

Rabochy put', November 2, 1927 (in Russian).

Rabochy put', October 17, 1928 (in Russian).

Rabochy put', October 18, 1923 (in Russian).

Rabochy put', October 28, 1927 (in Russian).

Rabochy put', September 4, 1928 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 1. Record 153 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 1. Record 158 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 3. Record 11 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 3. Record 20 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 3. Record 26 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 3. Record 184 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 1. Record 4796 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 2. Record 61 (in Russian).

Thirteenth Congress of the RCP(b). May, 1924. Shorthand record. [Trinadtsaty s"yezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskt otchet]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1963. 883 p. (in Russian).

А.Ю. Рощупкин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Россия

УДК 908

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-205-213

«ЦАРЬ, ГОСУДАРЬ, СМИЛУЙСЯ, ПОЖАЛУЙ». ПРОБЛЕМЫ НАБОРА В ЕЛЕЦКУЮ КРЕПОСТЬ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ «ПО ПРИБОРУ» В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Ключевые слова: *южные рубежи; крепость; служилые люди; служилый гарнизон; служилые казаки; стрельцы; пушкари.*

Статья посвящена рассмотрению истории формирования служилых групп одного из южных форпостов Московского государства конца XVI века – елецкой крепости, вставшей на многие годы на пути движения отрядов черкассов и крымских татар, обеспечив слаженную работу станичной и сторожевой служб. Проблематика статьи раскрывает вопросы, связанные с формированием боеспособного военного гарнизона из числа жителей региона, а также с определением причин, по которым служилые люди покидали крепость и уходили со службы. Сохранившиеся материалы многочисленных дел дают возможность рассмотреть поведение ельчан, включенных в жизнь крепости, и пути их привлечения к решению не только военных, но и хозяйственных вопросов, связанных с возведением крепостных сооружений и разработкой земель. Анализ документов позволяет определить, насколько тяжелой и опасной была служба и жизнь средневекового человека, который каждый день сталкивался с суровыми природными условиями, а также вероятностью быть убитым или захваченным в плен. Помимо этого можно проследить особенности поведенческой модели елецких служилых людей, которые ярко отражены в переписке с Посольским приказом. В целом статья отвечает на вопрос, как происходило формирование местного общества с учетом особенностей региона и восприятия населением своих обязанностей перед царем и центральной властью в целом.

Вторая половина XVI века была ознаменована для Московского государства не только взятием Казани и Астрахани, кровопролитной и изнурительной Ливонской войной, преодолением Уральских гор казаками атамана Ермака, но и постепенным продвижением вглубь степного и лесостепного пространства южнее р. Оки. Эта территория, получившая название Поля, граничила с южнорусскими уездами, и ее освоение стало на многие десятилетия важным направлением внешней политики российского правительства. Продвижение русских сил сопровождалось появлением новых опорных пунктов – крепостей, которые в последующем превращались в центры

будущих уездов [Зенченко, 2008, *36*]. Планомерное строительство усиленных форпостов позволило укрепить существовавшую Тульскую засечную черту [Белоцерковский, 1915, *26*] и продолжить политику по возведению на территории Поля крупных узловых пунктов, которыми в 1585 году стали Ливны и Воронеж [Загоровский, 1991, *189*; Глазьев, 2011, *13–16*].

В 1592 году правительство Федора Ивановича заключило 12-летнее перемирие с Речью Посполитой, что позволило продолжить строительство новых стратегически важных пунктов: Ельца, Белгорода, Оскола, Курска, Царев-Борисова и Валуек [Папков, 2004, *75*]. Крепости были включены в единую систему сторожевой и станичной службы для своевременного информирования и предупреждения о перемещениях черкасов и крымских татар. Помимо военной службы на плечи «новоприборных» служилых людей ложились хозяйственные обязанности по освоению близлежащей территории и включению ее в систему землепользования. Наиболее ярко иллюстрируют жизнь южнорусского города с его проблемами и заботами уникальные документы о строительстве и заселении Ельца и округи, сохранившиеся в архивах РГАДА [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001]. Многочисленные грамоты, челобитные, отписки, наказные памяти позволяют проследить путь к появлению боеспособного служилого гарнизона и выявить проблемы, возникшие при формировании различных служилых групп.

Возведение елецкой крепости проходило в обстановке, сопряженной с решением воеводой князем А.Д. Звенигородским и головой И.Н. Мясным ряда важных вопросов, связанных как со своевременным набором служилых людей, так и с сохранением целостности их рядов вплоть до завершения строительных работ [Разрядная книга, 1989, *23*]. Рассмотрим основные проблемы, повлиявшие на формирование елецкого гарнизона на протяжении первых лет существования Ельца.

Согласно принятой системе организации комплектования крепостей служилыми людьми в Елец набирали служилых «по отечеству» – детей боярских – и «по прибору»: полковых казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков, воротников [Ключевский, 2004, *80*]. Дети боярские являлись привилегированной частью служилого сообщества, в отличие от других групп, поскольку получали от государства денежное жалование и земельный оклад с правом привлечения для работы в поместье крестьян и бобылей [Ляпин, 2016, *12*]. В свою очередь, ряды елецких служилых людей «по прибору» большей частью формировались из представителей крестьянской среды, которых привлекали из соседних уездов: Алексинского, Болховского, Епифанского, Каширского, Крапивенского, Новосильского, Орловского, Пронского и Соловского [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *5–6*].

Запись в ряды елецких служилых людей была организована заблаговременно до начала строительства крепости. С весны 1591 года казачьи головы И. Михнев и А. Хотяинцев, а также стрелецкие сотники Д. Болотов и

О. Каверин, объезжая села и деревни, агитировали местное население влиться в ряды будущего елецкого гарнизона. Важным стимулом к записи в их речах становилась мысль, что крестьяне могут не только получить денежное, хлебное и земельное жалование, но и стать государевыми служилыми людьми. При этом необходимым условием являлось положение крестьян. Они должны были происходить из числа вольных или оброчных людей либо «от отцов дети, от братьи братья, от дядь племянники», но ни в коем случае не находиться в тягле за помещиком [Ляпин, 2011, *34*].

25 декабря 1591 года, в день Рождества Христова, к месту строительства елецкой крепости начали прибывать первые «новоприборные» служилые люди [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *37*]. С этого момента вопрос о законности записи в казачьи и стрелецкие сотни стал одним из самых острых. Между помещиками и их бывшими крестьянами возникло множество спорных дел. Первые посылали в Посольский приказ челобитные, в которых просили вернуть в опустевшие поместья незаконно ушедших в Елец крестьян, а вторые жаловались на произвол и самоуправство детей боярских в отношении их семей и имущества.

В череде многочисленных челобитных и грамот выделяются разбирательства между тульским помещиком Т.Ф. Карповым и крестьянами Д.Е. Петровым, Д. Елкиным и Е. Мишиным. После известия о намерении правительства набирать новый служилый гарнизон Д.Е. Петров, находившийся на оброке, решил оставить крестьянский образ жизни и связать себя с государевой службой [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *106*]. Он записался в елецкие казачьи сотни в тот момент, когда сын боярский участвовал в военных действиях против Швеции, получивших название «немецкого похода» [Козляков, 2011, *112*]. Прибыв в Елец, Петров попросил казачьего голову И. Михнева отправить к Третьяку Карпову «отказную» о его полном переходе к месту службы. Поскольку помещика не было дома, документ подписала его мать Варвара, тем самым официально отпустив крестьянина. В силу того что в Ельце казаки и стрельцы были заняты на возведении укреплений, они не ставили себе дворы, поэтому Петров оставил свою «рухлядь» во дворе Карпова. Вернувшись из похода, сын боярский обнаружил «отказную», пустой двор и имущество бывшего крестьянина, за счет которого он решил возместить убытки. Казак оценил свои потери в 15 рублей и 30 копен ржи. Следующий конфликт у Т.Ф. Карпова произошел с Д. Елкиным, который находился на оброке за матерью сына боярского Варварой, отпустившей его, подписав «отказную». Третьяк решил изъять имущество казака, а его рожь «потравил животиною и згноил» [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *174, 177, 178*]. Более жестко проявил себя Карпов по отношению к семье казака Е. Мишина. Емельяну удалось записаться в елецкие казаки, а его отца помещик посадил в «чепи» и «железа», несмотря на то что они оставили на земле сына и брата Агапа. Казака Третьяк «в деревню не

пустил» к отцу, которого со слов Мишина, «бьет и мучает» [Там же, *78, 79, 81, 82*].

Не менее информативными являются спорные дела между помещиками и стрельцами. Так, стрелец Г.А. Андреев жаловался на орловского сына боярского Л. Пантюхина, что помещик после записи Григория в Елец забрал себе его имущества на 20 рублей и жену Варвару с сыном. Андреев указывает на самовольство Пантюхина, поскольку он записался согласно правилам «от отца, племянник от дяди, брат от брата», в то время как его отец Иван и брат Алексей остались на пашне. Для регулирования конфликта орловским осадным головой Л. Кандауровым к помещику по государевой грамоте были направлены несколько рассыльщиков и целовальник. Однако это не возымело предполагаемого действия, и Пантюхин всех «перебил, а жены… не дал, и животов, и статков не отдал» [Там же, *48, 83, 84*]. Более удачно сложился ход разбирательства для другого орловского стрельца Т.З. Логачева. После приезда к брату голова К. Лодыженский посадил его на четыре недели в тюрьму. За время заключения голова изъял остатки имущества и хлеба стрельца и требовал его возвращения в Орел. Логачев в своей челобитной ссылался на то, что он не находился ни на какой службе и жил у брата, от которого и записался в Елец. В ответ на жалобу стрельца пришла грамота, согласно которой воеводе князю В.Г. Щетинину было дано указание К. Лодыженского присмирить, а стрельца отпустить в Елец и отдать ему имущество и жену [Там же, *29–32, 36*]. Проблемы захвата имущества и семьи служилого человека можно также проследить по челобитной стрельца М. Семенова на крапивенского сына боярского И. Болотникова. В отличие от других дел, где противоборствующие стороны не являлись родственниками, здесь конфликт возник в рамках одной семьи. Семенов записался в Елец от дяди своего и оставил в его дворе имущество и жену до возврата за ними. В этом же дворе жил зять дяди Болотников, который и решил захватить «животишко и женишко» челобитчика. Семенов перечислил свое имущество и оценил его в 10 рублей, а также обозначил, что «сеяно у него было 7 десятин ржи, а ужал 50 копен, да яри 4 десятины». В результате последовал указ стрельца отпустить в Елец и вернуть «его животы и статки» [Там же, *43, 44*].

Материалы вышеперечисленных дел, впрочем, как и многие другие, отражают тот факт, что записавшиеся на «государеву службу» крестьяне определяли свое социальное положение на уровень выше вчерашних соседей, поскольку на них царь и государство возлагали задачи по строительству и охране новой крепости, а также организации сторожевой и станичной службы. В связи с этим большая часть челобитных заканчивалась определенной формулой: «…чтобы твоей царской службы не оставили. Царь, государь, смилуйся, пожалуй». В ней отображается посыл служилых людей в надежде на защиту государства от беззакония помещиков и возврата детям

боярским. Появление «новоприборных» служилых казаков и стрельцов из рядов бывших крестьян привело, по меткому замечанию А.Л. Станиславского, к образованию своеобразного промежуточного слоя в русском обществе, который, по сути, занимал среднее положение между помещиками и крестьянами [Станиславский, 1990, *14*].

В число служилых людей также записывались беглые крестьяне и холопы, которые скрывались от своих помещиков в сотнях елецких казаков и стрельцов. Большинство таких «новоприборных» служилых людей влились в елецкий гарнизон в моменты военной нестабильности в Московском государстве. Так, холоп С. Ошурка в 1590 году вместе с тульским сыном боярким С.Ф. Арсеньевым находился в «немецком походе» под Ругодивом (Нарвой), откуда сбежал, скрывался несколько лет по соседним уездам и записался в елецкие казаки вместе с другим беглецом И. Бочарником [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *49, 50, 98*]. Другой холоп С. Кондратьев в 1591 году сбежал на полдороге от козельского сына боярского Д.В. Щербачева, который направлялся на службу в Великой Новгород, и записался также в казачий приказ А. Хотяинцева [Там же, *88, 89, 119–122*]. В 1592 году от тульского сына боярского Л. Извольского, который был в «немецком походе», ушли в казаки крестьяне Ф. Ларин, П. Кузнец, К. Данилов, Я. Карпов [Там же, *168–171*]. Проход по южным уездам весной 1592 года крымских «царевичей» Фети-Гирея и Бахты-Гирея также способствовал незаконной записи в Елец крестьян [Новый летописец, 1998, *279*]. От набега крымских татар пострадали многие хозяйства помещиков. Из епифанских поместий толмачей Посольского приказа в елецкий гарнизон записалось несколько крестьян [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *66–67*]. Крестьянин А. Артемов бежал от рязанского сына боярского П.С. Толстого и прятался в соседних уездах, а потом обосновался в елецкой стрелецкой слободе [Там же, *181–183*].

Лояльность администрации крепости к происхождению записывавшегося на службу человека способствовала притоку в Елец определенной части беглых крестьян. Однако говорить, что служилый гарнизон полностью состоял из них, не вполне корректно, поскольку многие из выявленных крестьян под напором помещиков были им возвращены. Так, по подсчетам М.Ю. Зенченко, из 480 человек 37 числились в беглецах, что составляет не более 7% от записавшихся в Елец [Зенченко, 2008, *76*].

Кроме постоянных тяжб с помещиками «новоприборные» служилые люди в результате массового ухода из Ельца «посошных» людей [Чернов, 1954, *28*] столкнулись с привлечением их к строительству елецкой крепости и укреплений. Казаки и стрельцы возводили «торасы», вокруг города копали ров, около острога ставили «надалабы», для тайника возили «бревенья дубавое три сажен касых», возводили башни и «рубили гародни» [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, *34, 38*]. В результате от острожного и городового дела служилые люди стали «наги, и пеши, и голодны». Помимо этого

в 1593 году епифанский голова Ф.А. Наумов заставил участвовать в восстановлении укреплений Епифани некоторых елецких казаков, которые прибыли в родные места к родственникам за хлебом [Там же, *72, 73*].

В тяжелое положение казаков и стрельцов также поставила нерегулярная выдача хлебного и денежного жалованья. Из обещанных 12 четвертей хлеба, в которые входило «по шти чети ржи да по шти чети овса», к декабрю 1592 года голова И. Мясной выдал только половину жалования [Там же, *127, 128, 137*]. В середине февраля 1593 года елецким служилым людям выдали по «полуполтине человеку» от обещанных трех рублей, а потом на всех за доставку леса на городовую кровлю раздали «пятьдесят рублев денег» [Там же, *92, 94*]. Разработка выделенной земли также продвигалась медленно, хотя правительство и было заинтересовано в том, чтобы «пашни распахивали побольше», но массовое привлечение казаков и стрельцов к строительству крепости не позволяло уделить этому должного внимания [Там же, *190*].

Конфликты между помещиками и «новоприборными» служилыми людьми, привлечение их к работе по возведению крепости в совокупности с несвоевременной выдачей денежного и хлебного жалования, тяжестью разработки выделенных земельных участков, а также угрозой со стороны крымских татар и черкасов привели к массовому бегству казаков и стрельцов из Ельца. Они получили часть жалования и ушли в соседние уезды: Данковский, Епифанский, Новосильский, Крапивенский, Мценский, Орловский, Чернянский, Каширский, Тульский, Алексинский и Соловской [Там же, *107–111, 153*]. Часть служилых людей вернулась в родные места, некоторые поселились во дворы к новым помещикам, а другие перезаписались в этих уездах в стрельцы и казаки. Интересный факт: помимо бегства из Ельца служилых людей «по прибору» достаточно часто встречаются упоминания о покинувших службу детях боярских, которые ссылались на малочисленность крестьян, в отсутствие которых им проблематично совмещать службу и ведение хозяйства [Там же, *26–29*].

Как было установлено выше, большая часть елецкого гарнизона состояла из записавшихся крестьян. Однако в ряды служилых людей «по прибору» по государеву указу из Ливен были переведены казаки, из Тулы записали пушкарей, а напротив крепости за рекой Быстрая Сосна получили разрешение поселиться донские казаки [Там же, *124, 125*]. Несмотря на то, что перечисленные служилые люди по своему статусу и положению отличались от «новоприборных» казаков и стрельцов, им также не удалось избежать проблем и конфликтов в процессе обустройства в Ельце. Ливенские «сведенцы» наряду с другими служилыми людьми столкнулись с проблемой обеспечения их хлебным и денежным жалованьем. Массовое бегство со службы они начали в тот момент, когда им стало известно, что голова Д.С. Яковлев отдал их дворы черкасам и изъял имущество [Там же, *36, 37*].

Тульский пушкарь А. Понеев сетовал на свое плохое материальное положение и невозможность продолжать службу в Ельце, поскольку «прожиточным пушкарям удалось откупиться», а ему нет [Там же, *116, 128*]. Часть донских казаков, несмотря на свою самобытность и вольный нрав, до службы в Ельце успели обзавестись в Епифани семьями. Поскольку их женами были крестьянские дочери, помещики считали казаков «тяглыми» и всячески препятствовали их свободной записи в новый город. В результате помещики «животишки» и жен казаков захватили и принуждали их к возврату в свои дворы. В ходе разбирательств епифанскому осадному голове С. Офросьеву был дан указ «переправить» имущество казаков в Елец и отпустить их жен [Там же, *4, 115*].

Таким образом, мы видим, что набор елецкого гарнизона проходил в русле политики расширения границ Московского государства в южном направлении и укрепления влияния в этом регионе. Важной составляющей полноценного функционирования крепости являлись «новоприборные» служилые люди, которые не только были заняты на строительстве Ельца, но и принимали активное участие в хозяйственной жизни города и округи. Проблемы набора служилого гарнизона были связаны с чередой многочисленных разбирательств между помещиками и бывшими крестьянами, ставшими служилыми людьми. Государство поддерживало интересы детей боярских, но при этом напоминало им, чтобы они не чинили необоснованных препятствий, поскольку государству «все городы надобны» [Там же, *30*]. Кроме того, серьезно тормозили набор служилых людей бытовые проблемы, связанные с несвоевременной выдачей жалования, что в совокупности с привлечением к строительству крепости способствовало оттоку казаков и стрельцов в другие города. Несмотря на обозначенные проблемы, которые возникли при формировании служилых групп, к концу 1593 года елецкий гарнизон был полностью укомплектован. Для полноценного функционирования крепости и несения государственных служб в рядах елецких служилых людей числилось 200 детей боярских, 600 полковых казаков, 100 донских беломестных казаков, 200 стрельцов, 38 человек пушкарей и затинщиков, а также 8 воротников [Там же, *33, 65, 69, 127, 149*].

ЛИТЕРАТУРА

Белоцерковский А.А. Тула и тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915. 162 с.

Глазьев В.Н. Основание Воронежа и его первый воевода // Университетская площадь. Воронеж, 2011. № 4. С. 13–16.

Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592–1594 гг. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 274 с.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.

Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М.: Памятники исторической мысли, 2008. 223 с.

Ключевский В.О. История сословий в России: полный курс лекций. Минск: Харвест, 2004. 208 с.

Козляков В.Н. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 311 с.

Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв. Тула: Гриф и К, 2011. 208 с.

Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 9–16.

Новый летописец // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 263–411.

Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.). Белгород: Константа, 2004. 352 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III, ч. III. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1989. 152 с.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII в. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

A.Yu. Roschupkin
Candidate of Historical Sciences,
Resercher,
Department of History and Historical and Cultural Legacy,
Yelets State Ivan Bunin University
Yelets, Russia

«The Tsar, My Lord, Have Mercy on Me». The Problems in the Recruitment of Service Men «According to the Instrument» to Yelets Fortress at the End of the XVI Century

The article is devoted to the history related to the formation of service groups in a southern outpost of the Moscow state at the end of the 16th century. It was Yelets fortress which for many years became a barrier on the road of the detachments of Cherkasy and Crimean Tatars; it ensured the coordinated work of the stanitsa and guard services.

The problematic of the article reveals issues related to the formation of a combat-capable military garrison from the inhabitants of the region as well as to determining the reasons why service maen left the fortress and their service. The surviving materials of numerous cases make it possible to trace the behavior of Yelets citizens included in the life of the fortress and their involvement in solving not only military, but also economic issues related to the construction of fortifications and land development.

The analysis of the documents allows us to determine how difficult and dangerous the service and life of a medieval man was, every day they faced with harsh environmental conditions, as well as the threat of being killed or captured. In addition, one can trace the features of the behavioral model characterizing Yelets service people. The models are clearly reflected in correspondence with

the Ambassadorial Order. In general, the article covers the issue how the formation of local society happened if we consider the characteristics of the region and the population's perception of their duties to the tsar and the central government as a whole.

Key words: *southern boundaries; fortress; service men; military garrison; service Cossacks; riflemen; artillerymen.*

REFERENCES

Belotserkovsky A.A. Tula and Tula district in the 16th and 17th centuries. [Tula i tul'skiy uezd v XVI i XVII vv.]. Kiev, 1915. 162 p. (in Russian).

Chernov A.V. Armed forces of the Russian state in the 16th–17th century. [Vooruzhennye sily Rysskogo gosudarstva v XV–XVII v.]. Moscow, Voenizdat, 1954. 224 p. (in Russian).

Glazyev V.N. The foundation of Voronezh and its first governor. [Osnovanie Voronezha i yego pervy voyevoda]. *Universitetskaya Ploshchad'*. Voronezh, 2011, no. 4, pp. 13–16 (in Russian).

Glazyev V.N., Novoseltsev A.V., Tropin N.A. Russian fortress on the southern borders. Documents on the construction of Yelets and the settlement of the vicinity in the 1592–1594 [Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitel'stve Yel'tsa i zaselenii okrestnostei v 1592–1594 gg.]. Yelets, Publishing House of YSU named after I.A. Bunin, 2001. 274 p. (in Russian).

Klyuchevsky V.O. History of estates in Russia: Full course of lectures. [Istoriya soslovy v Rossii: Polny kurs lektsy]. Minsk: Kharvest, 2004. 208 p. (in Russian).

Kozlyakov V.N. Boris Godunov: The tragedy of the good tsar [Boris Godunov: Tragediya o dobrom tsare]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011. 311 p. (in Russian).

Lyapin D.A. From fortresses to cities: everyday and behavioral models of the population of the South Russian fortress of the late 16th century [Ot krepostei k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naseleniya yuzhnorusskoi kreposti kontsa XVI v.]. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2016, no. 2, pp. 9–16 (in Russian).

Lyapin D.A. The history of the Yelets district at the end of the 16th–17th centuries [Istoriya Yeletskogo uyezda v kontse XVI–XVII vv.]. Tula, Grif and K, 2011. 208 p. (in Russian).

New Chronicler [Novy letopisets]. Chronicles of the Time of Troubles. [Khroniki Smutnogo vremeni]. Moscow, Sergei Dubov's Foundation, 1998, pp. 263–411 (in Russian).

Papkov A.I. Border of the Russian kingdom and the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the end of the 16th – first half of the 17th century) [Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi (konets XVI –pervaya polovina XVII v.)]. Belgorod, Konstanta, 2004. 352 p. (in Russian).

Register book (1475–1605) [Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.]. Vol. III. Part III. Moscow, Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union, Nauka, 1989. 152 p. (in Russian).

Stanislavsky A.L. Civil war in Russia of the 17th century. Cossacks at the turn of history [Grazhdanskaya voina v Rossii XVII veka. Kazachestvo na perelome istorii]. Moscow, Mysl', 1990. 270 p. (in Russian).

Zagorovsky V.P. History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century [Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI v.]. Voronezh, VSU Publishing House, 1991. 272 p. (in Russian).

Zenchenko M.Yu. Southern Russian border at the end of the 16th– beginning of the 17th century (experience of state construction) [Yuzhnoye rossiyskoye porubezh'ye v kontse XVI – nachale XVII v (opyt gosudarstvennogo stroitel'stva)]. Moscow, Pamytniki istoricheskoi mysli, 2008. 223 p. (in Russian).

Д.В. Кочетов
Институт Африки РАН
Москва, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-214-225

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ОТНОШЕНИЯХ ИТАЛИИ С БЫВШИМИ АФРИКАНСКИМИ КОЛОНИЯМИ

Ключевые слова: *Италия; Африка; Ливия; Сомали; Эритрея; колониализм; международные отношения.*

Предметом исследования статьи является влияние колониального прошлого на отношения бывшей метрополии, в данном случае Италии, с колониями в Африке. Вопрос рассматривается в контексте того, что британский, французский или даже португальский колониализм совершенно точно оставил после себя межгосударственные образования, то есть продолжает сильно влиять на отношения перечисленных государств с их бывшими африканскими колониями. Итальянский, в свою очередь, не только не оставил ничего подобного Содружеству наций, Франкофонии или Содружеству португалоязычных стран, но и к 2021 году даже в отношениях с каждой отдельно взятой бывшей колонией Рима в Африке (Эритреей, Сомали, Ливией) оказался вытеснен текущей повесткой дня.

Лишь в случае с возникшей благодаря итальянскому владычеству Эритреей сохраняется вероятность того, что в ближайшем будущем колониальное прошлое повлияет на ее отношения с Италией. Сомали и особенно Ливия, напоминавшая о необходимости возмещения колониального ущерба более полувека, прекратили существование как единые государства. Вследствие этого давно закончившийся колониализм перестал быть насущным для их отношений с бывшей метрополией как в положительном, так и в отрицательном ключе.

Также автор обращает внимание, что для любых бывших колоний или тех государств, где живет много итальянцев, у Рима нет ничего подобного хотя бы Нидерландскому языковому союзу. То есть стирание какого-либо следа итальянского колониализма из международных отношений связано не только с его слабостью, но и с недостатком усилий современной Италии.

Эпоха колониализма до сих пор оказывает влияние на отношения европейских стран с африканскими. Франции в наследство от того времени достались франкофонские страны, в которых французский является либо государственным языком, либо вторым по значению после него. «Франкофония» же стала не только культурным явлением, но и международной организацией сотрудничества франкоязычных стран, в которую входит целый

ряд африканских государств, в основном – ее бывших колоний. Целый ряд стран Африки вошел в Содружество наций, потому что они были колониями Британской империи, и в них английский тоже стал государственным языком. Хотя в наши дни есть и те, кто вошел в него позже, когда-то являясь колонией другой страны, например Мозамбик или Руанда.

У Италии не было таких обширных колоний, но это не значит, что колониализм не мог наложить отпечаток на ее отношения с теми, кто находился под ее владычеством: Ливией, Сомали и Эритреей. Изучить, так ли это и сохраняется ли подобное положение вещей в современности, постарается автор в данной статье. Рассмотреть, влияет ли в наши дни колониальное прошлое на отношения Италии с бывшими колониями, тем интереснее, что во внешней политике Италии в 90-е годы XX века произошел по крайней мере частичный пересмотр того, каким правительство этой страны показывало колониальное прошлое в африканских колониях.

До этого полвека на официальном уровне поддерживался миф об итальянцах в Африке как la brava gente (итал. «добрые, хорошие люди»), а об итальянском колониализме – как якобы более гуманном, чем колониализм других европейских держав. Однако к концу века в самой Италии вышло достаточное количество документальных фильмов и научных трудов, показывавших его совсем с другой, жестокой стороны [Del Boca, 1998, *589, 590, 592*]. Поэтому становилось все сложнее изображать итальянское владычество только в светлых тонах. Тем более что Ливия, например, не забывала очень жестко напоминать о преступлениях колониализма на дипломатическом уровне.

Это сказалось и на связях с Эфиопией, никогда не являвшейся итальянской колонией, за исключением короткого пребывания в составе Итальянской Восточной Африки в 1936–1941 годах. Но и в отношениях с ней произошли изменения. В частности, Министерство обороны Италии в 1996 году признало применение удушающих газов во время итало-эфиопской войны 1935–1936 годов. А в 2005 году Рим, наконец-то выполнив условия Парижского договора 1947 года, вернул Аддис-Абебе древний Аксумский обелиск, вывезенный фашистами в 1937 году. Эфиопия требовала его вернуть почти шестьдесят лет, и до, и после гражданской войны 1974–1991 годов. Только в XXI веке это было сделано [Del Boca, 1998, *592–595*; Corriere della sera, 2008, *Torna a casa l'obelisco di Axum…*].

Изменения в политике могли быть связаны с тем, что у Италии в 90-е годы в связи с концом холодной войны появился шанс занять более самостоятельное место в международных отношениях [Маслова, 2012, *3–4*]. Во время нее Рим был крайне скован обязательствами перед Вашингтоном, как плацдарм НАТО в Средиземном море, и почти не мог позволить себе откло-

нений в рамках американского фарватера. Смена тона в обсуждении колониализма могла помочь стране расширить влияние, по крайней мере в бывших колониях.

Наиболее активно Рим пытался использовать этот прием в Ливии, с которой у него были самые острые разногласия по вопросу о том, как надо закрыть страницу колониального прошлого. Она же была географически самой близкой колонией Италии, именовавшейся «четвертым берегом»[1]. Еще ливийский король Идрис Первый в 50-е годы ставил перед Италией вопрос о возмещении за человеческие жертвы (ведь в борьбе против итальянского владычества пал по меньшей мере каждый восьмой ливиец) и разорение в годы Второй мировой войны. На Апеннинах отказывались это делать, считая, что в годы войны Ливия была законной частью Италии, поэтому разделила с ней жертвы, тяготы и лишения. Что же до жертв колониализма, то ни одна европейская держава не платила возмещение за владычество своей бывшей колонии, и Рим тоже не собирался [Del Boca, 1998, *596–597*]. В 1956 году он выплатил Триполи почти пять млрд лир, но официально не в качестве извинений, а на развитие Ливии. На этом вопрос посчитали закрытым.

Этим воспользовался Муаммар Каддафи, когда в 1970 году, свергнув Идриса за год до этого, отобрал все имущество у 20 тысяч оставшихся на тот момент в Ливии итальянцев, не оставив им иного выбора, кроме как уехать в Италию вслед за теми, кто уехал раньше. При этом Каддафи не посчитал вопрос закрытым, заявив, что он всего лишь вернул ливийцам то, что и так принадлежало им по праву. А возмещения за ущерб времен колониализма он еще ожидает [Del Boca, 1998, *596–597*]. Это можно было назвать справедливым в отношении, например, конфискованных у колонизаторов земельных угодий. Но также отобрали лавки, мастерские, основанные самими итальянцами уже после приезда в Ливию, что было особенно болезненно для многих уехавших. Еще Каддафи национализировал собственность почти всех итальянских компаний в стране.

Даже после такого раздора Ливия осталась важнейшим поставщиком углеводородов в Италию. Еще в 1959 году корпорация «Эни» заключила с ней договор о разработке месторождений и добыче нефти и газа. Она и стала единственной итальянской компанией, чью собственность не национализировал Каддафи [Зонова, 2016, *261*]. Поэтому восстановление отношений

[1] Первыми тремя «берегами» Италии были побережья Апеннинского полуострова: Лигурийского и Тирренского морей на западе, Ионического – на юге, Адриатического – на востоке. Пятым называли восточное побережье Адриатики до Албании включительно, после того как его на короткое время завоевал Бенито Муссолини, пытавшийся построить итальянскую «империю». Он же в 1939 году даже объявил ливийское побережье не колонией, а частью метрополии и стал давать итальянское гражданство местным жителям для укрепления там итальянской власти.

Рима и Триполи началось еще в середине 70-х годов, когда две страны заключили договор об экономическом и научно-техническом сотрудничестве в 1974 году, а в 1976 Каддафи приобрел 13% акций автомобильной компании «Фиат». Но все равно в течение почти сорока лет последствия этой истории осложняли итало-ливийские отношения, поскольку Каддафи все еще не считал вопрос закрытым.

Полностью перевернуть эту страницу удалось только в 2008 году, когда Италия и Ливия в городе Бенгази заключили «Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве», в преамбуле которого было написано: договор призван закрыть «главу мучительного прошлого», дабы оно не мешало развивать отношения в дальнейшем [Trattato di amicizia, 2008]. Италия принесла официальные письменные извинения, обязалась профинансировать разминирование ливийской территории, заминированной еще во Вторую мировую войну, оплатить лечение подорвавшихся на минах, образование для ливийских студентов, вернуть все археологические находки и рукописи, вывезенные за годы своего владычества, и осуществить ряд других гуманитарных и инфраструктурных проектов. Ливия в ответ должна была предоставить визы для посещения всем итальянцам, изгнанным когда-то из страны. День подписания договора – 30 августа – объявили Днем итало-ливийской дружбы.

Уже в этом же договоре стороны оговаривали совместную борьбу с нелегальной иммиграцией и другие вопросы, больше не касавшиеся прошлого. Рамочное соглашение гармонизировало и нормализировало отношения двух стран. Однако спустя менее чем три года под давлением союзников по НАТО и ЕС Рим был вынужден участвовать в интервенции и бомбардировках Ливии [Маслова, Ушакова, 2018, *114–115*]. Это привело к свержению и убийству Каддафи и полному изменению политического ландшафта страны.

Совершенно точно, что не все предусмотренные договором 2008 года проекты успели осуществить до начала интервенции, особенно по части разминирования огромных минных полей. Однако более вопрос колониального прошлого пока не поднимался в итало-ливийских отношениях. С одной стороны, потому что 21 января 2012 года на подписании Триполитанской декларации между Италией и Ливией, закреплявшей теплые отношения Рима с новым правительством Переходного национального совета, его премьер-министр Абдель Рахим аль-Киб заявил, что извинения итальянцев приняли и после свержения Каддафи в этом ничего не изменилось [Il sole 24 ore, 2012, *Libia, Monti firma il nuovo patto…*]. С другой, после свержения Джамахирии ни одно ливийское правительство еще не смогло восстановить власть над всей страной, в которой с перерывами идет гражданская война. Поэтому у современной Ливии есть куда более насущные трудности, чем наследие давно закончившегося итальянского колониализма.

То же самое можно сказать и про современное Сомали. Во времена диктатуры Мохаммеда Сиада Барре его страна получала столько средств от Италии (триллионы лир), прежде всего благодаря Социалистической партии, будто была «продолжением (Апеннинского) полуострова» [Del Boca, 1998, *599–601*]. Социалистическая партия особенно благоволила Барре в восьмидесятые годы. Вероятно, это было связано с тем, что он тогда занимал пост генерального секретаря Сомалийской революционной социалистической партии. Как ни странно, подобному благоволению не помешала ни развязанная и проигранная к тому времени сомалийцем Огаденская война 1977–1978 годов, когда Сомали напала на соседнюю Эфиопию с целью присоединения края, населенного преимущественно сомалийцами, ни преследования инакомыслящих и трибализм, немыслимые в самой Италии. Таким образом, уровень жизни сомалийцев от итальянских денег не достигал уровня жизни какой-либо части Италии.

Как бы то ни было, итальянцы, по крайней мере официально, не называли эти выплаты возмещением за годы колониализма. Тем более что, помимо Итальянского, было и Британское Сомали, они образовали единое государство в 1960 году. Это считали просто помощью стране третьего мира, а еще объясняли привилегированными отношениями с Могадишо.

Правда, сами сомалийцы при Барре позволяли себе бравировать колониальным прошлым в отношениях с бывшей метрополией. В 1984 году министр обороны Сомали Мохаммад Али Саматар, обсуждая с итальянцами поставки оружия (Могадишо еще не потерял надежду взять реванш у Эфиопии), сказал: «На вас лежит историческая ответственность обеспечить безопасность нашей страны» [La Repubblica, 1985, *Craxi ha firmato l'accordo…*]. Трудно представить, что под причиной исторической ответственности имелось в виду что-то кроме былого итальянского владычества на Африканском Роге.

На следующий год во время визита в Могадишо премьер-министра Италии Беттино Кракси уже сам Барре при заключении договора на получение в качестве помощи и без того рекордных 550 млрд итальянских лир посмел посетовать, что Рим поставляет ему не новые танки, а только устаревшие американские М-47 «Паттон» 50-х годов, которые сам уже все равно снял с вооружения. Причем поставляет без запчастей, поэтому многие танки приходится использовать просто как неподвижные огневые точки. Такое недовольство можно понять, хотя Италия по своим внутренним законам не могла поставлять другой стране танки более современные, чем те, что стояли на вооружении у нее, о чем наверняка сообщили Барре. Но он все равно

риторически спросил итальянцев: не хотят ли они, чтобы «униженное, обезоруженное» Сомали вернулось в советскую зону влияния?[2] Итальянцы, несмотря на то что были бессильны помочь с более современными танками, не хотели, поскольку как раз наоборот перед этим визитом сделали выбор между Эфиопией и Сомали в пользу последнего, хотя до этого пытались проводить равноудаленную политику.

Однако помощь Италии, тратившаяся в основном на оружие и проекты огромных междугородних шоссе, а не на насущные потребности нуждающегося населения, не спасла Мохаммеда Сиада Барре от свержения. В 1991 году после окончательного краха его диктатуры и бегства из страны Сомали тоже прекратило существование как единое государство. Италия же приняла участие в миротворческих операциях на данной территории. Но, так как в основном Рим занимался этим наряду с государствами, чьей колонией Сомали никогда не было, при поддержке ООН или ЕС, это уже труднее назвать «исторической ответственностью» или «привилегированными отношениями», как во времена Кракси и Барре. Поэтому в настоящее время в отношениях двух стран говорят о помощи и сотрудничестве с Сомали в восстановлении государственности, управлении всей территорией страны, о миротворчестве, о развитии отношений, а не о наследии когда-то существовавшего колониализма в хорошем или плохом ключе [Ambasciata d'Italia Mogadiscio, *Rapporti bilaterali*; Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Somalia, *Dr. Abdusalam participated in first Italy-Africa Ministerial conference…, Prime-minister Omar Abdirashid meets his Italian counterpart*…].

Особенным случаем можно назвать Эритрею. Во-первых, потому что она как государство относительно поздно появилась на карте, став официально независимой от Эфиопии в 1993 году. Во-вторых, потому что Эритрея как административно-территориальная единица и эритрейцы как общность – детище итальянского колониализма. В отличие от относительно однородных по языку и вере ливийцев и сомалийцев, пестрое и по тому, и по другому признаку население будущего государства до итальянского владычества не объединяла никакая другая политическая воля. Даже Эфиопская империя занимала только часть будущей Итальянской Эритреи. Колониальные власти настолько преуспели в создании отдельной от эфиопов общности, что, даже когда с итальянским владычеством в 1941 году было покончено, а Эритрею в 1952 году присоединили к Эфиопии согласно резолюции Генассамблеи ООН 390(5) [Резолюция 390(V)], ее жители начали и довели до победы войну за независимость, продолжавшуюся с 1962 по 1991 год.

[2] Во время Огаденской войны Советский Союз поддержал Эфиопию, но в первой половине 70-х годов у Сомали были хорошие отношения с Москвой, которая направляла ему значительную помощь, в том числе вооружение и специалистов.

Поэтому, с одной стороны, ко временам колониализма в Эритрее относятся по меньшей мере с куда большим уважением, чем, наверное, в любой другой стране Африки, а особенно чтут бойцов итальянских колониальных войск, аскари, из которых вышел Хамид Идрис Авате, по легенде совершивший первый выстрел по эфиопам в 1962 году [Reconciliation, 2001, *In the memory of Awate, the History Maker*]. За счет того, что Эритрея воевала за независимость не против итальянцев, а против эфиопов, произошла своеобразная смена ролей, и тех, кого в Ливии считали бы предателями, в Эритрее считают героями.

С другой, нельзя сказать, что Риму от этого стало легче выстраивать отношения с независимой страной. Конечно, итальянские официальные лица, по крайней мере в ранге до министра включительно, принимают участие в мероприятиях, посвященных аскари. Но, во-первых, в 2004 году на выставке «Эпопея эритрейских аскари» тогдашний министр обороны Эритреи Себат Эфрем в присутствии Мирко Тремальи, министра правительства Италии по делам итальянцев за рубежом, прямо обвинил Италию в том, что она забыла и предала эритрейцев в годы войны за независимость [Maitacli, 2004, *La Mostra dedicata agli Ascari Eritrei*]. С этим трудно не согласиться, потому что на протяжении почти всей войны Италия принимала эфиопскую точку зрения и считала, что эта война – внутреннее дело Аддис-Абебы. Лишь в 1988 году итальянские официальные лица хотя бы отказались в угоду эфиопским властям называть эритрейских повстанцев «террористами», что, впрочем, не привело к улучшению положения Эритреи, в победу которой на Апеннинах не верили [Del Boca, 1998, *598–599*].

Едва ли такие слова Эфрем, лично сражавшийся за независимость в Народном фронте освобождения Эритреи, мог сказать без одобрения президента страны Исайяса Афеверки, который его возглавлял.

Во-вторых, в течение еще десятков лет после обретения независимости у Эритреи были пограничные конфликты с соседями и даже новая эфиопо-эритрейская война 1998–2000 годов. Также ее обвиняли в поддержке исламистских боевиков в Сомали. Поэтому в 2009 году Совет безопасности ООН наложил на нее санкции согласно резолюции 1907 [Резолюция 1907 (2009)]. Сняли их только в 2018 году резолюцией 2444 после урегулирования обстановки [Резолюция 2444 (2018)]. Ливия при Каддафи тоже длительное время оставалась под санкциями. Но отношения с Эритреей для Италии не были такими важными, чтобы пытаться развивать их, несмотря ни на что, как с Ливией с ее месторождениями углеводородов в 90-е годы. Вдобавок Исайяс Афеверки, ставший бессменным президентом Эритреи, ясно дал понять, что мнение Италии для него не главное, когда в 2001 году выслал итальянского посла за то, что тот выступил против арестов противников сосредоточения всей власти в руках Афеверки. Рим в ответ выслал эритрейского, и только в 2002 году послам разрешили вернуться после личной встречи

Афеверки с премьер-министром Италии Сильвио Берлускони [World Year book, 2003, *1536*].

Иными словами, колониальное наследие в отношениях Италии и Эритреи играет какую-то роль только как дань далекому прошлому. С одной стороны, Эритрея не требует от Италии никаких возмещений за годы колониализма, как Триполи при Джамахирии и даже до нее. С учетом того, что именно итальянская архитектура стала особенностью Эритреи в Африке и ее асмарские образцы даже включили в список всемирного наследия ЮНЕСКО [UNESCO, *Asmara: A Modernist African City*], было бы даже странно, если бы попросила. Такое отношение позволило посольству Италии в Асмаре беззастенчиво писать о колониальном времени строго в положительных тонах, хотя во времена колониализма роскошная архитектура предназначалась для колонизаторов, а не африканцев [Ambasciata d'Italia Asmara, *Cooperazione politica, Cooperazione culturale*]. Одновременно с этим эритрейской политике в отношении Италии чужды иждивенческие черты сомалийской 80-х годов при диктатуре Барре.

С другой стороны, в полной мере использовать это наследие, то есть, например, стать привилегированным партнером Асмары, Италия не могла, поскольку Эритрея четко показала, что после почти тридцати лет равнодушия Италии во время войны за независимость не заинтересована в отношениях с ней, кроме как с еще одной страной. Более того, при режиме Афеверки страна часто оказывалась в международной изоляции. И Рим не смог удержать от этого бывшую колонию. То есть, хотя Эритрея – единое государство, в отличие от современных Сомали и Ливии, текущая повестка дня и события после итальянского владычества и там оказались важнее, чем наследие колониализма, пусть Эритрея сама по себе им является.

Как видно, колониальное прошлое в наши дни не влияет заметным образом на связи Италии со всеми ее бывшими колониями в Африке. Его отпечаток стерся из международных отношений, по крайней мере по сравнению с британским или французским. Только в случае с Эритреей можно сделать оговорку, что снятие санкций и подписание мира между Асмарой и Аддис-Абебой в 2018 году дало Италии шанс на новое развитие отношений с бывшей колонией. Пока трудно сказать, будет ли при этом играть какую-либо роль былое владычество. В случае с Сомали и Ливией вопросы колониального наследия вытеснены с повестки дня гражданскими войнами в этих странах. Даже если бы какому-нибудь ливийскому политику захотелось в отношениях с Италией поднять вопрос о выполнении либо пересмотре Бенгазийского договора в более выгодную для Триполи сторону или сомалийскому – возобновить риторику времен Мохаммеда Сиада Барре, вряд ли он нашел бы для этого возможность, по крайней мере до конца гражданской войны.

Конечно, такое положение вещей связано со слабостью итальянского колониализма, не оставившего современной Италии целых сфер влияния в Африке, как современной Великобритании, Франции или даже Португалии с ее Содружеством португалоязычных стран, из которых шесть – в Африке. Однако Италия в наши дни тоже пока не смогла создать ничего подобного хотя бы Нидерландскому языковому союзу для поддержки итальянского языка в соседних странах и бывших колониях. Хотя крупные итальянские меньшинства есть в соседних с ней государствах. В Африке итальянский до сих пор помнит по крайней мере старшее поколение эритрейцев. Как и ливийские портовые города, например Мисурата [Маслова, Ушакова, 2018а, *107*].

ЛИТЕРАТУРА

Зонова Т.В. История внешней политики Италии: учебник для вузов. М.: Международные отношения, 2016. 349 с.

Маслова Е.А. Идеологические основы внешней политики Италии периода Второй республики: дис. … канд. полит. наук. М., 2012. 241 с.

Маслова Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (начало) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1. С. 111–116.

Маслова Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (окончание) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2. С. 107–116.

Del Boca A. Il colonialismo italiano tra miti, rimozioni, negazioni e inadempienze // Italia contemporanea. 1998. № 212. С. 589–603.

The Europa World Year book. Vol. 1. London, New York: Europa Publications, 2003. 2344 p.

ИСТОЧНИКИ

Резолюция 390(V) // ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/390%28V%29 (дата обращения: 15.06.2020).

Резолюция 1907 (2009) // ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/1907(2009) (дата обращения: 01.04.2020).

Резолюция 2444 (2018) // ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/RES/2444(2018) (дата обращения: 01.04.2020).

Asmara: A Modernist African City // UNESCO. URL: https://whc.unesco.org/en/list/1550/ (дата обращения: 13.01.2021).

Cooperazione politica // Ambasciata d'Italia Asmara. URL: https://ambasmara.esteri.it/ambasciata_asmara/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione-politica/cooperazione-politica.html (дата обращения: 31.03.2020).

Cooperazione culturale // Ambasciata d'Italia Asmara. URL: https://ambasmara.esteri.it/ambasciata_asmara/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione%20culturale/cooperazione-culturale_0.html (дата обращения: 31.03.2020).

Craxi ha firmato l'accordo 550 miliardi alla Somalia. 24.09.1985 // La Repubblica. URL: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1985/09/24/craxi-ha-firmato-accordo-550-miliardi.html (дата обращения: 18.01.2021).

In the memory of Awate, the History Maker // Reconciliation. URL: https://web.archive.org/web/20081116003808/http://www.awate.com/artman/publish/article_75.shtml (дата обращения: 09.06.2020).

La Mostra dedicata agli Ascari Eritrei // Maitacli. URL: http://www.maitacli.it/attualita/63-la-mostra-dedicata-agli-ascari-eritrei.html (дата обращения: 24.11.2020).

Libia, Monti firma il nuovo patto di amicizia con il premier al-Kib // Il sole 24 ore. URL: https://st.ilsole24ore.com/art/notizie/2012-01-21/monti-vola-tripoli-visita-142049.shtml?uuid=AaRjsrgE (дата обращения: 24.11.2020).

Prime-minister Omar Abdirashid meets his Italian counterpart in Rome // Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Somalia. URL: http://www.mfa.gov.so/prime-minister-omar-abdirashid-meets-his-italian-counterpart-in-rome/ (дата обращения: 05.03.2020).

Rapporti bilaterali // Ambasciata d'Italia Mogadiscio URL: https://ambmogadiscio.esteri.it/ambasciata_mogadiscio/it/i-rapporti-bilaterali/i-rapporti-bilaterali.html (дата обращения: 24.11.2020).

The Minister of Foreign Affairs and Investment Promotion h.e. dr. Abdusalam H. Omer participated in the first Italy-Africa ministerial conference in Rome // Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Somalia. URL: http://www.mfa.gov.so/the-minister-of-foreign-affairs-and-investment-promotion-h-e-dr-abdusalam-h-omer-participated-in-the-first-italy-africa-ministerial-conference-in-rome (дата обращения: 05.03.2020).

Torna a casa l'obelisco di Axum. Un'operazione da sei milioni di euro // Corriere della sera. URL: https://www.corriere.it/esteri/08_settembre_04/axum_etiopia_rinnovata_amicizia_tensioni_eritrea_9223bf46-7abd-11dd-a3dd-00144f02aabc.shtml (дата обращения: 18.06.2020).

Trattato di amicizia, partenariato e cooperazione tra la Repubblica italiana e la grande Giamahiria araba libica popolare socialista // la Repubblica.it. URL: https://www.repubblica.it/2008/05/sezioni/esteri/libia-italia/testo-accordo/testo-accordo.html (дата обращения: 24.11.2020).

D.V. Kochetov
Candidate of Historical Sciences,
Institute for African Studies of the Russian Academies of Sciences
Moscow, Russia

Colonial Past in Italian Relations with the Former African Colonies

The subject of article is influence of the colonial past on the relations of former metropole, namely Italy, with its former colonies in Africa. The question is considered in the context of the fact that the British, French or even Portuguese colonialisms definitely left interstate entities. In other words, they continue to considerably influence the relations with their former African colonies. Italian one, in its turn, left nothing like the Commonwealth of Nations, the International Organisation of La Francophonie or the Community of Portuguese Language Countries. However, by 2021 even in relations with each individual former colony of Rome in Africa (Eritrea, Somalia and Libya), it was replaced by the current agenda.

Only in the case of Eritrea, which emerged as a result of Italian rule, there is probability, that in the nearest future the colonial past will affect its relations with Italy. Somalia, and especially Libya, which had been a reminder of the need to repair colonial damage for more than half a century, ceased to exist as single states. As a result, the long-ended colonialism ceased to be vital for their relations with the former metropole in a positive and negative way.

Moreover, the author highlights that for any former colony, not only in Africa, or a country with big Italian community, Rome did nothing comparable

with at least the Dutch Language Union. It means, that the elimination of any trace of Italian colonialism from international affairs is related not only to its weakness, but also to the lack of efforts made by modern Italy.

Key words: *Italy; Africa; Libya; Somalia; Eritrea; colonialism; international relations.*

REFERENCES

Maslova Ye.A. Ideological foundations of Italian foreign policy during the Second Republic: thesis for…cand. of potical sciences [Ideologicheskie osnovy vneshnei politiki Italii perioda Vtoroi respubliki: dis. …kand. Polit. nauk]. Moscow, 2012. 241 p. (in Russian).

Maslova Ye.A., Ushakova N.V. The Mediterranean policy of Italy (beginning) [Sredizemnomorskaya politika Italii (nachalo)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 1, pp. 111–116 (in Russian).

Maslova Ye.A., Ushakova N.V. The Mediterranean policy of Italy (ending) [Sredizemnomorskaia politika Italii (okonchanie)] *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2. pp. 107–116 (in Russian).

Zonova T.V. History of foreign policy of Italy: textbook for universities [Istoriya vneshnei politiki Italii: uchebnik dlya vuzov]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 349 p. (in Russian).

Del Boca A. Italian colonialism through mythes, removals, denials and nonfullfillment [Il colonialismo italiano tra miti, rimozioni, negazioni e inadempienze]. *Italia contemporanea*, 1998, no. 212. pp. 589–603 (in Italian).

The Europa World Year book. Vol. 1. London, New York, Europa Publications, 2003. 2344 p. (in English).

Resolution 1907 (2009) [Rezolyutsiya 1907 (2009)]. United Nations [OON]. *Available At*: https://undocs.org/ru/S/RES/1907(2009) (accessed 1 April 2020).

Resolution 2444 (2018) [Rezolyutsiya 2444 (2018)]. United Nations [OON]. *Available at*: https://undocs.org/ru/S/RES/2444(2018) (accessed 1 April 2020).

Resolution 390(V) [Rezolyutsiya 390(V)]. United Nations [OON]. *Available at*: https://undocs.org/ru/A/RES/390%28V%29 (accessed 15 June 2020).

Asmara: A Modernist African City. UNESCO *Available at*: https://whc.unesco.org/en/list/1550/ (accessed 13 January 2021).

Bilateral reports [Rapporti bilaterali]. Embassy of Italy in Mogadishu [Ambasciata d'Italia Mogadiscio]. *Available at*: https://ambmogadiscio.esteri.it/ambasciata_mogadiscio/it/i-rapporti-bilaterali/i-rapporti-bilaterali.html (accessed 24 November).

Craxi signed the 550 billion agreement to Somalia. 24.09.1985 [Craxi ha firmato l'accordo 550 miliardi alla Somalia. 24.09.1985]. The Republic [La Repubblica]. *Available at*: https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1985/09/24/craxi-ha-firmato-accordo-550-miliardi.html (accessed 18 January 2021).

Cultural cooperation [Cooperazione culturale]. Embassy of Italy in Asmara [Ambasciata d'Italia Asmara]. *Available at*: https://ambasmara.esteri.it/ambasciata_asmara/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione%20culturale/cooperazione-culturale_0.html (accessed 31 March 2020).

In the memory of Awate, the History Maker. Reconciliation. *Available at*: https://web.archive.org/web/20081116003808/http://www.awate.com/artman/publish/article_75.shtml (accessed 09 June 2020).

Libya, Monti signs the new friendship pact with Prime Minister al-Kib. The bill in 24 hours [Libia, Monti firma il nuovo patto di amicizia con il premier al-Kib. Il sole 24 ore]. *Available at*: https://st.ilsole24ore.com/art/notizie/2012-01-21/monti-vola-tripoli-visita-142049.shtml?uuid=AaRjsrgE (accessed 24 November 2020).

Political cooperation [Cooperazione politica]. Embassy of Italy in Asmara [Ambasciata d'Italia Asmara]. *Available at*: https://ambasmara.esteri.it/ambasciata_asmara/it/i_rapporti_bilaterali/cooperazione-politica/cooperazione-politica.html (accessed 31 March 2020).

Prime-minister Omar Abdirashid meets his Italian counterpart in Rome. Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Somalia. *Available at*: http://www.mfa.gov.so/prime-minister-omar-abdirashid-meets-his-italian-counterpart-in-rome/ (accessed 5 March 2020).

The Axum obelisk returns home. A six-million-euro operation [Torna a casa l'obelisco di Axum. Un'operazione da sei milioni di euro]. Corriere della Sera [Corriere della sera]. *Available at*: https://www.corriere.it/esteri/08_settembre_04/axum_etiopia_rinnovata_amicizia_tensioni_eritrea_9223bf46-7abd-11dd-a3dd-00144f02aabc.shtml (accessed: 18 June 2020).

The exhibition dedicated to Eritrean Ascari [La Mostra dedicata agli Ascari Eritrei]. Maitacli [Maitacli]. *Available at*: http://www.maitacli.it/attualita/63-la-mostra-dedicata-agli-ascari-eritrei.html (accessed 24 November 2020).

The Minister of Foreign Affairs and Investment Promotion h.e. dr. Abdusalam H. Omer participated in the first Italy-Africa ministerial conference in Rome. Ministry of Foreign Affairs of the Federal Republic of Somalia. *Available at*: http://www.mfa.gov.so/the-minister-of-foreign-affairs-and-investment-promotion-h-e-dr-abdusalam-h-omer-participated-in-the-first-italy-africa-ministerial-conference-in-rome/ (accessed 5 March 2020).

Treaty of friendship, partnership and cooperation between the Italian Republic and the great popular socialist Libyan Arab Jamahiriya [Trattato di amicizia, partenariato e cooperazione tra la Repubblica italiana e la grande Giamahiria araba libica popolare socialista]. The Republic [la Repubblica.it]. *Available at*: https://www.repubblica.it/2008/05/sezioni/esteri/libia-italia/testo-accordo/testo-accordo.html (accessed 24 November 2020).

С.А. Денисов

Институт археологии РАН
Москва, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2021-54-2-225-243

ПОМЕЗАНСКИЕ ЛЕННИКИ В ГОСУДАРСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В 1260–1370 ГОДАХ

Ключевые слова: *Помезания; Тевтонский орден; ленник; акт; землевладение; военная служба; налог.*

Статья посвящена проблеме инкорпорирования помезан, населявших западные прусские земли, в социальную систему Орденского государства в 1260–1370 годах. Для ее решения рассмотрены состав и функции 227 ленников, перешедших на службу к братьям и епископам. Данные аспекты, не получившие в историографии полного освещения и зафиксированные в 147 актах, Помезанской правде и хрониках Петра из Дусбурга и Виганда из Марбурга, исследованы с помощью просопографического, сравнительно-исторического, типологического и диахронно-синхронного методов, позволивших сделать следующие выводы. Большинство ленников (165 из 227 персон) несли военную службу за свои наделы, а также платили

дополнительно натуральную, натурально-денежную или денежную подати (группа 1) или были освобождены от них (группа 2). Численность данных групп стабильно увеличивалась на протяжении 1260–1370 годов, что было обусловлено потребностью Ордена в воинах для кампаний против Великого Литовского княжества и Польского королевства. В противоположность им, группа 3, пополнявшаяся редко, обеспечивала братьям и церкви дополнительные доходы от отдельных участков. Внутри всех групп наблюдалась социально-имущественная дифференциация, негативные последствия которой нивелировались Орденом и епископами за счет расширения круга наследников, разрешения обмена участков, освобождения от службы и налогов на определенный период и других действий. Данные меры, основанные на местном праве, сочетались с регламентацией военной службы и выплаты налогов, зафиксированной в Кульмской грамоте, что свидетельствовало о гибкой политике братьев и церкви в Помезании, ставшей залогом успешного инкорпорирования ее населения в социальную систему Орденского государства.

Становление и развитие Орденского государства в Юго-восточной Прибалтике, происходившее в середине XIII – XIV веке, опиралось на ряд политических и социальных факторов. К первым относились идеологическая и материальная поддержка со стороны римских пап и германских правителей, а ко вторым – переселение на завоеванные земли колонистов и привлечение пруссов на сторону Ордена и церкви.

Сотрудничество братьев и епископов с пруссами, большинство из которых жили в сельских округах, подразумевало пожалование им земельных участков в обмен на военную службу, строительство укреплений и/или выплату податей. Опираясь на эту меру, Орден смог привлечь на свою сторону часть местного населения и затем инкорпорировать его в свою социальную систему. Развитие прусского землевладения происходило медленно и неравномерно вследствие длительной борьбы братьев с вождями Великого восстания (1242–1283), а также из-за природных условий, заключавшихся в том, что восточные области (Надровия и Галиндия) были покрыты лесами, озерами и болотами, составлявшими Великую пущу. В данной ситуации наиболее пригодными для становления новой социальной системы оказались западные прусские земли: Помезания, Погезания, Вармия и Самбия, где местное землевладение сложилось еще до прихода братьев. Среди этих областей особое место занимала Помезания, как регион, прежде остальных покоренный Орденом и вовлеченный в Великое восстание только в начальный период 1242–1249 годов. После победы Ордена помезане вместе с вармами и наттангами заключили с ним мирный договор в Христбурге в 1249 году и позднее принимали его сторону в военных конфликтах с другими прусскими племенами [Petri de Dusburg Chronicon, 1861, *121, № 143*;

129, № 169]. Данная ситуация, свидетельствующая об успешном инкорпорировании помезан в социальную систему Орденского государства, делает необходимым рассмотрение их положения под властью братьев. Для этого обратимся к ключевым в данном случае вопросам: составу и функциям помезанских ленников.

Указанные аспекты не получили полного освещения в историографии. Исследователи, касаясь вопроса о становлении землевладения в Помезании, обращали внимание на освоение ленниками ее отдельных округов: Мариенбурга, Христбурга, Ризенбурга, Розенберга и Штума [Schmidt, 1868, *93–99*; Kaufmann, 1927, *70, 85–86*; Semrau, 1928, *11–12*; Idem, 1930, *129*; Kasiske, 1934, *16, 29*; Semrau, 1935, *9–11, 14–15*; Kerner-Żuralska, 1964, *157, 159–161*; Stephan, 2008, *38–139*; Szczepański, 2011, *12–14*; Idem, 2016, *140–152, 162–173*; Idem, 2018, *48–51*]. В ряде работ были сделаны выводы об особом положении помезан в Орденском государстве, которое заключалось в их правовом статусе и условиях земельных пожалований: личной свободе, ограниченном самоуправлении, привилегиях в области наследования [Пашуто, 1952, *114*; 1955, *56–61, 72–80*; Рогачевский, 2004, *77*; Kwiatkowski, 2016, *189*]. Однако подробно состав и функции указанной группы не изучались.

Хронологическими рамками исследования являются 1260–1370 годы, от первых пожалований помезанам до окончательного оформления социальной системы в Орденском государстве [Biskup, Labuda, 1988, *288–290*].

Сведения о помезанских ленниках содержатся в актах, фиксирующих пожалование земельных наделов Орденом и церковью пруссам за военную службу и/или налог. Такие документы имели, как правило, однотипный формуляр, состоявший из обозначений дарителя и получателя, преамбулы, изложения обстоятельств дела (размер, расположение участка, права и обязанности ленника), запрета на отчуждение участка третьим лицом и покушение на жизнь владельца, указаний на дату и место выдачи, а также сигнатуры. Сведения актов дополняются сообщениями Помезанской правды, законодательного памятника, составленного в 1340–1350 годах и зафиксировавшего правовые отношения среди пруссов. Данный источник позволяет определить значение ряда имущественно- и уголовно-правовых норм, используемых в жалованных грамотах. Помимо Помезанской правды, сведения актов дополняются сообщениями хроники Петра из Дусбурга, завершенной в 1326 году, и Виганда из Марбурга, законченной в 1394 году. Оба источника содержат сведения о военных обязанностях помезан, участвовавших в кампаниях Ордена.

Критериями для выделения рассматриваемой группы в источниках являются указания на этническую («прусс», «Pruthenus», «Pruss») и субэтническую («помезанин», «Pomezanus») принадлежность, а также личные

имена (Матто, Навиер, Самбанго и др.), характерные для жителей региона [Ernst, 1904, *33–72*; Dukavičienė, 2015, *227–239*].

В качестве методов для решения сформулированных задач нами выбраны просопографический анализ, подразумевающий изучение социальной группы на основе анализа положения ее представителей, типологический, сравнительно-исторический и диахронно-синхронный методы, обеспечивающие соответственно выделение групп внутри рассматриваемой категории орденских и церковных ленников, их сопоставление и выявление происходящих в них процессов в указанный период.

Обратимся далее к сведениям актов. В нашем распоряжении имеются 147 грамот, пожалованных пруссам Орденом и Помезанскими епископами. Документы содержат сведения о 227 ленниках, которых по обязанностям, выполняемым за надел, можно разделить на три группы.

Первую из них составляли пруссы, обязанные нести военную службу и платить налоги (109 человек, 48% от общего числа). Большинство ленников, входящих в эту группу (87 персон), были обязаны дополнительно возводить и ремонтировать укрепления. Военная служба помезан подразумевала участие в походах Ордена и защиту его земель от вторжений. Прусс был обязан в случае необходимости, определяемой Орденом, присоединиться к войску на коне или в пешем строю. Арсенал ленников описан в актах как «оружие, предписанное обычаем» («arma secundum terrae consuetudinem») [Preussisches Urkundenbuch, 1909, *550–551. № 874; 551. № 875*; Ibid., 1932–1937, *250–251. № 333; 262. № 351; 439–440. № 659*; Ibid., 1964, *168–169. № 191; 567–568. № 630*; Ibid., 1969–1975, *452–453. № 795, etc.*; Ibid., 1986, *68. № 125; 183. № 325, etc.*], «прусское оружие» («armis Pruthenticalis») [Ibid., 1932–1937, *142. № 210*; *268–269. № 361*; Ibid., 1969–1975, *363. № 643*] или «легкое вооружение» («levis arma») [Codex Diplomaticus Prussicus, 1842, *22–23. № 19*; Preussisches Urkundenbuch, 1932–1937, *310–311. № 437*]. Данные определения подразумевали наличие у воина копья, щита, брони и шлема [Codex Diplomaticus Warmiensis, 1860, *345. № 200*; Preussisches Urkundenbuch, 1909, *305. № 475*; Ibid., 1932–1937, *275. № 370*]. В трех актах зафиксировано, что четыре прусса были обязаны вести в военный поход своих людей [Ibid., 1909, *213–214. № 314*; *217–218. № 319*; *312–313. № 485*]. В одном случае помезанин Иона командовал гарнизоном замка [Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussae, *122–123. № 148*]. Еще пять пруссов совмещали военную службу с исполнением административных функций камереров [Preussisches Urkundenbuch, 1944, *127–128. № 178–180*; *172–173. № 240*].

Основной размер участков, которыми владели представители данной группы, составил 1–15 гуффенов. Только в одном случае ленники Гунто и Трей имели надел размером 24,5 гуффена [Ibid., 1932–1937, *310–311. № 437*; Ibid., 1986, *286–287. № 501*].

Налогообложение пруссов, относящихся к первой группе, подразумевало натуральную, натурально-денежную или денежную подати.

Первая из них имела следующие разновидности:

1) по шеффелю пшеницы и ржи (или другого зерна) за каждый плуг и по шеффелю ржи за каждый гакен. Такую подать были обязаны платить 47 человек [Ibid., 1909, *314–315. № 492; 433–434. № 690, etc.*; Ibid., 1932–1937, *82–84. № 129, 130; 86. № 133*; Ibid., 1944, *55–56. № 77; 127–128. № 178–180, etc.*; Ibid., 1986, *29. № 54; 161–162. № 284, 285; 171. № 301; 175. № 307, etc.*];

2) по шеффелю пшеницы и/или ржи с каждого плуга или гакена. Эта подать характеризуется меньшим размером, чем предыдущая, так как подразумевает использование меньшего числа сельскохозяйственных орудий. Сюда можно также отнести подать, состоявшую из шеффелей пшеницы и/или ржи за весь используемый участок. Данный налог должны были платить 39 персон [Ibid., 1909, *507. № 813; 514. № 822; 538–539. № 855, etc.*; Ibid., 1932–1937, *96–97. № 145; 513–514. № 775*; Ibid., 1958, *622. № 730, 731*; Ibid., 1964, *119–120. № 131; 141–142. № 157; 198–199. № 228*; Ibid., 1969–1975, *232. № 412; 359. № 638; 375. № 662; 481. № 851, etc.*].

Натурально-денежная подать включала в себя следующие разновидности:

1) фунт воска, кельнский или кульмский денарий. При этом кельнский денарий мог быть заменен на 5 местных денариев. Такую подать были обязаны платить 10 человек [Ibid., 1932–1937, 310–311. № 437; 434–435. № 651; Ibid., 1986, *286–287. № 501*; Ibid., 2000, *314. № 563*; Perlbach, 1876, *173. № 627*]. В одном случае налог был увеличен для пяти ленников в число раз, аналогичное их количеству, и составил 5 фунтов воска и 5 кельнских денариев [Codex Diplomaticus Prussicus, 1842, *22–23. № 19*; Perlbach, 1876, *279–280. № 1030*];

2) по шеффелю пшеницы и ржи (или другого зерна) за каждый плуг и по шеффелю ржи за каждый гакен, фунт воска, кельнский денарий или 2 марки / 5 прусских или кульмских денариев. Такую подать были обязаны платить две персоны [Preussisches Urkundenbuch, 1909, *541. № 858*; Ibid., 1969–1975, *85–86. № 150*]. Еще в одном случае два ленника дополнительно к указанному размеру зерна были обязаны отдать по два скота с каждого плуга и одному лоттону с каждого гакена [Ibid., 1932–1937, *46. № 72*].

Денежная подать представлена только в одном случае, когда ленник был обязан платить 12 марок за полученный участок [Ibid., 1944, *172–173. № 240*].

Применительно к трем ленникам точный размер налога не указан, а подать определена как обычный платеж [Codex Diplomaticus Warmiensis, 1864, *337. № 324*].

Вторую группу составляли ленники, обязанные нести военную службу и освобожденные от выплаты налогов (56 персон, 27% от общего числа). Большинство из них (45 пруссов) были обязаны дополнительно возводить и ремонтировать укрепления, а две персоны совмещали службу с исполнением должности камерера [Preussisches Urkundenbuch, 1909, *470–471. № 759*; Ibid., 1932–1937, *154–155. № 236*]. Их военные обязанности были аналогичны тем, что выполняли представители группы 1. Размер их владений составил от 1,5 до 18 гуффенов [Codex Diplomaticus Warmiensis, 1860, *366*–368. *№ 214*; Preussisches Urkundenbuch, 1909, *392–393. № 619; 491–492. № 795*; Ibid., 1932–1937, *147–149. № 223, 224; 275. № 370, etc.*; Ibid., 1964, *187–188. № 214; 203–204. № 232; 292. № 332, etc.*; Ibid., 1969–1975, *16. № 29; 83. № 145; 84–85. № 148, etc.*].

К третьей группе относились пруссы, платившие за полученный участок налог или выполнявшие гражданские обязанности и освобожденные от военной службы (10 человек, 4% от общего числа). При этом восемь персон платили подать в виде зерна (по шеффелю пшеницы и ржи с каждого плуга, шеффель ржи за каждый гакен) [Ibid., 1932–1937, *294, 295. № 405, 406*] или денег (0,5 или 6 марок) [Ibid., 1958, *325–326. № 465; 506. № 618*]. Двое пруссов, Альберт и Иоганн, занимали должности соответственно камерера и переводчика [Ibid., 1932–1937, *147–148. № 223*; *294, 295. № 405, 406*]. Определяемые размеры их владений составили 6 и 9 гуффенов.

Военные и податные обязанности пруссов из групп 1–3 формулировались в целом на основе норм, зафиксированных в Кульмской грамоте, изданной в 1233 и восстановленной в 1251 году [Preussisches Urkundenbuch, 1881, *183–194. № 252*]. В этом документе подробно регламентированы вооружение, число лошадей и воинов, сопровождающих ленников, а также размеры и состав податей. Данные нормы существенно отличаются от тех, что представлены в Христбургском мирном договоре, который стал основанием для политического союза помезан и Ордена и в котором эти аспекты сформулированы общим образом [Ibid., 1881, *158–165. № 218*].

Обязанности, которые исполняли за полученные участки 52 ленника (23% от общего числа), не указаны в актах полностью, что произошло по трем причинам. Во-первых, документы, пожалованные 23 ленникам, сохранились в виде краткой записи (рецесса), используемой в более поздних грамотах [Ibid., 1909, *206. № 296; 275. № 430; 503. № 809; 504. № 810; 546. № 864; 546. № 866; 547. № 868; 547. № 870, etc.*]. Во-вторых, в актах сокращались формулировки, фиксирующие обязанности получателя. В этом случае функции семи ленников сформулированы общим образом и описаны как аналогичные тем, что исполнялись ими за полученные ранее наделы [Ibid., 1932–1937, *453. № 685*; Ibid., 1944, *61. № 83*; Ibid., 1969–1975, *214. № 378*]. В-третьих, владения 22 ленников упомянуты в связи с описанием соседних с ними участков, выделяемых тому или иному лицу [Ibid., 1932–1937, *100–*

102. № 149; 249. № 332; 293. № 404; 295. № 406; Ibid., 1944, *20. № 29; 55–56. № 77*; Ibid., 1964, *168–169. № 191*; Ibid., 1969–1975, *232. № 412*; Ibid., 1986, *286–287. № 501*]. Размеры участков этой группы составили 2–5,5 гуффенов. Только в одном случае ленники Вапил и Надруве владели 15 гуффенами [Ibid., 1944, *61. № 83*].

Суммируем данные в таблице 1.

Таблица 1

Распределение помезанских ленников по группам 1–3

Численность	Процент от общего числа ленников	Размеры владений (основные)	Военная служба	Строительство укреплений	Налог
109	48	1–15 гуффенов	109	87	натуральный, натурально-денежный, денежный
56	27	1,5–18 гуффенов	56	45	нет
10	4	6 и 9 гуффенов	нет	нет	натуральный, денежный

Как видно, основную часть ленников (75% от общего числа) составили пруссы, обязанные нести военную службу, а также платить налог (группа 1) или освобожденные от податей (группа 2). При этом большинство из них (58% от общего числа) возводили и ремонтировали крепости. В свою очередь, доля помезан, освобожденных от военной службы и плативших подати или выполнявших гражданские функции (группа 3), была значительно меньше и составила 4% от общего числа. Для того чтобы выяснить причины появления такой ситуации, обратимся к соотношению между дарителями и числом ленников, получивших от них владения.

Таблица 2

Увеличение численности ленников при великих магистрах и епископах

Магистр	Количество новых ленников		
	группа 1	группа 2	группа 3
Анно фон Зангерсхаузен (1257–1274)	(3)	(1)	
Хартманн фон Хельдрунген (1274–1283)	(7)	(5)	

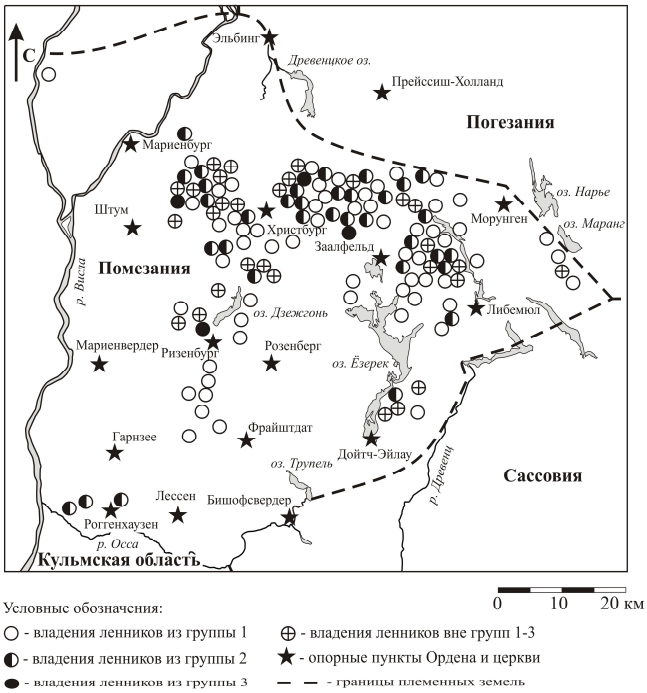
Бурхард фон Шванден (1284–1290)		(2)	
Конрад фон Фейхтванген (1291–1297)		(6)	
Готтфрид фон Гогенлоэ (3 мая 1297–1303)	(1)	(2)	
Зигфрид фон Фейхтванген (1303–1311)	(9)	(2)	
Карл фон Триер (1311–1324)	11 (7)	(5)	(4)
Вернер фон Орселн (1324 –1330)	4		
Лютер фон Брауншвейг (1331–1335)		5	
Дитрих фон Альтенбург (1335–1341)	8 (1)		
Людольф Кёниг (1342–1345)	(4)		(5)
Генрих Дуземер (1345–1351)	(7)	(10)	
Винрих фон Книпроде (1351–1382)	40 (21)	(13)	
епископы			
Альберт (1261–1285)	9		
Рудольф (1322–1332)	4		
Бертольд (1332–1346)			1
Николай (1360–1376)	2		

В скобках указано число ленников, получивших земли от орденских чиновников (ландмейстеров, маршалов, верховных трапиров, комтуров и др.).

Из таблицы 2 видно, что большинство ленников всех групп (154 из 170 персон) получили владения от Ордена, а меньшая часть (16 человек) – от епископов. Данная диспропорция была связана с политикой, которую проводили на своих землях главы диоцеза. Значительная часть южной и западной Помезании (округи Мариенвердера, Гарнзее и Фрайштадта) была пожалована, начиная с 1242 года, немецким землевладельцам, представленным семействами Штанге и Дипенау [Cramer, 1884, *54–56, 59–60, etc.*; Perlbach, 1902, *78–124*; Kerner–Żuralska, 1964, *159–161*]. Другая часть земель была включена в округи городов [Preussisches Urkundenbuch, 1969–1975,

575–576. № 1012; Cramer, 1884, *69, 75–76*], а также выделялась для основания новых деревень [Ibid., *67–68, 69–70, etc.*]. Помимо этого, часть земель (в округе Бишофсвердера) использовалась для содержания клира [Ibid., *53*]. Вследствие этого прусское ленное землевладение получило слабое развитие в диоцезе и концентрировалось в основном в северной и восточной частях области, находившихся под прямым управлением Ордена (рис. 1).

Рис. 1. Географическое распределение владений прусских ленников в Помезании.



Пополнение группы 1 в правление великих магистров и епископов было стабильным и в целом равномерным, что объясняется постоянной потребностью Ордена и церкви в воинах и налогах. Резкое увеличение численности данной группы наблюдалось в правление Винриха фон Книпроде (1351–1382), при котором новые участки получили 40 ленников. Данный процесс был, вероятно, связан с необходимостью пополнить орденское войско для новых кампаний, а также получить дополнительный доход от земельного фонда. Схожим образом, но без резкого увеличения численности и без участия церкви пополнялась новыми ленниками группа 2. Исполнение ключевой для обеих групп обязанности, военной службы, зафиксировано в хрониках XIV века. Согласно труду Петра из Дусбурга, помезанские воины были привлечены вместе с самбами к военному походу против Великого Литовского княжества в 1260 году, завершившемуся битвой при Дурбине [Petri de Dusburg Chronicon, 1861, *96–97. № 84*]. При этом помезанский нобиль Матто, помимо непосредственного участия в сражении, выступил в качестве советника верховного маршала Генриха Ботела (1244–1261), что

говорит об использовании Орденом военного опыта пруссов. Участие помезан в длительном по расстоянию походе связано, вероятно, с тем, что Орден располагал к 1260 году небольшим числом прусских ленников, что заставляло мобилизовать для военных целей жителей всех племенных земель. Данная ситуация изменилась к середине XIV века, когда основное значение для организации походов на восток приобрели ленники из Самбии и Наттангии, характеризующихся высоким уровнем развития местного условного землевладения и находившихся относительно близко к владениям литовских князей [Petri de Dusburg Chronicon, 1861, *180. № 319, 320*; *183. № 331*; *189–190. № 351*]. В этих условиях помезанские ленники привлекались к походам против другого политического соперника Ордена – Польского королевства. Согласно хронике Виганда из Марбурга, в 1331 году помезане участвовали в походе против польского короля Владислава Локетека (1320–1333), завершившемся сражением под Пловцами [Die Chronik Wigands von Marburg, 1863, *481–482. № 17*]. Помимо участия в походах, помезане активно защищали свою область. Так, нобиль Иона командовал обороной замка Белихов, расположенного на р. Оссе, от восставших пруссов в начале 1280-х годов [Petri de Dusburg Chronicon, 1861, *122–123. № 148*].

В противоположность ленникам из групп 1 и 2, пополнение численности пруссов, освобожденных от военной службы, происходило редко и было связано с необходимостью получить дополнительную прибыль от использования отдельных участков. Так, епископ Бертольд (1332–1346) подтвердил 1 апреля 1344 года приобретение пруссом Нором земельного участка у горожан Ризенбурга при условии выплаты ежегодного налога в 0,5 марки [Preussisches Urkundenbuch, 1958, *325–326. № 465*]. Данное пожалование наряду с раздачей других земель за выплату налога было призвано принести епископу дополнительный доход, необходимый для строительства нового собора в Мариенвердере [Cramer, 1884, *84*].

Обратимся далее к процессам, происходившим внутри групп 1–3 в 1260–1370 годах. В первую очередь следует отметить, что среди помезанских ленников наблюдался процесс социально-имущественной дифференциации: с одной стороны, происходила концентрация земельных участков в руках отдельных лиц, а с другой – пруссы прекращали использовать свои наделы.

Концентрация землевладений осуществлялась за счет дополнительных пожалований или приобретения. Вторые участки были пожалованы семи лицам: Генриху фон Крауслаукену [Preussisches Urkundenbuch, 1964, *372. № 411*; Ibid., 1969–1975, *557. № 953*], Стефану и Клаусу [Ibid., 1969–1975, *214. № 378*], Гансу Линкену [Ibid., 1932–1937, *453. № 685*], Вапилу и Надруве [Ibid., 1944, *61. № 83*] и Кирстану [Ibid., 1932–1937, *262. № 351*]. Дополнительно к имеющемуся владению купил землю Томас [Ibid., 1986, *225. № 408*].

В свою очередь, прекращение землепользования происходило вследствие продажи участка или отсутствия наследников у его владельцев. Свои наделы продали четыре ленника: Пермауде [Ibid., 1958, *423–424. № 552*], Конко фон Калб [Ibid., 1958, *506. № 618*], Кайбуте [Ibid., 1932–1937, *96–97. № 145*; 1986, *202. № 362*] и Дитрих Смуррен [Ibid., 1969–1975, 87–88. № 153]. Как владельцы, не имевшие наследников по мужской линии, упомянуты три ленника: Стейне [Ibid., 1969–1975, *208–209. № 367*; Ibid., 1986, *68. № 125*], Гердав [Ibid., 1986, *225. № 408*] и Йонке [Ibid., 2000, *449–450. № 780*].

Расслоению ленников способствовали несколько факторов, первым из которых стало появление дополнительных доходов, позволявших помезанам покупать участки. Приобретение наделов при условии исполнения ленных обязанностей стало в 1306–1365 годах одним из способов формирования помезанского землевладения. В качестве первого участка наделы купили семь ленников: Буллман [Ibid., 1932–1937, *275. № 370; 366–367. № 545*], Френцеллин и Ганко [Ibid., 1958, *506. № 618*], Нор [Ibid., 1958, *325–326. № 465*], Блиссиен [Ibid., 1969–1975, *87–88. № 153*], Иоганн [Ibid., 1909, *551. № 875*] и Кантин [Ibid., 1986, *202. № 362*]. Данный фактор способствовал формированию среди помезан прослойки крупных (по сравнению с остальными) землевладельцев. Второй фактор, имевший противоположное значение, заключался в дроблении участков, которое фиксировалось при пожаловании: в актах специально оговаривалось, какая часть надела принадлежит каждому собственнику. На таком условии земли получили восемь ленников: Зудеке и Гинтил [Ibid., 1986, *161–162. № 285*], Кудин и Бугусин [Ibid., 1909, *314–315. № 492*], Вапелле и Глабуне [Codex Diplomaticus Warmiensis, 1860, *366–368. № 214*], а также упоминавшиеся Стефан и Клаус.

Социально-имущественная дифференциация проходила в условиях сокращения земельного фонда, приводившего к уменьшению размеров наделов, выданных ленникам. Так, если к 1318 году участки размером 1–6 гуффенов получили пять ленников, то к 1365 году такие наделы были пожалованы уже 81 пруссу [Preussisches Urkundenbuch, 1909, *470–471. № 759*; Ibid., 1932–1937, *487–488. № 736*; Ibid., 1964, *187–188. № 214; 568–569. № 631*; Ibid., 1986, *48–49. № 86; 202. № 362, etc.*]. Сокращение свободных земель привело к уплотнению участков (рис. 1), что отразилось в актах в виде специального запрета: в том случае, если участок имел размер меньше заявленного, владелец не мог дополнить его за счет близлежащих угодий. Такое условие было указано в грамотах, пожалованных в 1353–1354 годах 10 ленникам [Ibid., 1969–1975, *16. № 29; 84–85. № 148; 130. № 233; 168. № 248*]. Сокращение освоенного земельного фонда привело к выделению участков в менее пригодных для культивации местах: в лесу, вблизи рек и озер. В 1323–1365 годах такие участки получили восемь ленников [Ibid., 1932–1937, *310–311. № 437; 593–594. № 879*; Ibid., 1969–1975, *232. № 412*; Ibid., 1986, *191. № 337*].

Орден и епископы стремились регулировать рассматриваемый процесс, нивелируя его негативные последствия при помощи следующих мер:

1) разрешение на наследование участка не только по мужской, но и по женской линии. Такое право было отмечено в актах, фиксирующих пожалования ленникам Самбанго [Ibid., 1909, *257–259. № 380*], Тулекойте и Буте [Ibid., 1909, *503–504. № 809; 504. № 810*]. В отдельных случаях участок сохранялся за дочерью владельца, которая передавала его мужу после свадьбы. Так поступили дочери упомянутых ленников Стейне, Гирдава и Йонке;

2) разрешение обмена участков на земли, более удобные для использования. Данная возможность зафиксирована в актах, выданных 11 ленникам [Ibid., 1909, *507. № 813*; Ibid., 1932–1937, *82–83. № 129; 268–269. № 361*; Ibid., 1964, *567–568. № 630*; Ibid., 1986, *160. № 281; 191. № 337*];

3) компенсация в случае возвращения участка по просьбе Ордена или епископа, которую получили семейство Навиера (трое сыновей и племянник) [Codex Diplomaticus Prussicus, 1842, *22–23. № 19*], Иоганн [Preussisches Urkundenbuch, 1932–1937, *147–148. № 223*], Гунто [Ibid., 1932–1937, *412. № 623*] и которая предполагалась для упоминавшихся ленников Кудина и Бугусина;

4) освобождение от службы и налогов на четыре года или шесть лет, которое получили четыре ленника [Ibid., 1932–1937, *593–594. № 879*; Ibid., 1969–1975, *232. № 412*], а также право рыбной ловли в реках и озерах, которым обладали 29 ленников [Ibid., 1909, *205–206. № 295; 213–214. № 314*; Ibid., 1932–1937, *82–83. № 129; 83–84. № 130; 96–97. № 145, etc.*; Ibid., 1944, *61. № 83*; Ibid., 1964, *203–204. № 232; 567–568. № 630*; Ibid., 1986, *161–162. № 285; 183. № 325; 191. № 337, etc.*];

5) переход наделов крестьян, не имевших наследников, в собственность ленников. Такая мера обозначена в документах, пожалованных семи пруссам [Ibid., 1932–1937, *83–84. № 130; 154–155. № 236; 250–251. № 333; 268–269. № 361*; Ibid., 2000, *449–450. № 780*];

6) введение штрафа за ущерб здоровью или убийство землевладельца (вергельда), зафиксированное в грамотах, выданных девяти ленникам в 1356–1364 годах [Ibid., 1969–1975, *232. № 412*; Ibid., 1986, *29. № 54; 175. № 307; 183. № 325*]. Размер вергельда составил 16 и 30 марок.

Перечисленные меры позволили поддерживать стабильное ленное землепользование в Помезании, о чем свидетельствует сравнительно небольшое число рассмотренных выше случаев, когда участки перестали использоваться владельцами (семь случаев). Помимо этого, о данной стабилизации свидетельствует то, что на службе у Ордена и церкви могли находиться два или три поколения одного семейства (всего 23 ленника) на протяжении периода от 13 до 63 лет (табл. 3).

Таблица 3

Помезанские ленники, служившие Ордену и церкви в течение 2–3 поколений

Период	Владельцы	Ссылка
1280–1336	Ломоте и его потомки Будиш и Вапил	Preussisches Urkundenbuch, 1944, *55–56. № 77*
1344–1367	Нор и его сын Нице Нор	Ibid., 1958, *325–326. № 465*; Ibid., 1986, *286–287. № 501*; Ibid., 2000, *314. № 563*
1294–1321	Богуслав и его сын Кирстан	Ibid., 1909, *392–393. № 619*; Ibid., 1932–1937, *262. № 351*
1260–1323	Матто, его сыновья Гунто и Трей и его племянники Ноер и Теодорих	Ibid., *310–311. № 437*; Ibid., 1986, *286–287. № 501*; Perlbach, 1876, *173. № 627*
1263–1303	Крополте и его сыновья Тулекойте и Буте	Preussisches Urkundenbuch, 1909, *503. № 809*; *504. № 810*
1302/1306–1323	Тессим и его сыновья Вапеле и Глабуно	Ibid., 1909, *547. № 870*; Codex Diplomaticus Warmiensis, 1860, *366–368. № 214*
1302/1306–1321	Краупоне и его сыновья Виссегауде и Николай	Preussisches Urkundenbuch, 1932–1937, *268–269. № 361*
1280–1343	Самбанго и его сын Пермауде	Ibid., 1909, *257–259. № 380*; Ibid., 1958, *423–424. № 552*

Рассмотрим далее, каким образом принятые меры соотносились с правом помезан, кодифицированным в своде местной Правды.

Прежде всего, следует отметить, что, так же как в актах, в Правде предусмотрены выделение доли наследников в составе общего владения [Пашуто, 1955, *120. № 16; 152. № 107*], получение землевладельцем имущества крестьян, не оставивших потомков [Там же, *118. № 11*], продажа наследства [Там же, 1955, *144. № 83*], а также денежные компенсации за ущерб здоровью свободного человека [Там же, 1955, *136. № 61; 152. № 103*]. Вместе с тем Помезанская правда содержит ряд дополнений к нормам, указанным в актах. В случае споров, возникавших при разделе наследства, в его состав включалась также собственность, не связанная с ним и принадлежащая тяжущимся сторонам [Там же, 1955, *134. № 53*]. Пасынки, не желавшие жить с мачехой, имели право получить содержание от своего отца, а после его смерти разделить наследство поровну [Там же, 1955, *146, 148. № 92*]. Грамота, фиксировавшая вступление в наследство, выдавалась старшему сыну при сохранении прав на имущество младшими сыновьями [Там же, 1955, *150. № 98*]. Вдовы освобождались от выплаты налогов на три года [Там же, 1955, *124. № 25*]. При этом предусматривался раздел имущества между ними и сестрами или братьями мужа на две равные части [Там же,

1955, *126. № 34; 140. № 71*]. Установлению ранения помезанина предшествовало судебное разбирательство с участием камерера [Там же, 1955, *116. № 5, 6*].

Таким образом, выявленное сходство между нормами, использованными в актах, и правовой регламентацией общественных отношений, зафиксированной в Правде, свидетельствует о том, что орденская и церковная администрации, формируя условное землевладение, исходили в его внутреннем регулировании из местного права. Вместе с тем в Правде не регламентировались военные обязанности и подати ленников, которые являлись частью прямых отношений между Орденом и церковью, с одной стороны, и пруссами – с другой. Эти обязанности определялись, как уже было отмечено, на основе норм, зафиксированных в Кульмской грамоте.

Представленное соединение норм говорит о гибкой политике, проводимой Орденом и церковью в Помезании: братья и епископы, с одной стороны, обязывали ленников выполнять задачи, необходимые для создания и защиты своего государства, а с другой – допускали развитие местного сообщества по принятым в нем нормам.

Итак, включение помезан в социальную систему Орденского государства, происходившее в форме ленного землевладения, привело к формированию среди них трех групп, которые различались по обязанностям, выполняемым за полученный участок. Основную часть ленников формировали землевладельцы, участвовавшие в походах братьев и защищавшие орденские и церковные земли. Они дополнительно платили натуральный, натурально-денежный или денежный налоги (группа 1) или были освобождены от них (группа 2), а также стабильно пополнялись новыми владельцами на протяжении 1260–1370 годов, что было обусловлено, в первую очередь, активными военными кампаниями Ордена против Великого Литовского княжества и Польского королевства. В противоположность этому, число пруссов, плативших налоги, исполнявших гражданские обязанности и освобожденных от военной службы (группа 3), было меньшим. Пополнение этой группы происходило редко и было связано с потребностью в дополнительных доходах от наделов.

Внутри всех выделенных групп наблюдался процесс социально-имущественной дифференциации, состоявший, с одной стороны, в аккумуляции наделов в руках отдельных персон, а с другой – в прекращении ленниками землепользования (с последующей продажей или передачей участков другим лицам). Данный процесс происходил в условиях появления дополнительных доходов у пруссов, разделов земельной собственности, а также сокращения земельного фонда. Орден и церковь, регулируя расслоение, стремились уменьшить его негативные последствия при помощи ряда мер. Они расширили круг лиц, имеющих право на наследство, разрешили обмен

участков, ввели компенсацию в случае возвращения надела в свою собственность, освобождали от службы на четыре года или шесть лет, пожаловали право рыбной ловли, передали ленникам земли крестьян, оставшихся без потомков, ввели штраф за ущерб здоровью пруссов (вергельд). Перечисленные меры способствовали стабилизации землевладения, о чем свидетельствует сравнительно небольшое число случаев, когда использование участков было прекращено, а также нахождение отдельных семейств на службе Ордена в течение двух-трех поколений. Положительный эффект от принятых мер был обусловлен тем, что они основывались на нормах местного права. Это обстоятельство, наряду с использованием норм Кульмского права для регламентации военных и податных обязанностей, свидетельствовало о гибкой политике, проводимой братьями и церковью при формировании условного землевладения в Помезании, население которой внесло значительный вклад в становление Орденского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Пашуто В.Т. Несколько наблюдений над «Прусской правдой» // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сб. ст. / ред. В.П. Волгин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 112–116.

Пашуто В.Т. Помезания. Помезанская Правда как исторический источник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.

Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 495 с.

Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. 624 s.

Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 2. Königsberg: Verlag der Gebrüdern Vornträger, 1842. 221 S.

Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / Hrgb. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1860. 604 S., 2 Taff.

Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / Hrgb. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1864. 674 S.

Cramer H. Geschichte des vormaligen Bistums Pomesanien. Marienwerder: Hofbuchdruckerei von R. Kanter, 1884. 293 S.

Die Chronik Wigands von Marburg // SRP. Bd. 2 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863. S. 453–662.

Ernst L. Die altpreussische Personennamen. Breslau: Buchdruckerei Fleischmann, 1904. 72 S.

Dukavičienė I. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų registre // Acta Linguistica Lithuanica. 2015. T. LXXII. S. 221–245.

Kasiske K. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlischen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1934. 176 S.

Kaufmann K.J. Geschichte des Kreises Rosenberg. Bd. 1. Marienwerder: W. Groll, Westpreussische Hofbuchdruckerei, 1927. 231 S.

Kerner-Żuralska M. Materiały do dziejów osadnictwa Pomezanii: (pow. kwidzyński, iławski oraz część grudziądzkiego) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1964. Nr. 2. S. 150–167.

Kwiatkowski K. Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersitetu Mikołaja Kopernika, 2016. 674 s.

Perlbach M. Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts. Königsberg: Ferd. Beyer vormals Th. Theile's Buchhandlung, 1876. 400 S.

Perlbach M. Zur Geschichte der ältesten Grossgrundbezitzes im Deutschordensland Preussen // Altpreussische Monatsschrift. 1902. Bd. 39. S. 78–124.

Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. S. 21–219.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 1 / Hrgb. von R. Philippi. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1881. 251 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. A. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909. 724 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2. Lief. 1–3 / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1932–1937. 596 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 1 / Hrgb. von M. Hein. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1944. 288 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 2 / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1958. 650 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 4 / Hgb. von H. Koeppen. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1964. 620 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 5. Lief. 1–3 / Hgb. von K. Conrad. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1969–1975. 756 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 1 / Hgb. von K. Conrad. Marburg: Hartung, 1986. 289 S.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 2 / Hgb. von K. Conrad. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 2000. 580 S.

Schmidt F.W.F. Geschichte der Stuhmer Kreises. Thorn: Rathsbuchdruckerei Ernst Lambeck, 1868. 258 S.

Semrau A. Orte und Fluren in ehemaligen Gebiet Stuhm und Waldamt Bönhof (Komturei Marienburg). Elbing: Buchdruckerei Otto Siede, 1928. 222 S.

Semrau A. Orte und Fluren in ehemaligen Gebiet Morein (Komturei Christburg) // Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn. 1929. Hft. 30. S. 127–156.

Semrau A. Die Siedlungen im Kammeramt Kerpau (später Liebemühl) – Komturei Christburg – im Mittelalter // Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn. 1935. Hft. 43. S. 1–141.

Stephan J. Die Besiedlung der Komturei Elbing bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Pruthenia. 2008. T. 3. S. 65–160.

Szczepański S. Osadnictwo pruskie w okolicy Prabut we wczesnym średniowieczu // Kronikarskim Piórem. Prabuty – Riesenburg. 2011. Vol. 1. S. 5–15.

Szczepański S. Osadnictwo średniowieczne wokył Starego Dzierzgonia // Wielokulturowy Obiekt Warowny na Górze Zamkowej oraz Gród Cyplowy w Starym Dzierzgoniu. Studia i Materiały / Red. D. Gazda. Warsczawa, 2018. S. 37–55.

Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 2016. 412 S., mapa.

S.A. Denisov
Candidate of Historical Sciences,
Junior Researcher,
Institute of Archeology RAS
Moscow, Russia

Pomezanian Feoffees in the State of the Teutonic Order in the 1260–1370s

The article deals with the problem of incorporation of the Pomezanians who settled in western Prussian lands in the social system of the Order State in the 1260–1370s. To research this problem, the article discusses composition and functions of 227 feoffees entered the service of brethern and bishops. These aspects have not been thoroughly studied in historiography; they are fixed in 147 acts, such as Pomezanian Law and the Chronicles of Peter of Dusburg and Wigand of Marburg.

The given aspects have been researched with prosopographical, historical-comparative, typological, and diachron-synchronous methods, that allowed us to make the following conclusions. The majority of feoffees (165 of 227 persons) kept the military service for their estates and additionally paid natural, natural-money or cash taxes (Group 1) or were free from taxes (Group 2). These groups were constantly increased in number in the 1260–1370s. It was caused by the Order need for warriors for military campaigns against the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland. In contrast to them, Group 3 was rarely replenished and paid the brethern and church additional taxes from distinct lands. These groups had social-propriety differentiation, negative consequences of the latter were neutralized by the Order and church due to the heirs' increasing numver, permission to change land estates, exemption from military service and taxes for a certain period of time and other actions.

These measures were based on the local law and combined with regulations of military service and taxes fixed in Culm Charter. This situation testified the flexible policy conducted by the brethern and church in Pomezania. It became the basis for successful incorporation of local inhabitants in the social system of the Order State.

Key words: *Pomezania; Teutonic Order; feoffee; act; landowning; military service; tax.*

REFERENCES

Pashuto V.T. Some observations on the «Prussian law» [Neskolko nablyudeny nad «Prusskoi pravdoi»]. Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday [Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya]: a collection of articles. Ed. by V.P. Volgin. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1952, pp. 112–116 (in Russian).

Pashuto V.T. Pomezania. Pomezanian Law as historical source [Pomezaniya. Pomezanskaya Pravda kak istorichesky istochnik]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1955. 184 p. (in Russian).

Rogachevsky A.L. Essays on the history of law in Prussia in the 13th–17th centuries [Ocherki po istorii prava Prussii XIII–XVII vv.]. St Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2004. 495 p. (in Russian).

Biskup M., Labuda G. History of the Teutonic Order in Prussia [Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach]. Gdansk, Morskie Gdansk Publishing House, 1988. 624 p. (in Polish).

Chronicle of Wigand from Marburg [Die Chronik Wigands von Marburg]. Writers of Prussian affairs [Scriptores rerum prussicarum]. Vol. 2. Ed. by T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, Publishing House of S. Hirzel, 1863, pp. 453 – 662. (in German).

Cramer H. The early history of the bishopric of Pomezania [Geschichte des vormaligen Bistums Pomezanien]. Marienwerder, R. Kanter's Publ., 1884. 293 p. (in German).

Dukavičienė I. XIIIth century Prussian personal names in the Prussian register [XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų register]. *Acta Linguistica Lithuanica*, 2015, Vol. LXXII, pp. 221–245 (in Lithuanian).

Ernst L. Old-Prussian personal names [Die altpreussische Personennamen]. Wroclaw, Fleischmann Publ., 1904. 72 p. (in German).

Kasiske K. Settlement affairs of the German order in Eastern Prussia until 1410 [Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlischen Preussen bis zum Jahre 1410]. Königsberg, Gräfe and Unzer, 1934. 176 p. (in German).

Kaufmann K.J. History of Rosenberg land [Geschichte des Kreises Rosenberg]. Vol. 1. Marienwerder, W. Groll, West Prussian Publishing House, 1927. 231 p. (in German).

Kerner-Żuralska M. Materials for the history of settlement of Pomezania: (counties of Kwidzyń, Iława and part of Grudziądz county) [Materiały do dziejów osadnictwa Pomezanii: (pow. kwidzyński, iławski oraz część grudziądzkiego)]. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 1964, no. 2, pp. 150–167 (in Polish).

Kwiatkowski K. Troops of the German Order in Prussia 1230–1525 [Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525]. Toruń, Scientific Publishing House of the Nicolaus Copernicus University, 2016. 674 p. (in Polish).

Perlbach M. Prussian regesta until the end of the XIIIth century [Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts]. Königsberg, Ferd. Beyer formerly Th. Theile's bookstore, 1876. 400 p. (in German).

Perlbach M. To the history of the oldest latifundias in German Order's land Prussia [Zur Geschichte der ältesten Grossgrundbezitzes im Deutschordensland Preussen]. *Altpreussische Monatsschrift*, 1902, Vol. 39, pp. 78–124 (in German).

Petri de Dusburg. Chronicle of Prussian land [Chronicon terrae Prussiae]. Writers of Prussian affairs [Scriptores rerum prussicarum]. Vol. 1. Ed. by T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, Publishing House of S. Hirzel, 1861, pp. 2 –219 (in German).

Prussian collection of acts [Codex Diplomaticus Prussicus]. Ed. by J. Voigt. Vol. 2. Königsberg, Publishing House of the Vornträger brothers, 1842. 221 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 1. No. 1. Ed. by R. Philippi. Königsberg, Hartungsche Publ., 1881. 251 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 1. No. 2. Arr. A. Seraphim. Königsberg, Hartungsche Publ., 1909. 724 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 2. Issue 1–3. Ed. by M. Hein, E. Maschke. Königsberg, Gräfe and Unzer, 1932 – 1937. 596 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 3. Issue 1. Ed. by M. Hein, E. Maschke. Königsberg, Gräfe and Unzer, 1944. 288 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 3. Issue 2. Ed. by H. Koeppen. Marburg, N.G. Elwert's Publishing House, 1958. 650 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 4. Ed. by H. Koeppen. Marburg, N.G. Elwert's Publishing House, 1964. 620 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 5. Issue 1–3. Ed. By K. Conrad. Marburg, N.G. Elwert's Publishing House, 1969–1975. 756 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 6. Issue 1. Ed. By K. Conrad. Marburg, Hartung, 1986. 289 p. (in German).

Prussian collection of sources [Preussisches Urkundenbuch]. Vol. 6. Issue 2. Ed. By K. Conrad. Marburg, N.G. Elwert's Publishing House, 2000. 580 p. (in German).

Schmidt F.W.F. History of Stuhm land [Geschichte der Stuhmer Kreises]. Thorn, Ernst Lambeck Publishing House, 1868. 258 p. (in German).

Semrau A. Settlements and fields in former Morein region (Komturei Christburg) [Orte und Fluren in ehemaligen Gebiet Morein (Komturei Christburg)]. *Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn*, 1929, no. 30, pp. 127–156 (in German).

Semrau A. Settlements and fields in former Stuhm region and Waldamt Bönhof (Komturei Marienburg) [Orte und Fluren in ehemaligen Gebiet Stuhm und Waldamt Bönhof (Komturei Marienburg)]. Elbing, Publishing House of Otto Siede, 1928. 222 p. (in German).

Semrau A. Settlements in Kammeramt Kerpau (later Liebemühl) – Komturei Christburg – in Middle ages [Die Siedlungen im Kammeramt Kerpau (später Liebemühl) – Komturei Christburg – im Mittelalter]. *Mitteilungen des Copernicus-Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn*, 1935, no. 43, pp. 1–141 (in German).

Stephan J. Colonization of Komturei Elbing until the mid–XVth century [Die Besiedlung der Komturei Elbing bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts]. Pruthenia, 2008, Vol. 3, pp. 65–160 (in German).

Szczepański S. Medieval settlement in area of Stary Dzierzgioń [Osadnictwo średniowieczne wokył Starego Dzierzgonia]. A multicultural fortified building on Castle Hill and Cyplowy castle in Stary Dzierzgioń. Studies and materials [Wielokulturowy Obiekt Warowny na Górze Zamkowej oraz Gród Cyplowy w Starym Dzierzgoniu. Studia i Materiały]. Ed. by. D. Gazda. Warsaw, 2018, pp. 37–55 (in Polish).

Szczepański S. Prussian Pomezania. History of settlement in the XIIIth – XVth centuries [Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII – XV wieku]. Olsztyn, Scientific Research Center of Wojciech Kętrzyński in Olsztyn, 2016. 412 p., map. (in Polish).

Szczepański S. Prussian settlement in area of Prabut in early Middle Ages [Osadnictwo pruskie w okolicy Prabut we wczesnym średniowieczu]. *Kronikarskim Piórem Prabuty – Riesenburg*, 2011, Vol. 1, pp. 5–15 (in Polish).

Warmian collection of acts [Codex Diplomaticus Warmiensis]. Vol. 1. Ed. by C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, Publishing House of Franz Kirchheim, 1860. 604 p., 2 Tabl. (in German).

Warmian collection of acts [Codex Diplomaticus Warmiensis]. Vol. 2. Ed. by C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, Publishing House of Franz Kirchheim, 1864. 674 p. (in German).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IN MEMORIA

Н.Б. Итунина
Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

MEMORIA.
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СЛАВИНА
(27.11.1924–25.03.2021)

25 марта 2021 года ушел из жизни Александр Васильевич Славин – участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Родился А.В. Славин 27 ноября 1924 года на хуторе Красный Яр Иловлинского района Волгоградской области. Летом 1942 года он окончил среднюю школу с золотой медалью и был призван на военную службу. Его отобрали в школу младших командиров, и в этом же 1942 году в звании старшего сержанта Александр Васильевич становится фронтовиком. Бои, ранения, госпиталь, вновь бои – такова фронтовая биография А.В. Славина, участника взятия Будапешта, конец войны встретившего в Австрии. За проявленные в сражениях с врагом мужество и героизм А.В. Славин был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, 15 медалями.

После окончания войны молодой фронтовик был направлен на обучение в военно-политическое училище им. В.И. Ленина. Затем служба в Китае, на Дальнем Востоке. И все эти годы сохранялась юношеская мечта об университетском образовании. Мечта сбылась. Демобилизовавшись в звании капитана, А.В. Славин поступил в ЛГУ на философский факультет, который окончил в 1963 году. В 1966 году завершилось его обучение в аспирантуре ЛГУ и началась преподавательская деятельность в Смоленском государственном педагогическом институте (ныне СмолГУ).

Работая на кафедре философии, А.В. Славин подготовил и успешно защитил в 1972 году докторскую диссертацию. С 1977 по 1999 и с 2003 по 2008 годы он был заведующим кафедрой, активно занимался научной деятельностью. Профессором А.В. Славиным опубликовано более 100 работ, под его руководством выполнено 15 кандидатских диссертаций.

Ведущая тема научных исследований А.В. Славина – теория познания, которую Александр Васильевич разрабатывал глубоко и новаторски. Он был философом советского периода (по преимуществу). И в этой связи хотелось бы подчеркнуть, что в советской философии не было одной-единственной, унифицированной марксистской парадигмы. Существовало разнообразие идей и подходов, то есть были различные версии марксизма. А.В. Славина следует отнести к тем из философов советского периода, кого справедливо называют творческими марксистами. Среди них – смолянин, ровесник А.В. Славина Эвальд Васильевич Ильенков, один из организаторов знаменитого загорского эксперимента по воспитанию слепоглухонемых детей, к творчеству которого Александр Васильевич относился с глубоким уважением.

В 1971 году как итог многолетних размышлений была опубликована монография А.В. Славина «Наглядный образ в структуре познания» (М., Политиздат), посвященная осмыслению старейшей гносеологической проблемы диалектики чувственного и рационального в познании. Эта проблема с момента зарождения философии не только не утратила остроты и значения, но и оборачивалась, как справедливо показано в книге, все новыми гранями и сторонами. Мышление ученого – это не только строгая логика, но и полет воображения, интуиция, различного рода неформализуемые операции. Анализу их особенностей и роли в научном познании было посвящено исследование А.В. Славина, в котором рассматривались также природа наглядности и своеобразные формы ее выражения при познании объектов, непосредственно недоступных органам чувств (к примеру, в квантовой механике, ядерной физике). В заключении работы Александр Васильевич писал: «Возможно, кто-либо из читателей, перевернув последнюю страницу, воскликнет, подобно одному из действующих лиц книги И. Лакатосе: “Но вначале у меня не было проблем! А теперь у меня нет ничего, кроме проблем!”» Однако автора новаторской работы не смущало, что вместо одного решенного вопроса сразу же возникало несколько новых, требующих ответов.

Некоторые из этих ответов (в силу сложности и многоаспектности гносеологической проблематики) А.В. Славиным были даны во второй солидной монографии «Проблема возникновения нового знания» (М., Наука, 1976), а также во многих статьях.

В работах А.В. Славина исследуются критерии новизны научного знания, индикаторы и каналы его распространения, предложено оригинальное решение проблемы демаркации существующего и возникающего в научном знании. Профессор А.В. Славин разрабатывает принципы реконструкции зафиксированных в истории науки исследовательских процессов, приведших к значительным результатам, а также способов их логического и содержательного анализа. Философом предпринимается нестандартная попытка рассмотрения научных событий в контексте детерминированности

эволюции знания социокультурными условиями и потребностями, формирующими для каждого периода истории особый стиль научного мышления и способ исследовательской деятельности. Его выводы об обусловленности нового знания социокультурной динамикой сохраняют и ныне несомненную методологическую важность.

Исследовательские интересы Александра Васильевича Славина связаны были не только с гносеологией. Он является автором глубоких и ярких работ по истории русской философии, философии языка, социальной философии, логике и методологии науки.

Очевиден организаторский и педагогический талант А.В. Славина. Заведуя кафедрой философии, он создал сплоченный коллектив, состав которого в силу жизненных обстоятельств менялся, но неизменным оставался дух профессионального сотрудничества и глубокого взаимоуважения. Он воспитал в своих учениках и коллегах по кафедре бескорыстную любовь к науке, стремление к истине, ответственное отношение к анализу и интерпретации фактов и источников, почтительное отношение к письменному слову и стилю.

Когда человек уходит из жизни, в памяти родных, коллег, друзей остаются наиболее значимые его черты. Александр Васильевич был человеком доброжелательным, интеллигентным, умел дружить и любить. Он бесконечно любил жизнь и на заданный вопрос о девизе жизни, когда ему было уже за девяносто лет, отвечал: «Сейчас мой девиз следующий: сопротивляться старости всеми силами!». Он был убежден, что жизнь человека сохраняет свой смысл до конца – до последнего дыхания.

Таким коллеги запомнят А.В. Славина, фронтовика и ученого, знавшего цену жизни и умевшего ею дорожить, наполняя ее во все периоды глубоким смыслом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru.

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Борисов Валерий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: ValerijBorisov@yandex.ru.

Денисов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва). E-mail: denseera@yandex.ru.

Итунина Нина Борисовна – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета. E-mail: sociologiya-1@yandex.ru.

Журова Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com.

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета. E-mail: EVKodin@yandex.ru.

Кочетов Дмитрий Викторович – соискатель Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (г. Москва). E-mail: dimasceler@gmail.com.

Кротова Дарья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: da-kro@yandex.ru.

Лунькова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru.

Нюбина Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Поведская Ольга Алексеевна – аспирант кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета, преподаватель кафедры лингвистики Смоленского государственного медицинского университета Минздрава России. E-mail: lady.povedsckaya@yandex.ru.

Рогалева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики, врио ученого секретаря ученого совета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: olga_rogaleva78@mail.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Рощупкин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru.

Сафина Марина Рафаиловна – аспирант кафедры английской филологии, ассистент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: marinasafina22@gmail.com.

Синицына Мария Валерьевна – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: sinmasha0913@yandex.ru.

Чевтаев Аркадий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета (г. Санкт-Петербург). E-mail: achevtaev@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь)

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Института теологии Белорусского государственного университета

Б.В. Носов (Москва)

Борис Владимирович Носов – доктор исторических наук, завотделом истории стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

А. Тишер (Германия)

Анушка Тишер – профессор кафедры Новой истории философского факультета Вюрцбургского университета им. Юлиуса и Максимилиана (Германия)

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета, профессор кафедры неофилологии Белостокского государственного университета (Польша)

М. Хикки (Блумсберг, США)

Майкл Хикки – доктор философских наук, профессор отдела истории, директор Института общества и культуры Блумсбергского университета

С. Майер-Фиракер (Германия)

Симон Майер-Фиракер – профессор Института германистики (направление «Прикладная лингвистика») Технического университета г. Дрездена (Германия)

THE EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)
Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – candidate PhD in History, Associate professor, holds the Chair of State-legal Disciplines, rector at Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)
Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

M.A. Mozheiko (Minsk, Republic of Belarus)
Marina Alexandrovna Mozheiko – PhD in Philosophy, Professor, Pro-rector for Science and International Connections of the Institute of Theology at Belarus State University

B.V. Nosov (Moscow)
Boris Vladimirovich Nosov – PhD in History, Head of the Department of History of the Countries of Central Europe in the Modern Era of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

A. Tisher (Germany)
Anushka Tisher – Professor of the Chair of Modern History, Faculty of Philosophy at The Julius Maximilian University of Würzburg

F.B. Uspensky
Fyodor Borisovich Uspensky – PhD in Philology, Corresponding member of The Russian Academy of Sciences, Associate Director of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, Republic of Belarus)
Zinaida Andreevna Kharitonchik – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of General Linguistics at Minsk State Linguistic University, Professor of the Chair of Neophilology at Belostok State University (Poland)

M. Hickey (Pennsylvania, the USA)
Michael Hickey – PhD in Philosophy, Professor of the Department of History, Director of the Institute of Society and Culture at Bloomsburg University of Pennsylvania

S. Mayer-Firacker (Germany)
Simon Mayer-Firacker – Professor of the Institute of German Studies (majoring in "Applied Linguistics"), Dresden University of Technology (Germany)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, директор музея истории Смоленского государственного университета, профессор кафедры истории России

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

Ю.А. Грибер

Юлия Александровна Грибер – доктор культурологии, профессор кафедры социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

А.Г. Егоров

Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

Ю.Е. Ивонин

Юрий Евгеньевич Ивонин – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Смоленского областного института промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

О.В. Козлов

Олег Владимирович Козлов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета

Е.А. Кучинская

Кучинская Елизавета Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск)

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Рацибурская

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Сергеев

Виктор Владимирович Сергеев – доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта

А.Г. Сильницкий

Антон Георгиевич Сильницкий – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета

Н.А. Фатеева

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова, А.Г. Сильницкий (литературоведение, языкознание)

Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов (исторические науки и археология)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

I.V. Romanova (editor-in-chief)
Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

A.V. Tikhonova (deputy editor-in-chief)
Anastasia Vladimirovna Tikhonova – PhD of Historical Sciences, Director of the Historical Museum of Smolensk State University, Professor of Russian History Department

R.V. Belutin (executive secretary)
Roman Vyacheslavovich Belutin –PhD in Philology, Associate professor, holdas the Chair of the German language at Smolensk State University

S.N. Andreev
Sergey Nickolayevich Andreev – PhD, professor of the Chair for the Foreign Languages

J.A. Griber
Julia Alexandrovna Griber – PhD in Culturology, Professor of the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

A.G. Yegorov
Alexander Grigoryevich Yegorov – PhD in Philosophy, Professor, holds the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

Y.E. Ivonin
Yury Evgenyevich Ivonin – PhD in History, Professor, of the Chair of General History at Smolensk State University, Honored Scientist of RF

D.Y. Komarov
Dmitry Yevgenyevich Komarov – PhD in History, Associate professor, Associate director of Smolensk Regional University of Technologies and Management, the branch of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)»

O.V. Kozlov
Oleg Vladimirovich Kozlov – PhD in History, Professor of the Chair of Russian History at Smolensk State University

Y.A. Kuchinskaya

Yelizaveta Alexandrovna Kuchinskaya – PhD in Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages at The Army Air Defense Military Academy of the Russian Armed Forces named after A.M. Vasilevsky, the Marshall of the Soviet Union

L.V. Pavlova

Larissa Victorovna Pavlova – PhD in Philology, Professor of the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

L.V. Ratsiburskaya

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The Modern Russian Language and General Linguistics at Federal State Budget Independent Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailovich Ranchin – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of Russian Literature History of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University

V.V. Sergeev

Viktor Vladimirovich Sergeyev – PhD in History, Professor at the Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University

A.G. Silnitsky

Anton Georgievich Silnitsky – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The English Language and Theory of Translation at Smolensk State University

N.A. Fateyeva

Natalya Alexandrovna Fateyeva – PhD in Philology, Chief Research Associate at The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

EDITORS OF SECTIONS:

Andreev S.N., Pavlova L.V., Silnitsky A.G., (Literature study, Linguistics)

Ivonin Y.E., Kozlov O.V. (History, Archeology)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2020 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2021», 1 том, зеленая обложка.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 814 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 421 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2021»

Подписка на **I полугодие – 80190**
Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**
Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru, arpk@eg-online.ru.**

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** http://www.arpk.org.

Адрес редакции:
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
2021, № 2(54)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *А.С. Герц*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Подписано к печати 05. 07. 2021. Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 20,75. Тираж 300 экз. Заказ №